

Роскошная эпопея, история мужчины и женщины,
которые вопреки всему осуществили свою мечту.

Если книга Адрианы Трижиани впервые попала вам в руки,
то приготовьтесь к тому, что вас ждет любовь с первого взгляда и навсегда.

Кэтрин Стокетт, автор романа «Прислуга»

АДРИАНА ТРИЖИАНИ

ЖЕНА БАШМАЧНИКА

КНИГА ИЗДАНА В 36 СТРАНАХ

Annotation

Впервые Энца и Чиро встретились еще детьми при очень печальных обстоятельствах, на фоне величавых итальянских Альп. Чиро – полусирота, который живет при женском монастыре, а Энца – старшая дочь в большой и очень бедной семье. Они не сетуют на судьбу и готовы к трудам и невзгодам, главное – не расставаться с близкими людьми и с такими прекрасными горами. Но судьба распорядится иначе – совсем детьми оба вынуждены покинуть родину и отправиться через океан в непостижимую и пугающую Америку. Так начинается история их жизней, полная совершенно неожиданных поворотов, искушений, невзгод, счастливых мгновений, дружбы и великой любви. Им придется встретиться и расстаться еще несколько раз, прежде чем они поймут, что судьба недаром подстраивает им встречи, и если есть что-то в жизни, способное справиться с тоской по родной Италии, так это – любовь.

«Жена башмачника» – эпическая история любви, которая пролегла через два континента и две мировые войны, через блеск и нищету Нью-Йорка и умиротворяющую красоту Италии, через долгие разлуки и короткие встречи.

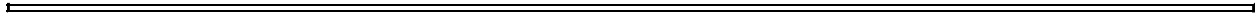
- [Адриана Триджиани](#)
 -
 - [Часть первая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

- [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [Часть третья](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [Письмо от Адри](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)

- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)

- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)

- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)

Адриана Трижиани
Жена башмачника
Роман

Adriana Trigiani

The Shoemaker's Wife

THE SHOEMAKER'S WIFE by Adriana Trigiani Copyright ©
2012 by The Glory of Everything Company

© Мария Никонова, перевод, 2015

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2015

Часть первая

Итальянские Альпы

1

Золотое кольцо Un Anello d'Oro

Катерина Ладзари шла через пустую площадь, фестончатый подол голубого бархатного пальто волочился по свежему снегу, оставляя на брусчатке бледно-розовый след. Тишину нарушал лишь тихий, ритмичный шорох шагов – с таким звуком просеянная мука ложится на старую деревянную доску. Со всех сторон серебряными кинжалами в оловянное небо вонзались Итальянские Альпы. Невысокое солнце едва просвечивало сквозь дымку – золотая булавоочная головка на серой ткани. В утренних лучах, вся в голубом, Катерина походила на птицу.

Обернувшись с протяжным вздохом, она выпустила в холодный зимний воздух облачко пара.

– Чиро! – позвала она. – Эдуардо!

Катерина слышала, как смех сыновей эхом разносится по пустой колоннаде, но не могла понять, где они. Взгляд ее скользнул по колоннам. Это утро плохо подходило для игры в прятки. Катерина снова окликнула детей. Голова кружилась от наплыва дел: большие проблемы и маленькие поручения, несметное число мелочей, документов, в которых надо разобраться, ключей, которые надо вернуть. А еще нужно как-то распределить оставшиеся лиры, чтобы уплатить по счетам.

Первое, с чем сталкивается вдова, – бумажная канитель.

Катерина и представить себе не могла, что в первый день 1905 года будет стоять здесь одна, и впереди – ничего, кроме слабой надежды, что однажды все наладится. Все обещания, данные ей, были нарушены. Катерина посмотрела вверх: окно на втором этаже над обувной лавкой распахнулось, и какая-то старуха принялась вытряхивать лоскутный коврик. Катерина поймала ее взгляд. Женщина отвернулась, втащила коврик в комнату и захлопнула окно.

Из-за колонны выглянул Чиро, ее младший. Его зеленовато-голубые глаза были отцовского оттенка – глубокого и чистого, как море в Сестри-Леванте^[1]. В свои десять – точная копия Карло Ладзари: большие руки и ноги, густые, песочного цвета, волосы. Самый сильный мальчик в Вильминоре. Когда деревенские дети спускались в долину за вязанками хвороста, Чиро всегда тащил на спине самую большую охапку – потому что

мог ее унести.

Глядя на него, Катерина почувствовала, как защемило сердце: черты его лица напоминали обо всем, что она потеряла навсегда.

– Сюда! – Она указала на мостовую рядом со своим черным ботинком. – Немедля!

Чиро подобрал отцовский кожаный мешок и, подбежав к матери, позвал брата, прятавшегося за статуей.

Эдуардо, которому было одиннадцать, пошел в родню Катерины, Монтини, – черноглазый, высокий и гибкий. Подхватив свой ранец, он уже бежал к ним.

У подножия гор, в городе Бергамо, где тридцать два года тому назад Катерина появилась на свет, семья Монтини держала в лавке на Виа Борго-Палаццо печатный пресс – штамповала линованную бумагу для писем, изготавливала визитки и выпускала небольшие книжки. Еще у них был дом и сад. Когда Катерина закрывала глаза, она видела родителей, сидящих за столом в увитой виноградом беседке. Они ели рикотту и толстые ломти свежего хлеба с медом. Катерина помнила о них все: кем они были и чем владели.

Мальчики побросали свои сумки в снег.

– Прости, мама, – сказал Чиро.

Он смотрел на мать, точно зная, что она – самая прекрасная женщина в мире. Ее кожа пахла персиками, а на ощупь была как атлас. Длинные волосы ниспадали мягкими волнами. Совсем малышом, лежа у нее на руках, он любил крутить черный локон, пока тот не свивался в сияющий жгут.

– Ты сейчас такая красивая, – искренне сказал Чиро. Если Катерина грустила, он всегда пытался развеселить ее комплиментами.

Она улыбнулась:

– Каждый ребенок думает, что его мать красавица. – Щеки у нее порозовели от холода, а кончик орлиного носа стал ярко-красным. – Даже если это не так.

Катерина выудила из сумочки зеркальце и замшевую пуховку. Краснота исчезла под слоем пудры. Поджав губы, Катерина критически оглядела мальчиков. Поправила воротник Эдуардо и одернула рукава Чиро, попытавшись прикрыть запястья. Но пальто давно стало ему мало, и, как ни тяни, двум лишним дюймам на манжетах взяться было неоткуда.

– Ты все растешь, Чиро.

– Прости, мама.

Она вспомнила, как раньше им шили пальто по росту, а еще брюки из

тонкого вельвета и белые хлопковые рубашки. В колыбелях ее мальчиков укрывали теплые стеганые одеяльца, распашонки были из мягкого хлопка, а пуговички на них – перламутровые. Деревянные игрушки. Книжки с картинками. Теперь же сыновья выросли из одежды, а новую взять неоткуда.

У Эдуардо лишь одна пара шерстяных брюк и пальто, которое ему отдал сосед. Чиро же носит добротную, но плохо сидящую на нем отцовскую одежду. Брюки на три дюйма длиннее, чем надо, и Катерина подвернула их, сметала на живую нитку – шитье не входило в число ее талантов. Ремень у Чиро, пусть и застегнутый на последнюю дырочку, все равно болтался на животе.

– Куда мы идем, мама? – спросил Чиро, когда они отправились дальше.

– Она тебе уже сто раз говорила, опять ты не слушал. – Эдуардо поднял мешок брата.

– Поэтому ты должен слушать за двоих, – напомнила ему Катерина.

– Мама ведет нас в монастырь Сан-Никола.

– Почему мы должны жить с монашками? – возмутился Чиро.

Катерина обернулась к сыновьям. Они смотрели на нее в надежде на объяснение, которое придавало бы смысл таинственным событиям последних дней. Они даже не знали, о чем спрашивать, что именно им нужно выяснить, но несколько не сомневались, что странному поведению матери есть причина. Днем Катерине не удавалось скрыть озабоченность, ночами же, думая, что сыновья уже спят, она плакала. Она написала множество писем – за одну эту неделю больше, чем за всю прежнюю жизнь на памяти детей. Катерина знала, что, открыв правду, разрушит их надежды – ведь она единственная, кто остался у них в целом мире. А в будущем Чиро вспомнит только голые факты, Эдуардо расцветит их фантазией. Ни одна из версий не будет правдой, так имеет ли это значение? Катерина не могла вынести свалившуюся на нее ответственность – принимать все решения в одиночку. Пребывая во власти горя, она тем не менее должна была сохранять здравомыслие и думать о будущем своих мальчиков. В теперешнем состоянии она не могла о них позаботиться. Катерина составила список фамилий, припомнила все связи своей семьи и семьи мужа – поименно каждого, кто мог бы помочь. Внимательно просмотрела этот список, понимая, что многие из этих людей, возможно, сейчас нуждаются в помощи не меньше нее. Бедность изъела этот край, вынудила многих спуститься с гор в Бергамо или Милан в поисках работы. После долгих раздумий Катерина вспомнила, что отец печатал молитвенники для каждого прихода в Ломбардии, вплоть до Милана на юге. Он делал это бесплатно, в

качестве пожертвования в пользу Святой Римской церкви, и не ждал вознаграждения. Катерина воспользовалась оказанной прежде услугой, чтобы пристроить сыновей к сестрам монастыря Сан-Никола.

Она положила руки на плечи Эдуардо и Чиро:

– Послушайте меня. Сейчас я вам скажу самые важные слова, какие когда-либо говорила. Поступайте так, как вам велят. Делайте все, что скажут монахини. Старайтесь изо всех сил. Вы должны выполнять все их поручения, и даже больше. Предвосхищать их. Хорошенько смотрите вокруг. Беритесь за работу прежде, чем сестры о ней попросят. Велят набрать дров – делайте это немедленно. Никаких жалоб! Помогайте друг другу – и станьте незаменимыми! Порубите дрова, принесите их и сложите в очаг, не дожидаясь просьбы. Проверьте вьюшку, прежде чем поджечь растопку. А когда все прогорит, вычистите пепел и закройте дымоход. Приберите за собой, чтобы все блестело. Подготовьте очаг к следующей топке – запасите сухие поленья и щепу. Спрячьте метлу, совок и кочергу. Не ждите напоминания. Старайтесь приносить пользу и не доставлять неудобств. Будьте благочестивыми, молитесь. Садитесь на первую скамью во время мессы и на дальний конец стола во время обеда. Берите еду последними и никогда не просите добавки. Вы здесь только из милости, а не потому, что я могу оплатить ваше содержание. Понимаете?

– Да, мама, – сказал Эдуардо.

Катерина погладила Эдуардо по щеке и улыбнулась. Он обхватил ее талию и крепко прижался к матери. Катерина привлекла к себе Чиро. Так приятно было уткнуться лицом в мягкую ткань его пальто.

– Я знаю, что ты можешь быть хорошим мальчиком.

– Нет, не могу! – с жаром воскликнул Чиро и вырвался из объятий матери. – И не буду.

– Чиро!

– Ты зря это придумала. Нам здесь не место!

– Нам негде жить, – возразил практичный Эдуардо. – Так что наше место там, куда нас отправит мама.

– Слушай брата. Это лучшее, что я могу сейчас сделать. Летом я заберу вас домой.

– Обратно в наш дом? – спросил Чиро.

– Нет. В новый дом. Может быть, мы переберемся повыше в горы, в Эндине.

– Папа возил нас туда, на озеро.

– Да, это городок на озере. Помните?

Мальчики кивнули. Эдуардо потер руки, чтобы согреть их.

– Вот. Возьми мои перчатки. – Катерина сняла длинные черные перчатки, доходившие ей до локтя. Надела их Эдуардо на руки, подтянула повыше, заправила под короткие рукава. – Лучше?

Эдуардо закрыл глаза. Тепло маминых перчаток поднималось от ладоней вверх, разливалось по телу, пока не окутало его целиком. Он откинул рукой волосы со лба – от пальцев успокаивающе пахло чесаным хлопком, лимоном и фрезией.

– Мама, а мне что? – спросил Чиро.

– Тебя уже согревают папины перчатки, – улыбнулась она. – Но ты хочешь еще и что-нибудь мамино?

– Пожалуйста!

– Дай руку.

Чиро стянул зубами кожаную перчатку. Катерина сняла с мизинца золотое кольцо и надела его сыну на безымянный.

– Мне его подарил мой отец.

Чиро посмотрел на кольцо. Причудливо изогнутое «С»^[2] в овале тяжелого золота блестело в свете раннего утра. Он сжал кулак. Золотой ободок хранил тепло маминой руки.

Каменный фасад монастыря Сан-Никола выглядел неприветливо. Величественные пилястры галереи выступали на тротуар. Поверх громоздились статуи святых – на их лицах застыла фальшивая печаль. Эдуардо толкнул массивную дверь из ореха, очертаниями напомнившую ему шляпу епископа. Катерина и Чиро вошли следом за ним в небольшой вестибюль. Они немного потоптались на сплетенной из плавника циновке, стряхивая с обуви снег. Катерина подергала цепочку медного звонка.

– Наверное, молятся. Только этим весь день и заняты, – сказал Чиро, глядя в замочную скважину.

– Откуда ты знаешь? – спросил Эдуардо.

Дверь открылась. Сестра Доменика окинула их оценивающим взглядом. Низенькая, фигурой она напоминала обеденный колокольчик. Черно-белое одеяние до полу делало ее еще шире. Она уперла руки в бока.

– Я синьора Ладзари, – представилась Катерина. – А это мои сыновья, Эдуардо и Чиро.

Эдуардо поклонился монахине. Чиро быстро склонил голову, будто произнес краткую молитву. Ну ведь правда, на подбородке у сестры Доменики была премерзкая бородавка, и он бы с радостью помолился, чтобы та исчезла.

– Следуйте за мной, – велела монахиня.

Сестра Доменика указала мальчикам на скамью, на которой им

полагалось ждать, а сама вместе с Катериной прошла в следующую комнату, скрывавшуюся за тяжелой деревянной дверью. Дверь захлопнулась. Эдуардо сидел прямо, а Чиро вертел головой, осматриваясь.

– Она отдает нас, – прошептал Чиро. – Как папино седло.

– Неправда, – прошептал брат в ответ.

Чиро изучил вестибюль, круглую комнату с двумя глубокими нишами; в одной была статуя Пресвятой Девы Марии, а в другой – Франциска Ассизского. Зажженных свечей у ног Марии было определено больше. Чиро предположил, что на женщин всегда больше полагаются. Он потянул носом воздух:

– Есть хочется.

– Тебе вечно есть хочется.

– Ничего не могу с этим поделать.

– Просто не думай о еде.

– Я только о ней и могу думать.

– У тебя прямолинейный ум.

– Вовсе нет. То, что я сильный, не значит, что я глупый.

– Я не сказал, что ты глуп. Ты прямолинеен.

В монастыре пахло свежей ванилью и сладким маслом. Чиро закрыл глаза и вдохнул. Он в самом деле был голоден.

– Это как в маминой сказке о солдатах, которые заблудились в пустыне и увидели водопад там, где ничего не было? – Чиро встал, растревоженный запахами, и принялся осматривать стены. – Или где-то здесь пекут булочки?

– Сядь, – приказал брат.

Не обратив на него внимания, Чиро двинулся по длинному коридору.

– Вернись, – прошептал Эдуардо.

Ореховые двери по всей галерее были закрыты, слабый свет сочился через небольшие окошки под потолком. В дальнем конце прохода обнаружилась стеклянная дверь. Сквозь нее Чиро увидел аркаду, соединявшую главное здание монастыря с мастерскими. Он побежал по галерее на свет.

Добежав до стеклянных створок, он посмотрел сквозь них и увидел голый клочок земли – вероятно, сад, – окаймленный густым сплетением серых смоковниц. Деревья были припорошены снегом.

Чиро повернул на восхитительный запах и обнаружил монастырскую кухню, спрятавшуюся за углом главного вестибюля. Открытую дверь подпирал кирпич. Над длинным деревенским столом сияли на полке начищенные кастрюли. Чиро обернулся – убедиться, что Эдуардо не пошел

за ним. Брата видно не было. Чиро побежал ко входу и заглянул внутрь. Кухня была жаркой, как летний полдень. Чиро замер, купаясь в волнах тепла.

Красивая женщина, много моложе его матери, работала у стола. Поверх длинного платья из серой шерсти в полоску – белый хлопковый фартук. Темные волосы скручены в тугий узел и заправлены под черную косынку. Прищулив темно-карие глаза, женщина раскатала на гладкой мраморной доске длинную полосу пасты. Мурлыкая под нос какую-то мелодию, она взяла короткий нож и стала вырезать из теста маленькие звездочки, не замечая, что Чиро наблюдает за ней. Длинные пальцы уверенно двигались, ловко управляясь с ножом. Вскоре на доске выросла груда крошечных кусочков пасты. Чиро решил, что все женщины прекрасны, ну разве что кроме старух вроде сестры Доменики.

– Кораллини?^[3] – спросил Чиро.

Молодая женщина подняла взгляд и улыбнулась маленькому мальчику в слишком просторной одежде.

– Стеллине^[4], – поправила она, показав ему кусочек теста в форме звездочки. Затем сгребла все звездочки и высыпала их в большую чашу.

– Что ты делаешь?

– Готовлю запеченный заварной крем.

– А пахнет пирогом.

– Это масло и мускатный орех. Заварной крем лучше пирога. Он такой вкусный, что ангелы слетают со своих насестов, чтобы его попробовать. По крайней мере, я так говорю другим сестрам. Ты из-за запаха проголодался?

– Я и до него был голодный.

Женщина рассмеялась.

– Ты кто?

– А ты кто? – прищурился он.

– Сестра Тереза.

– Простите, сестра. Но вы... вы выглядите как девочка. Вы не похожи на монашку.

– Я не ношу облачение, когда готовлю. Как тебя зовут?

– Чиро Август Ладзари, – гордо произнес он.

– Громкое имя. Ты римский император?

– Нет. – Чиро вспомнил, что разговаривает с монахиней. – Сестра.

– Сколько тебе лет?

– Десять. Но я крупный для своего возраста. Я даже могу тянуть лямку на водяной мельнице.

– Впечатляет!

– Из всех мальчишек мне одному это под силу. Они дразнят меня быком.

Сестра Тереза достала из стоявшего позади стола железного бака краюху хлеба, намазала ее толстым слоем мягкого масла и протянула мальчику. Пока Чиро ел, она проворно вырезала звезды из остатков теста и высыпала их в большую чашу, наполненную смесью из молока, яиц, сахара, ванили и мускатного ореха. Затем тщательно помешала в чаше эмалированной ложкой. Чиро наблюдал, как струи заварного крема, в котором мелькают звездочки, густея, ложатся одна на другую. Сестра разлила крем по керамическим плошкам, не пролив ни капли.

– Ты к нам в гости?

– Нас прислали сюда работать, потому что мы бедные.

– В Вильминоре-ди-Скальве все бедны, даже монахини.

– Мы совсем бедные. У нас больше нет дома. Мы съели всех цыплят, и мама продала корову. Она продала все картины и книги. А выручила не так и много. Да и эти деньги почти все вышли.

– В каждой деревне в Альпах та же история.

– Мы надолго здесь не останемся. Мама собирается в город, но вернется летом и заберет нас.

Чиро поглядывал на глубокую печь, в которой пылал огонь, и подсчитывал, сколько раз он должен будет ее растопить и вычистить, прежде чем мать вернется. А еще он гадал, сколько всего в монастыре печей, и решил, что их здесь полно. Наверное, целыми днями придется рубить дрова да топить печи.

– Что привело вас в монастырь?

– Мама все время плачет.

– Почему?

– Скучает по папе.

Сестра подняла поднос с наполненными кремом мисками и поставила его в духовку. Затем проверила миски с уже запеченным кремом, остывавшие на специальной подставке. Что за чудесная работа – готовить еду в теплой кухне во время зимних холодов! Чиро подумал, что те, кто трудится на кухне, никогда не голодают.

– А куда подевался твой папа?

– Говорят, что он умер, но я не верю, – сказал Чиро.

– Почему не веришь? – Сестра вытерла руки кухонным полотенцем и облокотилась на стол так, чтобы ее глаза оказались вровень с глазами мальчика.

– Эдуардо читал письмо, которое прислали маме из Америки. Там написано, что папа погиб в шахте, но тело не нашли. Поэтому я не думаю, что он мертвый.

– Иногда... – начала сестра Тереза.

Чиро прервал ее:

– Я все об этом знаю – иногда человек погибает, а тела нет. В шахте может сработать динамит, и люди внутри взрываются, тело может сгореть в огне, провалиться в яму или утонуть в шлаковой реке внутри горы. А еще бывает так: ты ранен, не можешь идти, застреваешь под землей, умираешь от голода, потому что никто не идет тебя искать, тебя съедают звери и остаются одни кости. Я знаю все-все про то, как можно умереть в шахте, – но мой папа не умер. Он был сильнее всех. Он мог побить любого, мог поднять в воздух любого мужчину в Вильминоре-ди-Скальве. Он не умер.

– Что ж, я буду рада когда-нибудь с ним встретиться.

– И встретитесь. Он вернется. Вот увидите.

Чиро верил, что отец жив, но сердце его ныло при мысли, что они могут никогда больше не увидеться. Он вспоминал, как всегда легко находил отца в толпе, потому что тот такой высокий, выше всех в деревне. И такой сильный, что запросто таскал обоих сыновей – по одному на каждом бедре, как мешки с мукой, – вверх и вниз по крутым горным тропам. Он валил деревья одним топором, а доски пилил так легко, как эта сестра Тереза тесто режет. И он построил запруду у водопада Вертова. Ему, конечно, все помогали, но Карло Ладзари был главным.

Сестра Тереза разбила в чашку яйцо, добавила ложку сахара и взбивала до тех пор, пока на поверхности не появилась густая пена. Потом протянула чашку Чиро:

– Держи.

Тот сделал глоток, чмокнул и осушил чашку до дна.

– Как теперь поживает твой желудок?

– Полнехонек, – улыбнулся Чиро.

– Будешь иногда помогать мне готовить?

– Мальчики не готовят.

– Это неправда. Все великие повара в Париже – мужчины. Женщин даже не берут в «Кордон-Блю». Это знаменитая кулинарная школа во Франции.

Тут в кухню ворвался Эдуардо:

– Чиро, ты где?! Пошли!

Сестра Тереза улыбнулась ему:

– Ты, должно быть, Эдуардо.

– Да.

– Она монахиня, – сказал Чиро.

Эдуардо поклонился:

– Простите, сестра.

– Ты ведь тоже проголодался?

Эдуардо помотал головой.

– Что, мама велела тебе лишний раз никого не беспокоить? – спросила сестра Тереза.

Эдуардо кивнул.

Сестра Тереза снова открыла металлический бак, достала еще один большой ломоть хлеба, намазала его маслом и протянула Эдуардо. Тот жадно принялся жевать.

– Мой брат сам ни о чем не попросит, – объяснил Чиро. – Можно ему тоже яйцо с сахаром? – Он повернулся к брату: – Тебе понравится.

Сестра улыбнулась, взяла еще одно яйцо, сахар, плеснула сливок и взбила все венчиком. Эдуардо смаковал каждую каплю яичного крема, пока чашка не опустела.

– Спасибо, сестра, – произнес он.

– А мы думали, что в монастыре будет ужасно. – Чиро поставил обе чашки в раковину.

– Если вы будете хорошо себя вести и молиться, вряд ли вас ждут неприятности.

В дверях кухни стояла сестра Доменика вместе с Катериной. Эдуардо ахнул и низко поклонился старой монахине. Чиро не понимал, почему брат боится всех и вся. Неужто он не видит, что сестра Доменика совсем не страшная? В своей накрахмаленной тиковой пелерине и черных юбках она вылитое мамино черно-белое пресс-папье из каррарского мрамора. Чиро вообще не боялся монашек. Эта еще и старенькая совсем, а большущий деревянный крест у нее на груди похож на огромный ключ.

– Я нашла двух способных молодых людей, которые помогут мне на кухне, – сказала сестра Тереза.

– Эдуардо будет помогать мне с бумагами, – ответила сестра Доменика, – а Чиро – работать в церкви. Мне нужен сильный мальчик, который сможет поднимать тяжести.

– А мне нужен сильный мальчик, чтобы делать сыр, – подмигнула сестра Тереза сестре Доменике.

– Я могу делать и то, и то, – гордо заявил Чиро.

Катерина положила руки ему на плечи:

– Мои сыновья будут делать все, что вы им велите, сестра.

Всего несколькими милями выше Вильминоре-ди-Скальве к горе сосулькой прилепилась деревушка. Здесь даже мертвых хоронили на горном склоне под защитой гранитной стены, увитой виноградом.

В Скильпарิโอ не было ни главной площади, ни внушительной колоннады, ни фонтанов, ни статуй, как в Вильминоре-ди-Скальве, – только простые крепкие здания в альпийском стиле, с фасадами из деревянных балок и оштукатуренной глины, способные выдержать зимние холода. Штукатурка была выкрашена в лимонно-желтый, вишневый, сливовый цвет. Яркие дома украшали гору, будто причудливая черепица.

Деревня была шахтерской. Рядом залежали богатые пласты железной руды и барита. Добытую в шахтах руду везли телегами вниз, в Милан, на продажу. Все здесь работали на лежавшие внизу городки. А еще местный люд построил и обслуживал плотину, обуздавшую стремительную речку Во, сбегавшую с гор.

Фермы поставляли свежее мясо городским мясникам. У каждой семьи была коптильня, где изготавливали сосиски, салями, прошутто и окорока. Во время долгих зим жители гор поддерживали силы с помощью содержимого своих погребов, забитых бочками с каштанами, росшими здесь в изобилии. По осени эти плоды ковром покрывали горные тропы, будто гладкие коричневые камни. Кроме того, жители Скильпарิโอ выживали благодаря яйцам из своих курятников, молоку и сливкам от своих коров. Они сбивали масло и делали сыр, а что не могли продать, съедали сами.

Горные леса высоко над деревней изобиловали боровиками и прочими грибами, в том числе и столь желанными трюфелями, – их собирали в конце лета и сбывали торговцам из Франции, которые продавали трюфели лучшим шеф-поварам в больших европейских городах. Детей учили охоте за трюфелями с малых лет, и они, с болтавшимися на талии полотняными сумками, прочесывали леса, ползая на четвереньках в поисках хрупких клубней, угнездившихся глубоко в земле у корней старых деревьев.

Скильпарิโอ была одной из последних деревушек к северу, лежавших в тени Пиццо Камино, высочайшего альпийского пика, – снег на его вершине не таял даже летом. Забравшиеся так высоко в горы люди смотрели сверху вниз на движущиеся по долине облака, похожие на розетки безе.

С приходом весны лед на вершинах пониже таял, и они окрашивались в оттенки зеленого, по мере того как стланиковые сосны и кусты можжевельника выпускали молодые побеги. Долина, лежавшая внизу, в глубоком ущелье, пестрела желтыми лютиками. Деревенские женщины

собирали лечебные травы: ромашку, успокаивающую нервы, одуванчики для очищения крови, хрупкую перечную мяту от болезней желудка и яснотку с золотистыми цветами – чтобы победить лихорадку. Одинокая лента дороги, звавшейся Пассо Персолана, соединяла Скильпарิโอ с Вильминоре-ди-Скальве и убегала дальше вниз, к подножию гор, в Бергамо. Дорогу проложили в восемнадцатом столетии – обычный проселок для пеших путников. Со временем ее расширили, чтобы могла проехать карета, но только в теплую погоду, зимой путь был опасен.

Марко Раванелли знал каждый утес, каждый изгиб дороги, каждый природный каменный мостик, служивший убежищем в ненастье, каждую деревушку на пути, каждую ферму, речку и озеро – еще с тех пор, как мальчишкой сопровождал вверх и вниз по горам своего отца, возившего путешественников.

Марко, извозчик из Скильпарิโอ, был худощав, невысок, с густыми черными усами, частично упрощавшими его красивые черты. Воткнув в лед две длинные палки, он прочно стоял на тропинке, соединявшей дом и сарай. Марко действовал осторожно, он не мог позволить себе упасть: сломанная нога или любое другое увечье были слишком большой роскошью. В свои тридцать три года Марко отвечал за жену и шестерых детей, младшая из которых, Стелла, только что родилась.

Энца, его старшая, шла за отцом, также втыкая в лед палки. Ей едва сравнялось десять, но она умела все, на что способна любая женщина вдвое ее старше, и, возможно, даже лучше многих из них – особенно шить. Маленькие пальчики двигались проворно и ловко, кладя мелкие, почти невидимые стежки как по линеечке. Мать считала этот ее талант истинным чудом, поскольку сама не умела шить так быстро и аккуратно. Энца не обрезала свои каштановые волосы, и блестящая тугая коса спускалась до талии. Лицом в форме сердечка она напоминала мать – круглые щеки, кожа цвета свежих сливок и идеально очерченные губы, настоящий «лук Купидона». Светло-карие глаза Энцы блестели точно янтарные пуговицы.

У старшей дочери в многодетной семье не бывает нормального детства.

Энца научилась запрягать лошадь, как только начала дотягиваться до повозки. Она знала, как приготовить из каштанов начинку для пирога или картофельное тесто для ньокки^[5], как сбить масло, свернуть шею цыпленку, выстирать и заштопать белье. Вместо игр Энца шила. Ткань стоила дорого, так что она сама научилась красить хлопковый муслин, придумывая разноцветные узоры, а потом обшивала всю семью.

Когда наступало лето, Энца собирала малину и ежевику и делала

краски из их сочной мякоти. Она плиссировала и мяла грубый хлопок, наносила краску на ткань и оставляла сохнуть на солнце, чтобы цвета закрепились. Простой хлопковый муслин расцветал под ее руками – сумеречно-лавандовым, нежно-розовым, графитово-синим. Потом яркое полотно украшалось орнаментами и вышивкой.

У Энцы не было кукол, но к чему они, когда на тебе забота о двух младенцах в люльках и о трех детях постарше – один ползает и еще двое ходят, – а все долгие зимние вечера заняты рукоделием и прочей работой?

В конюшне было холодно, так что Марко и Энца энергично принялись за уборку. Пока отец чистил Чипи, их общего любимца, Энца полировала скамью в двуколке. Та была меньше обычной повозки – места хватало лишь на двух пассажиров. Черная отделка подчеркивала изящество линий. Энца чистой тряпкой до блеска протерла сиденья.

Те, кто зарабатывает, оказывая услуги богатым, обязаны уделять внимание каждой детали. Краска должна быть покрыта лаком, позолота должна ослеплять, каждая латунная выемка, стык, заклепка – сиять. Общественное положение клиента отражается в этом блеске, наведенном тяжелым трудом его слуги. Вот за что платят богатые, вот чего они требуют. Марко учил дочь: все должно сверкать, включая лошадь.

Энца положила на пассажирское сиденье собственноручно сшитую полость из коричневой замши с подкладкой из прочного золотистого хлопка. Полость должна была согреть седока, платившего им деньги.

- Мне кажется, тебе не стоит ехать, папа.
- Это единственная работа, перепавшая за всю зиму.
- А что, если упряжь порвется?
- Не порвется.
- Что, если Чипи упадет?
- Поднимется.

Марко проверил рессоры двуколки. Затем взял масленку и начал смазывать пружины.

– Давай я. – Энца забрала у отца масленку и проскользнула под повозку, чтобы покрыть маслом механизм. Она очень старалась и сделала несколько лишних впрысков, чтобы двуколка преодолела внезапные повороты и ухабы на скользкой горной дороге, не опрокинувшись.

Марко помог ей выбраться из-под двуколки.

– Снег – худшее, что бывает в горах. Но когда я доберусь до Вильминоре-ди-Скальве, там будет пыльно. Скорей всего, снега нет до самого Бергамо.

- А как насчет дождя?

Марко улыбнулся:

– Хватит тебе беспокоиться обо мне и матери.

– Ну кто-то же должен!

– Энца!

– Прости, папа. Мукой мы запаслись до весны. Немного сахара тоже есть. Каштанов полно. Ты не обязан соглашаться на эту работу.

– А как насчет арендной платы?

– Синьор Ардуини может подождать. Деньги ему нужны, только чтобы покупать новые платья дочке. А у Марии их и без того хватает.

– Ты собираешься указывать первому богачу в деревне, как ему тратить деньги?

– Хорошо бы он у меня спросил. У меня есть что ему порассказать.

Марко изо всех сил старался удержаться от смеха.

– Я получу три лиры за то, что отвезу пассажира вниз.

– Три лиры!

– Вот именно! Только глупец откажется от трех лир.

– Можно я поеду с тобой? Если что-то случится, я смогу помочь.

– А кто поможет маме управиться с детьми?

– Баттиста!

– Ему всего девять, и он еще больший ребенок, чем Стелла.

– Он просто любит озорничать, папа.

– Это не то качество, которое пригодится в жизни.

– Элиана – хорошая помощница!

– Но силенок у нее маловато, – напомнил Марко.

– Зато она умная. А это что-то да значит.

– Да, но в тяжелой работе она матери не подсобит. Витторио и Альма совсем малыши, с ними хлопот много, а Стелла и вовсе младенец. Маме без тебя не обойтись.

– Хорошо. Я останусь. Как думаешь, долго тебя не будет?

– Путь вниз займет один день. Там я переночую, и нужен еще день, чтобы подняться обратно в горы.

– Два полных дня...

– За три лиры, – напомнил ей Марко.

Марко был честолобив. Он вынашивал планы соорудить роскошную повозку с тремя скамьями, чтобы возить туристов. Те всегда жаждали тишины горного лета с его прохладными ночами и солнечными днями, любили плавать в чистейших альпийских озерах. Туристы ездили на воды в Бормио, принимали солнечные ванны на пляжах реки Брембо или грязевые – в Трескоре. Новая, современная коляска сможет отвозить туристов куда

они пожелают! Марко представлял тент в широкую черно-белую полосу, латунные крепления... Белая шелковая бахрома с шариками по краю придавала бы особый шик. Джакомина с Энцей сшили бы бирюзовые вельветовые подушки для сидений...

Марко надеялся заработать достаточно денег, чтобы наконец выкупить у Ардуини старый каменный дом. Аренда обходилась дорого, но дом совсем рядом с конюшней Чипи, где стоит повозка и хранится все снаряжение. Раванелли не могли жить в конюшне. Им был нужен дом.

Синьор Ардуини старел – уже скоро вступит во владение его сын. Деревянный ящик, заполненный сложенными вдвое листами пергаментной бумаги с описанием земельных участков в Скильпарิโอ, будет передан из рук в руки, и землей станет управлять следующее поколение Ардуини. Определенные признаки говорили Марко, что он должен серьезно подумать о покупке дома. Иногда, после того как Марко в очередной раз вносил плату, синьор Ардуини упрашивал выкупить дом до того, как его сын унаследует владения и возможная сделка отменится навсегда. Именно желание Ардуини продать дом побуждало Марко расширять свое дело. Нынешняя повозка не давала достаточно прибыли, чтобы скопить на такую покупку.

Дом на Виа Скалина – вот о чем мечтал Марко, думая о своей семье.

Марко добрался до Вильминоре вовремя. Уже издали, въехав на площадь, он увидел, что клиентка дожидается его в компании монахини. Рядом с ними на земле стоял небольшой коричневый саквояж. Голубое пальто Катерины выделялось на зимнем серо-розовом фоне. Марко облегченно вздохнул: клиентка ждала его, как было условлено. В последнее время пассажиры все чаще отказывались от поездок – верный признак бедности, поразившей эти края. В путь теперь пускались пешком.

Марко направил Чипи через площадь ко входу в монастырь Сан-Никола, затем спрыгнул с козел, поздоровался с монахиней и помог Катерине Ладзари усесться в двуколку. Она пристроила свой баул в специальный ящик у ног, застегнула полость, прикрыв тканью голубое пальто, подняла и закрепила верх.

Сестра Доменика вынула из кармана конверт и вручила его Марко. Он поблагодарил ее, а затем взобрался на место возницы. Монахиня отправилась обратно в монастырь.

Тронув коня, Марко услышал, как мальчишеский голос зовет мать. Катерина попросила Марко остановиться, и к повозке подбежал запыхавшийся Чиро. Катерина покачала головой, глядя на сына:

– Чиро, возвращайся. Здесь холодно.
– Мама, не забывай мне писать!
– Каждую неделю, обещаю. И ты тоже должен мне писать!
– Обязательно, мама.
– Будь хорошим мальчиком и слушайся сестер. Я вернусь не позже лета.

Марко щелкнул поводьями и послал Чипи вниз по главной улице к горной дороге. Чиро смотрел, как уезжает мать. Ему хотелось побежать за повозкой, ухватиться за ручку дверцы, запрыгнуть на сиденье, но мать не оглянулась. Не протянула руку, не поманила к себе, как она делала каждый раз, отправляясь в путешествие в карете, на поезде или на лодке, – всегда, сколько он себя помнил.

Чиро понял только, что мама решила уехать от него, оставить его, как бросают на обочине сломанный стул в ожидании старьевщика. Она уезжала, и он видел контур ее воротника, затылок, шею, прямую, как стебель розы... Вскоре двуколка повернула к выезду на Пассо Персолана, и теперь он мог разглядеть лишь размытое голубое пятно.

Когда повозка скрылась из виду, в груди у него защемило. Ему страшно хотелось расплакаться, громко, безудержно, но какой от слез прок? Чиро еще не понимал разницы между горем и гневом. Он только знал, что сейчас разнес бы вдребезги все, что видит: статуи, корзину уличного торговца и стекла всех лавок в галерее.

Чиро злился на мать за каждое неверное решение, принятое после смерти папы, – например, она продала все отцовские вещи, даже ружье и патронташ. Он злился на Эдуардо, молча терпевшего лишения и соглашавшегося с матерью во всем, что бы она ни говорила. А теперь Чиро был в ярости от того, что вынужден жить в монастыре, – это как рыбе жить на дереве. В поступках матери не было ни капельки здравого смысла. Ее объяснения его не устраивали. Она лишь вечно повторяла, что он должен хорошо себя вести. Но кто решает, что такое хорошо?

– Чиро, возвращайся! – Эдуардо стоял в дверном проеме.
– Оставь меня в покое!
– Быстро, Чиро. – Эдуардо вышел наружу, закрыв за собой дверь. – Я не шучу!

Тон, которым Эдуардо это произнес, лишь распалил гнев Чиро, как спичка поджигает сухой хворост. Этот задавака ему не отец, не мать. Чиро развернулся к брату и ударил. С каждым взмахом кулака голова Эдуардо громко стукалась о кирпичи. Чиро слышал этот глухой звук, но не останавливался, только пуще распалялся. Эдуардо упал, сжался, прикрывая

лицо руками, пытаюсь подставить спину.

– Так ее не вернуть!

Силы Чиро иссякли, и он рухнул на землю. Эдуардо откатился от брата, который, стоя на коленях, прятал лицо в ладонях. Чиро не хотел, чтобы Эдуардо видел его слезы. Он знал: если начнет реветь, уже не остановится.

Эдуардо встал и одернул манжеты слишком коротких рукавов. Расправил брюки и подтянул их, пригладил волосы.

– Нас выгонят, если будем драться!

– Пускай. Я все равно убегу. Не останусь здесь.

Мысль о побеге придала Чиро сил, взгляд его заметался по площади. Оттуда вело по меньшей мере шесть дорог. Раз его ничего больше не держит в родном городе, можно подняться в горы, в Монте-Изола, или пройти несколько миль вниз, до Альцано. Кто-нибудь да приютит.

Эдуардо заплакал.

– Не бросай меня одного.

Чиро взглянул на брата – все, что осталось у него от семьи, и понял вдруг, что ему гораздо больнее за него, чем за самого себя.

– Хватит реветь, – сказал он.

Утреннее солнце уже поднялось над горизонтом, и торговцы отпирали двери лавок, снимали щиты, закатывали свои фургоны в колоннаду. Одетые в тускло-серое – цвет низкой каменной стены, окружавшей городок, – разносчики толкали тележки, выкрашенные в ярко-красный, желтый и белый. Тележки были наполнены глянцевыми каштанами, серебристыми ведрами с плетенками свежего белого сыра в чистой ледяной воде, мотками многоцветных шелковых нитей, накрученных на деревянные сердечники, корзинами со свежими буханками хлеба, льняными мешками со связками трав для припарок – всем, чем только можно было торговать.

Появление людей помогло Эдуардо взять себя в руки. Он посмотрел вдаль, туда, где главная улица изгибалась, чтобы слиться с дорогой. Но этот путь ничего для него не значил, он не мог вывести их с братом из того тупика, в котором они очутились. Утренний туман рассеялся, от холода Эдуардо было больно дышать.

– Куда мы пойдем?

– Можем отправиться вслед за мамой. Уговорим ее передумать.

– Мама не может о нас позаботиться.

– Но она же наша мама! – возразил Чиро.

– Мать, которая не может заботиться о детях, бесполезна. – Эдуардо открыл дверь и придержал ее: – Пойдем.

Чиро переступил монастырский порог. На сердце у него лежала тяжесть – тоска по маме и стыд за содеянное с братом. В конце концов, Эдуардо не виноват ни в том, что они оказались в Сан-Никола, ни в событиях, которые к этому привели.

Может, от монахинь и будет польза, подумал Чиро. Может, их молитвы помогут маме вернуться прежде, чем наступит лето. Чиро попросит монашек вспоминать о ней, перебирая четки. Но что-то говорило ему, что всем стеклянным бусинам в этих горах не под силу вернуть Катерину домой. И, как бы ни утешал его Эдуардо, Чиро был уверен, что никогда больше не увидит мать.

Чиро проплакал всю ночь, пока не заснул, а утром обнаружил, что Эдуардо спит на полу рядом с ним, потому что койки, которые им выделили сестры, были слишком малы, чтобы вместить их обоих. Чиро никогда не забыл этот добрый поступок, который Эдуардо повторял потом не раз, даже когда вырос. Долгие годы любовь Эдуардо была для Чиро единственной защитой. Сестра Тереза кормила их, сестра Доменика поручала им работу, сестра Эрколина учила их латыни, но именно Эдуардо присматривал за душой Чиро и пытался заменить ему исчезнувшую маму.

На полпути вниз, лишь только перевалило за полдень, Марко остановился на окраине Клузоне, чтобы дать Чипи отдых. Он помог Катерине выбраться из двуколки. Та поблагодарила, впервые с начала пути обратившись к нему.

Марко достал жестянку и предложил ей свежую хрусткую булку, ломтики салами, домашнее печенье и бутылку сладкой газировки. Пока Марко открывал бутылку, Катерина вытащила из рукава платок и разложила на нем хлеб и салами. Взяв печенье, она откусила небольшой кусочек и начала медленно жевать.

Марко работал кучером с самого детства. Отец учил его не только тому, как заботиться о лошадях, подковывать и кормить их, изготавливать и содержать в порядке сбрую, но и как обслуживать клиентов. Марко до сих пор следовал отцовским правилам: *«Извозчик должен знать свое место и говорить, только если к нему обратятся. Половина условленной платы взимается в начале пути, остальное – в конце. Извозчик должен предоставить сильную лошадь и чистую повозку, а также корм для лошади, хранящийся отдельно. Если путешествие длинное, нужно сделать несколько остановок, о которых сообщить клиенту заранее. Клиенту следует предложить еду и питье, а также трубку или нюхательный табак, сигареты и спички. Извозчик должен хорошо представлять маршрут и знать, где на нем постоянные дворы, – на случай болезни или другого несчастья. Багаж клиента извозчик обязан доставить в целости и сохранности в место назначения».*

Но сегодня Марко позабыл о правиле, запрещавшем заговаривать с пассажирами. Он думал о своих детях и знал, что синьора Ладзари тоже мать, – поэтому решил, что у них есть нечто общее. Образ мальчика, оставшегося в Вильминоре, разрывал ему сердце. Катерина держалась стойчески, пока повозка не достигла развилки. И только тогда разрыдалась.

– Я сказал дочери, что за пределами долины Скальве снега не будет.

Марко осмотрел широко раскинувшуюся долину, замершую под искрящимся снегом и льдом. Холмы походили на изваяния из белого мрамора. Но дорога впереди казалась чистой. Марко предвидел

единственную опасность: на пути им могли попасться участки гололеда.

– Вы были правы. – Катерина взяла еще печенье, разломала и протянула половину Марко.

– Спасибо, – сказал он и спросил: – У вас есть дочь?

– Нет. Два мальчика. Вы видели Чиро, а второго зовут Эдуардо. Он на год старше.

– Он тоже в монастыре?

Она кивнула. Посматривая на Катерину, которая была примерно его лет, Марко думал, что годы ее пощадили, не то что его. Подъемы до рассвета, чтобы позаботиться о животных, долгие дни в шахте за смехотворную плату и постоянная тревога о том, как прокормить семью, раньше срока состарили Марко – и внешне, и внутренне. А ведь бывали времена, когда даже такая красавица, как Катерина, могла положить на него глаз.

– Я всегда мечтала о дочери, – призналась она.

– Старшая у нас чудесная. Верная помощница нам с женой, никогда не жалуется. Энце всего десять, а она уже мудрая! У нас два сына и еще три дочери.

– Вы держите ферму?

– Нет, только эту повозку и лошадь.

Катерина не понимала, зачем Марко шестеро детей, если ему не требуются рабочие руки на ферме. Пара крепких сыновей в помощники – и достаточно.

– Похоже, у вас хорошая жена.

– Прекрасная! А ваш муж? – Марко с запозданием осознал, что столь личный вопрос неуместен. – Я спрашиваю только потому, что вы оставили своих мальчиков в монастыре.

– Я вдова, – ответила Катерина, но в подробности вдаваться не стала.

Даме из хорошей семьи не пристало откровенничать с извозчиком, даже если она и беднее его.

– Сестры в Сан-Никола очень добры, – сказал Марко.

– Да, это так.

Катерина подумала, что он намекает на конверт, который вручила ему сестра Доменика. По отношению к Катерине монахини были более чем щедры. Они не только взялись присматривать за мальчиками, но устроили и ее судьбу.

– Вашим сыновьям там будет хорошо.

– Я надеюсь.

– Много лет назад, когда я сам был мальчишкой, сестры из Сан-Никола

дали мне памятную карточку. Она до сих пор при мне. – Марко полез в карман и вытащил маленькую открытку с золотым обрезом. На ней было изображено Святое семейство под защитой ангелов. – Мой талисман.

Катерина узнала открытку, отпечатанную в типографии ее отца. Их раздавали на праздниках – или похоронах, и тогда на обороте было вытеснено имя покойного. Катерина вспомнила ящики с открытками, стоявшие в печатне Монтини, и едва не расплакалась.

– Я понимаю, почему она поддерживает вас. Вы верующий?

– Да, – ответил Марко.

– А я уже нет. – Катерина вернула ему открытку.

Если бы эта картинка говорила правду! Катерина давно разочаровалась в ангелах и святых. Их способность утешать ушла вместе с мужем. Без помощи Марко она забралась обратно в двуколку, ее вдруг одолело раздражение.

– Нам еще долго ехать?

– К вечеру будем в Бергамо.

Они продолжили путь вниз по Пассо Персолана, миновали Понте-Носса, проехали через Кольцате, мимо Вертовы и сделали последнюю остановку в Нембро; там синьора Ладзари перед прибытием в Бергамо сменила дорожную одежду на приличествующий наряд. Марко предположил, что встреча, на которую ехала синьора, должно быть, очень важная. Она поправила прическу, шляпу и платье, которое когда-то было модным, но теперь обтрепалось по подолу и на манжетах. Извозчик и пассажирка больше не обменялись ни словом.

Энца закрыла деревянные ставни выходивших на улицу окон. Задвинула щеколду. Сквозь щели тянуло сквозняком, но в кухне было тепло: в очаге потрескивали дрова, к которым она добавила несколько кусков угля; вода, гревшаяся в котле для стирки, исходила паром.

Этот час Энца любила больше всего. Скильпарьо окутано ночным сумраком, дети уложены, малышка Стелла спит в плетеной корзине, укрытая мягким белым одеяльцем. В отблесках пламени ее личико напоминало розовый персик.

Мать Энцы, Джакомина, трудолюбивая женщина с милым лицом и мягкими руками, помещивала молоко в стоявшем на огне горшке. Длинные каштановые волосы она старательно расчесывала, заплетала в две косы и аккуратно укладывала в низкий узел на затылке.

Джакомина стояла, склонившись над огнем, пока молоко не закипело, а затем перенесла горшок на каменную подставку, взяла с полки две

керамические чашки, поставила на стол, бросила в каждую по кусочку масла и налила молока. Сняв с полки маленькую бутылочку с домашним бренди, добавила в свою чашку чайную ложку, а в чашку Энцы – пару капель. Хорошенько перемешала и украсила чашки остававшейся в горшке пенкой.

– Это тебя согреет! – Джакомина вручила Энце ее чашку.

Они сели за обеденный стол, сбитый из широких ольховых досок. Вдоль него стояли две длинные лавки. Энца мечтала о том, как однажды купит матери столовый гарнитур полированного красного дерева, мягкие стулья и новый фарфоровый сервиз вроде того, что у синьоры Ардуини.

– Папе пора бы уже вернуться.

– Ты же знаешь, что обратная дорога в горы всегда дольше. – Мама отпила молока. – Я дождусь его. А ты иди спать.

– У меня стирка, – возразила Энца.

Джакомина улыбнулась. Стирка могла подождать и до утра, но Энце требовался предлог, чтобы не ложиться, пока не вернется отец. Так бывало каждый раз. Энца не могла уснуть, пока все члены семьи не оказывались дома, в безопасности, и не спали в своих постелях.

– Мама, расскажи что-нибудь! – Энца потянулась к матери, сжала ее руку. Покрутила золотое обручальное кольцо на ее пальце, ощущая неровности там, где на золоте были выгравированы розовые бутоны. На взгляд Энцы, то было самое красивое кольцо на свете.

– Энца, я устала.

– Ну пожалуйста! Расскажи о своей свадьбе!

Энца слышала историю их любви столько раз, что собственные отец и мать стали для нее вечно юными героями волшебной сказки. Энца изучала свадебную фотографию родителей словно карту. Ей чудилось, что на снимке предопределена их судьба, вся будущая совместная жизнь. Жених и невеста напряженно застыли на стульях. Мама крепко сжимает букет скромных горных астр, папина рука лежит у нее на плече.

– Твой отец приехал повидаться со мной как-то раз в воскресенье. Мне тогда было семнадцать, ему – восемнадцать, – в который уже раз начала Джакомина свою историю. – Он управлял двуколкой, тогда она еще принадлежала его отцу и была белого цвета. В то утро он наполнил ее свежими цветами. На скамье едва оставалось место для него самого. Грива Чипи, совсем еще молоденького, была украшена розовыми лентами. Папа подъехал к нашему дому, бросил поводья, спрыгнул с козел, вошел в дом и спросил у моего отца позволения на мне жениться. Я была в семье последней невестой на выданье. Пять дочерей папа уже пристроил, и когда

пришла моя очередь, то он едва поднял глаза от трубки. Просто сказал «да», и мы отправились к священнику, так-то вот.

– И папа сказал...

– Твой папа сказал, что хочет семь сыновей да семь дочерей.

– А ты сказала...

– Что семерых детей хватит.

– А теперь у вас шестеро.

– Господь должен нам еще одного, – поддразнила ее Джакомина.

– Думаю, у нас тут достаточно малышей, мама. Нам едва хватает еды, чтобы всех прокормить, и что-то я не вижу, чтобы Господь хоть раз явился на порог с мешком муки.

Джакомина улыбнулась. Она все больше ценила мрачноватый юмор Энцы. У старшей дочери был зрелый взгляд на мир, и Джакомину даже беспокоило, что Энца слишком уж озабочена взрослыми проблемами.

Энца подошла к огню, чтобы проверить, как там подвешенный над очагом железный котел, полный воды из растопленного снега. В другом котле, поменьше, была чистая вода для полоскания. Энца сняла котел с огня и поставила на пол. Затем подняла деревянную корзину, полную ночных рубашек, и вывалила их в воду. Добавила щелок и стала помешивать белье металлическим прутом, стараясь, чтобы щелок не попал на кожу. Рубашки прямо на глазах становились белоснежными.

Энца слила лишнюю воду в пустой горшок и оттащила его на другой конец кухни, где отец сделал в полу желоб к трубе, спускавшей отходы вниз по горному склону. Выжав рубашки руками, она передала их матери, а та развесила белье над огнем. Мать и дочь вместе быстро справились с тяжелой работой. Запах щелока, сдобренного несколькими каплями лавандового масла, наполнил комнату свежим ароматом лета.

С улицы донеслись шаги. Джакомина и Энца бросились к двери. Марко на крыльце отряхивал снег.

– Папа!

Марко вошел в дом и обнял Джакомину.

– Синьор Ардуини заходил за деньгами сегодня утром, – прошептала она.

– И что ты ему сказала? – Он поднял Энцу и поцеловал ее.

– Попросила подождать возвращения мужа.

– Он улыбался?

– Нет.

– А сейчас улыбается. Я остановился около его дома и заплатил за аренду. Вовремя, даже тридцать пять минут в запасе осталось.

Энца и Джакомина обняли Марко.

– Девочки, вы что думали – я вас подведу?

– Я точно не знала, – честно сказала Энца. – Гора очень высокая, снега много, а лошадь у нас старая. А еще иногда, даже если ты хорошо работаешь, пассажиры платят только задаток, а со второй половиной ты пролетаешь.

Марко рассмеялся:

– Ну, на этот раз – нет!

Он выложил на стол две хрустящие новенькие лиры и золотой кругляш. Энца, завороченная этим сокровищем, коснулась каждой купюры и покрутила монетку.

Джакомина взяла с плиты гревшуюся там сковороду с обедом для мужа. Она подала ему запеканку из масляной поленты со сладкой колбасой и налила стакан бренди.

– А куда ты вез пассажирку, папа?

– К Доменико Пикарацци, доктору.

– Интересно, зачем ей доктор... – Джакомина положила рядом с тарелкой краюху хлеба. – Она выглядела больной?

– Нет. – Марко отхлебнул бренди. – Но она страдает. Думаю, что она овдовела совсем недавно. Она только что отдала сыновей в монастырь в Вильминоре.

– Бедняжки, – сказала Джакомина.

– Только не думай взять их к себе, Мина.

Энца давно заметила, что отец называет мать уменьшительным именем, когда чему-то противится.

– Два мальчика. Примерно одних лет с Энцей – десять и одиннадцать.

Сердце Джакомины сжалось при мысли об одиноких мальчишках.

– Мама, мы не можем взять их, – сказала Энца.

– Почему нет?

– Потому что это еще двое детей, а Господь собирался послать тебе только одного.

Марко засмеялся. Энца составила горшки и котлы для стирки возле плиты и, поцеловав родителей, полезла по лестнице на чердак.

На цыпочках она пробралась в темноте мимо колыбели, в которой посапывала Альма, к большому соломенному матрасу, где вповалку спали другие сестры и братья. Их тела сплетались, как прутья в корзине. Она отыскала местечко на дальней стороне топчана и забралась под одеяло. От тихого дыхания малышей ей сделалось покойно.

Энца молилась не крестясь, не читая «Розарий»^[6], не повторяя

знакомых литаний на латыни из вечернего чина. Она просто взывала к ангелам, благодаря их, что привели отца домой в целости и сохранности. Она представляла, что ее ангелы похожи на позолоченных путти, державших снопы пшеницы над дарохранильницей церкви в Барцесто, лицом они напоминали ее младшую сестренку Стеллу, еще младенца.

Энца молилась о том, чтобы не пришлось разлучаться с родителями. Она хотела жить с ними всегда, не надо ей замуж и своих детей не надо. Она не могла представить, что когда-нибудь в ней достанет отчаяния и храбрости, чтобы оторваться от всего, что она так хорошо знает. Она хотела всегда жить в этой деревушке, где родилась и она сама, и ее мать. Принимать на руки каждого младенца в день его появления на свет и хоронить каждого старика в день его смерти. Просыпаться каждое утро для того, чтобы жить и работать в тени Пиццо Камино, Корно Стелла и Пиццо дей Тре Синьорей^[7] – «святой троицы» горных вершин, перед которыми она трепетала всю свою жизнь.

Энца молилась, чтобы ей довелось помогать своей матери растить детей и, может, еще одного, если Господь ниспошлет его. Она надеялась, что это будет мальчик, дабы Баттиста и Витторио не чувствовали себя в меньшинстве. Она молилась о терпении, потому что дети – это уйма работы.

Энца молилась, чтобы у отца скопилось достаточно лир, чтобы купить дом, – тогда они перестанут жить в страхе перед падроне. Когда наступал первый день месяца, приходил и синьор Ардуини. Энца ждала этого со страхом, потому что иной раз Марко не мог выплатить аренду. Так что Энца любила представлять, как карманы ее отца наполняются золотыми монетами. Живое воображение помогало ей не впадать в отчаяние – грядущие опасности можно было прогнать одной силой духа. Энца могла нарисовать выход из любого затруднения, и до сих пор мир подчинялся ее воле. Этой ночью ее семья в безопасности, в сытости и тепле, аренда выплачена, а в жестянке, которая слишком долго пустовала, теперь есть толика денег.

Весь день она представляла, как отец взбирается в гору, мысленно видела каждый изгиб дороги, остановки, когда Чипи ел овес, а папа наслаждался дымом сигареты. Слышала цоканье копыт, каждый их удар о землю и то, как эти удары влекли отца, целого и невредимого, назад, к дому, один за другим, словно неумолчное тиканье часов. И вот отец дома, вернулся безо всяких происшествий и с обещанными тремя лирами в кармане. Эти деньги помогут продержаться долгую зиму. Энца знала, как им посчастливилось, и жалела, что вовсе не каждый здесь, в горах,

разделяет эту удачу. Папа хорошо поработал, и ему заплатили. И все у них хорошо. Уже засыпая, она увидела молодую вдову, тоскующую по мужу и сыновьям. «*Poverella*»^[8], – подумала Энца.

Серебряное зеркало

Uno Specchio d'Argento

Шесть зим минуло с тех пор, как Катерина Ладзари оставила сыновей в монастыре. Ужасная зима девятьсот десятого наконец-то завершилась, как исполненная епитимья. Пришла весна, а с нею – рыжее солнце и теплые ветра. Они растопили снег на каждом утесе, каждой тропе, каждом гребне, выпуская на волю потоки чистой ледяной воды, голубыми лентами скатывавшиеся вниз.

Казалось, все жители Вильминоре высыпали на улицу и, улучив минутку, поднимали лица к абрикосовому небу, впитывая его тепло. Дел весною было неспорно. Нужно было открыть ставни, вытряхнуть и вывесить на воздухе половики, выстирать полотно, а затем заняться садом.

Монахини Сан-Никола никогда не отдыхали.

Катерина не вернулась с наступлением лета, и следующей весной тоже, и постепенно сыновья смирились с разлукой. Разочарование омыло их, подобно струям водопадов, в которых они плескались у озера в горах над Вильминоре. Когда мальчики наконец получили от матери, запертой в монастыре в Венето^[9], письмо без обратного адреса, они перестали умолять сестру Эрколину отпустить их к Катерине. Но они поклялись отыскать ее, как только покинут Сан-Никола. Эдуардо был полон решимости привезти мать назад в Вильминоре, и неважно, сколько времени это потребует. Мальчики представляли мать под опекой монахинь в каком-то очень далеком месте, и сестра Эрколина уверяла, что так оно и есть.

Помимо заботы о храме и монастыре сестры заправляли в местной приходской школе при церкви Санта-Мария Ассунта и Святого апостола Петра. Они готовили для нового священника, дон Рафаэля Грегорио, вели его хозяйство, обстирывали падре, поддерживали в порядке облачение, заботились об алтарных покровах. Монахини отличались от прочих трудяг только тем, что их падроне носил «римский воротник»^[10].

Повзрослевшие братья Ладзари стали такой же неотъемлемой частью монастырской жизни, как и монахини. Мальчики сознавали, чего лишились, но вместо того чтобы без конца горевать по отцу и тосковать по матери, научились направлять свои чувства в иное русло, загружая себя работой.

Братья Ладзари сумели стать в монастыре незаменимыми, как Катерина и надеялась. Чиро взял на себя большинство обязанностей, до того лежавших на Игнацио Фарино, старом монастырском мастере на все руки. Игги было уже за шестьдесят, и он предпочитал работе свою трубочку, тенистое местечко под деревом и ласковое солнце. Чиро вставал с рассветом и работал до ночи: присматривал за очагами, доил коров, взбивал масло, выжимал свежие плети сыра скаморца, рубил дрова, выгребал уголь, мыл окна, скреб полы, в то время как Эдуардо, грамотея с кротким характером, определили секретарем в монастырскую контору.

Его безукоризненная каллиграфия нашла применение – Эдуардо отвечал на письма, писал отчеты, заполнял изящной вязью программки для торжественных служб и больших праздников. Кроме того, он, как более набожный из братьев, был удостоен чести прислуживать на ежедневных мессах и звонить в колокола, созывая монахинь к вечерне.

Чиро в свои пятнадцать вымахал под метр восемьдесят. Он окреп на монастырском рационе из яиц, пасты и дичи. Песочного цвета волосы и зеленовато-голубые глаза составляли яркий контраст с темной, истинно итальянской мастью жителей этих гор. Густые брови, прямой нос и пухлые губы были свойственны скорее швейцарцам, жившим к северу, за близкой границей. Однако темперамент у Чиро был истинно романский. Сестры смирляли его горячность, заставляя сидеть тихо и повторять молитвы. И он учился дисциплине и смирению, потому что хотел порадовать женщин, приютивших их с братом. Ради сестер из Сан-Никола он был готов на любые жертвы.

Не имея ни связей в обществе, ни семейного дела, которое можно было бы унаследовать, ни каких-либо перспектив, мальчики вынуждены были полагаться только на самих себя. Эдуардо изучал латынь, греческий и античных классиков, в то время как Чиро заботился о саде и постройках. Братья Ладзари получили монастырскую выучку, приобрели, столуясь с монахинями, прекрасные манеры. Они росли, не чувствуя поддержки близких, и это многого их лишило, но также даровало самостоятельность и зрелость.

Чиро шел через оживленную площадь, удерживая на плечах длинный деревянный валик, вокруг которого были обернуты свежевыглаженные алтарные покровы. Дети играли рядом с матерями, пока те мыли ступеньки своих домов, развешивали выстиранное белье, выбивали ковры и готовили вазоны и ящики для цветов к весенней посадке. Воздух был напоен запахом свежей земли. Все вокруг было исполнено радости от того, что месяцы изоляции наконец позади, – будто горные деревушки с облегчением

выдохнули, освободившись от холодов и многослойных одежек.

Сбившаяся в кучку ребятня засвистела Чиро вслед.

– Осторожнее с панталонами сестры Доменики! – крикнул кто-то.

Чиро обернулся к мальчишкам, сделав вид, будто замахивается тяжелым валиком.

– Монашки не носят панталон, зато твоя сестра носит!

Мальчишки рассмеялись. Чиро двинулся дальше, крикнув напоследок:

– Передай от меня привет Магдалене!

Держался он точно генерал при полном параде, хотя на нем были всего лишь обноски из корзины с пожертвованиями. Он отыскал там пару плотных мельтоновых брюк и клетчатую рабочую рубашу из шамбре, но с обувью дело обстояло куда хуже. Ножищи у Чиро Ладзари вымахали огромные, и ботинки такого размера в корзине с пожертвованиями встречались не часто. На поясе у него позвякивала связка ключей, прицепленных к латунному кольцу, – тут были ключи от всех дверей в церкви и монастыре. По настоянию дон Грегорио алтарные покровы доставляли через боковой вход, дабы не мешать прихожанам заходить в церковь на протяжении всего дня и тем самым дать им возможность положить в ящик для бедных лишнюю монетку.

Чиро вошел в ризницу, небольшую комнату за алтарем. Воздух пах пчелиным воском и ладаном, напоминая об аромате в ящике комода. Розовый луч из круглого витражного окна падал на простой дубовый стол в центре комнаты. Вдоль стен стояли шкафы с облачениями.

С внутренней стороны на двери висело высокое зеркало в серебряной раме. Чиро вспомнил день, когда оно здесь появилось. Он еще подумал – странно, что священнику понадобилось зеркало. В конце концов, в ризнице его не было с четырнадцатого века. Чиро понял, что дон Грегорио повесил зеркало собственноручно: его тщеславие не настолько разрослось, чтобы он попросил об этой услуге Чиро. Человек, которому нужно зеркало, на что-то еще надеется.

Чиро положил покровы на стол, затем подошел к внутренней двери и заглянул в церковь. Скамьи были почти пусты. Там сидела лишь синьора Патриция д'Андреа, самая старая и набожная прихожанка в Вильминоре. На склоненную в молитве голову была накинута белая кружевная мантилья, придавая старушке вид поникшей лилии.

Чиро вошел в церковь, чтобы сменить лежавшие там покровы. Синьора д'Андреа поймала его взгляд и сурово посмотрела в ответ. Он вздохнул, встал перед алтарем, помедлил, преклонил колени и сотворил обязательное крестное знамение. Снова взглянул на синьору, которая

одобрительно кивнула, и почтительно склонил голову. Губы синьоры сложились в довольную улыбку.

Тщательно свернув использованные покровы в тугой узел, Чиро отнес их в ризницу. Развязал атласные ленты, снял свежие покровы с валика и вернулся в церковь, неся перед собой вышитое белое полотно, подобно подружке невесты, поднимающей шлейф подвенечного платья.

Выровняв на алтаре накрахмаленный покров, он расставил по углам золотые подсвечники, чтобы прижать ткань. Достал из кармана маленький ножик и начал снимать капли воска со свечей, пока их поверхность не стала гладкой. Жест этот был данью матери. Она просила всегда делать то, что требуется, без напоминания.

Перед тем как уйти, он снова взглянул на синьору д'Андреа и подмигнул ей. Та покраснела. Чиро, монастырский сирота, вырос настоящим сердцеедом. С его стороны такое заигрывание было просто инстинктом. Чиро здоровался с каждой встречной, приподнимая свою подержанную шляпу, охотно помогал донести покупки и расспрашивал о семьях. С девчонками своих лет он болтал с природной легкостью, восхищавшей других мальчишек.

Чиро ухаживал за всеми женщинами городка, от школьниц с их мягкими кудряшками до престарелых вдов, сжимавших в руках молитвенники. В женском обществе он чувствовал себя уютно. Иногда он думал, что понимает женщин лучше, чем представителей своего пола. И уж точно он знал о девушках больше, чем Эдуардо, который был таким невинным! Чиро гадал, что станет с братом, когда они покинут монастырь. Себя он считал достаточно сильным, чтобы смело встретить самое худшее, Эдуардо же – нет. Умнику вроде брата нужна монастырская библиотека, письменный стол с лампой и связи, которые давала церковная переписка. Чиро же точно сумеет выжить во внешнем мире. Игги и сестры научили его всякому ремеслу. Он может работать на ферме, чинить разные вещи и мастерить из дерева что угодно. Жизнь вне монастыря наверняка не сахар, но у Чиро были навыки, чтобы устроиться в этой жизни.

В ризницу вошел дон Рафаэль Грегорио. Он выложил на стол медные монеты из церковной копилки. Дону Грегорио было тридцать, рукоположили его совсем недавно. Он носил длинную черную сутану, застегивавшуюся снизу доверху на сотню маленьких пуговиц из эбенового дерева. Чиро гадал, благодарен ли священник сестре Эрколине, множество раз проходившейся по петлям утюгом, чтобы те стали плоскими.

– Ты приготовил растения для посадки? – осведомился священник. Белоснежный римский воротник оттенял его густые черные волосы.

Волевой подбородок, аристократический прямой нос и карие глаза с тяжелыми веками придавали ему вид сонного Ромео, тогда как вы ожидали встретить честный взгляд мудрого слуги Господа.

– Да, отец. – Чиро склонил голову, чтобы выразить священнику почтение, как его научили монахини.

– Я хочу, чтобы дорожку обсадили нарциссами.

– Учту ваше пожелание, падре, – улыбнулся Чиро. – Я позабочусь обо всем. – Он поднял со стола валик. – Я могу идти, дон Грегорио?

– Ступай, – ответил священник.

Чиро толкнул дверь.

– Я бы хотел хоть иногда видеть тебя на мессе, – произнес дон Грегорио.

– Падре, вы же знаете, как бывает. Если я не подою корову, не будет сливок. Если не соберу яйца, сестры не испекут хлеб. А если они не испекут хлеб, нам нечего будет есть.

Дон Грегорио улыбнулся:

– И все-таки можно найти время посетить службу.

– Это верно, падре.

– Так я увижу тебя на мессе?

– Я много времени провожу в церкви – подметаю, мою окна. Думаю, если Господь ищет меня, он знает, где меня найти.

– А моя работа в том, чтобы научить тебя искать Его, а не наоборот.

– Понимаю. У вас своя работа, у меня своя.

Чиро закинул пустой деревянный валик на плечо, как ружье, прихватил узел с покрывалами для стирки и вышел. Дон Грегорио слышал, как Чиро свистит, уходя по дорожке, которая вскоре будет обсажена желтыми цветами.

Чиро открыл дверь комнаты, которую они с Эдуардо делили в домике садовника. Сначала братья жили в главном здании монастыря, на первом этаже. Келья была тесной и шумной. Постоянное шарканье монахинь, направлявшихся из монастыря в церковь, не давало мальчикам спать, а порывы зимнего ветра – входная дверь то и дело открывалась – врывались ледяными сквозняками. И Чиро с Эдуардо были счастливы, когда монахини переселили их в садовый домик, в большую, хорошо освещенную комнату. Сестра Тереза и сестра Анна-Изабель постарались сделать комнату уютной: освободили захламленное помещение от старых цветочных горшков, корзин для обрезков и старомодных садовых инструментов, развешенных по стенам, точно украшения. Монахини перенесли в домик

две крепкие кровати, шерстяные одеяла и подушки – плоские, как облатки для причастия. В комнате появились также стол и масляная лампа, керамический кувшин и таз на подставке рядом со столом. У мальчиков было самое необходимое, но и только.

Чиро рухнул на свою койку, Эдуардо занимался за столом.

– Я подготовил камин, все до одного.

– Спасибо. – Эдуардо не отрывал глаз от книги.

– И видел сестру Анну-Изабель в одной юбке. – Чиро перекатился на бок и отстегнул кольцо с ключами от пояса.

– Я надеюсь, ты отвел глаза.

– Пришлось. Я должен хранить верность.

– Богу?

– Проклятье, нет. Я же влюблен в сестру Терезу, – поддразнил брата Чиро.

– Ты влюблен в ее равиоли с каштанами.

– И в них тоже. Женщина, которая может примирить меня с тем, что мы всю зиму едим каштаны, для меня самая прекрасная.

– Это все приправы. Много шалфея и корицы.

– Откуда ты знаешь?

– Видел, как она готовит.

– Если когда-нибудь оторвешь голову от книги, сможешь заполучить какую-нибудь девчонку.

– Тебя только две вещи интересуют: девушки и когда обед, – улыбнулся Эдуардо.

– И в чем проблема?

– Чиро, у тебя светлая голова.

– Я ею пользуюсь.

– А можешь пользоваться больше.

– Лучше выезжать на своей наружности, как дон Грегорио.

– У него не только внешность. Он образованный человек. Принявший сан. Ты должен уважать его.

– А тебе не следует его бояться.

– Я не боюсь его. Я его почитаю.

– Тьфу. Святая Римская церковь меня не интересует. – Чиро скинул ботинки. – Свечи, колокола, мужчины в платьях. Ты видел в колоннаде Кончетту Матроччи?

– Да.

– Вот красавица! Эти золотые волосы! Это лицо! – Он мечтательно закатил глаза. – И фигура! – Чиро присвистнул.

– Она уже три года в одном и том же классе в школе при церкви Санта-Мария Ассунта. Умом не блещет.

– Может, ей просто не по нраву корпеть над книжками. Может, она мечтает повидать мир. Может, хочет, чтобы я прокатил ее в коляске.

– У тебя есть велосипед.

– Ты и вправду ничего не знаешь о девушках. Им нужно самое лучшее – или ничего.

– Кто научил тебя, как обращаться с женщинами? Игги?

– Сестра Тереза. Она втолковала мне, что женщины заслуживают уважения.

– Она права.

– Ну, про всех я не уверен. – Чиро казалось, что уважением не стоит разбрасываться, как разбрасывают зимой сено на ледяных дорожках. Его еще надо заслужить.

– Если ты выкажешь хоть небольшое усердие в духовной жизни и хоть иногда потрудишься приходить к мессе, возможно, дон Грегорио одолжит тебе коляску, – сказал Эдуардо.

– Ты с ним ладишь. Спроси, могу ли я взять ее.

– Придется тебе ходить пешком. Не стану я его просить.

– Бережешь его благосклонность для чего-то более важного?

– Что может быть важнее Кончетты Матроччи? – сухо ответил Эдуардо. – Сам подумай. Коляска священника доставляет лекарства больным. Отвозит стариков к доктору. Развозит еду бедным...

– Ладно, ладно. Я понял. Стремлениям моего сердца не сравниться с деяниями милосердия.

– Даже близко.

– Придется придумать, чем еще ее поразить.

– Поработай над этим, а я продолжу изучать Плиния, – откликнулся Эдуардо, пододвигая лампу поближе к книге.

Каждую пятницу дон Грегорио служил утреннюю мессу для учеников приходской школы. В почтительном молчании они входили в церковь по двое, младшие впереди, вслед за сестрой Доменикой и сестрой Эрколиной.

На девочках были серые шерстяные платья без рукавов, белые блузки и голубые муслиновые передники, а мальчики носили темно-синие свободные брюки и белые рубашки. По выходным матери стирали сине-белую форму и развешивали ее на веревках по всей деревне. Издали казалось, что это реют на ветру морские флаги.

Чиро стоял за колонной на переполненной галерее, прямо над

скамьями и вне поля зрения дона Грегорио. В школе оставались только два мальчика его возраста, большинство бросали учиться в одиннадцать, чтобы работать в шахтах. Пятнадцатилетние Роберто ла Пенна и Антонио Баратта были исключением, они собирались стать врачами. Роберто и Антонио прошли к алтарю, преклонили колени и отправились в ризницу, чтобы, переодевшись в красные стихари, прислуживать дону Грегорио.

Чиро наблюдал, как девочки постарше одна за другой усаживаются на скамью. У Анн Калабрезе, старательной и скромной, очаровательные ножки – тонкие лодыжки и маленькие ступни. У Мари де Каро, долговязой и нервной, осиная талия и стройные бедра. А у пухленькой Лилианы Гондольфо – высокая грудь, мягкие руки и безразличный волоокий взгляд.

Кончетта Матроччи, самая красивая девочка в Вильминоре, скользнула на скамью последней. И Чиро немедля охватило любовное томление. Кончетта обычно опаздывала к мессе, и Чиро решил, что она не более набожна, чем он сам. Эта небрежность сквозила и в ее естественной красоте.

Светлые волосы Кончетты, точно в тон золотой вышивке на облачении дона Грегорио, свободно спускались на плечи, лишь две тонкие косички обвивали голову наподобие лаврового венка. Кончетта была хрупкой и бледной, лицо цвета ванильного пирожного, присыпанного сахарной пудрой. Синие глаза того же оттенка, что волны озера Эндине, а ресницы напоминали черный песок побережья. Несмотря на хрупкое сложение, формы Кончетты радовали глаз. Чиро так и представлял, как поднимает ее на руки.

Чиро сполз на пол, прислонился спиной к колонне и битый час глазел через перила на предмет своей страсти.

Следя за ходом мессы, Кончетта обычно то поднимала глаза к витражной розе над алтарем, то утыкалась взглядом в раскрытый молитвенник.

*O salutaris Hostia,
Quae caeli pandas ostium,
Bella premut hostilia,
Da robur, fer auxilium*^[11].

Чиро воображал, как целует влажные розовые губы, произносящие зазубренную латынь. Кто только придумал женщин, размышлял он. Чиро мог не верить обещаниям Святой Римской церкви, но признавал, что от

Господа есть толк, раз создал такую красоту.

Бог придумал девушек, и одно это делает Его гением, подумал Чиро, когда девочки поднялись с колен и вышли в главный проход.

Чиро во все глаза глядел из-за колонны, как Кончетта преклоняет колени для причастия. Дон Грегорио положил тонкую облатку на язык Кончетте, она склонила голову и перекрестилась, прежде чем встать. Каждое ее движение было предсказуемо. Чиро не отрывал от нее глаз, пока она возвращалась к скамье, где сидели другие девочки.

Почувствовав, что на нее смотрят, Кончетта подняла глаза к галерее. Чиро поймал ее взгляд и улыбнулся ей. Кончетта поджала губы, а затем склонила голову в молитве.

Дон Грегорио пропел:

– *Per omnia saecula saeculorum*^[12].

Ученики ответили:

– *Amen*.

Они поднялись с колен и снова уселись на скамьи.

Лилиана склонилась к уху Кончетты и что-то прошептала, та улыбнулась в ответ. Чиро вглядывался в ее улыбку, особый дар этого весеннего утра, – обычно во время мессы не улыбались. Мимолетный взгляд на ее белые зубы и совершенные ямочки – отличная плата за то, что встал до рассвета, чтобы открыть церковь.

Чиро планировал свой день в надежде где-нибудь столкнуться с Кончеттой. Отправляясь с поручением, он мог сделать крюк, чтобы взглянуть, как она идет из школы в храм. Он мог пропустить ужин и ходить голодным ради единственного короткого «чао, Кончетта», когда она прогуливалась со своей семьей во время *la passeggiata*^[13]. Одной ее улыбки было довольно, чтобы поддержать его силы. Кончетта вдохновляла его на то, чтобы работать лучше, чтобы быть лучше. Чиро надеялся произвести на нее впечатление еще не известными ей сторонами своего характера – например, прекрасными манерами, которые воспитали в нем монахини. Похоже, что хорошие манеры молодого человека важны для юной дамы. Чиро знал, что если представится случай, то он сможет сделать Кончетту счастливой. Из смутных глубин памяти он извлек воспоминание о том, что когда-то его отцу удалось составить счастье его матери.

Ученики преклонили колени для последнего благословения.

– *Dominus vobiscum*^[14]. – Дон Грегорио простер руки к небу.

Ученики ответили:

– *Et cum spiritu tuo*^[15].

– *Abi in pace*^[16]. – Дон Грегорио сотворил в воздухе крестное знамение.

Чиро смотрел, как Кончетта прячет молитвенник в специальный ящик на спинке скамьи. Месса закончилась. Чиро должен был идти с миром. Однако не смог бы, по крайней мере в обозримом будущем, пока Кончетта Марточчи жила на свете.

Над Скильпарิโอ, рядом с водопадом, раскинулся луг, заросший рыжими лилиями, на котором любили играть дети Раванелли. Солнце уже вовсю припекало, но горный ветерок дарил прохладу. Эти дни, звавшиеся *freddo caldo*^[17], длились только до Пасхи, и Энца старалась воспользоваться ими в полной мере. Каждый день после полудня она собирала сестер и братьев и вела их в горы.

Следы зимы еще давали о себе знать: промоины от сильных дождей, лужи, раскисшая земля. Но спутанные заросли низкого кустарника в ущельях уже отогревались на солнце, и коричневые ветви пускали бледно-зеленые побеги. Вмятины на тропинке, где скапливалась и замерзала вода, обратились с приходом тепла в ямы с черной грязью; бежавшая вниз вода оставила широкие полосы ила: снег таял слишком быстро, переполняя ручьи. Но это было неважно. После долгих месяцев серого уныния повсюду наливалась силой зелень.

Каждый год с приходом весны Энца чувствовала облегчение. Величественные горы зимой наводили на нее трепет. Сверкающий снег таил смертельную опасность, коварные лавины хоронили под собой дома и уничтожали дороги. В этих краях люди жили в вечном страхе оказаться внезапно изолированными от всего мира, когда нехватка еды и неизбежные болезни сожмут в тиски целые семьи, – даже до врача нельзя добраться, если понадобится.

Но солнце несло освобождение.

Весной ребятня разбегалась по Альпам, как разлетается пух одуванчика. Утро было заполнено повседневными обязанностями: принести воды, набрать хвороста, почистить одежду, развесить выстиранное белье, подготовить сад к новому урожаю. А день можно было посвятить игре – дети запускали змеев, сделанных из полосок старого муслина, плавали в неглубоком пруду под водопадом или читали в тени сосен.

Primavera^[18] в Итальянских Альпах – как шкатулка с драгоценностями, распахнутая под лучами солнца. Кусты красных пионов,

подобно оборкам из тафты, обрамляли бледно-зеленые луга, а дикие белые орхидеи карабкались по блестящим графитово-черным скалистым уступам. Белые пушистые шарики аллиума окаймляли дорожку, а гроздья розовых рододендронов сверкали среди темно-зеленой листвы.

Весной и летом не бывало голода – дети собирали сладкую ежевику и пили чистую холодную воду горных потоков, черпая ее сложенными чашечкой ладонями.

Девочки рвали дикие розовые астры и складывали в корзины, чтобы поставить у ног Девы Марии в придорожном святилище, а мальчики находили гладкие лиловые камни и волокни их домой для садовой ограды. Ели ребяташки в это время только на воздухе и спали днем прямо в траве альпийских лугов.

Если весна была подарком после зимних лишений, то лето с его жарким солнцем, сапфировым небом и голубыми озерами – всеобщей мечтой. Горы наводняли путешественники с набитыми серебром карманами, на отдыхе они охотно расставались с деньгами. Ребятня радовалась гостям, дававшим щедрые чаевые, когда им подносили саквояжи, бегали по их поручениям или предлагали корзиночки с малиной, свежий лимонад.

Направляясь к озеру, Энца тащила закрытую крышкой корзину, полную провизии. Она вдыхала живительный горный воздух, сладко пахнувший соснами, и чувствовала, как шею ласкают солнечные лучи. Она улыбалась: домашние хлопоты на сегодня закончились, и с собой у нее была новая книга. «Алый первоцвет»^[19] лежал в корзине рядом со свежими пирогами, испеченными матерью. Учитель Энцы, профессор Маурицио Трабуко, вручил ей книгу как приз за лучшие оценки в классе.

– Стелла, пойдем! – Энца обернулась, чтобы отыскать младшую сестру, отставшую от других. Стелле было пять, и Энца каждое утро заплетала ее длинные тяжелые косы. Девочка остановилась, чтобы сорвать желтый лютик. – На лугу полно цветов!

– А мне нравится этот, – ответила Стелла.

– Так возьми его, – нетерпеливо сказала Энца. – *Andiamo*^[20].

Стелла сорвала лютик, крепко зажала его в кулачке, побежала впереди сестры по тропинке, вскарабкалась на четвереньках на крутой пригорок и исчезла в кустах, пытаясь догнать сестер и братьев.

– Будь осторожна! – крикнула Энца.

Взобравшись на самый верх, она увидела, как братья и сестры бегут по зеленому лугу к водопаду. Баттиста остановился, чтобы закатать брюки.

Витторио сделал то же самое, а затем вслед за братом шагнул в неглубокий пруд – вода стояла там чуть выше лодыжек. Они начали плескаться, потом бороться в воде, хохоча, когда оступались и падали.

Элиана поодаль карабкалась на дерево. Хватаясь длинными руками за ветки, она поднималась все выше и выше. Стоявшие на земле Альма и Стелла подбадривали ее, хлопая в ладоши.

Энца опустила корзину на землю рядом с диким апельсиновым деревцем в цвету, откинула крышку, вытащила муслиновую скатерть, развернула ее и, расстелив на земле, расправила углы. Посматривая на сестер и братьев, нырнула в корзину за книгой. Убедившись, что дети играют и с ними все в порядке, она устроилась на краешке скатерти – легла и приготовилась читать.

Книгу она держала так, чтобы защитить лицо от яркого солнца. Вскоре Энца уже была во Франции тех времен, когда под ударами гильотины летели головы, плелись дворцовые интриги, а таинственный человек оставлял вместо подписи контур красного цветка.

Энца прочла первую главу, потом вторую. Положив книгу на грудь, закрыла глаза. Она видела себя в красном платье из чесучи, волосы подняты наверх и припудрены – вылитые меренги, а щеки пламенеют ярко-розовыми румянами. Энца гадала, каково это – жить в другом месте, в другом времени, с другой семьей, с другой, непохожей судьбой. Кем бы она тогда была? Кем бы могла стать?

– Мы проголодались, – сказала Альма.

– Думаешь, уже пора? – спросила Энца.

Альма взглянула на солнце:

– Почти час дня.

– Молодец, правильно определила. Время обеда. Зови братьев и сестер.

Альма побежала выполнять поручение, а Энца начала распаковывать корзину. Мама сделала сэндвичи с моцареллой, помидорами и молодыми листьями одуванчика, обрызганными медом, и завернула их в чистые льняные салфетки. В корзине было по два сэндвича на каждого и еще по одному для мальчиков. А также кувшин со свежим лимонадом и золотистые ломтики круглого кекса.

Энца устроила настоящее пиршество для сестер и братьев. Мальчики, мокрые после беготни по воде, осторожно опустились на колени у дальнего края скатерти. Стеллу Энца посадила к себе на колени.

– Она уже не маленькая, – сказала Альма.

– Я всегда буду относиться к ней как к маленькой, – ответила Энца. – В

каждой семье должен быть свой малыш.

– Мне пять! – Стелла растопырила пять пальцев.

– Для белых грибов плохой будет год, – сказал Баттиста с набитым ртом. – Земля совсем сырая.

– Еще слишком рано, – ответила ему Энца. – И не тебе теперь беспокоиться о грибах. Этим летом ты будешь помогать папе.

– Я бы лучше на трюфели охотился.

– Одно другому не мешает.

– Хочу заработать много-много денег. Продам трюфели французам. Они простофили, – сказал Баттиста.

– Ну и грандиозные у тебя планы, – с издевкой откликнулась Элиана.

– А я буду помогать папе, – сказал Витторио.

– Мы все будем помогать папе. Он собирается этим летом много выручить с пассажиров, – сказала Энца.

– Ну, удачи. Чипи не дотянет до лета, – сказал Баттиста.

– Не говори так! – Глаза Альмы наполнились слезами.

– Не расстраивай сестру, – укорила Энца Баттисту. – Никто не знает, сколько Чипи еще будет с нами. Оставим это Господу и святому Франциску.

– Чипи отправится на небеса? – спросила Стелла.

– Когда-нибудь, – тихо ответила Энца.

Альма поднялась:

– Я хочу походить по воде!

Солнце, стоявшее в самом зените, сильно припекало. Даже Энце стало жарко, когда она подвела детей к мелкому пруду. Она тоже сняла обувь и длинные вязанные шерстяные носки. Приподняла юбку, завязала ее почти под самой блузкой с длинными рукавами и вошла в пруд. Лодыжки обжег холод.

– Давайте танцевать! – воскликнула Стелла.

Вскоре дети плескались на прохладном мелководье. Стелла упала и расхохоталась. Энца подняла ее, прижала к себе, а Элиана, Альма, Баттиста и Витторио пошли вброд к водопаду, чтобы встать под его холодные струи.

Сквозь чистую воду пруда Энца заметила нечто странное. Она нагнулась. Тонкие ножки Стеллы словно припухли. Целая сеть кровоподтеков протянулась от лодыжек к бедрам.

– Стелла, встань-ка.

Стелла поднялась, и в ярком солнечном свете Энца внимательно осмотрела тыльную сторону ног и увидела еще синяки, доходившие до верхней части бедер. В панике она проверила спину и руки сестры. Там тоже были синяки – как голубые камни, виднеющиеся на мелководье.

– Эли, иди сюда! – позвала Энца сестру.

Тринадцатилетняя Элиана, высокая, гибкая и сильная, медленно подошла к ним.

– Что?

– Видишь?

Элиана посмотрела на Энцу, отбросив с лица волосы, потом повернулась к младшей сестре.

– Кто ее бил? – резко спросила Энца.

– Никто Стеллу не бил.

– Она падала?

– Я не знаю.

– Баттиста! – закричала Энца.

Баттиста и Витторио были на дальнем конце водопада, очищали камни от лишайника. Энца помахала им, чтобы подошли. Она подняла Стеллу, поднесла к расстеленной на земле скатерти и вытерла своим фартуком. Зубы у девочки стучали, напуганная суевливыми движениями Энцы, она заплакала.

– Что я сделала? – всхлинула Стелла.

Энца притянула ее к себе.

– Ничего, *bella*^[21], ничего. – Она подняла взгляд на Элиану: – Нужно домой. – И прикрикнула: – Сейчас же!

Энца смотрела, как сестра собирает детей, и ее захлестывал ужас.

Она пересчитала братьев и сестер по головам, совсем как мать, когда они ходили в соседние деревни на праздники, – чтобы уследить за каждым, чтобы не потерять никого в толпе, чтобы не украли цыгане.

Стелла, пытаясь согреться, прильнула к старшей сестре, крепко вцепилась в нее. Мама всегда говорила, что в хорошей семье сердца бьются как одно. Никто не знает тебя так хорошо, как те, с кем ты вместе живешь, никто не сможет так защитить тебя перед всем миром, как кровные родственники.

Энца знала все о капризности Баттисты, смелости Элианы, самовлюбленности Витторио, неугомонности Альмы и доброй душе Стеллы. Когда смеялся один, подхватывали все. Когда один боялся, все старались укрепить его смелость. Когда одному нездоровилось, вскоре и остальные чувствовали боль.

Но особенно глубокая связь была между самой старшей и самой младшей сестрами. Энца и Стелла были как начало и конец, как альфа и омега, как твердые крышки переплета, скреплявшие семейную историю от первых до последних страниц, объединявшие все оттенки и грани

характера и личности.

Пока Энца прижимала Стеллу к себе, баюкая ее, дети молча собрали остатки обеда, вытряхнули салфетки и снова все упаковали. Энца чувствовала на шее теплое дыхание Стеллы.

Мальчики подняли корзину, а девочки помогли Стелле устроиться на спине у Энцы для обратной дороги. Элиана пошла сзади, положив руку на спину малышки, а Альма вела их, отшвыривая с дороги палки и камни. По щекам Энцы ползли слезы, она так молилась, чтобы весна поскорее пришла, но сейчас ее изводил страх, что нынешняя весна принесла с собой худшее из несчастий.

В ночь после того, как у Стеллы обнаружились синяки по всему телу, была необычная луна. Туманная, горчичного цвета, она то и дело пряталась в облака, мигая, точно сигнальный фонарь, и напоминала Энце масляную лампу, какой пользовался Марко в плохую погоду.

Энца надеялась, что луна – знак присутствия ангелов, которые реют над Стеллой и никак не решат, взять ли ее с собой или оставить здесь. Преклонив колени у изголовья, Энца сплела пальцы, закрыла глаза и молилась. Наверняка ангелы услышат ее и позволят сестре остаться в горах. Ей страстно хотелось прогнать ангела смерти прочь, как жирную осеннюю муху.

Марко и Джакомина сидели по обе стороны временной кровати Стеллы в главной комнате, не отрывая глаз от дочери. Мальчишки, не в состоянии усидеть на месте, занимались домашними делами. Баттиста, высокий и тощий, поддерживал огонь, Витторио подтаскивал дрова. Элиана и Альма, прижав колени к груди, затихли в углу, испуганно наблюдая за остальными.

Местный священник, дон Федерико Мартинелли, был совсем стар. Без единого волоса на голове, с вытянутым лицом, выражение которого отнюдь не успокаивало. Всю ночь он стоял на коленях в изножье кровати, перебирая четки, и голос его тихо гудел на одной ноте. Одну за другой перебрав блестящие зеленые бусины, он целовал серебряный крест и заново начинал «Аве Мария».

Когда Стелла стала слабеть, Марко сходил к синьору Ардуини и попросил о помощи, какая только в его силах. Падроне послал за доктором в Аццоне, и тот быстро прискакал верхом на лошади. Доктор осмотрел Стеллу, дал ей лекарство от лихорадки и поговорил с Марко и Джакоминой, пообещав вернуться утром.

Пока он шептался с родителями, Энца попыталась прочесть выражение его лица, но никакого знака в пользу того или иного исхода не было. Создалось впечатление, что случай не особо серьезный, но Энца знала, что спокойствие доктора ничего не значит. Ведь доктора – как священники. Никакой телесный или душевный недуг не может их удивить.

Энца схватила доктора за руку, поймав его уже у дверей. Он обернулся к девочке, но она не могла выговорить ни слова. Доктор доброжелательно кивнул и вышел.

Энца пристально вглядывалась в ночь за окном, в уверенности – если Стелла продержится до рассвета, то будет жить. Доктор вернется, как и обещал, объявит, что чудо состоялось, и жизнь потечет в привычном русле. Разве мальчики Каскарио, потерявшиеся по дороге в Трескоре, не нашлись через три дня? Разве малыш Ферранте, шестнадцать дней болевший желтухой, в конце концов не выздоровел? И разве не выжила семья Каповилла, когда зимой девятьсот третьего все их четверо детей заболели коклюшем? Так много в этих краях историй о чуде. Наверняка о Стелле Раванелли тоже станут рассказывать в окрестных деревнях, снова и снова уверяя тех, кто живет так близко к небу, что Господь их не оставит. Годы спустя, когда Стелла вырастет и обзаведется собственной семьей, разве не будет она вспоминать о той ночи, когда выжила, несмотря на страшные синяки и лихорадку? Энца не могла представить дом без Стеллы. Младшая сестра всегда была особенной. Стеллу назвали не в честь святой или кого-то из родственников, как остальных детей, но в честь звезд, мерцавших над ними в ночь, когда она родилась.

Всю ночь Энца тщетно боролась с ощущением несправедливости. В конце концов, в этой жизни Раванелли заплатили по всем счетам. Они были бедными, скромными, трудолюбивыми, помогали другим и поступали по заповедям. Они делали все правильно. А теперь очередь Господа воздать им за благочестие. Энца закрыла глаза, представив, как святые и ангелы окружают сестру, исцеляют ее.

Энца видела, как отец и мать становятся дедушкой и бабушкой, а братья и сестры обзаводятся собственными семьями. Баттиста показал бы детям все тропы в горах, Элиана научила бы не падать, стоя на одной ножке на каменной изгороди, Альма обучала бы шитью, Витторио показал бы, как подковывать лошадь, Стелла учила бы их рисовать, мама следила бы за садом, а папа запрягал бы повозку и катал внуков. Жизнь в горах текла бы своим чередом, они старели бы вместе и были бы счастливы всей большой семьей в собственной усадьбе, которой, несомненно, обзавелись бы.

La famiglia é perpetua^[23].

Энца перепугалась, услышав, как тяжело дышит Стелла. Ведь доктор дал ей лекарство! Почему же сестре становится все хуже?

С лица Стеллы сошли все краски, щеки из розовых сделались серыми, а губы стали белее мела. Глаза сестры подернулись мутной пленкой, зрачки обратились в черные бусины четок.

Джакомина прикладывала к губам дочери мокрую ткань, гладила по волосам. Временами тихое гудение «Аве Мария» прерывалось стонами Стеллы – ножами они вонзались в сердце. Не в силах дольше смотреть, как угасает сестра, Энца выскочила из дома.

Она пробежала до самого конца Виа Скалина и замерла там, спрятав лицо в ладонях – оплакивая Стеллу. Разве есть что-то страшнее чувства, что ты не в силах облегчить страдания невинного? Энца не могла забыть страх слабеющей Стеллы и беспомощность на лице матери. Джакомина пережила немало беспокойных ночей у постели детей, охваченных лихорадкой, но этот раз был не похож на другие. Все происходило так быстро!

Энца почувствовала, как на плечи легли чьи-то руки. Она обернулась. Марко обнял ее и зарыдал вместе с нею.

Бог оставил их, ангелы удалились, святые отвернулись. Теперь Энца понимала, что на самом деле происходило в эти ужасные часы. Они вовсе не ждали, когда Стелле станет лучше, а лишь смотрели, как она умирает. Впервые в жизни за почти шестнадцать лет, после всех благополучно пережитых снежных бурь, весенних паводков и несчастных случаев, удача изменила Энце. Сильные руки отца больше не могли ее защитить, а прикосновение матери утратило целебную силу.

Энца и Марко вернулись в дом. Огонь почти потух, утреннее солнце с неохотой выползало из-за Пиццо Камино, заливая комнату светом. Элиана и Альма стояли в изголовье кровати, Витторио и Баттиста – напротив них. Проведя долгие часы на коленях, старый священник наконец встал и в последний раз поцеловал серебряный крест четок.

Джакомина, склонившись над телом дочери, рыдала, спрятав лицо в ее волосах. Она взяла свое дитя на руки, прижала к себе и стала баюкать, как делала каждую ночь. Безжизненные руки Стеллы свисали ладонями наружу, будто навстречу ангелам. Карие глаза были открыты, густые ресницы не скрывали пустого взгляда. Губы стали бледно-голубого оттенка, точно перламутр внутри раковины.

Марко обнял жену, не в силах ее успокоить. На него самого всей тяжестью обрушился его позорный провал. Не только доктор из Лиццолы, священник и Церковь обманули его надежды – он сам оказался недостаточно набожным в глазах Господа, чтобы сберечь дочь.

В их присутствии сегодня вершилось таинство, в тот непрошенный миг, когда они полностью отступили перед миром духов, когда жизнь уходила, а в свои права вступала смерть. Священная пауза, мост, качавшийся над

самой гиблой бездной, мгновение, длившееся всего секунду или две, в котором Стелла была еще с ними – перед тем, как уйти к Богу. И в это мгновение Энца закричала, громко, чтобы Бог услышал: «Нет!» Но было слишком поздно – малышка покинула их, душа ее вернулась к звездам, в честь которых она была названа пять лет назад.

Энца все спрашивала себя – была ли в этом и ее вина? Ведь именно она затеяла пикник в тот день. Как старшая, она упаковала корзину и повела детей в горы. Она захотела почитать книгу на ярком солнце. Она позволила братьям и сестрам играть в пруду под мощными струями весеннего водопада. Это она подвела Стеллу, а сейчас – и всю семью.

Энца посмотрела по сторонам, ища взглядом того, кто простит ее безответственность, кто простит ей совершенные ошибки, но никто не выступил вперед, чтобы снять с нее груз тяжелой вины.

Она так нуждалась в утешительных объятиях отца и матери, но их руки обнимали Стеллу.

Боль Джакомины была столь глубока, что все тело ее извивалось в корчах, – так же она рожала своих детей. Она баюкала безжизненную дочь, впитывая ее последнее тепло.

Когда отец скорбит, мать вспоминает все – с самого первого мига. Нежные поцелуи, когда два любящих тела соединялись друг с другом в сладкой близости, – поцелуи, приведшие к желанному зачатию. Первое робкое шевеление, слабые толчки в животе. Мать вспоминает, как ребенок рос и рос во чреве, а потом ее тело раскрылось, чтобы выпустить в мир новую жизнь... И вот все кончено – стонами отчаяния, которое останется с ней навсегда.

Стелла была для Джакомины маленьким ангелом. Смешливая, не верившая урокам старших, но менее мудрых, чем она, сестер и братьев, жившая в гармонии с магией мира. Кудрявая маленькая фея, танцевавшая на поверхности жизни, с восторгом встречавшая каждый сюрприз вселенной, вникавшая во все, чего касалась, – от травинки, блестевшей на горных лугах и подпевавшей ночному ветру, до водяных струй, которые обнимала при каждой возможности, плескаясь и купаясь в них, наслаждаясь ими. Мимолетная, как грибной дождь, умчавшийся от сладкого дуновения летнего ветра, теперь она ушла навсегда.

Во дворе церкви Сан-Никола на ярком солнце выстроились в ряд для ежегодной уборки раскрашенные статуи. Святой архангел Михаил с мечом, святой Франциск Ассизский с овечкой, Богородица, попирающая ногой зеленую змею, святой Антоний с лилией в одной руке и младенцем

Иисусом в другой, святой Петр в фартуке плотника и серая «Пьета» – скорбящая мать, держащая на руках мертвого сына.

Чиро полагал, что именно так верующие представляют себе загробную жизнь. После смерти они отправятся в сад, где в ослепительно белом сиянии их будут ждать безупречные святые с гладкими лицами и густыми волосами, разодетые в пурпур и зеленое с голубым. Их гипсовые руки с длинными пальцами укажут новоприбывшим, куда идти.

Дон Грегорио мог находить его недостаток благочестия странным, но Чиро считал – если кто и странный, так это верующие с их реликвиями, ладаном и елеем, мистическая сила которых вызывала больше вопросов, чем давала ответов.

Чиро смешивал в старой жестянке специальную чистящую пасту собственного изобретения. Путем проб и ошибок он подобрал состав для полировки статуй и украшавшей церковь тонкой резьбы. Для этой цели он брал чашку свежей влажной глины со дна реки Во, несколько капель оливкового масла, пригоршню толченых семян лаванды и месил, пока не получалось что-то вроде замазки. Прополоскав руки в тазу с холодной водой, он обмотал три пальца тряпкой и зачерпнул пасту.

– *Va bene*^[24], святой Михаил, ты первый. – Осторожно, круговыми движениями, Чиро начал втирать пасту в постамент статуи. Золотая надпись «Святой Михаил» заблестела.

Из всех статуй Сан-Никола наибольшее сродство Чиро чувствовал именно со святым Михаилом. Сильные ноги, широкие плечи и серебряный меч, готовый поразить зло, всегда притягивали его, обожавшего приключения и ценившего смелость. А песочного цвета волосами и бирюзовыми глазами статуя напоминала Чиро себя самого. Полируя золоченый подбородок святого, он решил, что из всего Господнего воинства тот единственный мог бы завоевать Кончетту Матроччи. Остальные святые мужского пола, державшие голубок, гулявшие с овечками или баюкавшие младенца, вряд ли добились бы успеха. Святой Антоний слишком кроток, святой Иосиф слишком стар, а святой Иоанн слишком сердитый. Нет, Михаил был среди них единственным воином, лишь он мог завоевать сердце девушки.

Игнацио Фарино вышел из-за угла, толкая перед собой тачку, нагруженную голубой речной галькой. Хилый, с длинным носом и тонкими губами, Игги носил кожаные тирольские шорты, толстые вязаные гольфы и альпийскую шляпу с пером *merlo*^[25], торчащим из-за выцветшей ленты. Он походил скорее на дряхлого мальчика, чем на старика.

– *Che bella*^[26]. – Игнацио взглянул на статую святой Марии и присвистнул.

– Твоя любимица, да, Игги? – спросил Чиро.

– Ну она же Царица Небесная, верно? – Игнацио присел на садовую ограду и посмотрел на статую. – Я обычно глазел – именно что глазел – на ее лицо, когда был мальчишкой. И всегда молился Господу, чтобы послал мне красавицу жену, похожую на Деву Марию из церкви Сан-Никола. Самую хорошенькую девчонку в Вильминоре уже прибрали к рукам, поэтому я забрался повыше в горы и женился на первой красавице из Аццоне. Волосы у нее были что твое золото. Диво дивное снаружи, но – он вытащил из кармана самокрутку – внутри столько всего намешано. Не женись на красавице, Чиро. Слишком хлопотно.

– Я знаю, как ухаживать за женщинами, – уверенно заявил Чиро.

– Думаю, знаешь. Но стоит надеть ей кольцо, и все переменится. Женщины меняются, Чиро. Мужчины остаются собой, а женщины меняются.

– В чем же?

– А во всем. Замашки. Нутро. То, чего она от тебя хочет. – Он подался вперед, словно придерживая тачку, чтобы не укатилась. – Сначала – ох, *vai, vai, vai*^[27], они хотят тебя. Потом хотят сад, дом, детей. А потом устают от собственных хотений и ждут, что ты их осчастливишь. – Он вскинул руки. – Им всегда мало, Чиро. Всегда. Поверь, ты в конце концов выдохнешься, попытаешься сделать женщину счастливой.

– Ерунда. Для меня дело чести – попытаться.

– Это сейчас ты так говоришь, – возразил Игнацио. – Не повторяй моих ошибок. Полюби простую девчонку. Простые девчонки никогда не портятся. Они довольны своей долей, пусть даже самой скромной. Им достаточно малой жемчужины. Они не будут сохнуть по бриллиантам. У красавиц большие запросы. Ты приносишь им маргаритки, а они хотят роз. Ты покупаешь им шляпку, а они хотят к ней пальто. Это бездонный колодец, который тебе никогда не наполнить. Я-то знаю. Пытался.

– Простушка или красавица, мне не важно. Я только хочу, чтобы у меня была девушка, которую бы я любил. И чтобы она меня любила. – Чиро ополоснул плащ святого Михаила чистой водой.

– Хочет он. Хочет. Обожди, куда тебе торопиться. – Игги выпустил клуб дыма.

Чиро принялся полировать гипс сухим полотенцем.

– Ждать так тяжело.

– Потому что ты молод. У молодых есть все, кроме мудрости.
– И что тебе дала мудрость? – спросил Чиро.
– Терпение.
– Я не хочу мудрости. Не хочу стареть, чтобы ее заполучить. Я просто хочу быть счастливым.

– Хотел бы я отдать тебе свой опыт, чтобы тебе не пришлось испытать в жизни все, через что я прошел. Я был как ты. Не верил старикам. Лучше бы мне было к ним прислушаться.

– Расскажи мне, чего я не знаю, Игги.

– Любовь, она как *pot de crème*. – Игги помешал в воображаемом горшочке ложкой. – Сквозь окно *pasticceria*^[28] ты видишь, как синьора Мария Нило готовит десерт. – Игги покачал бедрами, изображая синьору. – Ты видишь, как она размешивает шоколад. Видишь, как карамель льется с ложки в форму. Это выглядит расчудесно. Ты так хочешь его, что почти чувствуешь вкус. Каждый день ты проходишь мимо лавки и думаешь: я хочу этот *pot de crème* больше всего на свете. Готов за него драться. Готов убить за него. Умереть готов. И в один прекрасный день, когда у тебя появились деньги, ты приходишь за своим *pot de crème*. Быстро съедаешь его, возвращаешься за новым горшочком, а потом еще за одним. Съедаешь все до последней ложки. И вот тебя уже тошнит от того, что недавно было самым желанным на свете. И с любовью точно так же.

Чиро рассмеялся:

– Тяжело тебе будет убедить в этом голодного. Любовь – единственная мечта, за которой стоит гнаться. Ради любви я готов трудиться изо всех сил. Построить будущее своими руками. Я бы возвел для нее дом с семьей очагами. У нас была бы большая семья – пять сыновей и дочь. Должна быть хоть одна дочка, чтобы заботиться о матери в старости.

– Я научил тебя тому, что понял сам, Чиро, – ответил Игнацио. – Я принял то, что дала мне жизнь. – Игнацио развел ладони, будто показывая, насколько много. – И не просил о большем. А будешь требовать большего – накличешь беду.

– Вот досада! – сказал Чиро. – Я вот только большего и хочу. Я работаю за стол и кров, но хотел бы поработать за деньги.

– И сколько тебе нужно?

– Хоть лира для начала – уже хорошо.

– Правда? Одна лира? – улыбнулся Игнацио. – У меня есть для тебя работа.

Чиро занялся «Пьетой».

– Я слушаю.

– Нужно помочь отцу Мартинелли вырыть могилу в Скильпариио. – Игги закурил сигарету.

– И сколько платят?

– Он даст тебе две лиры, одну вернешь ему. Церковь всегда забирает свою долю.

– Конечно, забирает, – кивнул Чиро. – Но всего одна лира за то, чтобы вырыть могилу?

Чиро поневоле задумался: что же Игнацио не мог сторговаться получше? Теперь он понимал, почему Игнацио не продвинулся дальше разнорабочего при монастыре.

– Ну, лучше чем ничего. – Игги сделал затяжку и предложил Чиро свою сигарету. Чиро взял ее и вдохнул сладкий запах табака. – Дон Грегорио заставил бы тебя работать бесплатно. Что ты собираешься делать со своей лирой? – Игнацио посмотрел на ботинки Чиро: – Тебе нужна обувка.

– Хочу купить брошь с камеей Кончетте Матроччи.

– Не трать зря деньги. Тебе нужны новые башмаки!

– Я могу ходить босиком, но не могу жить без любви, – рассмеялся Чиро. – Как я попаду в Скильпариио?

– Дон Грегорио говорит, что ты можешь взять его двуколку.

У Чиро загорелись глаза – возможно, удастся прокатить Кончетту.

– Ладно. Но повозка мне нужна на целый день.

– *Va bene.*

– Ты уладишь это с доном Грегорио? – спросил Чиро.

– Беру на себя! – Игнацио бросил окурок на дорожку, растер его подошвой и пинком отшвырнул в сторону. Оранжевая искорка мигнула в последний раз и погасла.

Чиро распахнул главные двери церкви Сан-Никола и закрепил их, чтобы свежий весенний воздух гулял внутри, подобно аккордам великопостных песнопений. Каждая поверхность блестела. Монахини будут думать, что церковь отдраена их заботами во славу Господа, но на самом деле Чиро надеялся произвести впечатление на дону Грегорио, чтобы тот разрешил ему впредь пользоваться лошадью и повозкой настоятеля.

Он натер скамьи красного дерева лимонным воском, вымыл витражные окна горячей водой с белым уксусом, вычистил мраморные полы и отполировал медные сосуды. Соскоблил капли воска с кованых подсвечников, куда ставили свечи по обету, и положил новые свечи в специальные мешочки. Запах пчелиного воска наполнил воздух в нишах

около статуй святых, словно аромат розовой воды, которой Кончетта Матроччи сбрызгивала белье для глажки. Чиро знал это наверняка: когда она шла мимо, ее окружало душистое облако.

Статуи были теперь как новенькие. Чиро вернул блеск кремовым лицам и цвет – одеждам и сандалиям. Он водрузил святого Иосифа на его место в нише, вкатил тележку для свечей и отступил, чтобы полюбоваться результатами трудов своих. Заслышав шаги по мраморному полу, Чиро обернулся. Выглянув из ниши, он увидел, как Кончетта Матроччи преклонила колени в проходе примерно посередине между входом и алтарем. Сердце Чиро пустилось вскачь. Голову Кончетты прикрывала белая кружевная мантилья. Одета она была в длинную серую юбку из саржи и белую блузку – оперение невинной голубки.

Чиро взглянул на собственную робу. Мокрые снизу брюки с разводами сажи, прохудившиеся башмаки, грязная блуза... На нем красовалась вся палитра рабочего – мазки глины и полироли для меди, черные полосы от обугленных фитилей. Из нагрудного кармана вместо носового платка торчала грязная тряпка.

Он пригладил густые волосы, осмотрел пальцы – под ногтями черные полумесяцы грязи. Кончетта обернулась, взглянула на него и вновь повернулась к алтарю. Он редко оставался с ней в церкви один на один. Исхитриться поговорить с Кончеттой было почти невозможно. У нее были строгий отец, набожный дядя, несколько братьев и стайка подруг, которые окружали ее, как пояс передника.

Чиро вытащил тряпку из кармана и сунул ее за статую святого Михаила. Отстегнул от пояса медное кольцо с ключами и положил поверх тряпки. Прошел по центральному проходу, преклонил колени, а потом опустился на скамеечку рядом с коленопреклоненной Кончеттой и сложил руки в молитве.

– *Ciao*, – прошептал он.

– *Ciao*, – прошептала она в ответ.

Розовые губы дрогнули в улыбке. Кружево мантильи мягко обрамляло лицо Кончетты – будто картину. Чиро посмотрел на свои перепачканные руки и сжал кулаки, чтобы спрятать ногти.

– Я только что чистил церковь, – сказал он.

– Вижу. Дарохранительница как зеркало, – с одобрением сказала Кончетта.

– Это нарочно. Дон Грегорио охотно любит свое отражение. Кончетта нахмурилась.

– Я пошутил. Дон Грегорио святой человек. – Хорошо, что он все-таки

прислушивается к словам брата. – И облечен саном.

Она кивнула в знак согласия, вытянула из кармана нитку белых опаловых четок.

– Я пришла к новенне^[29], – сказала она, подняв глаза к окну-розе над алтарем.

– Новенна будет во вторник, – заметил Чиро.

– А, – откликнулась она. – Тогда я просто прочитаю «Розарий» одна.

– Не хочешь посмотреть сад? – спросил Чиро. – Мы прогулялись бы.

Ты можешь помолиться в саду.

– Предпочитаю молиться в церкви.

– Но Бог повсюду. Ты же слышала об этом на мессе?

– Конечно, – улыбнулась она.

– Нет, не слышала. Ты шепталась с Лилианой.

– Ты не должен глазеть на нас.

– Зато я не глазею на дона Грегорио.

– А стоило бы.

Поднявшись с подставки для колен, Кончетта села на скамью. Чиро сделал то же самое. Он посмотрел на изящные руки Кончетты. На запястье покачивался тонкий и гладкий золотой браслет.

– Я не приглашала тебя садиться рядом, – прошептала она.

– Ты права. Как невоспитанно с моей стороны. Могу ли я сесть рядом с тобой, Кончетта Матроччи?

– Можешь, – ответила она.

Они посидели в молчании. Чиро вдруг понял, что почти не дышал с тех пор, как Кончетта вошла в церковь. Он медленно выдохнул, затем вобрал в себя дивный запах ее кожи: сладкая ваниль и белые розы. Наконец он за что-то благодарил Бога – за то, что Кончетта была так близко.

– Тебе нравится жить в монастыре? – спросила она робко.

У Чиро упало сердце. Жалость – последнее, чего он хотел от этой девушки.

– Это хорошая жизнь. Мы трудимся изо всех сил. У нас прекрасная комната. Дон Грегорио одалживает мне повозку, стоит мне только попросить.

– Правда?

– Конечно!

– Везет тебе!

– Я бы с удовольствием как-нибудь съездил в Клузоне.

– У меня там тетя.

– Да что ты! Я мог бы свозить тебя к ней.

– Посмотрим, – улыбнулась она.

«Посмотрим» Кончетты было лучше прямого «да» сотен местных девчонок. Чиро ликовал, но старался не подавать виду. Игнацио советовал сдерживаться и не показывать девушке, насколько она важна для тебя. Девушки, если верить Игги, предпочитают парней, которые их не любят. На взгляд Чиро, то была сущая бессмыслица, но он решил последовать совету Игги – возможно, так он и завоюет сердце Кончетты. Чиро повернулся к ней:

– Я бы предпочел остаться, но обещал сестре Доменике, что до обеда выполняю ее поручение.

– *Va bene.* – Кончетта снова улыбнулась.

– Ты очень красивая, – прошептал Чиро.

Кончетта усмехнулась:

– А ты очень грязный.

– Буду куда чище, когда мы встретимся в следующий раз. А мы точно встретимся, обещаю.

Чиро встал и вышел в проход, не забыв преклонить колени. Он в последний раз взглянул на Кончетту, склонив в знак прощания голову, – в точности как монахини учили вести себя с дамой. Кончетта кивнула и повернулась к золотой дарохранильнице – той самой, на полировку которой Чиро потратил большую часть дня. Чиро прямо-таки вылетел из церкви. Вечернее солнце уже стояло низко – пурпурный пион на бледно-голубом небе. Чиро бежал через площадь к монастырю, и мир вокруг него сиял ярчайшими красками. Он распахнул тяжелую дверь, схватил пакет, который сестра Доменика приготовила для синьора Лонгаретти, и помчался вверх по склону холма.

Попадавшие навстречу люди здоровались с Чиро, но он ничего не слышал. Он мог думать лишь о Кончетте и долгой поездке с нею в Клузоне. Чиро представлял, какую еду взял бы в дорогу, как держал бы девушку за руку, как рассказывал бы ей о том, что у него на сердце. Его ногти были бы гладкими, круглыми и розовыми, а их ободки – белыми как снег, потому что он выскреб бы руки со щелоком. Кончетта не сводила бы глаз с Чиро, и они мчались бы вперед.

И возможно, он даже ее поцелует.

Чиро бросил пакет у двери синьора Лонгаретти. Когда он вернулся в монастырь, Эдуардо занимался в их комнате. Он посмотрел на Чиро:

– Ты бежал по деревне в таком виде?

– Оставь меня в покое. Я вычистил сегодня Сан-Никола. – Чиро рухнул на кровать.

- Видать, потрудился на славу. Вся грязь перекочевала на твою одежду.
- Ладно-ладно. Я все как следует выстираю.
- Про щелок не забудь, – посоветовал брат.
- Что на ужин?

– Жареные цыплята, – ответил Эдуардо. – Я шепну сестре Терезе о твоём усердии, и она наверняка оставит тебе добавки. Мне нужны ключи от часовни. Я закончил карточки к мессе.

Чиро протянул руку к поясу, чтобы отдать брату кольцо с ключами.

– Черт, – сказал он. – В церкви оставил.

– Так сходи за ними. Сестра попросила разложить карточки по скамьям ещё до ужина.

Чиро побежал через площадь назад в церковь. После захода солнца похолодало, Чиро дрожал, жалея, что не накинул пальто. Главная дверь церкви была уже заперта, поэтому он направился к боковому входу, ведущему в ризницу, распахнул дверь...

И не поверил своим глазам.

Кончетта Матроччи была в объятиях дон Грегорио. И священник жадно её целовал. Её серая юбка приподнялась, обнажая гладкие золотистые икры. Она стояла на цыпочках, изящно вытянувшись. В руках священника Кончетта казалась голубкой, запутавшейся в черных зимних ветвях. Чиро перестал дышать, потом глотнул воздуха и поперхнулся.

– Чиро! – Дон Грегорио отпустил Кончетту, та скользнула прочь, как по льду.

– Я... Я оставил ключи в вестибюле. А наружная дверь была заперта.

Чиро почувствовал, что его лицо пылает.

– Ну так пойди и возьми их, – спокойно сказал дон Грегорио, разглаживая планку с пуговицами на своей сутане.

Чиро прошмыгнул мимо них с Кончеттой в церковь. Неловкость быстро сменилась гневом, а гнев – яростью.

Чиро кинулся по главному проходу, даже не подумав поклониться или преклонить колени. Добежав до вестибюля, он выхватил кольцо с ключами и тряпку из-за статуи и сунул в карман, стремясь как можно скорее вырваться из этого места. Величественная красота храма и каждая деталь, которой он так щедро уделил внимание сегодня днем, теперь ничего для него не значили. Просто гипс, краска, дерево и медь.

Чиро уже отодвинул щеколду, чтобы выйти, когда почувствовал, что дон Грегорио стоит позади него.

– Ты никогда никому не скажешь о том, что видел, – прошепел священник.

Чиро развернулся к нему:

– В самом деле, отец? Вы собираетесь издать указ? Какой властью? Вы мне отвратительны. Если бы не сестры, я бы ушел из вашей церкви.

– Не смей угрожать мне. И никогда больше не возвращайся в церковь. Ты освобожден от своих обязанностей.

Чиро шагнул вперед, вплотную приблизившись к дону Грегорио.

– Это мы еще посмотрим.

Дон Грегорио схватил Чиро за воротник. В ответ тот вцепился грязными пальцами в мягкую черную ткань сутаны дона Грегорио.

– И вы еще называете себя священником!

Дон Грегорио отпустил воротник рубашки Чиро и уронил руки. Чиро посмотрел ему в глаза и сплюнул на пол. Только подумать – весь его сегодняшний тяжкий труд был во славу этого недостойного пастыря невежественнейшего из стад! Чиро отпер входную дверь и вышел в вечерний сумрак. Он слышал, как за его спиной дон Грегорио задвинул засов.

Дон Грегорио посмотрел на свою сутану. Там, где Чиро сжимал ее, застежка была помята, от ткани пахло глиной. Он окунул пальцы в чашу со святой водой, стер грязь и пригладил волосы, прежде чем направиться по проходу назад к ризнице, к своей Кончетте.

Кончетта стояла прислонившись к столу и сложив руки на груди. Она скрутила золотые волосы в узел на затылке и наглухо застегнула кофту.

– Теперь ты видишь, почему тебе нельзя разговаривать с мальчиками? – строго спросил священник, расхаживая взад-вперед по комнате.

– Да, дон Грегорио.

– Он счел ваш разговор проявлением твоего интереса к нему, – сердито сказал священник. – Ты выразила ему одобрение, и теперь он чувствует себя преданным.

Кончетта Матрочки засунула руки в карманы, опустила глаза и глубоко вздохнула.

– В чем тут моя вина?

– Ты соблазняла его.

– Я ничего такого не делала.

– Он сидел рядом с тобой.

– Он работает в церкви!

– Монахини избаловали его! Заносчивый безбожник! Он почти не причащается и даже не посещает мессу! Он бесцеремонен с прихожанами!

Она улыбнулась:

– Вы ревнуете к Чиро Ладзари? Поверить не могу!

Дон Грегорио обнял девушку, притянул к себе. Поцеловал в шею, потом в щеку, коснулся губ, но она отпрянула:

– Он видел, как вы целовали меня. – Кончетта оправила юбку. – Что, если он расскажет?

– Я позабочусь об этом. – Дон Грегорио погладил руку Кончетты.

– Я лучше пойду, – сказала она, но голос говорил, что она предпочла бы остаться. – Меня ждет мама.

– Я увижу тебя завтра?

Кончетта взглянула на дона Грегорио. Как он красив и элегантен – местным мальчишкам всегда будет до него далеко. И поцелуй его не был таким неуклюжим, как у Флавио Тирони за четвертым столбом колоннады прошлым летом на празднике, руки не были потными, а разговор – банальным. Дон Грегорио повидал свет, охотно делился своими мыслями и политическими суждениями и рассказывал увлекательные истории о местах, где она еще никогда не бывала, но которые хотела бы посетить. Он окончил семинарию, а значит, был образованным человеком. Он так же хорошо знал улицы Рима, как она – проселки Вильминоре.

Дон Грегорио разглядел в ней нечто, чего не смог увидеть еще ни один учитель или наставник. Он не заставлял ее заниматься математикой, скучать над науками. Вместо этого он разбудил в Кончетте жажду увидеть скрывавшийся за горами мир, те места, которые, он знал, ее восхитят, – розовые пляжи Римини, магазины Понте-Веккьо во Флоренции, пурпурные утесы Капри. Он давал ей книги – не только учебники, забитые сухими теориями, но и романы в красных кожаных переплетах о захватывающих приключениях и трогательной любви.

Каждое воскресенье после полудня дон Грегорио обедал с семьей Матроччи. Идеальный гость, он приходил после мессы и оставался до заката. Особое внимание уделял он бабушке Кончетты, терпеливо выслушивая ее жалобы на здоровье, каждую подробность донимавших ее болей. Он благословлял их поля и дом, совершал таинства, поощрял их набожность, вдохновлял на дела милосердия и поддержку церкви.

Кончетта полюбила дона Грегорио еще издали, мгновенно, с первого дня, как он прибыл в Вильминоре. В течение нескольких последующих месяцев те минуты, которые она проводила наедине с доном Грегорио, опьяняли ее. Сидя в школе, она часами выдумывала предлоги, чтобы отправиться в церковь – в надежде его увидеть.

Мальчики их прихода тупые грязнули – все как один. Работают в шахтах или на полях, и виды на жизнь у них самые простые. Вроде Чиро

Ладзари, церковного разнорабочего, ходившего в обносках и иногда садившегося рядом с Кончеттой на церковную скамью, будто он купил билет на масленичной ярмарке, получив заодно и право разговаривать с ней.

Всю свою жизнь Кончетта училась выбирать самое лучшее, будь это отрез льна на передник или чистейшая лимонная вода для мытья волос. Она знала, что дон Грегорио – святой человек, связанный обетом, но он был и самым влиятельным и утонченным мужчиной в окрестностях. И она хотела его заполучить. Она была одурманена священником, окрылена его вниманием и с восторгом ожидала мгновений их тайной близости. Всем сердцем она верила, что еженедельный обед и долгие вечера в его обществе сделают ее счастливой.

– Убедитесь, что Чиро никому не расскажет о нас, – взмолилась Кончетта. – Если мой отец узнает... Если хоть кто-нибудь...

Дон Грегорио обнял Кончетту и поцеловал, чтобы успокоить. Как только она оказалась в его руках, страхи ее отступили. Воспитание, строгая мораль и здравый смысл были бессильны перед его поцелуями. Правила, которые она обещала матери блюсти до замужества, таяли в воздухе, как дым кадила. Она сказала себе, что бояться нечего. Никто не поверит наветам прислужника на священника.

Дон Грегорио поцеловал ее в шею. Она позволила ему это, но потом осторожно высвободилась из объятий. Кончетта не стала медлить – набросив на голову кружевную мантилью, она выскользнула из ризницы в ночь.

Бездомный пес

Un Cane Randagio

Три тощих жареных цыпленка покоились в центре блюда в окружении картофельной соломки и кубиков моркови. Несколько больших керамических чаш были наполнены пюре из каштанов с добавлением масла, соли и сливок. Сестра Тереза научилась увеличивать порции за счет каштанов – их жарили до хрустящей корочки, чтобы смолоть в муку, протирали, чтобы начинить тортеллини, или варили, толкли и подавали как сытное блюдо. К весне монахини и братья Ладзари видеть их не могли.

Чиро ворвался в кухню:

– Сестра!

Сестра Тереза выглянула из кладовки:

– В чем дело?

– Мы должны пойти к сестре Эрколине, – выпалил он. – Сейчас же.

– Что случилось? – Сестра Тереза вручила Чиро нагретое полотенце.

– Я кое-что видел в церкви. – Чиро промокнул лицо, затем вытер руки. – Дон Грегорио. Он был с Кончеттой Матроччи. – Чиро почувствовал, как щеки вспыхнули от неловкости. – В ризнице. Я только что застиг их.

– Понимаю. – Сестра Тереза взяла у Чиро полотенце и бросила в стоявший на плите котел с кипятком. Затем налила Чиро стакан воды и кивком пригласила его сесть. – Объяснять не нужно.

– Вы знаете?!

– Я не удивлена, – сказала она бесстрастно.

Разочарованный, Чиро повысил голос:

– Вы что, хотите сказать, что обет не имеет значения?

– Некоторые из нас прилагают огромные усилия, чтобы сдержать обет, для других это легче, – осторожно сказала она. – Люди способны творить чудеса. Но иногда они грешат.

– Ему нет оправдания. Сделайте что-нибудь!

– Я не властна над священником.

– Тогда пойдите к сестре Эрколине и сообщите ей, что я видел. Возьмите меня с собой. Я расскажу ей подробности. Она сможет пойти к матери аббатисе. А та сурово накажет его!

– Ах, вот что. Ты хочешь наказать его. – Сестра Тереза села. – Тобой

движет любовь к Кончетте Матроччи или неприязнь к дону Грегорио?

– С Кончеттой покончено – после того, что я видел, как можно... – Чиро обхватил голову руками.

Нет ничего хуже, чем навсегда потерять возможность выразить свои нежные чувства. Сегодня он был ближе к своей цели, чем когда-либо! Месяцами он представлял, как Кончетта постепенно узнаёт его, отвечает на его чувства и в конце концов влюбляется в него. Он предвкушал столько поцелуев, во всех возможных уголках Вильминоре и окрестностей! Знать теперь, что она выбрала другого, – для юного сердца это было чересчур. И кого – священника, ни больше ни меньше!

– Бедная девочка! Она верит во все, что он ей говорит.

– Я знал, что он мошенник. В нашем храме не происходит никаких таинств. Это представление. Как карнавальное шествие. Он слишком заботится об облачении, покроях и о том, какие цветы будут расти вдоль дорожки в саду. Следит совсем не за тем, за чем нужно. Для него Сан-Никола – просто витрина. Он похож не на священника, а на тех прохвостов с юга, которые приезжают на северные озера, чтобы продать за лето побольше дешевых побрякушек. Они заговаривают зубы женщинам и получают огромные деньги за стекляшки. Так и девчонки из школы собираются вокруг дона Грегорио, подлизываются к нему, никакой разницы.

– Ты прав, он красив и пользуется этим, – сказала сестра. – Кончетта попала на его удочку. Но никогда не следует презирать доверившегося не тому человеку. Такое может случиться с любым из нас.

– Я думал, что она умная.

– И с чего ты так решил?

Сестра Тереза обучала Кончетту с тех пор, как той исполнилось шесть. Она совершенно точно знала, как мало внимания Кончетта уделяла занятиям и сколько усилий она тратила на поддержание красоты и элегантности. На погоню за внешним блеском у нее уходило гораздо больше энергии, чем на развитие ума, характера и здравомыслия.

– Я думал, что она... идеальна во всем.

– Прости. Даже те, кого мы любим, могут разочаровать.

– Теперь я это знаю, – сказал Чиро.

– Священники тоже несовершенны... Чиро, дон Грегорио знает свои слабые места, причем гораздо лучше, чем ты.

– Да он считает, что их у него нет! Шествует по церкви, будто король.

Сестра Тереза тяжело вздохнула.

– Дон Рафаэль Грегорио не получал отличий за успехи в науках, не

был отмечен за духовные подвиги в семинарии. По слухам, он продвигался по службе за счет хороших манер и приятной внешности. И когда он принес последние обеты, его не назначили в кафедральный собор в Милане. Его не позвали писать в ватиканскую газету. Его не сделали помощником епископа или секретарем кардинала. Его послали в беднейшую деревушку у вершины одной из самых высоких гор на самом севере Итальянских Альп. Он всего-навсего красивый дурачок и сам это знает. Он умен ровно настолько, чтобы понимать, что может быть важной шишкой только там, где у него нет соперника. Он служит мессу так, как я читаю вслух рецепт, когда готовлю.

– Но он облечен саном! Он должен быть лучше других!

– Чиро, костюм – это еще не все.

– Так почему сестра тратит столько сил, утюжа его одеяния? Почему я должен носить на валике алтарные покровы? Мы трудимся, чтобы он хорошо выглядел.

– Одна сутана еще не делает никого священником, как и роскошное платье не делает женщину подлинной красавицей – или доброй, или щедрой, или умной. Не путай то, как человек выглядит, с тем, чем он является. Дар Божий – вещь редкая. Я ношу одеяние монахини не потому, что я благочестива, но потому, что пытаюсь быть таковой. Я оставила отца и мать, когда мне было двенадцать, чтобы стать монахиней. Я страстно желала посмотреть мир и теперь расплачиваюсь за свой эгоизм. Кто же знал, что я увижу мир сквозь трубу старой раковины и поверх разделочной доски? Но теперь я здесь, и я та, кем стала. Устремившись за приключениями, я просто сменила одну кухню на другую.

Сестра Тереза готовила три трапезы в день для монахинь да еще еду для дона Грегорио. В три утра она уже была на ногах, чтобы испечь хлеб, – Чиро знал это, потому что вставал подоить коров. Казалось, что сестра Тереза выполняет все обязанности жены и матери – но без сопутствующих любви и уважения.

– Почему же ты осталась? – спросил Чиро.

Сестра Тереза улыбнулась, накрыла руки Чиро своими:

– Я надеюсь, что Господь найдет меня.

Сестра Тереза поднялась и перекинула через плечо посудное полотенце. Она вручила Чиро блюдо, чтобы тот отнес его в трапезную, и составила чаши с каштановым пюре на большой поднос.

– Все не так плохо. Ну что, ужинаем?

– Да, сестра.

– Цыплят всегда не хватает, но мы постараемся. Нас наполнит любовь

Господня, как говорит сестра Эрколина. Ты должен найти то, что наполнит тебя, Чиро. Что тебя наполняет? Ты знаешь?

Чиро Ладзари подумал, что знает, что наполняет его, но с монахиней он стал бы говорить об этом в последнюю очередь. Если Чиро хоть что-то понимал в себе, им двигало желание добиться девушки и завоевать ее сердце.

– Я думал, что это Кончетта, – сказал он.

– Прости. Иногда кто-нибудь разбивает нам сердце – лишь затем, чтобы когда-нибудь нужный человек склеил его.

Чиро не был готов отказаться от Кончетты Матроччи. Он не смог бы объяснить, почему он любит ее, просто знал, что любит – и все. Чиро представлял Кончетту всю как она есть, домысливал ее жизнь, добавляя воображаемые черточки к тому немногому, что он видел своими глазами, когда мимоходом встречал ее на площади, в школе или церкви. Он гадал, как она проводит время вне Сан-Никола. Представлял ее спальню – с круглым окном, белым вращающимся стулом, мягкой пуховой постелью и с обоями в мелких розочках. Он размышлял, чего ей больше хочется, – может, изящную золотую цепочку, тонкое кольцо с изумрудом или меховой палантин, чтобы носить поверх зимнего пальто? Кем она станет? Собирается ли она работать в одной из лавок галереи? Возможно, она хочет дом на Виа Донцетти или ферму на горе над деревней, в Альта-Вильминоре?

Чиро взмолился:

– Давайте избавимся от донна Грегорио. Вместе! Он безбожник. Вы знаете, как все в Церкви устроено. Помогите мне довести дело до конца. Ради вас.

– Дай мне подумать, – сказала сестра Тереза.

Увидев Кончетту в объятиях другого, Чиро ощутил не ревность, а печаль. Он так долго надеялся на поцелуй, а теперь ему уже не придется целоваться с той, о ком мечтал с первой минуты, как ее увидел. Деревенский священник беззастенчиво украл у него шанс на счастье, и Чиро хотел, чтобы дон Грегорио за это заплатил.

Чиро отправился на север, в Скильпарิโอ, пешком. Прогулка в пять миль занимала у него около часа, так что времени было достаточно, чтобы вовремя успеть в церковь, поговорить после отпевания с доном Мартинелли и получить от него указания, где рыть могилу.

Сестра Тереза собрала в дорогу свежие булочки, ломтики салями, приличный кусок пармезана и флягу с водой. Чиро расстроился, что

вынужден идти в Скильпарิโอ пешком, но после ссоры с доном Грегорио было ясно, что отныне церковная коляска для него под запретом. Интересно, кто же теперь будет трудиться в конюшне настоятеля. Чиро сочувствовал старому Игги и надеялся, что тяжести будет поднимать его новый помощник. Слух, что Чиро больше не работает в церкви, разнесся быстро – в деревне жадно ловили любую новость.

Пассо Персолана извивалась, как намотанный на гору медный провод, змеилась под каменными мостиками, расширяясь там, где скалы расступались, образуя ущелья. Чиро шел по вгрызавшемуся в гору длинному туннелю. Неровные стены были когда-то вырублены взрывами динамита, но сейчас их покрывал зеленый мох. Чиро не отрывал глаз от видневшегося вдали выхода – темную трубу запечатывал овал яркого света.

Внезапно до него донесся стук копыт. У входа в туннель возник силуэт – лошадиная упряжка, тащившая крытую повозку. Лошади шли галопом. Чиро замер посреди дороги, но тут же услышал, как кучер крикнул ему: «*Sbrigati!*»^[30] Метнувшись к влажной стене, Чиро распластался по ней, раскинув руки. Лошади промчались мимо, колеса повозки, в последний момент круто вильнувшей в сторону, оказались всего в паре дюймов от его ног.

Грохот копыт стих. Чиро стоял, упершись руками в колени, и пытался отдышаться. Сердце его колотилось. Он дрожал, понимая, что мимо только что пронеслась верная смерть.

Немного успокоившись, Чиро выбрался из туннеля и начал карабкаться в гору. Альпы были в весеннем цвету. С одной стороны пестрели белыми маргаритками утесы, с другой скалистые стены грозного ущелья ковром устилала виноградная лоза. Чиро жалел, что отверг предложение Эдуардо пойти с ним, потому что путешествие оказалось длиннее и опаснее, чем он представлял, – но ведь брат был занят подготовкой к литургии Пасхальной недели.

Посвистывая, Чиро преодолевал крутой изгиб дороги. Минуя глубокую промоину, где дорога осыпалась, он услышал, как внизу, в кустах, что-то шуршит. Он заглянул в яму – расселина была заполнена толстым слоем листвы – и отступил назад. В горах водились волки, и Чиро подумал, что если они хоть вполовину так голодны, как местные бедняки, то он рискует не добраться до Скильпарิโอ. Припустив в гору, чуть погодя он опять услышал шорох, на этот раз ближе – как будто его преследовали. Он сорвался на бег и вскоре понял, что за ним с лаем гонится собачонка, поджарая черно-белая дворняга с длинной мордой и умными карими глазами.

Чиро остановился, перевел дух и спросил:

– Кто ты?

Собачонка гавкнула.

– Иди домой, малыш.

Чиро оглядел дорогу. До окрестностей Вильминоре слишком далеко, чтобы предположить, что собака из тех краев, и, кроме того, она была очень тощей, так что вряд ли в последнее время о ней кто-то заботился.

Чиро опустил на колени:

– Песик, я должен вырыть могилу.

Псина смотрела на него снизу вверх.

– Где ты живешь?

Собака только тяжело дышала, вывалив розовый язык.

– А, я понял. Ты сирота вроде меня.

Чиро почесал пса за ушами. Шерсть была чистой, но свалявшейся. Чиро открыл фляжку, вылил немного воды в ладонь, предложил псу. Тот почти все вылакал, а потом помотал головой, забрызгав Чиро.

– Эй! – Чиро встал, утер лицо рукавом. – *Non spruzzo!*^[31]

Он повернулся и пошел вверх по дороге. Пес потрусил следом.

– Иди домой, малыш.

Но пес не отставал.

Остаток подъема прошел незаметно: Чиро нашел толстую палку и бросал, а пес с готовностью приносил ее обратно. Туда-сюда, туда-сюда – пес превратил дорогу в игру. Чиро, все выше и выше забиравшийся в Альпы, оценил нового товарища как раз к тому времени, когда путь подошел к концу. Впереди виднелся въезд в Скильпарิโอ.

Церковь Святого Антония Падуанского, куда Чиро направлялся, была возведена из больших блоков местного песчаника и стояла на въезде в деревню. С церковного двора Чиро увидел гигантскую водяную мельницу, ее колесо бешено крутилось под напором бегущего с гор потока, переливавшегося через лопасти и наполнявшего прозрачный пруд. Привольно раскинувшийся за мельницей луг добавлял простора деревушке, примостившейся у самого подножия Пиццо Камино.

Чиро вглядывался сверху в пустые улицы. Деревня была пугающе тихой. Он посмотрел на окна и не увидел в них ни одного лица. Двери лавок были закрыты, ставни заперты. Казалось, поселок заброшен. Чиро начал сомневаться, правильно ли он понял Игги.

Бездомный пес дошел с Чиро до входа в церковь. Чиро посмотрел на него:

– Слушай, у меня здесь работа. Иди найди какую-нибудь семью,

которая тебя приютит.

Пес взглянул на Чиро, будто спрашивая: «Какую еще семью?»

Чиро открыл дверь в церковь. Оглянулся на пса, который уселся ждать. Покачал головой и улыбнулся. А затем вошел в церковь, сняв шапку. Церковь была полна людей. Чиро начал пробираться сквозь толпу. Все скамьи были забиты. Скорбящие стояли в проходах, в приделах тоже толпились люди. Была заполнена даже лестница, ведущая на хоры. Чиро понял, что здесь собралась вся деревня. Видимо, его наняли, чтобы похоронить кого-то очень важного, землевладельца, *sindaco*^[32], а может, епископа.

Рост позволял Чиро заглянуть поверх голов собравшихся. Он приподнялся на цыпочки и посмотрел вдоль главного прохода, на ступени алтаря. Там стоял маленький открытый гроб. С ужасом Чиро понял, что придется хоронить не старика, а ребенка. У гроба преклонила колени семья – отец, мать и дети. Одеты они были опрятно, но скромно, и эта скромность никак не вязалась с пышностью похорон и переполненной церковью. Чиро подивился такому уважению к обычным бедняками – явно его ровне.

Джакомина стояла на коленях, положив на гроб руки, будто успокаивая спящего в колыбели. У нее никогда уже не будет обещанного мужу седьмого ребенка. Как странно, что она думает о нерожденном младенце, когда рожденное ею дитя лежит в гробу. Младенец, его запах, звуки, которые он издает, – все это словно заново открывает мир. У старших детей свое очарование, с ними всегда приятно, но младенец заново связывает семью воедино.

Прежде Джакомина верила, что, воздерживаясь от седьмого ребенка, она оберегает остальных детей. Она словно заключила сделку с Господом. Ей не дана будет седьмая радость, о которой она столько молилась, но зато остальные шестеро будут в безопасности. Но Бог нарушил обещание. Глядя на лица детей, Джакомина знала, что не сможет их утешить. Их утрата была столь же непоправимой, как и ее.

Энца крепко сжимала руку матери, стоя на коленях у гроба, в последний раз глядя на нежное лицо Стеллы и ее непокорные кудри. Сколько раз она стояла так у колыбели, когда Стелла была совсем малышкой, любуясь ею спящей! Такой сестра для нее и останется навеки.

Энца навсегда сохранит в сердце образ своей малышки, подобно локону Стеллы, который она отрезала и поместила в медальон, прежде чем священник пустил в церковь всех остальных. Энца начала перечислять про

себя все, чего достигла ее маленькая сестра за свою короткую жизнь. Стелла училась читать. Она знала алфавит. Она могла прочесть вслух молитвы – «Ave Maria», «Pater noster» и «Gloria». Она знала песню «Нинна-Нанна» и умела танцевать бергамаску^[33]. Она живо интересовалась природой, могла отличить ядовитую красную крушину от съедобных диких слив, росших на кручах. По картинкам в папиной книге она понимала разницу между альпийским оленем и лосем.

Стелла знала о загробном мире, но представляла небеса воображаемой страной, замком в облаках, в котором живут ангелы. Энца могла только гадать, понимала ли Стелла, что происходит, когда умирала. Было слишком мучительно представлять последние мысли сестренки.

Жизнь, решила Энца, не столько то, что тебе дано, сколько то, что у тебя забрали. Только теряя, мы осознаем, чем больше всего дорожили. Энца больше всего на свете хотела бы спасти Стеллу, чтобы не ждали впереди долгие годы без младшей сестры. Она поклялась себе никогда, ни на единый день не забывать Стеллу.

Священник запалил длинную спичку, поднес к золотому кадилу с ладаном. Через некоторое время из квадратного отверстия потянулись струйки серого дыма. Он мягко опустил медную крышку, приподнял кадило на длинной цепи и, равномерно покачивая им, пошел вокруг гроба, чтобы освятить его. Вскоре клубы дыма почти скрыли крошечный гроб, и теперь он напоминал золотой кораблик, плывущий по облакам.

Священник оглядел церковь, не понимая, как устроить, чтобы каждый из этой огромной толпы прошел мимо гроба, отдавая покойной последние почести. Чиро быстро уловил суть затруднения. Он слегка подтолкнул локтями двух парней, жестом позвав их за собой. Они вместе проскользнули за алтарем в дальнюю часть церкви. Там Чиро показал, что делать дальше. Отодвинув щеколды сверху и снизу, они открыли боковые двери, впустили свежий горный воздух и солнечный свет, мгновенно развеяв мрак. Скорбящие выстроились в очередь и двинулись мимо гроба, а затем к дальнему выходу. Священник одобрительно кивнул Чиро.

Чиро заметил, что старшая девочка поднялась с коленей, встала рядом с матерью и, утешая, положила руки ей на плечи. Он отвел глаза. От столь очевидной близости матери и дочери у него защемило сердце. Чиро протиснулся между людьми и выскользнул в боковую дверь. На улице он глубоко вдохнул прохладный горный воздух. По прикидкам Чиро, прощание с покойной потребует нескольких часов, так что он вряд ли сумеет засветло вернуться в Вильминоре.

Где-то заскулил пес. Чиро огляделся и увидел, что найденыш несется к

нему из-за угла церкви. Он нагнулся, и пес лизнул его руку.

– Эй, Спруццо^[34], – прошептал он, обрадовавшись компании.

Сняв заплечный мешок, Чиро достал салями и поделился с собакой, пока процессия волнами черного и серого выплескивалась из церкви на улицы Скильпарิโอ, подобно низким грозовым тучам, ползущим с гор. На церковные ступени вышла группка детей. Чиро признал в них сирот. Детей вела монахиня, ступавшая со склоненной головой, ее сложенные на животе руки были спрятаны в развевающихся черных рукавах. От поспешности, с какой дети стремились уйти, будто не желая привлекать к себе внимание, у него снова кольнуло в груди. Чиро давно уже понял, что боль сиротства может лишь затихнуть, но никогда не исчезнет полностью. Порой, глядя на ребенка, которому было столько же, сколько было ему самому, когда мать оставила их с братом в монастыре, он чувствовал, как рана внутри вновь начинает ныть, словно и не затягивалась никогда.

Чиро представил мать в золоченой карете, влекомой упряжкой вороных коней. Одним прекрасным зимним утром карета остановится у монастыря. На Катерине будет ее лучшее пальто – из темно-синего бархата. Раскрыв руки, она кинется к ним. В этой фантазии Чиро и Эдуардо снова были маленькими. И на этот раз она их не бросит. Она поможет им залезть в карету. Возница обернется – это их отец Карло, улыбающийся, счастливый, человек, у которого есть все, что ему надо: любимая женщина и дети.

Голубой ангел Un Angelo Azzuro

Когда солнце скрылось за горой, кладбище церкви Святого Антония Падуанского окутал серебристый туман. Сквозь распахнутые железные ворота виднелся плоский участок земли, загроможденный надгробиями и окруженный чередой склепов.

Именитые семьи возвели богато украшенные мраморные и гранитные мавзолеи в виде алтарей и портиков. Стены их были расписаны фресками. Но были сооружения попроще и построжее, в романском стиле, с колоннами и золочеными надписями.

Чиро знал, что копать могилу в Скильпарии будет трудно. Ниже деревни находились баритовые и железные шахты, а это означало, что почва тут – глина пополам с камнями. Лопата снова и снова ударялась о скалу, но Чиро упорно вгрызался в землю, выкапывал целые глыбы белого песчаника, похожие на гигантские жемчужины, и складывал камни рядом с могилой.

Гроб Стеллы стоял на мраморном крыльце ближайшего мавзолея. Накрытый освященным покровом, он ждал, когда Чиро завершит работу. Спруццо сидел на краю могилы и следил, как постепенно продвигается дело у его нового хозяина и как гора камней и земли рядом с надгробным камнем становится все выше. Сперва, после того как на месте погребения были совершены положенные обряды, гроб опустили в неглубокую могилу и покрыли цветами. Как только последние люди ушли, Чиро убрал цветы, поднял гроб из могилы и начал углублять ее еще на два метра.

Спустя пару часов глина уступила место сухой почве, и последние полметра он вырыл почти мгновенно.

Чиро выбрался из могилы, чтобы вернуть гроб на место.

Много лет назад семья Раванелли купила на кладбище маленький участок и отметила его изящной скульптурой – ангел из голубого мрамора. Этот элегантный в своей простоте памятник нравился Чиро куда больше причудливых мавзолеев. Он осторожно поставил маленький гроб рядом с ямой, а затем спрыгнул вниз.

– Эй! Я помогу.

Чиро выглянул из-за края могилы и увидел старшую дочь Раванелли. В

вечернем свете она выглядела нездешней, словно и сама была ангелом. Длинные темные волосы распущены, а глаза казались в тумане блестящими черными бусинами. На ней было платье в турецких огурцах и поверх него – накрахмаленный белый передник. Промокнув глаза платком, она спрятала его в рукав и опустилась на колени.

Чиро видел, что девочка сама нуждается в помощи, он понимал, что необратимость похорон поможет ей обрести душевный покой.

– Хорошо, подними один конец, а я возьмусь за другой.

Вместе они осторожно подняли гроб Стеллы. Чиро мягко опустил его в могилу и установил там как следует, прежде чем выбраться наверх. Энца так и стояла на коленях, склонив голову. Чиро подождал, пока она закончит молиться.

– Ты уже можешь идти, – тихо сказал он.

– Я хочу побыть здесь.

Чиро огляделся.

– Но мне пора засыпать гроб, – мягко напомнил он ей.

– Я знаю.

– Ты уверена?

Энца ответила кивком:

– Я не хочу покидать свою сестру.

Спруццо заскулил. Энца протянула к нему руку, и пес ткнулся носом ей в ладонь.

– У меня в сумке есть немного еды, – сказал Чиро.

Энца развернула мешковину и обнаружила там остатки колбасы, которую утром дала Чиро сестра Тереза.

– Если ты голодная, угощайся.

– *Grazie*, – слабо улыбнулась Энца.

Ее улыбка неожиданно согрела Чиро, и он улыбнулся в ответ.

Пока Чиро кидал землю в могилу, Энца кормила Спруццо кусочками колбасы. Земля ложилась ровными слоями, пока могила не оказалась вровень с другими. Когда Чиро закончил, Энца помогла ему оттащить в сторону глыбы песчаника, а потом сложила цветы на свежий холмик. Земля едва виднелась сквозь ковер из можжевельных и сосновых веток, собранных прихожанками церкви. Энца взяла длинные ветви мирта из охапки, которую сама собрала сегодня утром, и обложила могилу по краю темной зеленью. Отступив, оглядела. Выглядит красиво, подумала она.

Пока Энца тщательно складывала церковный покров, Чиро очистил лопату и кирку.

– Я должен вернуть это священнику.

– Знаю. – Энца перекинула полотнище через руку. – Его используют на каждых похоронах.

– Ты гладишь покровы? – спросил Чиро.

– Иногда. Деревенские женщины по очереди гладят или готовят еду священнику.

– В Скильпарио нет монахинь?

– Только одна, она заботится о сиротах. На остальное ее не хватает.

Энца вывела Чиро с кладбища. Спруццо бодро трусил за ними.

– Я могу все отнести сам, – сказал Чиро. – Если только не хочешь показать мне дорогу.

– Дом священника прямо за церковью, – сказала Энца. – Как в любой деревушке любой итальянской провинции.

– Мне не нужно это рассказывать, я знаю.

– Ты учишься на священника? – Энца предположила, что это возможно, ведь одежда на нем была бедная, а многие как раз вступают на церковную стезю, потому что это хорошая альтернатива работе в шахте или другому тяжелому труду – например, ремеслу каменотеса.

– Я похож на священника? – спросил Чиро.

– Не знаю. Священники с виду ничем не отличаются от остальных.

– Ну, если одним словом, я никогда не буду священником.

– Так ты могильщик?

– Это в первый и, надеюсь, в последний раз. – Он понял, как это прозвучало, и добавил: – Прости.

– Я понимаю. Работа не из приятных. Меня зовут Энца.

– А я – Чиро.

– Ты откуда?

– Из Вильминоре.

– Мы ходим туда на праздник. Ты живешь в деревне или на ферме?

– В монастыре. – Его удивило, что он с такой готовностью признался, где живет. Обычно, разговаривая с девушками, он неохотно рассказывал им о Сан-Никола и о том, как рос.

– Ты сирота? – спросила Энца.

– Мать оставила нас там.

– Вас? У тебя есть братья и сестры?

– Брат, Эдуардо. Один. Не то что у тебя. Расскажи, как это вообще – такая большая семья?

– Шумно, – улыбнулась она.

– Как в монастыре.

– Я думала, монахини тихие.

– Я тоже. Пока не поселился у них.

– Что, не заразился от них благочестием?

– Не особо. – Чиро улыбнулся. – Но это не их вина. Просто мне кажется, что молитвы часто остаются без ответа. Если на них вообще хоть когда-то отвечают.

– Но ведь для этого и нужна вера!

– Вот и монахины все время говорят, что нужна, но где, интересно, мне ее взять?

– Думаю, в своем сердце.

– Сердце у меня занято другим.

– Например? – спросила Энца.

– Возможно, когда-нибудь ты узнаешь, – смущенно сказал Чиро.

Энца подняла палку и бросила вперед. Спруццо с готовностью рванулся за ней.

Энца заметила, что они идут в ногу. И ей не приходится бежать, попевая за Чиро, хотя он выше нее.

– Твоя мать была больна? – спросила Энца.

– Нет, наш отец умер, и она больше не могла заботиться о нас.

– Как же ей было горько!

За все прошедшие годы Чиро ни разу не задумался, каково же было Катерине. Слова Энцы стали для него откровением. Может, мама так же тосковала по сыновьям, как они по ней.

– А как так получилось, что ты пришел выкопать могилу для моей сестры? – спросила Энца.

– Меня послал Игги Фарино. Он разнорабочий в монастыре. Я ему помогаю.

Впервые за этот долгий день Чиро задумался, что привело к смерти Стеллы. Он слышал разговоры, но о смерти детей говорят неохотно.

– Мне бы не хотелось огорчать тебя еще больше. Но можно узнать, что случилось с твоей сестрой?

– Лихорадка. А еще у нее были ужасные синяки. Все произошло так быстро. Пока я донесла ее от водопада до дома, она уже просто пылала. Я все надеялась, что доктор поможет, – сказала Энца, – но у него ничего не вышло. Мы никогда не узнаем точно.

– Может, и к лучшему, – мягко сказал Чиро.

– Все люди в мире делятся на два сорта. Одни хотят знать факты, а другие – сочинить прекрасную сказку, чтобы стало легче. Хотела бы я относиться к тем, кто сочиняет сказки, – призналась Энца. – Это я присматривала за Стеллой накануне того дня, когда она умерла.

– Ты не должна проклинать себя, – сказал Чиро. – Может, никого не нужно винить, стоит просто принять, что такой конец – часть истории твоей сестры.

– Хотелось бы мне в это верить.

– Если будешь искать смысл во всем, что происходит вокруг, в конце концов разочаруешься. Самые ужасные вещи иногда случаются вовсе без причины. Я часто спрашиваю себя – если б я знал ответы, был бы из этого толк? Лежу ночью и думаю, отчего у меня нет родителей и что станет со мной и братом. Но когда приходит утро, понимаю: то, что уже случилось, не изменишь. Я могу только встать и делать свою работу, проживать этот день и искать в нем что-то хорошее.

– Стелла была нашим счастьем. – Голос Энцы дрогнул. – Я никогда не забуду ее.

– Не забудешь. Я кое-что об этом знаю. Когда кого-то теряешь, он занимает еще больше места в твоём сердце. Каждый день – все больше, потому что ты не перестаешь любить того, кто ушел. Так хочется с ним поговорить. Так нужны его советы. Но жизнь не всегда дает нам то, в чем мы больше всего нуждаемся, вот что тяжело. По крайней мере, у меня так.

– У меня тоже, – сказала Энца.

Пока они медленно брели в сумерках, Чиро решил, что Энца даже красивее Кончетты Матроччи. Энца была темной, как ночное озеро в лунном свете, а Кончетта – кружевной и воздушной, будто голубка весной. И Чиро решил, что тайна ему нравится больше.

У Энцы были стройные ноги и тонкие руки. Она грациозно двигалась и прекрасно изъяснялась. Ее скулы, прямой нос и решительный подбородок были типичны для Северной Италии. Но было в ней нечто, чего Чиро у девушек еще не встречал, – любознательность. Энца была наблюдательна, внимательна к другим. Он заметил это еще утром, в церкви, и сейчас, во время разговора. Кончетта Матроччи, напротив, была сосредоточена на том, чтобы холить и лелеять собственную красоту и пользоваться властью, которую та ей дает.

Чиро видел, как беззащитна Энца в своем горе, и ему захотелось помочь ей. Физическая сила ему была привычна, но теперь он хотел поделиться силой душевной. С Энцей он не испытывал никакой неловкости, с ней было хорошо и спокойно. Будто между ними образовалась какая-то мгновенная и очень естественная связь. Он надеялся, что дорога к дому священника окажется длиннее, чем ему сперва показалось. Ему хотелось провести побольше времени с этой милой девушкой.

– Ты еще учишься? – спросил он.

– Мне пятнадцать. Я окончила школу в прошлом году.

Он кивнул, довольный, что они оказались ровесниками.

– Помогаете матери по дому?

– Я помогаю отцу в конюшне.

– Но ты же девочка!

Энца пожала плечами:

– Я всегда помогала отцу.

– Он кузнец?

– Нет, он возит людей в Бергамо и обратно. У нас старая лошадь и чудесная повозка.

– Какие вы счастливые! – улыбнулся Чиро. – Если б у меня была повозка, я бы объехал все деревушки в Альпах. При любой возможности отправлялся бы в Милан и Бергамо.

– А как насчет того, чтобы пересечь границу и попасть в Швейцарию? Ты похож на швейцарца. С твоими-то светлыми волосами.

– Нет, я итальянец. Ладзари.

– У швейцарцев иногда бывают итальянские фамилии.

– Тебе нравятся швейцарцы? Тогда я буду швейцарцем, – поддразнил ее Чиро.

Обогнав его, Энца развернулась на каблуках.

– Ты флиртуешь с каждой встречной?

– С некоторыми, – рассмеялся он. – А ты всегда задаешь такие вопросы?

– Только когда заинтересована в ответе.

– У меня есть одна знакомая, – признал Чиро. Он подумал о Кончетте и снова ощутил разочарование. Поцелуй дона Грегорио и девушки, в которую он был влюблен, горел теперь перед внутренним взором, подобно образу ада на алтарной фреске.

– Только одна?

– Кончетта Матроччи, – тихо сказал Чиро.

– Кончетта. Какое прекрасное имя.

– *Si*, – ответил он. – Ей подходит. У нее светлые волосы, и ростом она невысокая. – Он взглянул на Энцу, которая была почти с ним вровень. – Я часто видел ее в церкви. Честно говоря, я высматривал ее везде. Ждал в колоннаде, когда она пройдет. Иногда – часами.

– И она отвечала на твои чувства?

– Почти.

Теперь пришел черед Энцы улыбнуться.

– Прости. Я просто еще не встречала, чтобы кто-то говорил «почти», описывая любовь.

– Ну хорошо, можно сказать, я любил ее издали. Но потом оказалось, что она любит другого.

– Поэтому у твоей истории печальный конец.

Чиро пожал плечами:

– Она не единственная девушка в Вильминоре.

– Ты говоришь, словно принц Альпийский, покоряющий девушек своим очарованием и лопатой!

– Да ты просто смеешься надо мной! – воскликнул Чиро.

– Вовсе нет. Думаю, тебе не о чем беспокоиться. В Альпах полно девушек. Вот в Аццоне и еще дальше в горах – совершенно прелестные. Или отправляйся в Люцерну. Там как раз блондинки, миниатюрные и хорошенькие. В твоем вкусе.

– Пытаешься от меня избавиться? – Чиро остановился и засунул руки в карманы.

Энца посмотрела ему прямо в лицо:

– Ты должен получить то, чего хочешь. Как и каждый.

– А чего хочешь ты? – спросил Чиро.

– Я хочу остаться здесь, в горах. Хочу жить с родителями, пока они не состарятся. – Энца судорожно вздохнула. – Перед сном я закрываю глаза и вижу свою семью. Все здоровы, целы и невредимы. В закромах достаточно муки, а в горшке – сахара. Наши курочки решили, что день подходящий, и снесли достаточно яиц, чтобы хватило на пирог. Вот все, чего я хочу.

– И тебе не хочется золотую цепочку или новую шляпку?

– Иногда. Мне нравятся красивые вещи. Но если выбирать, я предпочту свою семью. – Энца спрятала руки в карманы фартука.

– Родители уже подыскали тебе жениха?

– Даже если так, то мне они об этом не сказали, – улыбнулась Энца.

Как странно, что Чиро задал ей этот вопрос именно сегодня. Смерть Стеллы заставила ее повзреть или, по крайней мере, задуматься над выбором, который встает перед взрослыми. Но только сейчас она осознала: чтобы жить полной жизнью, ты должен построить ее своими руками.

– Может, они еще его не подыскали. – Чиро оперся на лопату.

– Не хотела бы, чтобы меня сватали родители. Я предпочту выбрать того, кого люблю. Но больше всего я хочу снова увидеть свою сестру. – Энца заплакала, но тут же взяла себя в руки. – Я собираюсь прожить эту жизнь как следует, поэтому уверена, что увижу ее в новой жизни. Буду трудиться изо всех сил, всегда говорить правду и приносить пользу людям,

которые обо мне заботятся. По крайней мере, я буду стараться. – Энца вынула из рукава носовой платок, отвернулась от Чиро и вытерла слезы.

Чиро подошел ближе и взял ее руки в свои. Он уже несколько минут мечтал о том, чтобы обнять ее, но был удивлен, поняв, что это не знакомое плотское желание, но сочувствие. Он притянул ее к себе и почувствовал запах юной кожи и сырой земли.

Энца замерла, прижавшись к нему. Целый день она утешала других, и так теперь приятно дать волю своей слабости. Прильнув к Чиро, она плакала, пока не иссякли слезы. Энца закрыла глаза и позволила обнять себя еще крепче.

Чиро наполняло умиротворение. Энца была словно создана для его объятий. Впервые в жизни Чиро ощущал себя нужным. Оказывается, у его рук есть предназначение, прежде ему неведомое.

Ценность Чиро всегда определялась тем, насколько усердно он работал, сколько дел успевал переделать с восхода до заката. Прилежание было его визитной карточкой и основой его репутации. Для самоуважения ему было достаточно сознавать, что сегодня он хорошо потрудился.

Чиро даже не подозревал до сих пор, насколько нужным чувствуешь себя, просто проявив доброту. Он уже знал, что девушка бывает восхитительной загадкой, но ему и в голову не приходило, что с ней может быть интересно, что у нее можно чему-то научиться.

Энца высвободилась из его объятий:

– Ты пришел выкопать могилу, а не болтать со мной.

– Но я нашел тебя, – ответил Чиро, снова обнял ее и поцеловал.

Пока его губы нежно касались ее губ, перед глазами пронеслись события сегодняшнего дня. Он пытался вспомнить, когда в первый раз увидел Энцу. Обратил ли он сперва внимание на других девочек, стоявших в толпе, и лишь затем нашел ее, или она была единственной, кого он заметил?

И как он зашел так далеко, как Энца позволила ему поцеловать себя, несмотря на грязные руки и на то, что одет он неважно? Настанет ли время, когда он будет ухаживать за девушкой, сияя, как стеклянная пуговица, в вычищенном и выглаженном костюме?

Энца же почувствовала, как вся печаль этого дня вдруг улетучилась, – и все благодаря этому мальчику из Вильминоре. Может, этот поцелуй подскажет ей, как жить дальше, как преодолеть скорбь? А вдруг в самом темном дне ее жизни нашлось немного света? Вдруг он поможет ей превозмочь горе своей дружбой? Вдруг Чиро – это такой особенный ангел, высокий и сильный, с веснушками от постоянной работы на солнце, с

мозолистыми руками, столь непохожими на руки богатых и образованных? В конце концов, это он подарил Стелле надежный последний приют. Как будто ниспослан, чтобы опустить ее сестру в землю этих гор, которые Стелла так любила, сделать ее их частью.

Впрочем, совсем не важно, кто он или откуда пришел. Энца просто знала, что у Чиро доброе сердце, что ему передалась ее тоска. Позже она подумает о том, как вышло, что она позволила едва знакомому мальчику поцеловать ее на Виа Скалина. Она ведь и минуты не колебалась. И в поцелуе не было никакой тайны. Энца понимала Чиро, хотя и не знала почему.

Однако в маленьких деревушках свои правила насчет ухаживания. Мысль о том, что кто-нибудь из соседей увидит, как она в открытую целуется с мальчиком, мигом привела Энцу в чувство. Как обычно, рассудок возобладал над склонным к романтике сердцем.

– Но ты же любишь другую, – сказала она, найдя предлог, чтобы отстраниться и сделать шаг назад.

– Сестра Тереза сказала, что, когда одна разрывает твое сердце, тут же находится другая, которая его штопает.

Энца улыбнулась:

– Я лучшая швея в Скильпарิโอ. Тебе любой скажет. Но даже я не смогу починить твое разбитое сердце. Мое собственное разбито, ты же знаешь.

Она взбежала по ступенькам дома священника и позвонила в колокольчик. Чиро поспешил за ней.

Им открыл отец Мартинелли. В дверном проеме он казался куда меньше, чем утром в алтаре. Белое облачение и золотая стола^[35] делали его похожим на великана, но в черном подряснике он съежился до размеров пресс-папье.

– Ваш покров, дон Мартинелли.

– *Va bene. Buona sera*^[36]. – Дон Мартинелли начал закрывать дверь.

Чиро вставил ногу в щель:

– Игнацио Фарино сказал, что вы заплатите мне две лиры.

– Ты очень дорогостоящий могильщик.

Священник пошарил в кармане и вручил Чиро две лиры.

Чиро вернул ему обратно одну:

– На храм.

Дон Мартинелли взял монету, крикнул и закрыл дверь.

– Как щедро с твоей стороны, – заметила Энца.

– Не думай обо мне слишком хорошо. Такова была сделка, – ответил Чиро.

Энца посмотрела в небо – по лиловому своду тянулись светящиеся прожилки, будто золотое шитье. Эти прекрасные небеса встречали душу ее сестры.

– Где ты оставил свою лошадь? – спросила она.

– Я пришел пешком.

– Из Вильминоре? Ты не сможешь возвращаться в темноте. Тебя задавят, если не хуже.

Рядом сопел Спруццо.

– А как насчет твоего пса?

– Это не мой пес.

– Но он ходит за тобой повсюду.

– Потому что я не могу от него избавиться. Он привязался ко мне по дороге. И я имел глупость накормить его.

– Он выбрал тебя. – Энца присела, чтобы погладить Спруццо.

Чиро опустил рядом:

– Я бы предпочел, чтобы меня выбрала ты.

Энца смотрела в глаза Чиро и не могла решить, говорит ли он комплименты всем подряд или она ему действительно нравится. Наверняка он не первый, кто пользуется девичьим горем, но Энца решила, что должна доверять тому, что видит, а не предполагать худшее.

– Ты знаешь, эта церковь названа в честь святого Антония Падуанского, покровителя потерянных вещей. Это знак. Спруццо потерялся, нашел тебя, и это было не случайно. Ты избран и должен оставить его себе.

– Иначе что?

– Иначе святой Антоний покинет тебя. И когда ты будешь в нем больше всего нуждаться, когда сам потеряешься, он не поможет тебе отыскать дорогу.

Энца так говорила о святых, что Чиро почти хотелось в них поверить. Он и не представлял, что можно относиться к святым как к живым людям, готовым торговаться с теми, кто остался на земле. Сколько раз он чистил статуи в церкви Сан-Никола, но ни разу не почувствовал, что эти гипсовые истуканы способны хоть на что-то. Почему эта девчонка так уверена, что силы небесные приглядывают за ней?

– Пойдем, – сказала она. – Я отвезу тебя домой.

– Ты умеешь управляться с лошадью?

– С одиннадцати лет, – с гордостью ответила Энца.

– Хотелось бы посмотреть.

Чиро и Энца двинулись вверх по Виа Скалина, Спруццо по-хозяйски трусил впереди. Дорожку ко входу в старый каменный дом Раванелли освещали масляные лампы.

Во дворе толпились сельчане, пришедшие поддержать семью. В доме тоже было полно людей.

– Подожди, я поговорю с отцом, – сказала Энца. – Я должна получить разрешение.

Чиро вошел с Энцей в дом, а Спруццо остался ждать снаружи.

При виде стола, ломившегося от домашнего хлеба и булочек, свежего сыра, прошутто, холодной поленты, тортеллини с колбасным фаршем, у Чиро рот наполнился слюной. На полке над очагом он заметил оловянные сковороды с пирогами, очень похожими на монастырские пироги сестры Терезы, которые Чиро разносил каждый декабрь. На треножнике стояла эмалированная кастрюля с кофе, а рядом – кувшин со сливками. Каждая лавка, каждый стул были заняты жителями деревни.

Дети были везде – карабкались по лестнице на чердак, шныряли под столами, играли в пятнашки, вбегая с улицы и выбегая обратно. Чиро подумалось, что детский смех хоть чуточку развеял ужас этого дня.

Внезапно его кольнуло острое сожаление: сколько он лишился, утратив дом и семью. Скромный и чистый домик Раванелли так и дышал гостеприимством. «Что еще надо человеку для счастья?» – подумал Чиро.

Женщина примерно одних лет с Джакоминой уговаривала ее выпить кофе, а Марко окружали мужчины, явно пытавшиеся отвлечь его своими шахтерскими байками. Чиро вспомнил, как родители Энцы сидели сегодня у подножия алтаря, и у него перехватило горло.

Энца пробралась к отцу. Она зашептала что-то Марко на ухо, тот кивнул и оценивающе посмотрел на Чиро. Затем Энца подошла к матери, опустилась перед ней на колени, погладила по руке, встала и поцеловала Джакомину в щеку.

Собрав в накрахмаленное полотенце две груши, несколько небольших сэндвичей и кабацуне – пирог с рикоттой и медом, Энца подошла к Чиро, стоявшему у двери:

– Папа сказал, что мы можем взять повозку.

– Могу я перед тем, как уйти, выразить свое почтение твоим родителям? – спросил Чиро.

В этот день Энца все чувствовала острее. Ее тронул такт Чиро.

– Конечно, – ответила она тихо.

Энца завязала полотенце узлом и положила на стол.

Потом она подвела Чиро к отцу. Мальчик пожал ему руку и выразил свои соболезнования. Затем Энца проводила его к матери. Чиро повторил слова сочувствия и не забыл поклониться.

Попрощавшись, Чиро спустился за Энцей по мощеной дорожке к конюшне, они вошли внутрь, оставив Спруццо тявкать на улице. Энца зажгла масляную лампу – и все в сарае обратилось в жидкое золото: сено, стены, кормушка, лошадь. Чипи стоял в своем стойле, накрытый одеялом.

– Можешь пока сдернуть с коляски кисею, – сказала Энца, снимая с Чипи одеяло. Конь ткнулся носом ей в шею.

– Хочешь, запрягу? – спросил Чиро.

– Я сама. – Энца вывела Чипи из стойла и подвела к оглоблям. – Ты лучше покорми его пока.

Чиро вынул из кормушки корзину и поставил перед Чипи, и тот немедленно захрумкал овсом.

Энца открыла двери конюшни и повесила масляную лампу на специальный крюк, приделанный к повозке. Затем пошла к находившемуся снаружи насосу и накачала Чипи свежей воды. Он тут же с жадностью выпил ее. Потом она вымыла лицо и руки, вытерлась фартуком. Чиро сделал то же самое и промокнул лицо шейным платком.

Энца взобралась на козлы:

– Не забудь ужин!

Чиро взял еду и забрался следом. Энца взяла поводья, и тут Спруццо запрыгнул на сиденье между ними.

Энца тряхнула поводьями. Чипи затрусил к торному пути, вившемуся через деревню. Центр Скильпарิโอ, настоящий коридор из зданий, выстроившихся по обе стороны дороги, был залит бледно-голубым лунным светом. Повозка ехала по узкой каменной улице, пока стены не расступились, выпуская ее на Пассо Персолана.

Дорога разматывалась перед ними, будто катящийся с горы рулон черной бархатной ленты. Висевшая на повозке лампа указывала путь желтоватым сиянием. Чиро наблюдал, как ловко управляется с поводьями Энца. Она сидела совершенно прямо, направляя Чипи сквозь ночь.

– Расскажи мне о кольце, – сказала Энца.

Чиро крутил на мизинце золотое кольцо с печаткой.

– Боюсь, оно скоро станет мне совсем мало.

– Оно у тебя очень давно?

– С тех пор как мама уехала. Это ее кольцо.

– Красивое.

– Это все, что у меня осталось на память от матери.

– Неправда, – возразила Энца. – Спорим, у тебя ее глаза, или улыбка, или цвет волос.

– Нет, я весь в отца. – Когда кто-то другой расспрашивал о матери, Чиро менял тему разговора, но в словах Энцы совсем не было назойливого любопытства. – Вот брат мой пошел в нашу мать. А я ни капли не похож на нее, правда.

– Ты поел бы, – сказала Энца. – Наверняка умираешь с голоду.

Чиро откусил кусок хлеба с сыром.

– Я всегда хочу есть.

– Каково это – жить в монастыре? Когда я была маленькой, подумывала, не стать ли монахиней.

Положив руку на спинку сиденья, Чиро обнял Энцу за плечи.

– Тогда бы ты не смогла целоваться с мальчиками.

– У тебя чересчур самодовольный вид.

– Откуда ты знаешь, какой у меня вид? Сейчас темно.

– У нас есть лампа.

Энца ослабила поводья, и Чипи пошел неспешным шагом.

– Ты даже не направляешь его. Он знает дорогу, – заметил Чиро.

– Папа часто здесь ездит, когда дела идут хорошо.

– А сейчас как?

– Ужасно. Но совсем скоро лето, а значит, будет работа.

– Я тебя увижу летом?

– Мы поедем на озеро Эндине.

– И ты тоже?

– Поживем там у родственников. Ты можешь поехать с нами, – предложила Энца.

– Я не хочу навязываться, – сказал Чиро.

– Мои братья будут рады компании. Они рыбачат, бродят по горам, заходят в пещеры. Баттиста говорит, что высоко в горах есть пещеры с голубым песком.

– Я слышал о них! А ты рыбачишь? – спросил Чиро.

– Нет, я готовлю, убираю и помогаю тете присматривать за детьми. Прямо как твои монашки. Полно работы, а платят мне свежими фигами, – пошутила Энца.

В Вильминоре Энца свернула на главную площадь. Несмотря на поздний час, там еще гуляли люди. Старики играли в карты в колоннаде, а какая-то женщина катала коляску, чтобы успокоить ребенка. Когда копыта Чипи зацокали по площади, Чиро перехватил поводья и повернул коня ко входу в монастырь.

– Спасибо тебе за эту поездку, – сказал Чиро. – Жаль, что обратно тебе придется ехать одной.

– Не волнуйся за меня. Чипи знает дорогу, помнишь?

– Я пойду, – сказал Чиро, но не двинулся с места. Ему не хотелось покидать повозку, не хотелось, чтобы эта ночь кончалась.

– Я не буду целоваться еще раз, – мягко сказала Энца и протянула ему узелок с едой. – Спокойной ночи, Чиро. Помни, святой Антоний позаботится о тебе, если ты позаботишься о Спруццо.

– Когда я снова тебя увижу?

– Когда захочешь. Ты знаешь, где я живу.

– Желтый дом на Виа Скалина.

Он выбрался из повозки, держа в охапке Спруццо и остатки ужина. Повернулся, чтобы сказать Энце еще что-нибудь, но Чипи затрусил по площади, направляясь к дороге. Темные волосы Энцы развевались, будто траурная вуаль. Какой маленькой она казалась на высоких козлах! Когда повозка свернула на дорогу, деревянный бортик блеснул под светом лампы.

– погоди! – кричал Чиро, но она уже скрылась из виду.

«Я же знаю эту двуколку», – подумал он. Точно в такой коляске уехала его мать. Неужели это та самая повозка? Чиро с самого начала чувствовал, что во встрече с Энцей есть что-то судьбоносное, и теперь знал это наверняка. Он не мог дожидаться, чтобы поговорить об этом с Эдуардо, вдруг брат лучше помнит повозку. Может, ему просто почудилось – день выдался тяжелый.

Легкие облака, закрывавшие луну, уплыли прочь, и на небе снова сияла золотая монета. Счастливая луна. Сегодня, подумал Чиро, жизнь складывалась отлично. Если бы он был из тех, кто молится, он бы поблагодарил Бога за ниспосланную удачу. В кармане у него лежала лира. Он встретил хорошенькую девушку и поцеловал ее. И поцелуй этот не был похож на другие, как и она не походила ни на одну из девушек, с кем он встречался до того. Энца действительно слушала его – дар слаще любого поцелуя. Но прошло много лет, прежде чем Чиро это понял.

Чиро распахнул монастырскую дверь. В вестибюле его ждал Эдуардо.

– Ты вернулся. *Grazie a Dio* ^[37].

– В чем дело?

– А это кто? – Эдуардо посмотрел на пса.

– Спруццо.

– Ты не можешь держать собаку в монастыре.

– Он для сестры Терезы. Она сказала, что на кухне крысы.

Чиро направился было к домику садовника, но Эдуардо остановил его:

– Они ждут нас на кухне.

– Они?...

– Монахини.

Чиро последовал за Эдуардо.

– Что происходит? – Удовлетворение, переполнявшее Чиро всего минуту назад, сменилось тяжелым чувством.

Дверь кухни была закрыта, но свет проникал сквозь трещины в косяке. Чиро приказал Спруццо ждать снаружи. Эдуардо открыл дверь. Монахини сидели за столом. Лишь сестра Тереза стояла в стороне, лицо у нее было печальное.

– Мы будем голосовать? – спросил Чиро. – Если да, я предлагаю посадить на будущий год больше оливковых деревьев и меньше винограда.

Монахини, которым обычно нравились шутки Чиро, не улыбнулись.

– Хорошо. Прежде чем вы накажете меня, что бы я ни сделал... – Чиро достал из кармана лиру, – это вам. – Он вручил монету сестре Доменике; седые волосы у той выбились из-под платка – верный знак, что дело серьезно.

– Спасибо, – сказала сестра Доменика. Остальные сестры тоже пробормотали слова благодарности.

– У нас трудная проблема, – заговорила сестра Эрколина, поправив проволочные дужки очков. Высокая и тонкая, она напоминала пальмовую ветвь Пасхальной недели. Спрятав, как в муфту, руки в широкие рукава, она продолжала: – Мы всегда были искренне рады, что вы, мальчики, с нами. Эдуардо, ты всегда был чудесным учеником. Чиро, не знаю, как бы мы без тебя управлялись с садом, цыплятами, как поддерживали бы порядок в монастыре и церкви...

– Это дон Грегорио, да? – прервал ее Чиро. Во рту у него так пересохло, что язык с трудом ворочался. Он налил себе воды из кувшина.

– Он потребовал, чтобы вас немедленно удалили из монастыря, – сказала сестра.

Чиро взглянул на Эдуардо: лицо брата стало таким же белым, как мука в эмалированной кастрюле. Чиро положил руки на стол и неверяще покачал головой. У братьев Ладзари на их коротком веку было два дома. Первого они лишились, когда умер отец, а мать не смогла выстроить свою жизнь без него. А теперь они лишались и второго – по вине Чиро, из-за его ссоры с деревенским священником. Мальчики свыклись с тем, что служат этим добрым и бедным женщинам. Считали, что работа, порой нелегкая, в обмен на стол и кров – это честная сделка. Они стали частью общины и со

временем полюбили эту жизнь. Монахини усердно окружали мальчиков материнской заботой, старались, чтобы праздники проходили у них по-семейному, будто с потерей родителей для них ничего не изменилось. А теперь у них отбирали единственное место в этом мире, надежное убежище, дававшее им уверенность в завтрашнем дне.

– Я надеюсь, вы послали дона Грегорио куда подальше, – сказал Чиро. Послушницы охнули.

– Он же священник, – сказала сестра Эрколина.

– А еще он жулик, воспользовавшийся своей властью над невинной девушкой. Вы гладите его облачения, но он их недостоин. Вы... – Чиро повернулся и посмотрел в глаза каждой из монахинь, составлявших его семью. – Вы достойны. Вы служите. А дон Грегорио только пользуется.

Эдуардо сжал руку Чиро.

– Мой брат и я... – Голос Чиро дрогнул. – Мы благодарим вас за то, что дали нам приют. Мы никогда вас не забудем. Вы не должны пострадать из-за того, что я был честен с доном Грегорио. Мы с братом соберем вещи и найдем себе другое пристанище.

Глаза сестры Эрколины наполнились слезами.

– Вам нельзя остаться вместе, Чиро.

– Дон Грегорио позаботился о том, чтобы вас разлучили, – всхлипнула сестра Тереза.

– Чиро, он распорядился послать тебя в исправительный дом для мальчиков в Парме, – начала сестра Доменика. – Я возражала ему, что ты не сделал ничего плохого и что тебе не место среди тех, кто воровал или даже хуже, но он был в ярости.

– То есть этот безбожник наказывает нас, вместо того чтобы понести наказание за собственный грех. И это, дорогие сестры, посланник Бога на земле? У меня нет слов.

– Он заслуживает нашего уважения, – сказала сестра Доменика, но ее пристальный взгляд дал понять, что горькую правду она придержала.

– Сестры, можете выказывать ему свое уважение, но моего он никогда не добьется.

Сестра Эрколина огляделась по сторонам, остановила взгляд на Чиро.

– Я здесь не для того, чтобы обсуждать власть деревенского священника, а для того, чтобы помочь тебе. Мы все собрались здесь, чтобы помочь.

– И вот почему мы втайне встретились на кухне. – Чиро оглядел окружавшие его лица, милые лица тех, с кем они делили стол с самого первого вечера в монастыре. Он не мог представить жизни без них и не мог

вынести потерю брата. В душе закипал гнев. – Ему не пришло бы в голову искать нас здесь. Святые покровители горшков и сковородок – не те, к кому он привык взывать. Нет, покровители золота, фимиама и банкнот – вот кто в его духе.

– Перестань, – грустно сказал Эдуардо. – Послушай сестру.

Вперед выступила сестра Тереза:

– Чиро, у нас есть план, как тебе помочь.

– А как насчет Эдуардо?

– Эдуардо поступает в семинарию Сан-Агостино в Риме.

Чиро повернулся к брату и недоверчиво посмотрел на него:

– Ты собираешься в семинарию?

Эдуардо кивнул:

– Собираюсь.

– А когда ты намеревался мне об этом сказать?

Глаза Эдуардо наполнились слезами.

– Я думал над этим. А теперь я покину монастырь одновременно с тобой.

– То есть тебя приносят на алтарь священства вместо меня?

Сестра Тереза вмешалась:

– Дон Грегорио настаивает, чтобы вы оба покинули горы.

– Разумеется – я слишком многое видел.

– Но у нас есть план. У сестры Анны-Изабель дядя – отличный башмачник.

– Да бросьте! – выпалил Чиро.

– Чиро... – предостерегающе сказал Эдуардо.

– У тебя есть выбор – пойти к нему в ученики или отправиться в исправительный дом в Парме. А это не место для молодого человека со светлой головой и добрым сердцем. – Сестра Тереза заплакала.

– Мы должны защищать тебя, – сказала сестра Эрколина. – Мы обещали твоей матери.

Чиро наконец ощутил, как тяжесть наваливается на него. Нет, это место на самом деле не было их домом, а монахини не были их настоящей семьей. Надежную защиту им всего лишь одолжили на время.

– Ваш башмачник в Риме живет? Я хотя бы буду рядом с Эдуардо? – спросил Чиро. Он смог бы работать где угодно, на кого угодно, пока они с Эдуардо недалеко друг от друга.

– Нет, Чиро, – тихо ответила сестра Тереза.

– В Милане?

– В Америке. – Голос сестры Терезы дрогнул.

Чиро заворочался в темноте, кровать скрипнула.

– Ты не спишь?

– Не могу уснуть, – ответил Эдуардо.

– Возможно, и к лучшему. Не смыкай глаз. Дон Грегорио придет, чтобы зарезать нас прямо в кроватях, – сказал Чиро. – Хотя нет, он для этого слишком труслив.

Эдуардо рассмеялся:

– Ты хоть к чему-то относишься серьезно?

– Это слишком больно.

– Я знаю, – ответил Эдуардо.

– Ты правда хочешь быть священником?

– Да, Чиро, хочу. Хотя я недостойн этого.

– Это они тебя недостойны.

– Ну, так или иначе, скоро это выяснится. – Ирония в голосе Эдуардо заставила Чиро рассмеяться.

– Похоже, кое-какие признаки были. Ты прислуживал на каждой утренней мессе и никогда не пропускал вечерню. А еще я видел, как ты каждый вечер читаешь требник.

– Я сделаю все, что в моих силах, чтобы оказаться одним из них. Я стану священником и тогда смогу помочь тебе, если ты еще будешь во мне нуждаться. Не так плохо иметь брата с образованием и хорошим положением в Церкви.

– Я буду гордиться тобой, кем бы ты ни стал.

– Ты нищий духом, Чиро. Всегда им был.

– И правда, – пошутил Чиро. – Как говорится в Заповедях блаженства? Что там наследуют нищие духом? Башмаки?

– Я не думал, что ты знаешь, что такое Заповеди блаженства.

– Похоже, кое-что из твоего вероучения просочилось и в меня.

– Есть еще один довод в пользу того, почему мне стоит стать священником. Я смогу найти маму и позаботиться о ней. Церковь обеспечивает семьи клира.

– Ты готов отказаться от всего ради возможности помочь маме? – спросил Чиро.

– Да, Чиро. Это был мой самый первый обет.

– Я бы тоже ей помог, если бы это было в моих силах. Это ведь всегда был наш план. Но теперь Святая Римская церковь разрушила и его, – сказал Чиро. – Мне так не хватает ее.

Эдуардо встал, подошел к койке Чиро и лег рядом на пол, как он делал

каждую ночь, когда они только попали в монастырь. Чувство, что брат рядом, всегда успокаивало Чиро. Вот и сейчас он вдруг ощутил умиротворенность.

– Когда ты найдешь ее, я вернусь домой, к тебе, где бы я ни был, – сказал Чиро.

Спруццо заворачивался у него в ногах. Чиро перевернулся на спину и закинул руки за голову, глядя на деревянные балки, – из них во все стороны торчали крюки и гвозди, на которых когда-то висели горшки, мотки веревки и садовые инструменты. Он гадал, как скоро после их отъезда монахини вернут на место весь хлам, когда-то здесь хранившийся. Сестры переделывали монастырские помещения, как богатые горожанки меняют шляпки.

Старой комнате недолго пустовать. Пережидающие зиму луковицы в горшках, корзины, вазы, мотки веревки и проволоки, гнутые деревянные рамы из виноградной лозы вернутся на полки, а совки, лопаты и грабли снова повиснут на крюках. Все будет так, словно братья Ладзари никогда не жили здесь, в монастыре Сан-Никола.

Как-то раз Чиро решил прогуляться вверх по склону холма до Виа Боничелли и увидел, как в дом, где родились они с Эдуардо, въезжают какие-то люди. Иногда Чиро взбирался на холм, только чтобы посмотреть на дом, – боялся забыть мельчайшие черточки места, где когда-то родился.

В конце концов и от этой комнаты останется только воспоминание. Сестры сложат койки, скатают ковер и отнесут лампу обратно в контору. Фаянсовый таз для умывания и кувшин вернутся в комнаты для гостей. «Будут ли монахини хотя бы вспоминать нас?» – размышлял Чиро, лежа в темноте.

Чиро знал каждую улицу в Вильминоре, каждое здание и каждый сад. Он мечтал о собственном доме.

Он представлял тут веранду, а там лестницу, окна с маленькими распахнутыми ставнями, сад с решеткой для винограда и то место, где вырастет фиговое дерево. Каменные дома он предпочитал тем, что сооружались из сосновых балок и штукатурки. Он жил бы в конце улицы, высоко на горе, с хорошим видом на раскинувшуюся внизу долину. По утрам он открывал бы окна, впуская свежий ветерок, и солнце заливало бы каждую комнату – яркое, как лепестки нарциссов. Каждый угол наполнялся бы светом, каждая комната – счастьем. А любовь к жене и детям наполняла бы сердце.

Об Америке Чиро знал только то, что слышал в деревне.

Много шумели о том, какие там возможности, какие там можно заработать деньги, какое богатство нажить. Но, несмотря на все обещания, Америка не вернула его отца домой. В представлении Чиро Америка была почти раем, местом, которое он и не мечтал увидеть. Возможно, отец просто копил сейчас состояние, чтобы вернуться в Италию и купить им прекрасный дом. Возможно, у отца был план, но что-то помешало ему довести его до конца. И вовсе не смерть в шахте, а что-то еще. Чиро поклялся себе: если отец по-прежнему там, он найдет его и привезет домой. А может, отец полюбил Америку и не захотел возвращаться в горы. Эта мысль всегда отзывалась болью. Чиро представлял Америку шумной и многолюдной и пытался угадать, есть ли там сады и солнце.

Жители юга Италии толпами валили в Америку в поисках работы. Из Альп эмигрантов было меньше. Может, путь с гор вниз, на равнину, и был таким трудным и вероломным, чтобы люди пореже пользовались им, а то и вовсе оставались дома. Чиро казалось, что в тени Пиццо Камино у человека есть все, что нужно, если только ему посчастливилось найти свою любовь – и работу, чтобы прокормить семью.

Чиро был уверен: он останется в Америке, пока не утихнет скандал, но ни днем больше. Он поклялся, что однажды они с Эдуардо вернутся в Вильминоре вместе, чтобы жить в горах, там, где родились. И ничто не сможет их разлучить, даже Святая Римская церковь. Мальчики Ладзари были братьями по крови, и как мать оставила их вместе тем зимним днем, так они и будут вместе, даже когда между ними окажется океан.

Соломенная шляпка

Un Capello di Paglia

Два дня монахини прятали Чиро, составляя план, как спасти его от трудовой колонии в Парме. Солнце уже скрылось за горами, когда сестра Доменика, сестра Эрколина и сестра Тереза пронесли через площадь подносы – от монастыря к дому священника.

Когда они переступили порог, сестра Эрколина поежилась.

– Что ты приготовила? – спросила она сестру Терезу.

– Телятину, – ответила та.

– Он ее особенно любит, – тихо откликнулась сестра Доменика.

– А как же! Это ведь самое дорогое мясо, – вздохнула сестра Эрколина.

– Я подкупила мясника, – сказала сестра Тереза.

Сестра Доменика отперла дверь кухни пасторского дома. Сестра Тереза зажгла масляные лампы, а сестра Эрколина поставила поднос на разделочный стол в центре комнаты. Мраморный пол сиял чистотой, стены были выкрашены в белый цвет. На полках поблескивали начищенные медные кастрюли. Большая плита и двойная эмалированная раковина располагались под окнами. Кухня в доме священника пахла свежей краской. Здесь редко готовили – монахини приносили еду из монастыря.

Сестра Тереза поставила ужин дона Грегорио на буфет, взяла с полка фарфор, серебро и полотняные салфетки, затем, миновав двустворчатые, свободно качавшиеся взад-вперед двери, прошла в столовую. Сестра Доменика, войдя следом, зажгла свечи в серебряных канделябрах. Парадная столовая была роскошной, ее стены были оклеены обоями в бледно-зеленую полоску, повсюду висели старинные картины в золоченых рамах.

Обеденный стол красного дерева, рассчитанный на двенадцать персон, был отполирован до зеркального блеска. Сиденья стульев монахини вышили вручную – по голубому полю вился узор из веточек ландыша и побегов плюща.

Монахини быстро и молча сервировали ужин для дона Грегорио.

Сестра Эрколина вошла в столовую и посмотрела на карманные часы:

– Я уже могу пригласить дона Грегорио к столу?

– Да, сестра. – Сестра Доменика спрятала руки в широких рукавах

облачения и заняла место у буфета, глядя прямо перед собой.

Сестра Тереза внесла еду, накрытую серебряным колпаком. Поставив блюдо на льняную подстилку, она присоединилась к сестре Доменике. Сестра Эрколина, войдя в столовую, встала у противоположной стены, лицом к Терезе и Доменике.

Вошел дон Грегорио.

– Помолимся, – сказал он, не глядя на монахинь. Начертав в воздухе крест, он проговорил:

*Benedic, Domine,
nos et haec tua dona
quae de tua largitate sumus sumpturi
per Christum Dominum nostrum. Amen*^[38].

Монахини перекрестились вместе с ним, дон Грегорио сел, а сестра Тереза вышла вперед, чтобы прислуживать. Она сняла с блюда серебряный колпак и передала сестре Доменике. Затем обе вернулись на прежние места у буфета.

– Какой чудесный кусок телятины, – похвалил дон Грегорио.

– Благодарю вас, – откликнулась сестра Тереза.

– Чем я заслужил столь обильную трапезу в середине Великого поста?

– Дон Грегорио, вам нужны силы для Пасхальной недели.

– Вы уже составили расписание благословения жилищ, сестра Эрколина?

– Да, отец. Вас будут сопровождать юные ла Пенна и Баратта. Мы подумали, что в этом году вы начнете с Альта-Вильминоре, а потом будете постепенно спускаться все ниже в долину. Игнацио отвезет вас. Мы уже отчистили серебро и приготовили сосуды для святой воды.

– Пальмовые ветви уже прибыли?

– Их везут морем из Греции, ожидаем со дня на день, – заверила его сестра.

– А как покровы для Страстной пятницы?

– Отглажены и сложены в ризнице.

– А мое облачение?

– Висит в ризнице в шкафу. – Сестра Эрколина прочистила горло. – Вы ожидаете гостей на Святой неделе, отец?

– Я послал письмо священнику в Акцоне с предложением отслужить вместе Пасхальную мессу. Как я понимаю, хор репетирует?

– Да, он звучит чудесно. – Сестра Эрколина подошла к сестре Терезе,

чтобы наполнить вином опустевший бокал дон Грегорио.

– Сестры, пожалуйста, я бы хотел поговорить с сестрой Эрколиной наедине.

Сестра Доменика и сестра Тереза кивнули и тихо вышли на кухню, закрыв за собой дверь.

– Вы можете сесть, сестра.

Сестра Эрколина выдвинула стул из-за стола и уселась на самый краешек.

– Вы позаботились о юном Ладзари? – спросил он.

– О котором? – невозмутимо спросила сестра Эрколина.

– Эдуардо, – нетерпеливо ответил священник.

– Я послала письмо в семинарию еще несколько недель назад. Они готовы принять его. Эдуардо – очень набожный молодой человек.

– Вижу. И верю, что он будет делать там успехи.

– Он очень помогает нам в монастыре, – добавила монахиня. – Знаю, вам будет не хватать его методичного планирования литургии и музыки к воскресной мессе. Он в самом деле весьма одарен.

– Согласен с вами. Поэтому я и рекомендовал его, – ответил дон Грегорио.

По другую сторону дверей сестра Тереза и сестра Доменика прислушивались к разговору.

– О чем они говорят? – спросила сестра Доменика.

– Об Эдуардо. Дон Грегорио ставит себе одному в заслугу то, что Эдуардо берут в семинарию.

– В самом деле? Мальчик много месяцев назад подал прошение с рекомендациями сестры Эрколины.

Сестра Эрколина сложила руки на коленях. Дон Грегорио отломил кусочек хлеба и обмакнул его в соус, приготовленный из оливкового масла, красного вина и грибов.

– А что со вторым? – Он отправил хлеб в рот.

– Чиро готовы взять в исправительный дом в Парме.

– Хорошо.

– Но нам нужна от вас небольшая помощь.

– Что именно вам нужно? – ворчливо спросил он, взял бокал с вином и отпил глоток.

– Тридцать лир.

– Что?! – Дон Грегорио поставил бокал на стол.

– В исправительный дом принимают не сразу, но нас готовы освободить от ожидания, если мы заплатим за эту привилегию. Я сказала

им, что дело срочное, и если вы хотите, чтобы Чиро уехал отсюда как можно скорее...

– Да, хочу, – с вызовом ответил дон Грегорио.

– Иначе его не возьмут. Деньги мне нужны нынче же вечером.

Дон Грегорио оглядел ее с подозрением.

– Отец, вы попросили меня устроить все быстро, и я не спрашивала вас о причинах, – настаивала сестра Эрколина.

– Да, конечно, мы должны сделать как лучше для монастыря.

Сестра Тереза и сестра Доменика вошли, чтобы забрать грязные тарелки. Сестра Доменика несла серебряный поднос с запеченным заварным кремом на десерт.

– Если не возражаете, сегодня я обойдусь без десерта, – сказал дон Грегорио. – Сестра Тереза, мне нужно поговорить с вами наедине.

Сестра Тереза нервно глянула на сестру Эрколину.

Старшие монахини кивнули и вернулись на кухню, закрыв за собой дверь.

– Что с деньгами? – лихорадочно прошептала сестра Доменика.

Сестра Эрколина кивнула:

– Он пообещал их дать. Надеюсь, сестра Тереза подтвердит то, что я ему сказала.

– На ее счет не беспокойся. Речи ее сладки, как этот крем. – Сестра Доменика взяла ложку и принялась за отвергнутый десерт.

В это время в столовой сестра Тереза стояла перед доном Грегорио. Она сложила руки как подобает и смотрела прямо перед собой.

– Сестра Тереза, мне бы хотелось узнать, зачем вы ходили говорить с синьорой Матроччи о ее дочери.

– Я обеспокоена, отец.

– Вы поверили сплетне, которую распространяет обо мне мальчишка Ладзари?

– Он с детства растет в монастыре, отец, и я никогда не ловила его на вранье.

– Он лжец, – заявил дон Грегорио.

– Отец, если вы пытаетесь заставить меня сомневаться в том, что говорит мне внутренний голос, у вас ничего не выйдет.

– Вы расстроили семейство Матроччи и причинили им огромные страдания. Грех зависти обуял эту деревню. А может, вы сами вовлечены в неподобающие отношения?

– Уверяю вас, это совсем не тот случай. Он для меня как сын. – Сестра Тереза, защищаясь, повысила голос.

– Я бы и назвал это неподобающими отношениями. Вы монахиня, а не его мать. Если бы я был здешним священником, когда мать их бросила, я бы не позволил им остаться. У нас здесь не сиротский приют.

– Мы помогаем бедным, в чем бы они ни нуждались.

– Вы здесь, чтобы служить Церкви, сестра Тереза. Теперь идите и пришлите мне сестру Эрколину.

Дрожа от ярости, сестра Тереза поклонилась и отправилась на кухню. Через минуту сестра Эрколина стояла у стола, лицом к дону Грегорио.

– Я хочу, чтобы вы отослали сестру Терезу из нашего прихода.

– Сожалею, отец. – Голос сестры Эрколины звучал ясно и твердо, сегодня вечером она уже достаточно торговалась. – Сестра Тереза хорошая монахиня и превосходная кухарка. Думаю, вы помните время, когда готовила сестра Беатриса. Мы практически голодали.

– Пусть тогда мою еду готовит кто-то другой. – Дон Грегорио посмотрел на часы.

– Конечно, отец. – Сестра Эрколина перевела дух, она не сомневалась, что ей удалось отстоять сестру Терезу. – Но сначала мне нужны тридцать лир, – спокойно сказала она.

– Ах да. – Дон Грегорио не двинулся с места.

– Я подожду.

Дон Грегорио встал и вышел в соседнюю комнату. Сестра Эрколина нащупала в кармане облачения четки и сжала их в руке. Склонив голову, она начала молиться. Через несколько минут дон Грегорио вернулся.

– Вот. – Он вручил сестре Эрколине деньги. – Но это огромная сумма. Вы воспользовались положением.

– Вы дали мне срочное поручение, отец. Возможно, вы предпочли бы, чтобы Чиро...

– Нет! – рявкнул он. – Это не слишком большая плата за то, чтобы очистить деревню от скверны.

Сестра Эрколина положила деньги в карман.

– Спокойной ночи, дон Грегорио, – сказала она и вышла.

Присоединившись к подругам на кухне, сестра Эрколина улыбнулась и приложила палец к губам. Они взяли подносы и погасили масляные лампы. Сестра Эрколина открыла дверь.

Этой ночью все монахини Сан-Никола собрались в монастырской церкви. Чиро и Эдуардо присоединились к ним, усевшись сзади. Сестра Эрколина вышла из ризницы. Закрыв дверь, она повернулась к мальчикам и с печалью заговорила:

– Все приготовления закончены. В эту субботу Игнацио отвезет вас в

Бергамо в церковной коляске.

– Мне позволено сесть в коляску дона Грегорио? Я думал, он заставит меня спускаться вниз пешком, волоча огромный крест, как Иисус на Голгофе.

– Чиро, я попросила бы тебя придержать язык, пока я не кончу говорить.

– Простите, сестра, – улыбнулся Чиро.

– Эдуардо, билет на поезд будет ждать тебя на станции. Ты присоединишься к четверем другим семинаристам. Приехав в Рим, отправишься с ними в свой новый дом – в семинарию Сан-Агостино. Чиро, твой билет находится там же, на поезд до Венеции. Оттуда ты морем доберешься до Гавра во Франции, где купишь билет в один конец до Нью-Йорка на пароход «Вирджиния».

– Вы уже обеспечили мне место матроса по контракту? У меня была всего одна лира, да и ту я отдал сестре Доменике. Она наверняка уже прокутила ее, купив бутылку кубинского рома.

– Чиро! – Сестра Доменика рассмеялась; монахини захихикали.

– Нет, путешествие обойдется в двадцать восемь лир, и еще две останутся тебе, чтобы начать новую жизнь. – Сестры ахнули в ответ на открытый вызов священнику со стороны Эрколины. – Родственники сестры Анны-Изабель телеграммой известили нас, что встретят тебя на острове Манхэттен, Южный порт, причал 64, после того как ты пройдешь контроль на острове Эллис. Возьми это письмо. – Она вручила Чиро бумагу. – И деньги. – Лир перекочевали в руки Чиро.

– Благодарю вас, – сказал Чиро. Он взял конверт и деньги и взглянул на брата. – Вы пошли на жертвы, которых я не достоин.

– Ты достоин, Чиро. Но я должна попросить тебя кое о чем взамен. Я хочу просить Эдуардо и всех сестер держать все произошедшее в тайне. Я сказала дону Грегорио, что тебя отсылают в трудовой лагерь в Парме.

Сестры охнули. Они ни разу не слышали, чтобы Эрколина лгала.

– Я молилась и должна следовать в этом вопросе велению совести. Я верю, что ты достойный молодой человек, Чиро. Какая ирония: чтобы позаботиться о тебе, мне пришлось солгать. Власть священника абсолютна, и, умоляй я его хоть тысячу лет, он не изменил бы решения. Но ты не должен быть наказан за то, что сказал правду.

– Спасибо, сестра. – Терезу переполняли эмоции.

– Я прошу вас простить меня и помолиться за Эдуардо и Чиро, когда они покинут нас, чтобы начать новую жизнь. И прошу помолиться за дона Грегорио. Из-за своего поведения он нуждается в вашем заступничестве.

– Я был целиком ваш, пока вы не попросили нас помолиться за падре, – пробормотал Чиро.

Сестра Эрколина вспыхнула:

– Чиро, ты понимаешь, что, если бы ты хоть раз пошел мне навстречу, я бы послала тебя в семинарию вместе с Эдуардо?

– Лучше отправьте меня в Америку. Я не думаю, что мы со Святой Римской церковью – хорошая пара.

– Я тоже пришла к такому выводу, Чиро, – улыбнулась сестра Эрколина.

Коляска священника стояла у входа в монастырь. Солнце еще не поднялось над Вильминоре. Так рано просыпались только фермеры и деревенский пекарь. До рассвета оставался еще целый час.

Игнацио Фарино пил крепкий кофе с горячим молоком, макая в него краюху вчерашнего хлеба, пока сестра Тереза готовила на плите яйца.

– Да тут тайная вечеря, сестра, – пошутил Чиро.

– Не знал, что чувство юмора просыпается до зари. – Эдуардо вытащил табурет и сел. Чиро налил им по чашке кофе – сначала брату, потом себе.

– Спасибо, что встал пораньше и подоил корову, – сказала сестра Тереза.

– Я еду в Нью-Йорк и не знаю, когда снова увижу живую корову.

– Умение обходиться с коровами пригодится повсюду, – сказал Игнацио. – Я слышал, в Америке выпивают прорву молока.

– Игги, я собираюсь стать сапожником!

– Мне всегда хотелось пару черных кожаных ботинок с голубыми гетрами и перламутровыми пуговицами. Вот что тебе скажу – я попрошу жену взять карандаш и обвести мою ногу на оберточной бумаге. Пришлю отпечаток, и ты сошьешь мне ботинки. А ты, – Игнацио повернулся к Эдуардо, – ты будешь молиться за меня и устроишь мне пару индульгенций, если они мне понадобятся.

– Я всегда буду поминать тебя в своих молитвах, Игги, – улыбнулся Эдуардо.

Игнацио допил кофе и направился к коляске, чтобы приготовить ее к длительному путешествию через горы. Заодно он согласился отвезти несколько ящиков для Лонгаретти и доставить набор молитвенников в церковь деревни Клузоне.

– Пойду упакую книги. Спасибо, сестра. – Эдуардо поставил свою тарелку в раковину.

– Я буду здесь, – сказал Чиро.

Сестра Тереза, не глядя на него, надраивала сковороду.

– Сковорода чистая, сестра.

– Чиро, я просто не могу на тебя смотреть.

Чиро отвернулся, стараясь не заплакать. Тишину нарушало только тихое шипение кипящей в кастрюле воды. Наконец Чиро сказал:

– Вы знали, что этот день настанет. Я только надеялся, что буду жить недалеко отсюда, просто заберусь повыше в горы. Стану часто приезжать в гости, привозить с собой жену и детей. Может, иногда оставаться на несколько дней и помогать вам.

– Ты уезжаешь так далеко!

– Если бы дон Грегорио только знал, насколько!

Сестра Тереза улыбнулась, понимая, что это последняя шутка Чиро, – они всегда так освещали ее утро!

– Он никогда этого не узнает, а если и узнает, ты уже будешь в безопасности.

– Вам известно, что случилось с Кончеттой? – тихо спросил Чиро.

– Ее мать не верила мне, пока сама Кончетта во всем не призналась. Отношения между Матроччи и священником разорваны. Кончетта больше не сможет с ним видаться. Поэтому дон Грегорио так зол на нас. Мы разрушили его планы на счастье.

– Я любил Кончетту.

– Знаю.

Чиро попытался поднять настроение и себе, и сестре Терезе:

– Не могу поверить, что сестра Эрколина вытрясла из дона Грегорио аж тридцать лир. Он даже не подозревает, что произошло. Жаль, что она не попросила пятьдесят, вы смогли бы купить коров и свиней для монастыря.

– Сестра берет только самое необходимое. Знаешь, в этом и заключается секрет счастья. Брать только то, что тебе нужно.

– Я это запомню, – улыбнулся Чиро. – Думаю, пора прощаться. Я буду вам писать. Обещаю, однажды я вернусь в Вильминоре. Это мой дом, и я собираюсь состариться здесь.

– Я буду так счастлива увидеть тебя, когда ты вернешься!

– Спасибо вам за все, что вы для меня сделали. – Чиро обнял сестру Терезу.

Она все-таки расплакалась.

Чиро вытер рукавом глаза.

– Вы были мне матерью и другом. С первого дня здесь вы были на моей стороне. У Эдуардо всегда все будет хорошо, потому что он знает, как

следовать правилам. Я так не могу, но вы защищали меня, поэтому казалось, что и я такой же. Я никогда вас не забуду. И вам положен особый подарок, чтобы вы всегда меня помнили.

– Вовсе не нужно, Чиро.

– Нужно, нужно, сестра... – Чиро свистнул: – Сюда, малыш.

В кухню ворвался Спруццо.

– Спруццо будет вам другом. Вы сможете кормить его кусочками салями, как кормили меня. Он не будет огрызаться, не будет мешать и надоедать вам. Он будет счастлив, что бы вы ему ни дали. Обещайте, что будете так же добры к нему, как были ко мне.

Слезы еще не высохли, но сестра Тереза рассмеялась от всей души:

– Хорошо, хорошо. Но когда ты вернешься, то заберешь его обратно.

– Охотно.

Чиро обнял сестру Терезу в последний раз, а затем медленно, не оглядываясь, вышел из кухни. Он и хотел бы оглянуться, но знал, что лучший подарок, который он может преподнести сестре Терезе, – это двигаться только вперед. И еще Чиро знал, что сестра Тереза рассчитывает на то, что он будет храбрым, потому что смелость уберет его от зла.

Спруццо смотрел на сестру Терезу, задрав морду. Она села на табурет и дала волю слезам, уткнувшись в передник. Она поклялась хранить верность одному Богу, а после него – своей общине, но не рассчитывала, что однажды в ее жизни появится голодный маленький мальчик, который повадится постоянно бегать на монастырскую кухню и завоюет ее сердце. Ни одна мать не любила своего сына больше.

Когда карета священника огибала гору над Валле-ди-Скальве^[39], на монастырской колокольне зазвонили колокола. Игги резко натянул поводья, чтобы Эдуардо и Чиро посмотрели вверх, на Вильминоре, в последний раз.

Чиро не особо вглядывался в окрестности, он поклялся себе, что вернется как можно скорее. Эдуардо же знал, что уезжает надолго, поэтому постарался лучше запомнить зеленые склоны. Он был уверен, что римские древности далеко не так прекрасны.

– Эти колокола звонят для вас, парни, – сказал Игнацио. – Если бы мне не надо было везти вас вниз, сам бы сейчас тянул за веревки, чтобы с вами попрощаться. Я оглох на одно ухо, пока звонил в них.

– Прости, что теперь тебе снова придется draить церковь, – сказал Чиро.

– После тебя она осталась такой чистой, что, думаю, продержусь без генеральной уборки до следующей Пасхи, – ответил Игги. – Теперь вот что,

Чиро. Когда приедешь в Америку, помни: за содержимым твоих карманов будет охотиться каждый встречный. Свой стакан вина пей только со спагетти, а в бар один ни ногой. Если женщина вешается тебе на шею, значит, хочет на тебе заработать. Проси, чтобы зарплату тебе платили наличными, а если все-таки впарят чеки, то не позволяй, чтобы брали с тебя за обналичку. Как только доберешься до места, открой счет в банке на пять лир. Пусть себе лежат, но больше ничего не добавляй. Счет в банке пригодится, а банк без твоих денег обойдется.

– После оплаты проезда у меня останутся только две лиры, – напомнил ему Чиро.

Игнацио сунул руку в карман и протянул Чиро еще три лиры:

– Теперь у тебя ровно пять.

– Я не могу взять их.

– Поверь мне, мать Святая Церковь даже не вспомнит о них. – Игги подмигнул, а Эдуардо закатил глаза и перекрестился.

– Спасибо, Игги. – Чиро положил деньги в карман.

– Я всегда сочувствовал вам, ребята. Я помню вашего отца и знаю – он бы вами очень гордился.

Эдуардо и Чиро переглянулись. Сколько бы они ни спрашивали Игги об отце, тот отшучивался или травил байки.

– Что ты помнишь о нем? – спросил Эдуардо.

Игги взглянул на мальчиков. Он всегда считал, что, возвратясь в прошлое и снова пережив боль, они лишь разбередят старые раны, поэтому молчал. Однако сегодня Игги решил рассказать им все, что знает.

– Он никогда не переступал порога церкви. Должно быть, набожность у тебя от Монтини. Как бы то ни было, его семья из Сестри-Леванте, с берега Генуэзского залива. Он приехал в горы, в Бергамо, в поисках работы. Тогда там как раз строили вокзал и было много работы. Семья твоей матери держала печатню. Однажды он шел на работу и увидел твою мать в окне. И сразу влюбился в нее, вот и все.

– А почему они переехали в Вильминоре?

– Твой отец получил работу на руднике. Но затем ему сказали, что за такой же труд в Америке платят вдвое больше. Поскольку твоя мать с детства жила в достатке, он чувствовал, что должен обеспечить ей жизнь, к которой она привыкла. Поэтому отправился сколачивать состояние.

– И ты знаешь, куда он поехал?

– Есть в Америке такое место, Железный Хребет называется, в штате Миннесота.

– Ты знаешь, как он умер?

– Я знаю только то, что сказали и вам. Что он погиб из-за несчастного случая в шахте.

– Но его тело так и не нашли, – возразил Чиро.

– Чиро, – торжественно сказал Игги, – ты теперь мужчина. Хватит ждать его возвращения. Надейся на что-то настоящее, на то, что принесет тебе счастье.

Чиро смотрел вперед, думая, а есть ли на белом свете хоть что-нибудь, что может это счастье ему принести. Эдуардо подтолкнул его локтем, чтобы брат ответил.

– *Va bene*, Игги, – произнес Чиро.

– Делай то, что должно, и жизнь ответит тем же. Так всегда говорил мне мой отец.

Они остановились в Клузоне – доставить посылку местному каменщику. Игги привязал лошадь к изгороди за зданием почты. Эдуардо и Чиро сидели в повозке, уплетая свой обед. Чиро, прищурившись, рассматривал домики, взбирающиеся по склону холма, раскрашенные в желтый и белый, бледно-голубой с охристой отделкой, мшисто-зеленый, с черными ставнями... Отсюда они выглядели кукольными. Чиро никогда не уставал разглядывать дома. Он восхищался красотой фасадов и тосковал по надежности, которую они воплощают.

На другой стороне улицы какая-то девушка запирала дверь дома, белого с темно-синей отделкой. Потом она надела соломенную шляпку с длинными красными лентами и завязала их под подбородком. Чиро видел оборки ее белой юбки, достававшей до высоких кожаных ботинок.

Она повернулась и пошла по улице. Это была Кончетта Матроччи.

– Ты куда? – крикнул Эдуардо, когда Чиро спрыгнул с козел. – Мы опоздаем на поезд!

– Я мигом.

Чиро перебежал через дорогу. Кончетта обернулась, увидела его и ускорила шаг.

– Нет, пожалуйста... Пстой, Кончетта!

– Я не хочу с тобой разговаривать, – сказала она, когда Чиро обогнал ее. Но остановилась.

– Я не хотел навредить тебе, – сказал Чиро.

– Слишком поздно. – Кончетта обогнула его и пошла дальше.

– Почему ты в Клузоне? Тебя отослал дон Грегорио?

– Нет. Мать решила, что так будет лучше. Я живу у тети.

– Это он должен был уехать, не ты и не я.

Кончетта остановилась и повернулась к Чиро:

– Зачем ты все разрушил?

– Он использовал тебя!

– Ничего подобного. Выйти за какого-нибудь шахтера – не для меня. Я хотела достигнуть большего. – Глаза Кончетты наполнились слезами.

– Ты бы не смогла выйти за него, – сказал Чиро, разочарованный ее невежеством. – Он же священник.

– Много ты понимаешь, – ответила Кончетта. – Я бы никогда не полюбила тебя. Мне не нравится, как ты ходишь гоголем по площади, таская дрова и камни, громко болтаешь и отпускаешь шуточки. Одежда всегда в грязи, а на еду набрасываешься, будто тебя больше никогда не накормят. Я наблюдала за тобой, Чиро, так же, как ты наблюдал за мной. Тебе место в трудовом лагере. Может, там тебя исправят.

– Может. – Вместо того чтобы побороться за себя, вместо того чтобы убеждать ее в том, что правда, а что ложь, он уступил. Невозможное навсегда останется невозможным.

Эдуардо энергично махал руками с противоположной стороны дороги.

– Прощай, Кончетта, – сказал Чиро и поспешил к повозке. Он не оглядывался, но на этот раз потому, что просто не хотел.

После смерти Стеллы Джакомина почти не разговаривала. Она следила за домом, стирала белье, готовила еду, но радость ушла вместе с ее девочкой. Джакомина знала, что должна быть благодарна: у нее еще пятеро здоровых детей, но благополучие многих никогда не возместит утрату одного.

Энца же чувствовала, что горе потихоньку отступает, что оно уже не так властно стискивает сердце. Она заботилась о младших, взяла на себя кое-какие домашние обязанности, лежавшие прежде на матери. Марко почти не появлялся дома, разъезжая между Скильпарิโอ и Бергамо.

– Сегодня нужно еще доставить посылку в Вильминоре, – сказал Марко, войдя в дом перед ужином.

– Давай я отвезу, – вызвалась Энца. Она целую неделю ждала весточки от Чиро Ладзари. Он обещал проведать ее, и она поверила ему.

Практичная девушка не тоскует, а действует, сказала себе Энца. Она ведь знает, что Чиро живет в монастыре в Вильминоре.

Готовя повозку и лошадь, она вспоминала то удивительное ощущение близости, что возникло меж ней и Чиро в тот вечер, когда они ехали в Вильминоре. С ним было легко, и ей нравилась его внешность: эти густые волосы непривычного песочного цвета, забавное кольцо с ключами на

поясе и красный платок, повязанный вокруг шеи, – такие надевали шахтеры, отмывшись после смены. Он был ни на кого не похож – а в горах такое встречалось нечасто.

Чиро помог Энце отвлечься от горя в день похорон Стеллы. Он словно отодвинул границы того ужасного дня. В его поцелуе была надежда.

Энца вывела Чипи из конюшни, и тот по привычке направился к югу, в сторону Вильминоре. Он двигался спокойной рысцой, и лицо Энцы холодила легкий ветерок. Когда она ехала с Чиро, ночь была непроглядно черной, но лампа давала достаточно света. Энца тогда наслаждалась беседой. Часто потом, хлопоча по дому, она вспоминала его слова о том, что он надеется на новый поцелуй.

Теперь она жалела, что так и не поцеловала его во второй раз. Потому что одного поцелуя недостаточно. Как и одного-единственного разговора. Энце столько нужно было рассказать Чиро Ладзари.

Въехав в Вильминоре, она направила повозку ко входу в монастырь, где высадила Чиро неделю назад. Она чувствовала уверенность, но, еще важнее, волнение перед предстоящей встречей. Чиро совершенно точно будет рад ее видеть. Разве он не сказал, что хочет снова с ней повидаться? Даже если он не будет рад, если будет холоден и груб, по крайней мере она узнает о его подлинных чувствах. И будет счастлива, если перестанет представлять его поцелуи каждый раз, когда откладывает книгу, или вспоминать его объятия, когда развешивает белье.

Энца спрыгнула с повозки на землю, позвонила в колокольчик у входа в монастырь и стала ждать. Вскоре дверь открыла сестра Доменика.

- Сестра, меня зовут Энца Раванелли. Я из Скильпарิโอ.
- Чем могу тебе помочь?
- Я ищу Чиро Ладзари.
- Чиро? – Сестра быстро огляделась. – Зачем тебе он понадобился?
- Я встретила его в день похорон своей сестры. Он копал могилу.
- Ох, понимаю.
- И я бы хотела поблагодарить его.
- Он здесь больше не живет, – тихо сказала сестра Доменика.
- Куда же он уехал?
- Я бы предпочла этого не говорить, – ответила монахиня.
- Ясно.

Опустив взгляд, Энца смотрела на свои руки. Должно быть, Чиро пустился на поиски приключений. Может, подался на юг, в портовые города, чтобы плавать на рыбацких шхунах, или на запад, в мраморные карьеры. Все, что Энца знала, – он уехал не прощаясь, и это значило, что он

не чувствует к ней того же, что она чувствовала к нему.

– Может быть, я смогу что-то ему передать, – тихо сказала сестра, окинув взглядом площадь.

– Нет, сестра, ничего передавать не надо. Простите, что побеспокоила.

Энца взобралась обратно на козлы, проверила адрес на посылке и направила Чипи через площадь, а потом вверх по улице. Она плакала, толком сама не зная почему. В самом деле, что, как она думала, должно было случиться? На какие слова Чиро она надеялась?

Выехав за пределы Вильминоре, Чипи остановился. Он не знал, в какую сторону поворачивать, и Энца слегка шевельнула поводья. С высоты козел она смотрела на долину и спрашивала, правильно ли повела себя тогда с Чиро Ладзари.

Монашеская ряса

Una Tonaca del Frate

Безмятежное синее небо с легкими штрихами облаков, как на фресках Тьеполо, раскинулось над Бергамо в то утро, когда Игнацио Фарино прощался с братьями Ладзари на станции.

Игги несколько раз оглядывался на мальчиков со своего насеста на козлах, куда дорога не повернула и они не скрылись из виду.

Братья смотрели, как удаляется Игги, скрюченный, как набалдашник трости.

У сирот родителей много.

Эдуардо и Чиро прошли через вокзал к платформам. Черные шерстяные брюки и белая рубашка Эдуардо были отглажены. Его китель, изумрудно-зеленого цвета с золотыми эполетами на плечах, все-таки напоминал обноски расформированного альпийского полка, но был чистым, не траченным молью, так что вполне годился – пока Эдуардо не прибудет в семинарию и не наденет рясу.

На Чиро были темно-синие вельветовые рабочие штаны и аккуратно заштопанная, накрахмаленная рубашка из шамбре, а сверху – серое шерстяное пальто с черным кантом. Сестра Эрколина нашла пальто в сумке с пожертвованиями, оставленной на ступенях монастыря, а сестра Анна-Изабель соорудила к нему подкладку из нескольких ярдов шелковой ткани в огурцах, оставшейся от постельного белья, которое монахини шили к свадьбе мэра.

Тем утром, в первых лучах рассвета, сестра Доменика постригла мальчиков, после чего рьяно протерла им головы свежим лимонным соком с каплей чистого спирта. Чиро заметил на это: «Когда сестра Доменика берется за дело, красота причиняет боль».

Монахини выстирали, погладили и заштопали одежду, которую собрали им в дорогу. Чистого белья, носовых платков с вышитыми сестрой Терезой инициалами и носков, связанных сестрой Доменикой, должно было хватить на первое время. Сестры сделали все, что в их силах, чтобы подготовить мальчиков к встрече с новым для них миром – хотя бы внешне.

Эдуардо посмотрел на большие вокзальные часы – на перламутровом циферблате чернели римские цифры. Все в Бергамо казалось более

значительным, чем в горах, – даже в том, как здесь узнавали время, была солидность.

Братья уже тосковали по своему городку. Осматривая станцию, они вспоминали, что оставили. У длинного черного поезда, стоявшего на путях, были деревянные подножки, и они напомнили Эдуардо, как монахини выставляли за дверь обувь, чтобы ее почистили. Пассажиры, спешившие к своим вагонам, то и дело натывались на мальчиков. Эдуардо и Чиро изо всех сил старались не мешать, но на их извинения никто не обращал внимания.

Сами люди здесь были иными. Хорошо одетая публика ничуть не напоминала ремесленников и рабочих с гор. Эти синьоры из Бергамо все были в шитых на заказ костюмах-тройках, а поверх – в пальто из шелковистой шерсти, на головах у них красовались фетровые шляпы с широкими темными лентами, украшенные либо пером, либо элегантным бантом. Мужчины в Вильминоре тоже надевали шляпы, но только из практических соображений, летом – соломенные, дабы защититься от солнца, зимой – шерстяные, дабы уберечься от холода.

Здесьние господа носили обувь из крашеной телячьей кожи со вставками из шагрени, на шнурках или пуговицах. В руках у них были саквояжи из тисненой замши. Женщины были одеты по последней моде – длинные юбки и приталенные жакеты. Прически их были увенчаны эффектными шляпками с пышными плюмажами, с облаками вуалей, волной переливавшимися через широкие поля, и с завязанными под подбородком атласными лентами. Дамы словно плыли над землей, слышался лишь шорох юбок да легкий перестук каблучков высоких, застегнутых на пуговицы ботинок, едва касавшихся тротуара.

Эдуардо озирался в поисках четверых молодых людей, к которым он должен был присоединиться, заглядывал в листок с их именами.

– Вот, – сказал Чиро и протянул брату три лиры, которые ему дал Игги.

– Нет, нет, убери это, Чиро.

– Возьми.

– Там, куда я еду, деньги не понадобятся, – сказал Эдуардо.

В смятении от близкого расставания Эдуардо сверлил взглядом гигантские часы, мечтая, чтобы время остановилось. Ему хотелось дать брату что-нибудь на память.

Чиро посмотрел на мамино кольцо с печаткой, с выгравированной на нем хитро закрученной «С».

– И кольцо тоже не вздумай мне предлагать, – сказал Эдуардо.

Чиро рассмеялся:

– Как ты угадал?

– Ты самый щедрый человек из всех, кого я знаю. Ты бы отдал мне свои башмаки, если бы мог. И не стал бы жаловаться, что придется идти в Венецию босиком.

– Да мои ноги в два раза больше твоих, – сказал Чиро.

– К счастью для меня, потому что у тебя безобразные ботинки.

– Это все, что сестра Доменика смогла найти в корзине, – пожал плечами Чиро. – Кроме того, когда ты станешь священником, тебе дадут сутану, воротничок и черные туфли. У тебя никогда не будет недостатка в одежде, это уж точно.

– Францисканцы не носят сутану. Только коричневую рясу из мешковины, подпоясанную старой веревкой. И сандалии.

– Раз уж ты собираешься преодолеть все трудности, чтобы стать священником, я бы хотел, чтобы ты присоединился к шикарному ордену. Ты заслуживаешь тонкого белья из Венсена, как у дона Грегорио. Бедный сирота, ты собираешься стать бедным священником. Прямо как краб, ходящий боком.

– В этом весь смысл, Чиро, – улыбнулся Эдуардо. – Иисус знаменит вовсе не расшитыми ризами.

– А что будет со мной? – тихо спросил Чиро.

– Семья Анны-Изабель позаботится о тебе. – Голос Эдуардо дрогнул: он уповал на то, что его слова окажутся правдой. Заботиться о Чиро всегда было его обязанностью. Как он сможет доверить ее кому-то еще? – Такова жизнь, ты же знаешь. Родственники ничего не могут сделать для Анны-Изабель, потому что она монахиня и дала обет бедности. Вместо этого они сделают для тебя то, что она просит. Ты очень везучий, Чиро.

– Правда? Ты считаешь нас везучими?

Сам Чиро считал, что судьба против них на каждом своем повороте. Если бы тем вечером он не забыл ключи, то не застал бы Кончетту со священником, что послужило причиной всех этих ужасных событий.

– Да, брат. Мы ведь добрались сюда. – Эдуардо смотрел на пути, стараясь не плакать.

Братья Ладзари, стоявшие сейчас на платформе, еще ни разу в жизни не разлучались. Мало что осталось между ними невысказанным. Во многом Эдуардо заменил Чиро родителей: служил для него моральным ориентиром, помогал разобраться в монастырской жизни, подталкивал к учебе – и в то же время советовал видеть в людях лучшее и задуматься о возможностях, таившихся в том мире, что лежал за пределами деревенской площади Вильминоре.

Эдуардо исполнилось семнадцать, он был склонен к созерцательности и смирению. Его отличали необычные для молодого человека серьезность и чуткость.

Чиро должно было исполниться шестнадцать на пути в Америку, на корабле. Он уже вымахал до метра восьмидесяти. Задиристость, свойственная ему в детстве, сменилась мужественностью, благодаря которой он казался старше своих лет. Эдуардо оглядел Чиро и решил, что младший брат в состоянии позаботиться о себе физически. Но его беспокоила доверчивость и наивность Чиро, которыми могут воспользоваться люди менее благородные. Молодые люди с кротким характером обычно сознают, что в мире есть темная сторона. А сильные, вроде Чиро, – никогда.

– Знаешь, Чиро, – медленно заговорил Эдуардо, – я ведь не слишком остро чувствовал утрату отца, потому что ты так сильно на него похож. Иногда, засиживаясь допоздна над учебниками, я смотрел на тебя спящего и вспоминал, как он лежал на траве, отдыхая во время сиесты. И мог бы поклясться, что папа никогда не оставлял нас, потому что он живет в тебе. Ты похож на него, и далеко не только внешне. Склад ума у тебя такой же, как у отца.

– Правда? – Чиро жалел, что мало что помнит об отце. Разве что смех да манеру прикуривать.

– Ты всегда говоришь правду. Заступаешься за слабых. И не боишься рисковать. Когда сестры сказали, что нам придется уехать и что ты должен отправиться в Америку, ты не дрогнул. Не заплакал. Не попытался что-то выторговать для себя, просто принял их предложение.

– Может, это значит, что я простофиля?

– Нет, это значит, что ты мудрец. Как и папа, ты не боишься попробовать что-то новое. У меня нет этой смелости, а у тебя есть. Я не беспокоюсь, что с тобой будет в Америке, ты справишься.

– Лжец.

– Пусть так – я *пытаюсь* не беспокоиться.

– Хотел бы я сказать то же самое, – заметил Чиро. – Будь начеку, Эдуардо. Святые люди иногда этого не умеют. Не позволяй помыкать собой или дать почувствовать, что ты не такой, как они. Ты умнее, чем большинство из них. Действуй решительно. Покажи, на что способен.

– Сделаю все что могу.

– А я буду работать изо всех сил, потому что только так и умею, – сказал Чиро. – Но все, что мы делаем, это для того, чтобы вернуться в горы. Вместе. (Эдуардо кивнул.) Молись за меня.

– Папа кое-что сказал мне в ночь перед отъездом, и я записал его слова в своем молитвеннике, чтобы никогда не забывать.

В глазах Эдуардо блеснули слезы. Он открыл на первой странице молитвенник в черной кожаной обложке и протянул Чиро. Там крупным детским почерком Эдуардо было написано:

В этом мире остерегайся того, что означает все или ничего.

Чиро закрыл книгу и вернул ее Эдуардо:

– Ты никогда не расставался с молитвенником. Он твой. Храни его.

Эдуардо решительно вложил книгу в руку Чиро:

– Нет, теперь твоя очередь. Прочтешь это – и подумаешь обо мне. Кроме того, я знаю, что ты не из тех, кто ходит к ежедневной мессе...

– Или даже к воскресной...

– К любой! – улыбнулся Эдуардо. – Но если ты будешь читать молитвенник, то, думаю, найдешь немного утешения.

Чиро закрыл молитвенник.

– Сестры из монастыря Сан-Никола, мой брат и весь мир сговорились сделать из меня доброго католика. Желаю всем вам удачи!

Раздался пронзительный свисток прибывающего поезда. Смотритель взобрался по лестнице и написал на огромной доске место назначения: РИМ.

– Мне пора. – Голос Эдуардо дрогнул. – Мой поезд.

Братья обнялись. Некоторое время они стояли, прижавшись друг к другу, затем Эдуардо осторожно отстранил брата:

– Тебе нужно на второй путь, поезд до Венеции прибудет туда.

– Знаю, знаю, потом паромом в Гавр. Эдуардо?

– Да? – Эдуардо взял свою сумку.

– Я никогда не был во Франции.

– Чиро!

– Да?

– В Венеции ты тоже никогда не был.

Чиро подбоченился:

– Думаешь, по мне это будет видно? Я похож на козопаса с Альп?

– Только когда на тебе тирольские кожаные шорты.

Эдуардо повесил сумку на плечо:

– Будь осторожен в Америке, Чиро. Не позволяй никому обмануть тебя. Следи за деньгами. Не стесняйся задавать вопросы.

– Обязательно, – заверил Чиро.

– И пиши мне.

– Обещаю.

Четыре молодых человека, примерно одних лет с Эдуардо и с похожим выражением лица, каждый с одной-единственной сумкой, уже садились на римский поезд. Эдуардо повернулся, чтобы последовать за ними.

– Твои новые братья ждут тебя, – сказал Чиро.

– Они никогда не станут мне братьями, – ответил Эдуардо. – Брат у меня только один.

Чиро смотрел, как Эдуардо медленно исчезает в толпе.

– Не забывай об этом! – крикнул Чиро, помахав молитвенником, а потом тоже пересек платформу и сел в поезд, увозящий его в новую жизнь.

Часть вторая

Манхэттен

После прощания с Эдуардо на бергамском вокзале прошло два дня. Чиро поднимался вверх по сходням парохода «Вирджиния» в Гавре. Его впечатления от французского портового города ограничивались видами Ла-Манша, на водах которого качались шлюпки, бившиеся о корпуса пришвартованных в доках океанских лайнеров. На пирсе сустились пассажиры, заносившие на сходни свой багаж. Из-за стены рыболовных сетей толпы влюбленных махали носовыми платками и шляпами в знак прощания.

Но Чиро было некому махать. Он был на удивление сдержан и рассудителен – для столь энергичного молодого человека, в первый раз пускающегося в плавание. Перед тем как подняться на борт, Чиро купил себе холодной поленты с горячим молоком. От колбасы он отказался, и вполне сытная еда обошлась в пару медяков. Он надеялся прибыть в Америку, не растратив свой маленький капитал.

Стюард проверил билет и направил Чиро в трюм, в отделение третьего класса. Чиро с облегчением узнал, что на этом корабле пассажиры разного пола путешествуют врозь. Сестра Эрколина рассказывала о том, как иногда на мрачных палубах для бедных мужчины, женщины и дети находятся в одном огромном помещении, разделенном на квадраты лишь полосами, прочерченными на полу.

Чиро открыл металлическую дверь своей каюты, сунул туда голову и остановился. Комната была размером пять на пять футов, с маленькой, прижатой к стене койкой. Чиро не смог бы выпрямиться там в полный рост, а еще в каюте не было окна. Но там было достаточно чисто, свежо пахло морем.

Чиро сел на койку и открыл мешок. Запах монастырской прачечной – крахмал и лаванда – окружил его, напомнив о Вильминоре. Чиро быстро защелкнул замок сумки: запах – это все, что теперь осталось у него от жизни в Сан-Никола.

Корабль поскрипывал, покачиваясь на волнах, терся о сваи. Чиро перевел дух – в первый раз с той минуты, как сел на поезд в Бергамо. Вся эта суэта, оставшаяся теперь позади: пересадка с поезда на поезд, паром в

Венеции, покупка билета по прибытии в Гавр, – держала его в страшном напряжении. С утра до вечера он не осмеливался задремать или задуматься – из страха, что пропустит поезд или паром.

Ночь в Венеции он провел в церкви. Во вторую нашел пяточок между магазинами на променаде в Гавре. Теперь лишь океан отделял его от начала новой жизни. Чиро избегал разговоров с незнакомцами, потому что его предупреждали об аферистах, которые охотятся за доверчивыми пассажирами. Хотел бы он посмотреть на того, кто попытается забрать его деньги. Чиро спрятал их в висевший на шее мешочек, а потом для большей сохранности еще и приколот его изнутри к рубашке.

Сердце Чиро разрывалось при мысли о том, что он оставил позади. Особенно не хватало Эдуардо, единственного, рядом с кем в этом мире он чувствовал себя в безопасности. Каждое из событий минувшей недели казалось нереальным в тот момент, когда происходило, но теперь, наконец очутившись наедине с собою, Чиро осознал бесповоротность произошедшего. Он был наказан за то, что увидел, а не за то, что сделал. И вот он за границей, на этом корабле, потому что нет у него защитника, потому что он сирота. Монахини спасли его от исправительного дома, но священник придумал куда более жестокую кару – разлучил с братом. Чиро уткнулся лицом в рукав и тихо заплакал.

Но в памяти тут же всплыли слова Эдуардо, и печаль отступила. Чиро еще раз оценил ситуацию, в которой оказался. Он не боится тяжелой работы. Разве не восхищались монахини его выносливостью и силой? Чиро посмотрел на свои руки, копию отцовских. Всего лишь разнорабочий, но достаточно образованный. Умеет читать и писать – спасибо Эдуардо. Благодаря Игги знает, что такое сделки. В монастыре он научился забывать о себе. Он сумеет жить в Америке экономно, сумеет скопить денег и вернуться домой, в горы. Это не изгнание, это билет в будущее, начало приключения.

Чиро добьется чего-то значительного, и священник поймет, что же совершил. Он будет умерен в еде – только лишь силы поддержать, будет платить как можно меньше за постой и избегать искушений. К тугому кошельку совсем другое отношение. Тугой кошелек – это власть, к нему прислушиваются. Он понял это еще в церкви, наблюдая, как обходят прихожан с тарелочкой для пожертвований.

Чиро смочил водой из фляжки чистый носовой платок и протер лицо. Поглубже убрал сумку под койку. Запер дверь каюты и поднялся по трапу на палубу. Он не собирался оставаться в изоляции только потому, что так распорядился дон Грегорио. Решив сполна насладиться новым опытом,

Чиро встал у борта и принялся наблюдать, как пассажиры поднимаются на судно. Он был поражен многообразием идущих по сходням людей.

Во время праздников в Вильминоре сотни приезжих из соседних городков высыпали на улицы деревни. Гулявшие были простыми тружениками с гор, тянувшими лямку в шахтах или на фермах, как и те, кто жил в Вильминоре. Между ними не было существенной разницы в достатке или в общественном положении. Мужчины работали, чтобы прокормить семью, трудились от зари до зари. Но даже среди самых зажиточных горожан никто не мог сравниться в роскоши с пассажирами, поднимавшимися по сходням парохода «Вирджиния».

Состоятельные европейцы были отлично одеты – в бледный шелк, лен пастельных тонов, за ними двигались горничные и мальчишки-посыльные, тащившие багаж. Слуги тоже были одеты лучше, чем все, кого Чиро знал в Вильминоре.

Его взгляд задержался на пожилой женщине в широкополой соломенной шляпе. За ней шла служанка, осторожно неся в каждой руке по кожаной шляпной коробке. За ней шла вторая горничная, толкая вверх по сходням оснащенный колесами полотняный ящик с нее ростом, наверняка с платьями. Чиро никогда не видел такого обслуживания. Первое его наблюдение состояло в том, что богатые сами не носят свой груз.

Чиро слышал все оттенки итальянского – из Бари, Тосканы, Калабрии, с Сицилии, множество итальянских диалектов. Собственный его язык, ломбардский «бергамаско», находился под сильным влиянием речи швейцарцев: граница была к северу от Вильминоре, совсем рядом. Венецианцы же, с их низкими, перекатывающимися гласными и четким произношением, что-то позаимствовали у французов, как с ходу решил Чиро. Вокруг шумел целый мир. Озираясь, Чиро заметил, что, похоже, был здесь единственным слушателем. Но иногда слова не нужны.

Чиро наблюдал, как юные дамы словно плывут сквозь толпу. Возможно, дело было в их длинных кружевных платьях или в мягком покачивании кремового тюля на шляпах. Легкие, воздушные, они напоминали белых бабочек, стаями кружащих по весне над лугами Альта-Вильминоре.

Он видел людей, о которых раньше только читал в книгах. Турки в длинных, расшитых серебряной нитью одеяниях цвета индиго – в тон волнам южных морей. Португальские рабочие, коренастые и крепкие, в спецовках и соломенных шляпах, шагали вразвалочку, с вызывающим видом. Французские монахини в белых крылатых уборах плавно скользили по трапу на нижнюю палубу, как стайка серых голубок.

Сестры Сан-Никола учили Чиро отыскивать монахинь, одетых, как они, *nero e bianco*, в черно-белое, с большим деревянным крестом на свисавших с пояса четках. Он мог подойти к ним и объяснить, что работал в монастыре. Сестры обещали: если он окажется без крова над головой, в монастыре их ордена от него никогда не отвернутся.

Два пожилых господина в мятых шерстяных костюмах и жилетах из шотландки – такие носили *il professore* – взбирались по трапу в каюты первого класса, перекидываясь английскими словами. Итальянская семья направлялась во второй класс – с бабушкой в кильватере. Та руководила внуками, поучая их, как правильно тащить корзины с едой. Чиро подумал, что мужчины только делают вид, будто они в семье главные, но на самом деле всем заправляют женщины. Интересно, почему эта семья эмигрирует, ведь с виду у них и в Италии дела обстоят неплохо. У него мелькнула и застряла в голове мысль, что вовсе не все люди пускаются в бега, как он. Возможно, они просто спешат навстречу приключениям. Он с трудом мог представить себе такую роскошь.

– *Ciao*.

– *Ciao*. – Чиро обернулся и очутился лицом к лицу с мужчиной лет тридцати, с густыми каштановыми волосами, в безукоризненно белой форме с цветными плашками на кармане.

– Вы капитан? – спросил Чиро.

– Эконом. Меня зовут Массимо Цито. – Моряк улыбнулся. – Я нанимаю команду.

– Вы говорите на итальянском? – воскликнул Чиро, у которого уже звенело в ушах от окружавшей его мешанины звуков. – На моем итальянском!

– А еще на французском, испанском, португальском и английском. И немного на арабском.

– А я только итальянский знаю, – посетовал Чиро. – Ну еще немного латынь, и только потому, что брат настоял, чтобы я ее выучил.

– Зачем ты едешь в Америку?

– Чтобы разбогатеть, – ответил Чиро. – А бывают другие причины?

– *Si, si*. В Америке очаровательные женщины. Любишь блондинок? Идешь по улице – повсюду сияют волосы, как золото из рога изобилия. Брюнетки? Их там как каштанов, они везде! Рыжие? Как яблоки на деревьях, бери хоть целый бушель! Они работают на фабриках и жуют резинку, выдувая пузыри.

– Пусть занимаются чем угодно, лишь бы со мной заговорили, – рассмеялся Чиро.

Очаровательная молодая женщина в абрикосовом платье и ботинках телячьей кожи цвета перванш прошествовала к каютам первого класса. Чиро и Массимо проводили ее взглядами.

– Надеюсь, это плавание продлится вечность, потому что на борту одни красавицы, – сказал Чиро.

Массимо рассмеялся:

– Короткая выйдет вечность. Мы прибудем через девять дней. Ты путешествуешь один?

– Да, синьор, – ответил Чиро.

– А работа тебе не нужна?

– Смотря какая, – ответил Чиро. – Какую должность вы мне можете предложить?

– Мне нужен еще один человек в кочегарку. Грести уголь.

– И сколько вы платите? – Чиро разглядывал кипевшую внизу суету, небрежно прищурившись, как его учил Игги. Никогда не показывай падроне, что тебе нужна работа.

– Я могу заплатить три американских доллара за девять рабочих дней.

– Три доллара?! – Чиро покачал головой. – Простите. Я не возьмусь.

– Почему же?

– За такую работу я хочу десять, – ответил Чиро. Он с отсутствующим видом разглядывал доки, хотя его сердце пустилось вскачь.

– Это безумие! – Массимо повысил голос на октаву.

Чиро понятия не имел, насколько тяжела работа в чреве корабля, он только знал, что силен и хорошо управляется с лопатой. Если он выкопал могилу в бедной деревушке за две лиры, то, без сомнения, доллар в день – справедливая плата за то, чтобы грести уголь на борту океанского лайнера. Так он логически обосновал свое требование, которого намеревался твердо держаться.

– Десять долларов, синьор Цито, – спокойно ответил Чиро.

– Ты не в себе. Восемь долларов, – парировал Массимо.

Чиро повернулся к нему:

– Думаю, нелегко будет найти здесь кого-то, кто способен кидать в топку уголь. Мы ведь уже отплываем. У вас нет времени на то, чтобы опустошить местную тюрьму или найти на улице парня с амбициями, который захочет ни с того ни с сего отправиться в Америку. Видел я французов. Не думаю, что среди них легко найти силача для такой работы. Они такие же тощие, как багеты, что втридорога продают здесь на пирсе. Да, вы в тупике. Как насчет такого – я соглашаюсь на восемь долларов и получаю назад деньги за билет?

– Ты рассчитываешь на двадцать восемь лир да еще и восемь долларов?

– Уверен, что остальная команда получает стол и кров бесплатно. Включая вас. – В ожидании ответа Чиро перегнулся через перила и принялся разглядывать причал.

Массимо вздохнул:

– В Америке ты не пропадешь, парень.

Массимо Цито распахнул дверь в трюм, и Чиро встретили волны обжигающего жара. Когда добрые сестры из Вильминоре объясняли ему, что такое ад, он представлял открытую яму с огнем. Чрево «Вирджинии» очень напоминало ад. Огромное котельное отделение с потолком из блестящей стали было длиною с весь корабль. Здесь обслуживали угольные печи, которые нагревали воду для парового двигателя. Бункеры с углем, высотой с лайнер, сужались к огромному желобу, ведущему к угольной яме. Оттуда уголь кидали лопатами в топку. Чтобы произвести достаточно пара для трансатлантического перехода, требовалось 570 тонн угля, и его круглосуточно швыряли в топку тридцать человек, разделенных на двенадцатичасовые смены. Чиро стал тридцатым.

Массимо Цито велел бригадиру ввести Чиро в курс дела. Кристи Бене, француз, главный на этом участке, был весь покрыт угольной пылью. Его косматые брови были, казалось, нарисованы чернилами, а белки глаз, по контрасту, сверкали ярко и угрожающе.

– Подойдет, – сказал Бене, осмотрев Чиро. – В насосном отделении есть спецовки. – И он отвернулся к разверстому зеву топки.

Чиро переполняло благоговение перед мощью печи, но еще большее – перед своей фортуной. У него есть первая работа – а ведь в Америку он еще даже не отплыл!

Массимо Цито хорошо заботился о кочегарах. Время от времени они получали остатки со стола первого класса, и Чиро таким образом попробовал свой первый круассан, приготовленную на пару спаржу и вареных креветок.

Рабочие могли помыться в пересменок, на рассвете. Они поднимались на следующий ярус корабля и в помещении, огороженном бамбуковыми экранами, могли воспользоваться щелоковым мылом и одним из пяти шлангов в качестве душа. К концу недели Чиро заметил, что мыло уже не смывает угольную пыль, въевшуюся в кожу. Руки, лицо и уши приобрели бледно-серый оттенок. Он понял, почему его товарищи-угольщики

выглядят много старше него, хотя на самом деле все это молодые парни.

Чиро натянул чистый комбинезон в раздевалке, прежде чем вернуться вниз, к яме. Он уллучил минуту, чтобы посмотреть на океан. Над Атлантикой вставало солнце, и волны словно покрылись блестящей коралловой патиной. Горизонт был оторочен золотой каймой. Чиро зажег сигарету и медленно, глубоко затянулся. Сегодня был его шестнадцатый день рождения, и он уллучил минуту, чтобы отпраздновать его.

– Еще два дня, – сказал Луиджи Латини, работавший с Чиро в яме.

Луиджи был с юга, из провинции Фоджа на Адриатике. Среднего роста, сложением он походил на крепкий квадратный ящик. На первый взгляд лет восемнадцати, он смотрелся рядом с Чиро как старший брат. У Луиджи был аккуратный нос и большие карие глаза, которые придавали ему вид задумчивого кролика.

– Да, почти уже все, Луиджи. – Чиро передал ему сигарету.

– Куда ты направляешься?

– Я должен встретиться с семьей, которая обещала меня принять. Они живут на Манхэттене. А ты?

– В Минго-Джанкшен, это в Огайо. Мои родители сговорили меня. Собираюсь жениться на Альберте Патенца, – ответил Луиджи, возвращая сигарету.

– Ты видел ее?

– Только портрет. *Che bella*.

– А письма писал?

– О да, много раз, – ответил Луиджи.

– Похоже, ты волнуешься.

– Что, если она *brutta*^[40]. Знаешь, такое случается. Родители сватают детей по переписке и подменяют портреты. И вместо красоты тебя встречает уродина. Так вот. Ты можешь успеть принести клятвы, думая, что получаешь принцессу.

– Надеюсь, с тобой такого не случится.

Луиджи пожал плечами:

– Если так выйдет, я просто сбегу.

Чиро рассмеялся:

– Если ты бегаешь так же быстро, как гребешь уголь, о тебе можно не волноваться.

– На фотографиях нос у Альберты небольшой, как и у меня. – Луиджи провел пальцем от переносицы вниз, к кончику. – Я должен сохранить эту фамильную черту. Если я женюсь на девушке с большим носом, у меня будут носатые дети, а я этого не хочу.

Чиро снова рассмеялся. Луиджи был не единственным, кто составлял список пожеланий к будущей жене. Чиро совершенствовал свой с той поры, как в первый раз заметил, что существуют девочки. Его не слишком беспокоил нос избранницы, но он мечтал о девушке милой, доброй, двигающейся с изяществом. Она непременно будет прекрасной, потому что, как любое произведение искусства, женская красота со временем открывает новые грани.

– Ты получишь своих курносых детей, Луиджи, – сказал Чиро, делая последнюю затяжку, перед тем как швырнуть сигарету в океан. Кончик вспыхнул оранжевым и погас. – Каждый должен получить то, что хочет.

Чиро облокотился на перила, вспоминая, кто поделился с ним этой мудростью. Энца Раванелли из Скильпарิโอ. Небеса были цвета кобальтовой лазури в тот вечер, когда он ее поцеловал. И он нес лопату – точно так же, как теперь, когда грузил уголь в яму парохода «Вирджиния».

Чиро уже не впервой отметил, что в его жизни определенные моменты перекликаются. И что между разрозненными на первый взгляд событиями есть связь. Случайности теперь казались ему вовсе не случайными. Совпадения волновали его, но он был еще слишком молод, чтобы анализировать цепь событий. Однако Чиро уже догадывался, что нити прошлого, настоящего и будущего в конце концов сплетутся в единую и невероятную картину. Вот только кто соединит эти нити? Кто сошьет лоскутки? Об этом Чиро размышлял нередко.

Перед тем как заснуть, Чиро не молился, а думал о девушках. Ведь девушки и были для него чем-то вроде религии. Он представлял себе их нежное очарование, приметы их красоты: черные глаза, прикрытые вуалью, грациозная рука на рукоятке зонтика или тонкие лодыжки Кончетты Матроччи в тот вечер, когда он застал ее со священником. Эти мимолетные картинки успокаивали его, но позже, на грани яви и сна, его мысли обратились к Энце Раванелли. И, думая об Энце, он не представлял ее губы, глаза, руки. Нет, он видел ее всю целиком – она парила перед ним в синем сумраке, облитая лунным сиянием.

Зеленое дерево

Un Albero Verde

Утром, когда «Вирджиния» входила в доки Нижнего Манхэттена и на палубу залетали брызги морской пены, Чиро казалось, будто над Нью-Йорком выстрелила бутылка шампанского, осыпав гавань золотыми конфетти. Даже буксиры словно вступили в сговор ради того, чтобы швартовка прошла гладко, – так ловко подталкивали они океанский лайнер, не допуская крена и ударов о сваи. Рев гудка, радостные возгласы пассажиров, выстроившихся на палубе, казалось, помогали пароходу совершить последний рывок и причалить.

Чиро и Луиджи любовались великолепным видом с галереи для третьего класса. На острове Манхэттен, формой напоминавшем лист, громоздились каменные здания, розовевшие в рассветных лучах. Серосиние волны Гудзона накатывали на берег чернильными складками. Городской силуэт словно шевелился, вздымался и раскачивался из-за непрерывающейся стройки – канаты кранов и блоков тянулись в воздухе, подобно нитям марионеток, тросы тащили вверх гранитные плиты, мощные стальные балки и доски. Огромные заводские трубы изрыгали лавины серого дыма в голубое небо, где те рассеивались, словно колечки из трубки джентльмена. Бессчетные окна отражали солнечный свет, а поднятые над городом железнодорожные рельсы изгибались между зданиями, походя на черные застёжки-молнии.

Ни Бергамо с его шумным вокзалом, ни Венеция с ее людной гаванью, ни Гавр с его лихорадочно кипящим портом не шли ни в какое сравнение с этим зрелищем. Неимоверный, чисто американский гомон окружил Чиро и Луиджи: внизу, в доках, собралась целая толпа, чтобы поприветствовать прибывающих. Били барабаны, гремели трубы, девушки вращали полосатые зонтики, словно гигантские колеса. Вопреки фанфарам, на сердце у Чиро было тяжело. Ему не хватало Эдуардо, чтобы разделить с ним этот праздник. Чем громче был шум, чем оглушительнее гомон, тем более одиноким он себя чувствовал.

Металлические сходни «Вирджинии» гулко ударились о причал. Путешествующие в первом классе медленно сошли на берег, красуясь в своих свежих костюмах и шляпах и нисколько не думая о пассажирах

третьего класса, которые жаждали покинуть наконец тесные каюты. Богатые никогда не спешат. Блестящие черные автомобили выстроились на набережной, чтобы развезти состоятельных путешественников по домам и отелям. Кабриолеты, в которые садились дамы в своих весенних шляпах, украшенных белыми перьями и сверкавших хрустальными искрами, напоминали коробочки с французскими сладостями, посыпанными сахарной пудрой.

Массимо Цито вместе с тремя стюардами стоял у подножия сходней. Каждому иммигранту было велено приколоть к груди миграционную карту – стандартная процедура для тех, кто въезжает из другого государства. Их направляли на паром, идущий на остров Эллис. Пожав на прощание руку эконому, который дал ему первую в жизни настоящую работу, Чиро наконец ступил на американскую землю.

Чиро и Луиджи стояли, облокотившись на перила и подставив лица свежему ветерку, пока паром скользил по Гудзону к острову Эллис, оставляя за кормой полосу белой пены на серой глади. Чиро радовался, что он не один. На берегу виднелась длинная серая змея – очередь из иммигрантов, выстроившихся к одному из огромных зданий, что целиком заполнили маленький остров. Статуя Свободы маячила над ними, подобно учительнице, собравшей вокруг себя первоклассников.

Внезапно паром резко ударился о сваи дока и накренился. Чиро вцепился в перила, чтобы не упасть, и забросил мешок на плечи. Следуя указателям с красными стрелками, Чиро и Луиджи прошли в центральный зал главного здания. По пути их мотали туда-суда волны ничем не сдерживаемой толпы. Казалось, людей не волнует, что их сопровождают дети и престарелые родители, что кто-то из членов семьи потеряется в этой давке.

Стоявшая у двери охранница, грубая коренастая женщина в серой униформе, с длинной светлой косой, взглянула на их документы. Чиро вручил ей запечатанный конверт от сестры Эрколины. Она разорвала конверт, просмотрела письмо и прикрепила его на свою досочку с зажимом.

– Ты, – охранница указала на Луиджи, – сюда. (Луиджи отправился туда, куда указывал ее палец, и встал в очередь.) А ты, – она показала на Чиро, – сюда.

Чиро встал в соседнюю очередь. Очереди были длинными и не двигались.

– Добро пожаловать в Америку, – сказал Луиджи, когда они окинули

взглядом сотни человек, выстроившихся друг за другом. – Если все так пойдет, я не увижу Минго-Джанкшен до следующей недели!

В воздухе стоял оглушительный гомон, эхом отражавшийся от стен огромного зала. Чиро был в восторге от здания, этого архитектурного чуда. Ни один собор не мог сравниться с ним по размеру, по высоте сводчатых перекрытий. Стрельчатые окна были так близко к солнцу, они наполняли атриум ярким естественным светом. Чиро смотрел вверх на окна и гадал, как же их мыть. Под ногами блестел терракотовый кирпич. Его золотистый цвет напомнил Чиро монастырский пол, который он натирал еще мальчишкой. Чиро наблюдал за сотнями людей, стоящих друг другу в затылок в двенадцати длинных очередях, разделенных железными решетками высотой до пояса. Здесь были венгры, русские, французы и греки. Все терпеливо ждали, стараясь вести себя как можно тише. Вокруг были сложены сумки, как мешки с песком во время наводнения.

Больше всего было итальянцев – возможно, он просто специально выискивал их в толпе. Чиро спрашивал себя, остался ли в Южной Италии хоть один человек? Они чуть ли не все до единого собрались под этой грандиозной крышей – калабрийцы, сицилийцы, барийцы, неаполитанцы, стар и млад, даже новорожденные. Там, где очереди кончались, он увидел, как люди в белом осматривают одного иммигранта за другим, простукивают им спины, заглядывают в рот, щупают шеи. Какая-то крестьянка зарыдала, когда сестра милосердия взяла у нее младенца, завернутого в тряпицу. Владевший итальянским офицер быстро пришел женщине на помощь, разрешив ей выйти из очереди, чтобы сопровождать ребенка.

– Там дальше есть детская, – объясняла она соседям, вытирая лицо косынкой. – Всех младенцев относят туда. Им дают молоко.

В ожидании обследования Чиро снял пальто и размотал шарф. Очередь медленно продвигалась. Он оглянулся на Луиджи, который почти стоял на месте. Медсестра пригласила Чиро пройти.

- Рост? – спросила она по-итальянски.
- Метр восемьдесят пять, – ответил Чиро.
- Вес?
- Восемьдесят шесть килограммов, – ответил он.
- Рубцы, шрамы?
- Нет.
- Коклюш?
- Нет.
- Дизентерия?

– Нет.

Медсестра перечисляла болезни из своего списка, и Чиро понял, что в жизни ни разу ничем не болел. Все благодаря сестре Терезе и ее яичному крему и пасте из каштанов.

Сестра перелистнула страницу в своей папке:

– Зубы?

– Пока свои.

Сестра улыбнулась. Чиро широко улыбнулся в ответ.

– Прекрасные зубы, – отметила она.

Доктор прослушал сердце Чиро с помощью стетоскопа, попросив Чиро сдвинуть кисет с деньгами, чтобы не мешал. Потом велел сделать глубокий вдох и прослушал спину. Осмотрел глаза, посветив в них, ощупал шею.

– Пропустите его, – сказал он по-английски.

Чиро прошел сквозь металлические ворота в следующую очередь. Он услышал, как офицер задает иммигрантам простые вопросы: «Откуда вы? Сколько будет шесть плюс шесть? Где встает солнце? Где оно садится?» Некоторых людей трясло от страха – они боялись ответить неправильно. Чиро понял, что сохранять спокойствие – это полдела в борьбе за документы. Он сделал глубокий вдох.

Офицер просмотрел бумаги, затем поднял взгляд на Чиро и пропустил его в следующий отсек. Чиро начал потеть – плохой знак. Он помахал Луиджи, который пока продвинулся всего на несколько шагов от того места, где встал в очередь. Перед ним было не меньше двадцати человек, ожидавших медицинского осмотра. Луиджи помахал в ответ.

Что, если дон Грегорио разгадал план монахинь и связался с иммиграционной службой США? Внезапно Чиро снова почувствовал себя мальчиком-сиротой, кем он, собственно, и являлся. Ему неоткуда было ждать помощи, некуда было обратиться. Если его снова накажут, не пустив на американскую землю, никто не узнает, куда его отправят. И Эдуардо никогда не найдет его.

На пароходе им советовали ни за что не покидать очередь и привлекать к себе как можно меньше внимания. Не вступать в споры. Не толкаться. Не поднимать головы, не повышать голос. Соглашаться на все условия, приспосабливаться к требованиям. Цель была одна – пройти досмотр без происшествий и как можно быстрее вернуться на Манхэттен. У иммиграционных властей может найтись тысяча причин завернуть вас – от приступа сухого кашля до подозрительного ответа на вопрос о вашем месте назначения. И не надо собственноручно облегчать работу бессердечному

агенту в сером пальто, чтобы тот смог тут же отправить вас назад в Италию.

Сердце Чиро бешено забилося: офицер иммиграционной службы вернулся с коллегой, который хотел с ним поговорить.

– Синьор Ладзари? – сказал второй офицер на чистейшем итальянском.

– Да, сэр.

– *Andiamo*^[41], – произнес тот строго.

Офицер отвел Чиро в маленькую комнату со столом и двумя стульями. На стене без окон висел плакат с изображением американского флага. Офицер указал Чиро на стул. Он говорил на отличном итальянском, хотя Чиро видел, что на его кителе бирка с американской фамилией.

– Синьор Ладзари, – повторил офицер.

– Синьор Андерсен, – кивнул Чиро. – Что я сделал? – спросил он, не поднимая взгляда от своих рук.

– Я не знаю. А что ты сделал?

– Ничего, сэр, – ответил Чиро. Затем, заметив, что офицер тоже смотрит на его серые от угля руки, быстро добавил: – На пути сюда я работал в угольной яме парохода «Вирджиния».

Синьор Андерсен вытащил из папки письмо сестры Эрколины. Он читал, а Чиро все сильнее охватывала паника.

– Итак, ты знаешь монахинь из монастыря Сан-Никола, – сказал офицер.

Бедные сестры пытались сделать для Чиро что-то хорошее, но вместо этого, похоже, привлекли внимание этого волка в серой форме.

– Я вырос под их опекой.

– Здешняя епархия получила телеграмму. Ты в нашем списке.

Чиро сглотнул. Телеграмма от дона Грегорио. Долгое путешествие, работа у топки в адской жаре – все зря! Чиро выдернули из толпы и депортируют. И он все-таки окажется в исправительном лагере.

– Куда меня отправят? – тихо спросил он.

– Куда отправят? Ты же только что приехал! В телеграмме епископу монахини дали тебе превосходную характеристику. Поэтому есть распоряжение пропустить тебя без проволочек. – Синьор Андерсен что-то записал в папке.

В это чудесное мгновение Чиро понял, что синьор Андерсен не враг, что он вовсе не собирался отсылать его назад в Италию, в исправительную колонию.

– Спасибо, синьор! – выдохнул Чиро.

– Ты должен сменить фамилию. – Андерсон протянул Чиро список: – Выбирай!

Браун

Миллер

Джонс

Смит

Коллинз

Блейк

Льюис

– Выбери «Льюис». Начинается на «Л», как и твоя.

Чиро просмотрел фамилии и вернул список мистеру Андерсону:

– Вы отошлете меня обратно, если я не сменю имя?

– Здесь не смогут выговорить твое, малыш.

– Сэр, раз они говорят «спагетти», то смогут произнести и «Ладзари».

Синьор Андерсон изо всех сил старался не рассмеяться.

– Меня прежде звали Скольяфферрантелла, – сказал он. – Выбора не было.

– Из какой провинции вы родом, синьор? – спросил Чиро.

– Из Рима.

– Мой брат Эдуардо только что поступил в римскую семинарию Сан-Агостино. Он собирается стать священником. Так что, если я откажусь от своей фамилии, она умрет. Мы с братом одни в целом мире. Я не хочу, чтобы имя Ладзари исчезло.

Синьор Андерсон откинулся на стуле. Поправил очки на своем выдающемся носу. Приподняв густые брови, спросил:

– Кто твой поручитель?

– Ремо Дзанетти, Малберри-стрит, тридцать шесть.

– Род деятельности?

– Башмачник.

– Сколько тебе лет?

– Шестнадцать.

Офицер поставил в паспорт Чиро штамп о въезде в Соединенные Штаты. В документах осталась фамилия Ладзари.

– Можешь идти. Возвращайся на причал, паром доставит тебя на Манхэттен.

Чиро держал в руке документы, на которых стояла свежая темно-синяя печать. У него было все, чтобы начать новую жизнь. Но благодарный человек должен делиться удачей, и Чиро не мог поступить по-другому.

– Синьор Андерсон, извините, что беспокою вас... – начал он.

Офицер бросил на Чиро несколько раздраженный взгляд. Понимает ли этот молодой человек, насколько ему повезло? Он прошел через остров Эллис без сучка без задоринки, даже его итальянскую фамилию не тронули.

– Не могли бы вы помочь моему другу? Его зовут Луиджи Латини. Он работал со мной у паровой топки. Он хороший человек. Его родители сговорили его, и он должен успеть на поезд в Огайо, чтобы встретиться с девушкой. Он боится, что, если не приедет вовремя, она выйдет за другого.

Андерсон закатил глаза:

– Где он?

– Очередь номер три. В конце.

– Жди здесь.

Чиро достал из кармана медаль, которую сестра Тереза подарила ему на прощание. Он поцеловал Святое сердце Иисусово. С верой у Чиро было туго, но не с благодарностью. Он сел на место и вдохнул сладкий запах полированного дуба, исходивший от стен. Комната была в десять раз больше его каюты на пароходе. Пространство, квадратные метры, высота, ширина – вот что прежде всего останется в памяти Чиро от плавания из Италии в Америку.

Луиджи Латини вошел в комнату в сопровождении офицера Андерсона. Лицо у него было того же бледно-серого оттенка, что и его иммиграционные документы.

– Не волнуйся, Луиджи. Офицер Андерсон здесь, чтобы помочь нам, – сказал Чиро, когда Луиджи уселся рядом с ним.

– Вы тоже добрый католик, синьор Латини? – улыбнулся Андерсон.

– *Si, si*, – сказал Луиджи, глядя на Чиро.

– Я рад, что вы не задали мне такой же вопрос, офицер Андерсон, – ухмыльнулся Чиро.

После того как офицер огласил свой список вопросов, Чиро вмешался:

– Луиджи тоже не захочет стать Льюисом.

– Вы также хотите оставить свою фамилию? – спросил Андерсон.

– А можно? – Луиджи взглянул сначала на Чиро, потом на офицера.

Офицер Андерсон проштамповал документы Луиджи.

– Вы, мальчики, хорошо показали себя, – сказал он, сунул руку в карман и протянул каждому по завернутой в фольгу полоске.

– Что это, сэр? – спросил Чиро.

– Жевательная резинка.

Луиджи и Чиро посмотрели сначала друг на друга, потом – на загадочные прямоугольнички.

– Ни разу не видели?

Парни покачали головой.

– Это чисто американская штука. Как хот-доги и сигареты. Попробуйте.

Луиджи и Чиро развернули резинку и положили в рот розовые ломтики.

– А теперь жуйте.

Они начали жевать. Рот наполнился сладким гвоздичным вкусом.

– Только не глотайте. Заведутся глисты. По крайней мере, так утверждает моя жена. – Он рассмеялся.

Чиро бросил последний взгляд на зал регистрации. Всю последующую жизнь он будет благоговеть перед классическими линиями и грандиозным масштабом американской архитектуры. Он представил, что помимо величественных зданий и портовых городов в этой стране есть еще фермы, протянувшиеся на многие акры, огромные запасы угля в шахтах, сталь, которую можно плавить, железные дороги, которые нужно прокладывать, автомобильные дороги, которые нужно строить. Здесь была работа для всех, кто готов трудиться. И, к счастью для Чиро, каждый из этих людей нуждался в паре башмаков. Чиро начал понимать принцип, по которому устроена Америка, и это меняло его взгляд на мир и на самого себя. Человек может мыслить ясно там, где есть простор для его мечтаний.

Когда Чиро и Луиджи сошли с парома в порту Нижнего Манхэттена, все вокруг было завалено сувенирами и безделушками на продажу. Реклама сигар Шермана Тернера, табака Зилиты Блэк и пончиков «Розинс Донатс» украшала тележки, с которых продавали «Галантерею Сэлли Дэлли» и «Цветы от Ивонн Бенне». Стандартный набор иммигрантского бизнеса. Чиро и Луиджи лицом к лицу столкнулись с главным двигателем американской жизни: «Сначала заработай, потом потрать».

Луиджи купил маленькое хрустальное сердце для своей нареченной, а Чиро – букет желтых роз для синьоры Дзанетти. Затем они влились в толпу, двигавшуюся через проход под аркой, надпись на которой гласила: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В НЬЮ-ЙОРК!»

Луиджи повернулся к Чиро:

– Мне нужно на Центральный вокзал, чтобы сесть на поезд до Чикаго, а оттуда – в Огайо.

– А мне на Малберри-стрит, – ответил Чиро.

– Я собираюсь учить английский по дороге в Чикаго.

– А я собираюсь учить его, когда обоснуюсь в Маленькой Италии. Как

тебе это нравится, Луиджи? Я еду в место под названием «Италия», чтобы учить английский, – пошутил Чиро.

Они пожали друг другу руки.

– Береги себя, – сказал Луиджи.

– Удачи с Альбертой. Уверен, она куда прекраснее, чем на фотографии.

Луиджи присвистнул:

– *Va bene*. – И исчез в толпе, направлявшейся к поезду надземки.

Чиро стоял, вглядываясь в людское море. Дзанетти должны встречать его где-то здесь, держа табличку с именем. Но, сколько он ни озирался, имени своего не увидел. Чиро забеспокоился.

С борта корабля все встречавшие казались разодетыми в пух и прах, но вблизи люди, приветствовавшие иммигрантов, выглядели весьма потрепанно. Красно-голубая униформа на оркестрантах сидела дурно, у многих не хватало пуговиц. Медные трубы, нечищенные, в патине, были помяты. Платья у девушек были какие-то поблекшие, а зонтики, которые они так весело вращали, обтрепались. Чиро вдруг понял, что это веселье было деланным – театральное представление для простаков, не более того.

К нему подошла стройная девушка в соломенной шляпке с рассыпанными по ней шелковыми маргаритками.

– Привет, красавчик, – сказала она по-английски.

– Я не понимаю, – пробормотал Чиро на итальянском, судорожно шаря по толпе взглядом.

– Привет, говорю, и добро пожаловать! – Она наклонилась к нему и прошептала по-английски, касаясь губами его щеки: – Тебе негде остановиться?

Она пахла сладкими духами – гардения и мускус. Запах манил Чиро – после того как он десять дней ворошил уголь в адском пекле. Процедура на острове Эллис лишила его остатков сил. А она была хорошенькой, ласковой и казалось очарованной им. Внимание девушки воодушевило его.

– Пошли со мной, – сказала она.

Чиро не требовалось понимать слова, он знал, что готов пойти за ней на край света. Она была примерно его лет, длинные рыжие волосы заплетены в косы, скрепленные красными атласными лентами. По сливочной коже рассыпаны веснушки. Темно-карие глаза. Губы у нее были выкрашены ярко-розовой помадой – такого цвета Чиро никогда не видел.

– Тебе нужна работа? – спросила она.

Чиро беспомощно глядел на нее.

– Работа. Должность. *Lavoro*^[42]. Работа, – повторила девушка, взяла его за руку и повела сквозь толпу. Она вытащила желтую розу из букета,

который Чиро держал в руках, и коснулась губами лепестков.

Внезапно Чиро увидел свою фамилию на табличке. Державший ее человек в тревоге проталкивался сквозь толпу. Чиро отпустил руку девушки, помахал и закричал:

– Синьор Дзанетти!

Девушка потянула его за рукав к ближайшей группе мужчин на причале, но Чиро уже видел красный зонтик, двигавшийся к нему сквозь толпу, подобно перископу.

– Нет, нет, пойдём со мной, – настаивала девушка, стискивая руку Чиро затянутой в телячью кожу ладонью. Он вдруг вспомнил нежное прикосновение маминой руки в перчатке.

– Оставь его в покое! – Раздавшийся из-под зонтика голос синьоры Дзанетти перекрыл окружающий гвалт. – Кыш! Кыш! *Puttana!* – прикрикнула она на девушку.

Карла Дзанетти, дородная, седовласая, ростом в пять футов, вырвалась из толпы. За ней по пятам следовал муж, Ремо, едва возвышавшийся над ней. У него были густые белые усы и гладкая лысая голова с бахромой белых волос, свисавших на воротник.

Чиро обернулся к девушке, чтобы извиниться, но та исчезла.

– Ты чуть не попался, – сказал Ремо.

– Как паук в паутину, – подтвердила Карла.

– Кто она такая? – спросил Чиро, все еще вертевший головой в поисках хорошенькой незнакомки.

– Мошенница. Пошел бы с ней – и подписался бы на работу за гроши в пенсильванских каменоломнях, – сказала Клара. – Она получила бы свою долю, а ты – годы в нищете.

Ошеломленный подобной картиной, Чиро протянул ей цветы:

– Это вам, синьора.

Карла Дзанетти улыбнулась и взяла букет.

– Ну, ты уже завоевал ее сердце, сынок, – сказал Ремо. – А теперь поехали на Малберри-стрит.

Карла шла впереди, рассекая людское месиво. Чиро оглянулся и увидел девушку – та уже улыбалась очередному простофиле. Подалась к нему, коснулась его руки – точно так же, как несколько минут назад коснулась руки Чиро. В памяти всплыло предупреждение Игги о слишком ласковых красавицах.

Экипаж, покачиваясь, катил по улицам, лавируя между пешеходами, телегами и автомобилями. Улицы Маленькой Италии были узкие, как шнурки от ботинок. Скромные здания, в основном двух- и трехэтажные,

деревянные, сооруженные на скорую руку, точно штаны из лоскутов. Швы в стенах были наскоро заделаны странными обрезками металла, с крыш свисали водосточные трубы из кусков различной ширины, соединенных разнородными жестяными заплатками. Некоторые здания сверкали свежей побелкой, но остальные шелушились слоями старой краски.

Булыжные мостовые были переполнены людьми, а когда Чиро поднял взгляд, он заметил, что в каждом окне маячат лица. Женщины высовывались из окон второго этажа, окликая детей или болтая с соседями. На ступенях сидели выходцы с юга Италии. Будто вскрыли корабельный трюм и высыпали пассажиров прямо на улицы Маленькой Италии. Из труб вылетали клубы черного дыма, какой бывает от сырых дров, а единственной зеленью были росшие на крышах чахлые деревца, что торчали над зданиями увядшими букетами.

Звуки города – оглушительная какофония из свиста, гудков, музыки и ругани. Привычный к тишине, Чиро сомневался, сможет ли когда-нибудь к этому приспособиться. Когда они прибыли на Малберри-стрит, он вызвался заплатить кучеру, но Ремо не позволил. Чиро выпрыгнул из повозки и подал руку Карле. Синьора Дзанетти кивнула мужу, явно впечатленная манерами Чиро.

Босоногий мальчишка в потрепанных шортах и рваной рубашке протянул Чиро раскрытую ладонь. Его черные волосы были неровно обкромсаны, густые брови приподняты выразительными домиками, встревоженные карие глаза широко раскрыты.

– *Va, va!*^[43] – прикрикнула Карла на мальчика, но Чиро дал ему монетку.

Мальчишка, зажав монету в высоко поднятой руке, развернулся и побежал по тротуару, чтобы присоединиться к друзьям. А те, в свою очередь, рванули к Чиро. Но Ремо ухитрился втолкнуть его в дом, прежде чем карманы Чиро опустели.

Бедняки в Маленькой Италии отличались от тех, что Чиро видел раньше. В горах бедняки одевались в простую, но крепкую одежду. Бархат им заменяла вареная шерсть. Пуговицы и тесьма пришивались лишь к праздничной одежде, которую надевали на свадьбы или похороны. Нью-йоркские итальянцы тоже были в одежде из простой шерсти, вот только на головах у них красовались шляпы, ремни сияли золочеными пряжками, а пуговицы так и сверкали. Женщины были щедры на помаду и румяна, а на каждом пальце у них блестело по золотому кольцу. Разговаривали они оглушительно, сопровождая речь театральными жестами.

В Итальянских Альпах такое поведение сочли бы проявлением

дурного воспитания. В городке, где вырос Чиро, выбор товаров на тележках торговцев был скромн, а скинуть цену можно было лишь самую малость. Здесь же тележки ломались от товаров, а покупатели были разборчивы. Чиро приехал из мест, где люди были благодарны, если им удавалось купить самую скромную вещь. Здесь же каждый действовал так, будто имеет право на лучшее. Чиро словно попал в цирк, представление в котором шло итальянское, но шатер был американским.

А в это время в горах Энца разливала домашнее красное вино из бочонка по бутылкам, выстроившимся в ряд на садовой скамейке. Она закрывала глаза и подносила бутылку к носу, отделяя запах деревянного бочонка от возможной горчинки винограда. Уже начав закупоривать бутылки, она увидела, что в дом входят отец и синьор Ардуини.

Энца быстро сняла передник, на котором расплывались пурпурные пятна, и пригладила волосы. Она проскользнула в дом через боковую дверь. Пока Марко забирал у землевладельца шляпу и пододвигал ему стул, Энца достала с полки два маленьких бокала и поставила их между отцом и падроне.

– Я всегда говорил, что у детей Раванелли лучшие в горах манеры, – улыбнулся синьор Ардуини.

Энца смотрела на него, думая, что если бы так сильно его не боялась, если бы ее так не беспокоила власть, которую синьор Ардуини имел над их семьей, то он мог бы ей по-настоящему нравиться.

– Благодарю вас, – сказал Марко.

Энца открыла жестянку с печеньем и выложила на тарелку сладкие анджинетти^[44], расстелила перед мужчинами льняные салфетки.

– Хотел бы я, чтобы моя дочь обладала грацией этой синьорины, – сказал Ардуини.

– Мария – очаровательная девушка, – заверил его Марко.

– Очаровательная и испорченная, – вздохнул Ардуини. – Но спасибо.

Энца все знала об избалованной Марии Ардуини, поскольку шила для нее наряды, когда брала сдельную работу в деревенском ателье. Если Мария не могла решить, какую ткань выбрать, она заказывала сразу три платья вместо одного.

– Мы всегда счастливы видеть вас. Что привело вас сегодня? – спросил Марко.

– Я собираюсь покинуть горы и пришел поговорить о доме.

– Нам бы хотелось договориться об условиях продажи, – начал Марко.

– Прежде я всегда рассчитывал когда-нибудь продать его вам, – сказал

синьор Ардуини.

Марко продолжил:

– Мы надеемся выплатить последний взнос на исходе лета.

Энца накрыла ладонью руку отца:

– Синьор Ардуини, вы сказали, что раньше надеялись продать дом нам. Ваш план не изменился?

– Боюсь, что теперь это невозможно.

Воцарилось долгое молчание. Синьор Ардуини сделал глоток бренди.

– Синьор Ардуини, у нас была договоренность, – сказал Марко.

– Мы бы хотели сделать вам предложение касательно конюшни, – сказал синьор Ардуини, поставив стакан на стол. – Вы знаете, что она многого не стоит, но я уверен, что мы можем договориться о честной цене.

– Правильно ли я вас понял, синьор? Вы отказываетесь от нашего соглашения по продаже дома, но хотели бы купить мою конюшню, которая принадлежит нашей семье сотню лет? – тихо спросил Марко.

– Это маленькая конюшня, – пожал плечами Ардуини.

Энца в ярости выпалила:

– Мы никогда ее не продадим!

Синьор Ардуини взглянул на Марко:

– Ваша дочь решает за вас?

– Мой отец работал не покладая рук многие годы, чтобы выплачивать вам высокую арендную плату в обмен на возможность безоговорочно выкупить наш дом. Вы обещали ему, что продадите его сразу же, как мы скопим достаточно денег для оплаты в рассрочку.

– Энца. – Марко покачал головой, глядя на дочь.

– Дом нужен моему сыну, – сказал синьор Ардуини.

Энца была не в силах обуздать гнев.

– Ваш сын проматывает каждую лиру, которую вы ему даете. Он пропивает свое содержание в таверне в Аццоне.

– Он может воспитывать своего сына так, как ему угодно. И это его дом, Энца. Он может делать с ним что пожелает, – ответил ей отец.

После смерти Стеллы амбиции оставили Марко. И такой поворот событий, казалось, не столько удивил его, сколько усилил чувство беспомощности: водоворот постоянного невезения утягивал его на дно.

– Синьор, вы взяли назад свое обещание. Это делает вас лжецом, – не унималась Энца.

– Я был добр к вашей семье многие годы, и вот как вы отплатили мне. Вы позволяете своей дочери оскорблять меня. Я даю вам время до конца месяца, чтобы освободить дом.

– Несколько минут назад у меня были лучшие манеры в этих горах. – Голос Энцы дрогнул.

Ардуини встал, надел шляпу – в знак неуважения, потому что он еще не покинул дом. И вышел, не закрыв за собой дверь.

– Мы должны найти новое жилье. – Марко был оглушен. Он не ожидал, что встреча может так плохо закончиться.

– Хватит с нас аренды! Хватит жить в страхе, во власти падроне! У нас должен быть собственный дом, и мы его купим! – сказала Энца.

– На какие деньги?

– Папа, я могу поехать в Америку и работать там швеей. Я слышала, как девушки в лавке говорили об этом. Там есть фабрики и работа для каждого. Я могла бы поехать, поступить на работу и присылать деньги домой, а когда у нас их будет достаточно, я вернусь, чтобы заботиться о вас с мамой.

– Я не отпущу тебя.

– Так поезжай со мной! Ты тоже сможешь найти работу – и у нас появится еще больше денег на дом. Баттиста пока будет заниматься извозом. Все должны работать!

Марко снова сел за стол. Уронил голову на скрещенные руки.

– Папа, у нас нет выбора.

Марко поднял взгляд на дочь. Он слишком устал, чтобы спорить, и был слишком подавлен, чтобы предложить другой вариант.

– Папа, мы заслужили собственный дом. Пожалуйста. Позволь мне помочь вам.

Но Марко только цедил бренди и смотрел в открытую дверь, точно надеясь на чудо.

Чиро вошел вслед за Ремо и Карлой Дзанетти в лавку-мастерскую. Внутри было очень опрятно. Башмачная мастерская состояла из одной, но очень удобной комнаты с деревянным полом и жестяным потолком. Пахло кожей, лимонным воском и машинным маслом. В центре стоял большой рабочий стол, оснащенный резаком для кожи. Над столом горела мощная электрическая лампа.

Вдоль дальней стены выстроились швейная машина и полировальный аппарат. Противоположную стену занимали полки, поднимавшиеся к самому потолку, они были завалены инструментами и заготовками, листами кожи, рулонами ткани, катушками ниток. Это рабочее место было куда приятнее, чем угольная яма в трюме «Вирджинии». Кроме того, синьора Дзанетти, похоже, была хорошей кухаркой.

В задней части лавки Ремо показал Чиро небольшую нишу со складной койкой, тазом для умывания, кувшином и стулом с прямой спинкой – все это было спрятано за плотной занавеской.

– Так же уютно, как в монастыре, – сказал Чиро, положив сумку на стул. – И лучше, чем на пароходе.

Ремо рассмеялся:

– Да, твои апартаменты в Маленькой Италии лучше, чем каюта третьего класса. Но ненамного. Так Господь заботится о нашей скромности. А вот мой кусочек рая. Прошу.

Чиро проследовал за Ремо сквозь заднюю дверь в маленький, закрытый со всех сторон садик. На каменной стене были расставлены терракотовые горшки, из которых выплескивались алая герань и рыжий бальзамин. В центре сада рос старый вяз. Его мощные ветви зеленым балдахином укрывали домик Дзанетти. Под вязом располагалась небольшая чаша из некогда белого мрамора, ныне посеревшего от копоти, – купальня для птиц. По бокам от нее стояли два глубоких плетеных кресла.

Ремо нашарил в кармане сигареты, предложил Чиро, они сели.

– Я прихожу сюда подумать, – сказал он.

– *Va bene*, – откликнулся Чиро, запрокинув голову и вглядываясь в крону дерева. В Альпах тысячи деревьев. Здесь, на Малберри-стрит, единственное дерево с отслаивающейся серой корой и дырявыми листьями уже было поводом для праздника. – Синьор Дзанетти, я бы хотел платить вам за жилье.

– У нас договоренность, что ты работаешь на меня, а я предоставляю тебе стол и кров.

– Так же было и в монастыре, и ничем хорошим не кончилось. Если я буду платить вам, то почувствую себя в безопасности.

– Я бы не стал искать себе жилья за границей, мне нужен ученик. Письмо от моей кузины, монахини, пришло очень вовремя. Мне нужна помощь. Я пытался обучить пару соседских мальчишек, но толку не получилось. Им нужны быстрые деньги. Наши мальчишки спешат выстроиться в очередь за дневной работой в доках. Нанимаются в бригады, которые строят мосты и укладывают рельсы для железной дороги. Тяжкий труд и хорошие деньги, но они не учатся ремеслу. Профессия сможет поддержать тебя, а простая работа лишь прокормить. Мне кажется, важно уметь что-то делать руками, будь то сосиски или сапоги. Еда, одежда и крыша над головой – вот что нужно всем людям в первую очередь. Если ты умеешь производить что-то из этого, у тебя будет занятие на всю жизнь.

Чиро улыбнулся:

– Я буду изо всех сил работать на вас, мистер Дзанетти. Но, по правде говоря, я понятия не имею, есть ли у меня способности к вашему ремеслу.

– Я обучу тебя технике. Шить обычные ботинки не так уж и сложно, но некоторые люди способны на большее. Я вот в своей мастерской тачаю крепкие башмаки, а есть те, кто творит настоящее искусство. В любом случае у тебя будет кусок хлеба. В мире никогда не переведутся ноги, которым нужна пара ботинок.

Чиро и Ремо откинулись в креслах и задымили сигаретами. Мягкий табак помогал расслабиться после долгого путешествия. Чиро закрыл глаза и представил, что он дома, с Игги, и они вместе курят в церковном саду. Возможно, этот садик на Малберри-стрит станет лекарством от тоски по дому.

Ремо откашлялся.

– Чиро, ты любишь девушек?

– Очень, – честно ответил Чиро.

Ремо понизил голос:

– Тогда тебе нужно быть осторожнее.

– Да, я все понял про рыжую девушку сегодня на пристани, – смущаясь, сказал Чиро. – Во-первых, она мне не то чтобы понравилась. Просто она была хорошенькой и настоящей американкой.

– Это ее работа. Но я говорю о девушках с Малберри-стрит, с Хестер-стрит, с Гранд-стрит. Они примерно твоих лет, и здесь частенько человек десять детей ютятся в трех комнатах. А это очень утомительно. И девушки хотят как можно скорее выскочить замуж. Они ищут работающего молодого парня, который сможет их обеспечивать и заберет из семьи, где они прозябают. – Ремо положил сигарету на камень у подножия дерева.

– И вы думаете, что все девушки с Малберри выстроятся в очередь к Чиро Ладзари, чтобы тот освободил их от страданий? – улыбнулся Чиро.

Ремо тоже улыбнулся:

– Сколько-то точно выстроится.

– Ладно, сэр. Я здесь для того, чтобы работать, – торжественно сказал Чиро. – Я не собираюсь становиться частью этой прекрасной страны. Просто хочу накопить денег и вернуться домой в Вильминоре, найти там хорошую жену и построить для нее дом своими руками. Меня бы устроили садик вроде этого и одна сигарета на ночь в удобном глубоком кресле, где я мог бы посидеть и подумать после тяжелого рабочего дня. Я знаю, это звучит скромно, но для меня это была бы отличная жизнь.

– Так ты не станешь Ромео нашей Маленькой Италии?

– Я этого не сказал. Но ничего серьезного, обещаю.

В дверь протиснулась Карла с подносом, полным пышной сдобы. Там же стояли три стакана красного вина. Чиро вскочил, уступая ей кресло.

– Думаю, мы должны выпить за нашего ученика, – сказала она.

– Вот это по-итальянски, – откликнулся Ремо, подмигнув Чиро.

Каждый год в мае церковь Девы Марии Помпейской на Кармин-стрит устраивала праздник Святой Марии – в честь Пресвятой Матери Божьей. Церковные колокола вызванивали «Славься, Царица», а церковные двери стояли нараспашку, открывая украшенный белыми розами храм. Это был самый важный праздник для девушек прихода, которые в свои шестнадцать пребывали в расцвете юной красоты.

Девушки облачались в белый шелк и диадемы из крошечных атласных розочек, сплетенные женщинами общины. Поверх платьев через плечо повязывали широкие ленты дымчато-розового цвета, называемого «пепел роз». Процессия девушек двигалась по специально расчищенной по такому случаю улице от церкви на Кармин-стрит до Бликер-стрит и обратно. Впереди шел священник в сопровождении алтарников и мужчин прихода, несших статую Пресвятой Матери Божьей.

Этот парад был праздником одновременно итальянским и американским. Как американцы, они имели право маршировать по улицам; как итальянцы, они могли почитать Марию, Мать Матерей. Они надеялись, что Царица Небесная ниспошлет им здоровья, удачи, семейного процветания в ответ на их приношения. Религиозная сторона была лишь частью праздника. А еще это была возможность для окрестных юношей выбрать на Майском празднестве девушку своей мечты.

Чиро стоял на углу, в гуще толпы. Майская Королева была первой красавицей парада. «*Felicità, Felicità!*» – скандировала толпа ее имя. На Феличите было облегающее платье из белого шелка и длинная кружевная мантилья поверх черных кудрей, трепетавшая на ветру.

Чиро вспомнил, что похожая накидка была на Кончетте Матроччи в церкви Сан-Никола в тот день, когда он сел рядом с ней. При мыслях о Кончетте он больше не чувствовал уколов сожаления, только боль от того, что его отвергли. Мудрый человек оставляет прошлое позади, словно пару башмаков, из которых вырос.

Чиро не отрывал глаз от Феличиты, как и каждый юноша в толпе зрителей. Он видел, как Феличита вытащила из своего букета белую розу и протянула ее пожилой женщине, стоявшей на тротуаре. Этот простой жест был полон изящества, и Чиро его оценил.

«Женщины идут по жизни, не осознавая своей власти. В следующий

раз, когда я полюблю, – сказал он себе, – я буду выбирать с умом. Я должен буду убедиться, что девушка любит меня больше, чем я ее». И, произнося эту клятву, Чиро приподнял свою шляпу, приветствуя Феличиту Кассио, Майскую Королеву.

3

Золотой медальон

Una Medaglia Benedetta

Лунный серп, подобный обрезку розовой ленты, проглядывал между альпийских сосен на фоне лилового вечернего неба. В первый день мая тысяча девятьсот десятого, спустя несколько недель после рокового разговора с синьором Ардуини, Раванелли въехали в свое новое пристанище, в двух кварталах от того дома, где родились шестеро их детей. Энца быстро отыскала жилье при помощи хозяйки одежной лавки, в которой работала.

Когда Раванелли перебрались с Виа Скалина на Виа Гондольфо, места стало меньше, а плата выше. Вместо целого дома Марко теперь снимал нижний этаж в домовладении Руффино – комната с камином, маленький сад на заднем дворе и клочок лужайки перед крыльцом. Им явно повезло, что удалось найти новое жилище так быстро, но они всего лишь сменили одного хозяина на другого. Вовсе не о том мечтал Марко для своей семьи.

Он сохранил за собой конюшню на Виа Скалина, отказавшись продать ее синьору Ардуини. Между конюшней и собственностью Ардуини он поставил невысокий забор и проложил новую каменную дорожку от улицы к входу. Синьор Ардуини был не в восторге от ситуации, но Марко не собирался продавать конюшню человеку, который выставил его из дома.

Встречаясь с синьором Ардуини на улицах Скильпарิโอ, Марко приветствовал его, прикасаясь к шляпе. Синьор Ардуини не отвечал на любезность. Слова Энцы все еще горели у него в сердце, подобно тому как в коксовых печах ниже по склону постоянно горел уголь. И этот огонь синьор Ардуини не мог потушить.

Последняя напасть обрушилась на Раванелли в один из дней, когда Энца работала в одежной лавке синьоры Сабатино. Пожилая дама с озера Изео пришла подобрать платье для свадьбы сына. Ида Брайдо была маленькой, хрупкой, с седыми волосами, но ее целеустремленности позавидовали бы и молодые. Из-за стекол очков смотрели ясные голубые глаза.

Ида устроилась в кресле у окна, ожидая, пока ею займется сама хозяйка. Энца сидела за швейной машинкой, аккуратно заправляя планку хлопковой блузки под лапку. Ида с интересом наблюдала за ней.

– Интересно, есть что-нибудь, что машина не сможет сделать? – спросила синьора Брайдо.

– Влюбиться, – ответила Энца.

– Или умереть, – задумчиво сказала синьора Брайдо.

– Ах, именно это они умеют очень хорошо, – сказала синьора Сабатино, входя в комнату. – Как раз на прошлой неделе испустила дух петельная машина. Свидетельством тому наши с Энцей окровавленные пальцы.

Синьора несла на вытянутых руках готовый наряд – простое бледно-желтое платье-футляр из воздушной органзы поверх узкого чехла. По подолу вился вышитый орнамент из крошечных маргариток.

– Все до последнего стежка я выполнила вручную, ни одна машина не коснулась вашего наряда, – заверила ее Энца.

– Мне нравится, – сказала Ида Брайдо. – Подходит для проводов.

– Я думала, вы собираетесь надеть его на свадьбу сына.

– Так и есть. После свадьбы они с невестой уезжают в Неаполь, откуда отплывут в Америку на пароходе «Имельда». Я теряю сына, обретаю невестку – и затем снова теряю их обоих.

Синьора Брайдо достала кошелек и рассчиталась с хозяйкой салона за туалет с маргаритками. Затем она вышла на улицу, где в конной коляске ее ожидал сын, чтобы отвезти домой.

– А все эти *razzo*^[45] с их мечтами об Америке, – сказала синьора Сабатино. – Что они себе думают? Если каждый итальянец уедет в Америку, очень скоро там станет слишком много желающих получить работу, целая очередь. И что тогда? Они потеряют свой дом здесь и никогда уже не смогут вернуться. Безумные мечтатели.

Синьора Сабатино подхватила корзину со штопкой и удалилась в заднюю комнату.

Энца достала из кармана фартука маленький блокнот и карандаш и стала вычислять, во сколько раз ее нынешняя плата меньше того, что девушки зарабатывают в Америке. Нужно несколько лет работать на синьору Сабатино, чтобы получить столько, сколько можно скопить в Америке за год. Затем она сунула блокнот с цифрами обратно в карман.

Энца поправила настольную лампу, чтобы та светила на иглу швейной машинки, щелкнула переключателем лапки и направила полотно под иглу, придерживая его пальцами. Серебряная нить сновала вверх-вниз, прошивая линию, нарисованную мелом на застёжке. Затем Энца подняла лапку, осторожно вытащила ткань из механизма, отрезала нитки ножницами и осмотрела работу. Шов получился безупречным – как у настоящей

мастерицы.

Не успела она приступить к шитью снова, как в окно постучали. Это была Элиана.

– *Andiamo!* – задыхаясь, выговорила сестра.

– Что-то с мамой? – Сердце у Энцы упало.

– Нет, нет. Конюшня.

Энца крикнула синьоре Сабатино, что должна уйти. Они с Элианой кинулись на Виа Скалина.

Джакомина стояла у верстака, обнимая плачущую Альму, та вытирала слезы передником.

– Мама! Что такое?

Энца испугалась, не стряслось ли что-то ужасное с Марко. Но тотчас увидела отца – он стоял на коленях подле Чипи. Баттиста и Витторио гладили гриву, еле сдерживая слезы. Старый конь лежал на чистой соломе. Марко накрыл его одеялом. День, которого они так боялись, наступил.

Чипи был очень стар, и в конце концов его сердце просто остановилось.

– Он покинул нас, – сказал отец, даже не пытаясь скрыть слез.

Энца вошла в стойло. Витторио и Баттиста посторонились, и она опустилась на колени рядом с Чипи, которого знала всю свою жизнь. Мягкая грива была еще теплой, а карие глаза даже после смерти смотрели кротко и покорно – так уходят те, кого Господь наделил бесконечным терпением. Энца вспоминала, как еще девочкой карабкалась на спину Чипи, как чистила его, едва только пальцы ее научились управляться со щеткой, как кормила его ломтиками яблока с ладони. Она вспоминала, как зимой заправляла лампу повозки маслом и как собирала цветы, чтобы украсить двуколку летом. Чипи тянул повозку с гробом Стеллы, возил каждого жениха и невесту из Сан-Антонио вниз в Бергамо после свадьбы. Энца вспоминала, как по праздникам вплетала в гриву Чипи ленты – красные на Рождество, белые на Пасху, бледно-голубые в День святой Люции. Она вспоминала, как в ночи, когда мела метель, бежала из дома в конюшню, чтобы накрыть его еще одним одеялом, как в Святки звенели бубенцы, когда Чипи возил детей по засыпанным снегом улицам. Она всегда заботилась о нем, и в ответ Чипи служил их семье верой и правдой.

Длинные тени, что отбрасывали люди, окружившие Чипи, были точно надгробия. Энца приникла к коню, которого любила всю свою жизнь, вдохнула чистый запах его блестящей шерсти.

– Спасибо, Чипи, – прошептала Энца, – ты был хорошим мальчиком.

Феличита Кассио была не только Майской Королевой прихода церкви Девы Марии Помпейской, но и любимой дочерью зеленщика из Гринвич-Виллидж, в свое время прибывшего с Сицилии вместе с красивой женой и выстроившего небольшую империю. Она началась с единственного овощного лотка на Мотт-стрит и в конце концов разрослась вплоть до Четырнадцатой улицы, заняв каждый угол.

Пока отец увлекался торговлей фруктами, клубникой и черешней, Феличита увлекалась мальчиками. После праздника Чиро несколько недель ходил за ней по пятам, но слишком усердствовать, чтобы завоевать девушку, ему не пришлось. Так же, как Чиро выбрал Феличиту, та выбрала его.

Феличита сумела устроить так, что ее вместе с подругой, Элизабет Джувилер, начали регулярно приглашать в сырную лавку на Малберри-стрит, где она как бы случайно то и дело сталкивалась с Чиро. А выяснив, что Чиро относит починенные ботинки фабричным рабочим в Вест-Виллидж, она завела обыкновение прогуливаться по Чарлз-стрит, дабы невзначай встретиться с ним. Феличита всерьез запала на мальчика с гор. Ее пленили светлые глаза и волосы, а он был очарован ее *bella figura*^[46], предметом зависти каждой девушки из Маленькой Италии.

Пока Чиро дремал, Феличита, откинув с его лица волосы и изучая красивый профиль, думала, как же ей повезло. Родители целый день на работе, и квартира с утра до вечера в ее полном распоряжении. Будучи единственным ребенком, она готовила и убирала дом, а взамен родители одаривали ее всем, о чем мечтает шестнадцатилетняя девушка.

Феличита находила Чиро куда более импозантным, чем коренастые сицилийцы, у которых пусть и брови густые, и профиль римский, да вот ростом не вышли. А еще уж слишком они норовили угодить. Ей нравилась независимость Чиро. Он держал дистанцию, но относился к Феличите тепло, и ей виделась в этом зрелость. А росту Чиро был такого, что едва умещался в девичьей кровати. Туфли Феличиты могли запросто утонуть в его ботинках.

Чиро пошевелился и открыл глаза. У Феличиты когда-то было вечернее платье такого бирюзового оттенка.

– Тебе надо идти, – сказала Феличита.

– Почему? – Он притянул ее к себе, ткнул лицом в шею.

– Не хочу, чтобы тебя поймали. – Феличита села и взяла с ночного столика хрустальную чашу со своими украшениями. Надела на пальцы изящные кольца – тонкие, узорчатые золотые ободки. Некоторые были украшены круглыми опалами и мерцающими кристалликами цитрина.

– Может, я хочу, чтобы меня поймали, – поддразнил ее Чиро.

– Может, тебе стоит одеться? – Феличита помахала пальцами в кольцах. Откинув длинные волосы, она защелкнула на шее ожерелье с освященным медальоном. – Поторопись. Папа убьет тебя, – сказала она без малейшей настойчивости.

Чиро натянул брюки, рубашку.

Феличита схватила его за руку:

– Я хочу это кольцо!

– Тебе не положено. – Он со смехом выдернул руку. Они уже играли в эту игру. – Твое имя не начинается на букву «С».

– Я всегда хотела кольцо с вензелем. В ювелирной мастерской на Кармин-стрит сумеют соскоблить вензель. Похоже, золото хорошее. Это двадцать четыре карата?

– Я не отдам тебе это кольцо. – Чиро спрятал руку в карман.

– Ты меня не любишь. – Встав на колени на кровати, она завернулась в простыню.

– Но куплю тебе другое.

– А я хочу это! Почему ты не хочешь отдать его мне?

– Оно принадлежало моей матери.

Феличита смягчилась. Чиро прежде не упоминал эту подробность.

– Она умерла?

– Я не знаю, – честно ответил Чиро.

– Ты не знаешь, где твоя мать?

– А где твоя? – парировал Чиро.

– На углу Шестой авеню, продает бананы.

Чиро нагнулся и поцеловал ее в шею.

– Я куплю тебе что-нибудь милое у Миньонз.

– Не хочу еще одну камею.

– А мне казалось, ты их любишь.

– Правильно. Но еще больше мне нравится то, что блестит.

– Пусть твой жених купит тебе блескучий камешек, – сказал Чиро.

– Я пока не собираюсь замуж.

– Родители сговорили тебя. – Чиро сунул ноги в ботинки. – Так что никуда не денешься.

– Я вовсе не всегда делаю то, что велят родители. В конце концов, ты же здесь... – Феличита выпрямилась, и простыня упала с нее.

Чиро любовался ее золотистой кожей, нежными изгибами, изящными линиями. Феличита напоминала статуи в церкви Сан-Никола. Он зарылся в густые мягкие волосы, пахнувшие ванилью.

– Ты знаешь, что я заблудшая душа.

– Не говори так. – Феличита поцеловала его в щеку. – Я нашла тебя. Помнишь?

Феличита накинула халатик и проводила Чиро до двери квартиры. Из вазы на столе она взяла красный апельсин и вручила ему, целуя на прощание. Чиро выскользнул из дома, где жила Феличита, и направился к Малберри-стрит.

Шагая по улицам Маленькой Италии, он ел апельсин. Фрукт был сладким, сентябрьский воздух – прохладным, а небо – голубым. Времена года менялись, и точка зрения Чиро – тоже. Обычно Чиро лучше всего думалось как раз после занятий любовью, когда его охватывало чувство удовлетворения. Он думал о Феличите. Она добра к нему. Учит его английскому, потому что сама говорит на обоих языках. Штопает его одежду, пришивает пуговицы. Чиро казалось, что он влюблен в нее, но чувства не поглотили его полностью, и вовсе не потому, что она была обручена с другим. Чиро всегда считал, что истинная любовь сбивает с ног и властно влечет к берегу верности, подобно лодке, сделанной из лучшей древесины и покрытой лаком для защиты от стихий, но такого с ним пока не случалось. По крайней мере, с Феличитой все было не так. Чиро ждал, когда же почувствует, как глубочайшая привязанность завладевает его сердцем. Он точно знал, что она существует на свете.

Энца шла домой по Виа Скалина, в кронах деревьев завывал ветер. Проходя мимо их прежнего дома, она услышала, как скрипят петли старых ворот. Из окон лился свет.

Ардуини изменили свое решение и нашли новых арендаторов сразу же, как съехали Раванелли. Стоявшая по соседству отцовская конюшня тонула во мраке – окна заперты, дверь на цепи с замком. Так было с тех пор, как умер Чипи. В ночном воздухе пахло приближающимся снегопадом, но в октябре для снежной бури было еще рановато.

Энца распахнула дверь дома на улице Гондольфо. Мать и отец сидели за простым деревенским столом, занимавшим большую часть маленькой кухни. Перед ними были аккуратно разложены семейные документы. Коричневая жестянка с деньгами стояла рядом с маминой расходной книгой, в которой выделялось несколько свежих записей. Папа сворачивал самокрутку, а мама писала в грессбухе. Энца сняла пальто и повесила его на крюк.

– Энца, ты так поздно! – сказала Джакомина.

– Знаю, мама. Это был мой последний день в одежной лавке, и мне не

хотелось оставлять синьоре кучу работы. – Она сунула руку в карман фартука. – Она дала мне десять лир на дорогу. – Энца положила деньги в стоявшую на столе коробку.

– Ей следовало дать пятнадцать, – сказала Джакомина.

– Мама, это же подарок. Ты меня учила быть благодарной, каким бы скромным подарок ни был. – Энца встала за спиной у матери и обвила ее руками. – Ты лучшая мама в этих горах. Ты научила меня хорошим манерам и... терпению. Поэтому я и жду так мало от скупых хозяев вроде синьоры Сабатино. Кроме того, мы не нуждаемся в ее деньгах. Мы копили весь год, и на дорогу нам хватит.

– Но это та сумма, которая обычно помогала нам пережить зиму.

– Мама, в Америке мы с папой быстро найдем работу и начнем высылать тебе деньги. Пожалуйста, не беспокойся, – сказала Энца. – Твоя жестянка снова наполнится к Рождеству.

– Энца, может, нам лучше поехать весной? – спросил Марко.

Энца устала спорить с отцом. Он соглашался с планом, а потом опять сомневался в ее доводах. После смерти Стеллы любые решения давались Марко с трудом. Пока отец горевал, Энца постепенно брала на себя все больше ответственности.

Энца ласково, но твердо сказала:

– Папа, мы уже достаточно все обсуждали. Даже если мы будем до конца наших дней не покладая рук трудиться в Скильпарิโอ, мы никогда не скопим на дом. Нам нужен настоящий заработок. Жалких подачек, перепадających от летних туристов, никогда не хватит. Мы отправимся в Америку, скопим денег и вернемся. Вот единственный путь для нас. Однажды мы заживем так, как мечтали.

Джакомина положила на стол конверт:

– Это от моего кузена.

Энца прочла надпись на конверте: «Пьетро Буффа, дом 318 по Адамс-стрит, Хобокен, Нью-Джерси».

– Расскажи, какой он, мама!

– Я не очень хорошо его знала. Он женат, у них трое взрослых сыновей, они уже тоже обзавелись семьями и детьми. Там для тебя полно работы.

Энца спрятала письмо в карман фартука. Она найдет работу на фабрике, а еще, в обмен на стол и кров, будет готовить и убирать для семейства Буффа. Насколько это окажется тяжело? Она всю жизнь помогала матери, сколько себя помнила.

Из спальни вышла Элиана:

- Хотела бы я, чтобы мы все могли поехать с вами.
- Интересно, когда вы заработаете достаточно, чтобы мы могли купить лошадь? Я бы хотел возобновить дело еще до папиного возвращения, – подал голос Витторио.
- Уж на новую лошадь мы точно заработаем, – пообещала Энца. – А после – и на собственный дом.
- Вы остаетесь здесь, чтобы помогать маме, а мы вернемся раньше, чем вы ожидаете, – сказал Марко.
- Энца благодарно улыбнулась отцу:
- Как только, так сразу.
- А если вам понравится в Америке и вы забудете о нас? – спросила Альма.
- Этого никогда не случится, – заверил отец.
- Я устроюсь швеей, а папа будет строить мосты и железные дороги.
- Да меня на части рвать станут, – поддержал Марко.
- Просто вообразите наш дом, – сказала Энца. – И однажды он обернется явью.
- И мы будем как синьор Ардуини, – добавил Баттиста.
- Только нашему папе шляпы идут куда больше, – заметила Энца.

Казалось, что вся деревня Скильпарิโอ вышла проводить Энцу и Марко Раванелли в далекое путешествие.

Друзья засыпали их подарками: кусочки пахнущего мятой мыла из Валле-ди-Скальве, жестянки с печеньем, нитяные перчатки, которые Джакомина тщательно завернула в коричневую бумагу и упаковала в дорожные сумки.

Баттиста подвел к входу в дом лошадь, принадлежавшую Марчелло Казагранде, откормленную черную кобылу по кличке Нерина, тянувшую повозку Раванелли. Вскрабкавшись на козлы, он взял поводья. Энца, забравшись на сиденье, посмотрела вниз, на лица соседей и друзей, которых знала с детства, – они выражали беспокойство, тревогу, поддержку. В дружеских улыбках она черпала уверенность: отправившись в Америку, она делает для своей семьи то, что должна.

Марко уселся рядом с дочерью. Баттиста, нагнувшись, потрепал Нерину по гриве.

Когда повозка тронулась, Джакомина замахала платком и заплакала. Ее не покидало ужасное предчувствие, но она не поделилась им с Энцей. Дочь была храбра и решительна, и Джакомина никогда бы не стала ее отговаривать, если дело касалось велений сердца. Но она действительно

попросила Марко, чтобы тот получше заботился о дочери. Как-то ей приснился плохой сон – об Энце.

Сон повторился спустя несколько месяцев, уже после смерти Чипи и общего решения снарядить Энцу и Марко в Америку. С тех пор Джакомина стала бояться засыпать. Подробности кошмара каждый раз в точности повторялись, и через какое-то время Джакомина уверилась, что так все и произойдет. Ей снилась Энца на борту океанского лайнера, бушует ужасный шторм, грохочет гром, молнии освещают гигантские волны, терзающие судно. Энца, в дорожной одежде, стоит на палубе, вцепившись в перила. Джакомина видела руки дочери в мельчайших подробностях – тонкие голубые вены, изящные пальцы, бледные ногти. Шквалистый ветер набрасывается на Энцу, и она, держась из последних сил, кричит. И Джакомина видит себя – она ползет по палубе к дочери. Вот ее пальцы касаются плаща Энцы, но тут чудовищная волна высотой с мачту обрушивается на палубу и уносит дочь. Джакомина кричит, зовет своего дитя... и в этот момент она неизменно просыпалась. Соскочив с кровати, она взбиралась на чердак, чтобы убедиться, что Энца мирно спит. Но сколько она ни молилась, кошмары не оставляли ее, и как Джакомина ни пыталась прогнать образ тонущего корабля, ничего не получалось.

Джакомина махала вслед повозке, неотступно думая о своем сне. Она знала, что никогда больше не увидит Энцу.

Пока Нерина трусила по узким улицам Скильпарิโอ, Энца в последний раз любовалась Пиццо Камино и вековой белизной вершин Итальянских Альп, высящихся над зелеными холмами Оробских предгорий. Она родилась в горах, здесь ее крестили, здесь она повзрослела.

Она пообещала себе, что вернется и вырастит здесь своих детей. А когда умрет, ее похоронят рядом со Стеллой под голубым ангелом.

Энце не приходило в голову печалиться оттого, что обстоятельства вынудили их с отцом покинуть дом ради заработка. Она, как и в детстве, рисовала дом в мечтах, возводила его мысленно, камень за камнем. И у нее была цель – как можно скорее вернуться. Мечта лишь подогревала ее решимость. Она станет работать, насколько у нее достанет сил, она будет откладывать каждый цент и, как только сможет, вернется в Скильпарิโอ. В душе у Энцы не было сожалений, только надежда. Раванелли никогда не знали недостатка в любви, но и уверенности в завтрашнем дне они никогда не ведали. Они с отцом позаботятся о том, чтобы эта уверенность появилась.

Когда они проезжали церковь Святого Антония Падуанского, Энца перекрестилась. Возле кладбища она попросила остановиться.

Энца прыгнула на землю, открыла кованые ворота и прошла по узкой дорожке к семейной могиле. Стоя перед маленьким ангелом, венчавшим мраморное надгробие, она молилась о своей сестре.

За спиной хрустнул гравий – к ней присоединился отец.

– Что делать со скорбью, папа? Она никогда нас не оставляет.

– Скорбь – напоминание о покинувшем нас счастье. Горькая шутка над живущими.

Энца расстегнула висевшую на шее цепочку, сняла с нее медальон с Сердцем Иисусовым, поцеловала его и положила на могилу Стеллы.

– Нам пора, – сказал Марко. – Опоздаем на поезд.

Марко взял дочь под руку и повел ее с кладбища.

Нерина осторожно спускалась по горной дороге, и старая повозка подпрыгивала на ухабах Пассо Персолана. Дожди смыли гравий, изрыли землю, оставив полосы грязи цвета корицы. Энца часто вспоминала именно этот оттенок и, когда шила, часто выбирала такой же насыщенный, красновато-коричневый тон шерсти или бархата – цвет, который пробуждал в ней воспоминания.

Если бы только Энца знала, что в последний раз спускается с этих гор, в последний раз видит ущелье с высоты, она смотрела бы внимательней. Если бы знала, что мать в последний раз обнимает ее, она прижалась бы к ней крепче. Если бы знала, что не увидит больше сестер и братьев, она прислушивалась бы к каждому сказанному в этот день слову. В последующие годы, каждый раз, тоскуя по утраченному семейному теплу, Энца будет воскрешать в памяти этот день, припоминать все его предзнаменования и приметы.

Энца сделала бы все по-другому. Она потратила бы отпущенное ей время на то, чтобы осознать, что одна часть ее жизни заканчивается и начинается новая эра. Она дольше удерживала бы руку Альмы, отдала бы Элиане золотую цепочку, о которой сестра так мечтала, хорошенько бы посмеялась с Витторио.

Она бы коснулась лица матери. А прежде всего – возможно, если бы она знала, что ждет впереди, – она никогда не приняла бы решение покинуть Скильпаро.

Еще Энца наверняка бы заметила, что тень от Пиццо Камино, ложившаяся на долину, в тот день была особенно угрюма. Но она не видела тени. Энца не смотрела вверх и не оглядывалась назад. Она пристально вглядывалась в дорогу. Она думала об Америке.

Вечное перо Una Penna da Scrivere

Через двенадцать часов после того, как пароход «Рошамбо» покинул порт Гавр, Марко вызвали в корабельный госпиталь, располагавшийся на второй палубе.

Эlegantный лайнер сошел с французской верфи – темно-синие борта, до сияния отдраенные палубы, сверкающая медь. Он красовался в открытом океане, точно изысканная парижская модница, но ниже ватерлинии судно ничем не отличалось от самых непритязательных греческих или испанских пароходов. Подвесные койки, по три на крошечную каюту, из прочной парусины, вонючей и заляпанной – следы морской болезни предыдущих пассажиров. Условия жизни на палубе для пассажиров третьего класса были убоги, удобства минимальны: каждый день пол мыли раствором аммиака и раз в сутки включали горячую воду.

Столовались пассажиры третьего класса все вместе в тесном помещении. Простые дощатые столы и скамьи были привинчены к полу, иллюминаторов не было, свет давали газовые рожки, выплевывавшие кольца черной сажи. Рацион состоял из бобов, картофеля, кукурузы, вареного ячменя и серого хлеба. Один раз за девятидневный переход им дали тушеную говядину, сплошь хрящи да кости – совсем как дома!

Раз в день обитатели трюма могли подняться на палубу за порцией свежего воздуха и солнца. Многие предпочитали и ночь проводить на открытой палубе, только бы сбежать из тесных кают. Но ночной холод и океанские волны оказались столь же губительны для здоровья, как и теснота с духотой. Вскоре многие из пассажиров третьего класса надсадно кашляли, некоторые даже лежали в лихорадке, преодолеть которую пытались горчичниками да жидким чаем.

А где-то вверху, над их головами, звенели бокалы, играла музыка, раздавался шорох – это пассажиры первого класса танцевали ночи напролет. А просыпались от пьянящего аромата свежего кофе и выпечки с корицей. Бедняки тоже садились завтракать: кофейная бурда из бака, чашка холодного молока и кусок черствого хлеба, едва смазанного маслом.

Сладкая жизнь первого класса была так близко, руку протяни. Пассажиры представляли, на что она похожа. Девочки грезили танцами,

развевающимся шифоном и пирожными. Мальчишки представляли, как режутся в шлаффборд^[47] на блестящем деревянном полу игровой комнаты, а рядом стоят тележки с каштанами в карамели – ешь, пока не лопнешь!

Мужчины из третьего класса, собираясь на палубе покурить, обсуждали будущее и обещали друг другу, что когда-нибудь они обязательно поплывут на этом же корабле, но уже в первом классе – как и полагается богатым американцам. И жены их будут непременно с прическами, уложенными в дорогой парикмахерской, поверх причесок шляпки с павлиньими перьями, а вокруг – облако духов. Они поселятся в роскошных люксах с мягкими кроватями, а приставленный к каюте стюард будет отпаривать их костюмы, гладить рубашки и чистить обувь. А постель на ночь будут расстилать французские горничные.

Женщины же делились мечтами о том, как заживут на другом берегу Атлантики. Они представляли широкие улицы, пышные сады, роскошные ткани и большие комнаты в чистых домах. Все они получали письма из Америки с рассказами об этой удивительной стране и не сомневались, что впереди их ждет блаженство у семейного очага. Главная трудность, на их взгляд, состояла в том, чтобы благополучно пересечь этот ужасный океан. Правила простые: не связывайся с проходимцами и заботься о здоровье.

Энце Раванелли со здоровьем как раз и не повезло.

Корабельный госпиталь на «Рошамбо» состоял из трех кают. За больными круглосуточно присматривали сиделки. Благодаря иллюминаторам лазарет по сравнению с темными клетушками третьего класса был прямо-таки обиталищем богача.

Доктор Пьер Бриссо, подвижный долговязый француз с голубыми глазами, вышел к Марко, ожидавшему в коридоре.

– Ваша дочь тяжело больная, – сказал Бриссо на своем приблизительном итальянском.

Марко слышал, как сердце бухает в груди.

Доктор Бриссо продолжал:

– Ее привели здесь из ваша каюта. Была ли она больная до того, как корабль покинул Гавр?

– Нет, синьор.

– Было ей плохо раньше во время путешествий?

– Она путешествует в первый раз.

– Ездила она на автомобилях?

– Никогда. Только в конной двуколке. Энца всегда была очень крепкой. – Паника захлестывала Марко. Что, если он потеряет ее, как потерял Стеллу?

– Я не могу повелеть, чтобы корабль поворачивал назад в Гавр из-за одного больного пассажира третий класс. Мне очень жаль.

– Можно мне увидеть ее?

Доктор Бриссо открыл дверь в палату. Энца сжалась на кровати, обхватив руками голову. Марко подошел к дочери и положил руку ей на плечо.

Энца попыталась взглянуть на отца, но не смогла приподнять голову, взгляд ее был затуманен.

– Ах, Энца... – Марко надеялся, что голос не выдает его страх.

Энца чувствовала себя спицей в колесе несущейся повозки. Тошнота не ослабевала ни на миг.

Звуки оглушали, каждая волна, ударявшая в корпус корабля, взрывалась в голове – будто огромные камни без передышки стучали о другие камни.

Энца открыла рот, но не издала ни звука.

– Я здесь, – сказал Марко. – Я с тобой.

Ночь за ночью Марко лежал на холодном железном полу рядом с койкой Энцы. Спал он урывками – его будили сиделки, лязг машин и мучительные стоны Энцы. Ужасные дни все ползли и ползли, и лишь полное изнеможение позволяло ему забыться в коротких кошмарах. Доклады доктора Бриссо обнадеживали мало. Лекарства, которые он обычно прописывал от тяжелых форм морской болезни, похоже, на Энцу не действовали. Она все слабела, близилось полное обезвоживание. Вскоре у нее начало резко падать давление. От настойки кодеина и сиропа воронца ей делалось только хуже.

После девяти дней бодрствования Марко наконец засосала воронка забытья. Ему снилось, что он в Скильпарии, но вместо зелени предгорий вокруг полыхает огонь, склоны объаты пламенем, а ущелья зияют чернотой. Вся семья собралась на обрыве, а внизу, в стремительном черном потоке, тонет Стелла. Энца прыгает вниз, молотит руками по чернильной воде. Марко бросается следом, не слыша криков жены и остальных детей, молящих не оставлять их.

Марко очнулся, не понимая, где он. Его тормошила сиделка:

– Мы прибыли в гавань, сэр.

Он услышал радостные крики пассажиров «Рошамбо», собравшихся на верхней палубе.

Но Марко и Энце было не до праздника. Они не могли полюбоваться величественной статуей Свободы, проникнуться благоговением при виде

небоскребов. Им достался только росчерк вечного пера доктора Бриссо – документ, предписывающий отправить Энцу в больницу, как только корабль спустит сходни.

– Я повелеть, чтобы синьорину немедленно доставили в больница Святого Винсента в Гринвич-Виллидж. Может, они сумеют поднимать ее на ноги. А вам надо проходить обычную процедуру на острове Эллис, вместе со всеми.

– Я должен быть с дочерью.

– Тогда вы стать нелегальный иммигрант, сэр. Нельзя такой риск. Вас посылать назад в Италию, одного. После острова Эллис вы поищите дочь в больнице Святого Винсента. Там сделают для нее все, что смогут. Ее документы оформляют в больнице.

Доктор Бриссо поспешил к другим пациентам, а сиделка и два матроса переложили Энцу на каталку.

Пока Энцу вывозили в узкие двери, Марко успел коснуться ее лица. Кожа была холодной на ощупь, как у Стеллы в то роковое утро. Сиделка приколола миграционную карту к простыне Энцы, затем протянула Марко листок с адресом больницы. В свете яркого солнца дочь выглядела еще хуже, и Марко снова запаниковал. Он в отчаянии спросил сиделку:

– Моя дочь умирает?

– Я не говорю на итальянском, сэр, – быстро ответила та по-английски, но Марко прекрасно все понял. Сестра постаралась уйти от страшного ответа.

Марко стоял в бесконечной очереди на острове Эллис, его пошатывало от нервного истощения. Он знал, что при разговоре с офицером иммиграционной службы должен выглядеть спокойным и собранным. Любые признаки душевной болезни или физической слабости тут же станут поводом отказать ему во въезде в страну.

Он усердный труженик, приехавший в Америку на заработки, пусть возраст и делает его не слишком подходящим кандидатом в глазах иммиграционной службы. Но сейчас Марко мог думать только о дочери и о том, что оказался несостоятелен как отец, и эти мысли вот-вот могли сокрушить его окончательно.

Марко сдвинул шапку набекрень, дабы выглядеть уверенней. Нашупал в кармане пиджака гладкую подкладку, лоскут тонкого шелка, вшитый Энцей. И тут же глаза защипало от слез. Разве есть на всем белом свете хоть еще одна такая же заботливая девочка!

Всю жизнь Энца присматривала за братьями и сестрами и делала это

куда ответственной, чем большинство ровесниц. Всю жизнь она была сильной. Но найдутся ли у нее силы для себя? Что, если она не выкарабкается? Как сообщить Джакомине, что дочь умерла? Эти мысли стучали в голове Марко, и неторопливость продвижения очереди делала мучительной каждую секунду.

Марко жалел, что согласился поехать. Но если бы он остался в Скильпарิโอ, Энца уехала бы в Америку одна. Если бы что-то случилось с Марко, Энца немедленно вернулась бы домой, но никому и в голову не пришла мысль о том, что это с Энцой произойдет беда.

Дела в обувной лавке Дзанетти никогда еще не шли так хорошо. Над узким фасадом, выходящим на Малберри-стрит, полоскался на ветру тент в красно-бело-зеленую полоску. Внутри бурлила жизнь: клиенты заходили, чтобы подогнуть или починить обувь, заказать или выбрать готовую. Туда-сюда сновали поставщики с рулонами кожи, коробками фурнитуры и связками сыромятных шнурков. Синьора Дзанетти прямо-таки цвела, от души торгуясь с поставщиками.

Для такого бума были основания: началось сооружение моста Хеллз-Гейт в Квинсе. Чуть ли не все трудоспособные мужчины старше четырнадцати и моложе шестидесяти лет подрадились на круглосуточную стройку. И каждому новому рабочему требовалась пара крепко сбитых, надежных ботинок с добротной подметкой, которые могли выдержать плохую погоду и в которых безопасно было передвигаться по металлическим балкам высоко над Гудзоном. Люди частенько заказывали Дзанетти сразу несколько пар.

Ремо терпеливо учил Чиро всему, что знал. Чиро уже умел чертить выкройки, раскраивать кожу и сшивать рабочие башмаки. А уж в отделке, шлифовке и полировке башмаков он стремительно близился к совершенству. Особо он гордился мелкими деталями на каждой паре башмаков, ставшими его фирменным знаком.

Карла Дзанетти взяла на себя бухгалтерские книги, следя, чтобы за ботинки, покупаемые в кредит, платежи поступали каждую неделю. Когда у кого-то долг вырастал всерьез, она не стеснялась стучаться в дверь должника, а то и заявлялась к нему на работу. И банковская сумка из зеленого сукна скоро стала мала для сбережений, понадобилась еще одна.

В тот день Чиро был на ногах с самого рассвета – сострачивал швы и прибивал каблуки. А накануне до позднего вечера он мастерила стальные «стаканы», которыми укреплялись носы ботинок.

– Тебе нужно поесть, – сказала Карла, ставя поднос с завтраком на

верстак.

– Я уже выпил кофе, – ответил Чиро.

– Молодой человек не может вырасти как следует на одном кофе. Тебе нужно хорошенько есть. Я приготовила тебе фриттату^[48]. Ешь.

Стряпухой синьора Дзанетти была отменной. Чиро, отложив инструменты, сел и расстелил на коленях салфетку.

– Каждый раз удивляюсь твоим манерам, – сказала Карла.

– Похоже, вас удивляет, что они вообще у меня есть.

– С твоим прошлым...

Чиро улыбнулся. Его веселил снобизм синьоры Дзанетти. Из всех сил она демонстрировала, будто у нее нет ничего общего с прочими иммигрантами, хотя ее история мало чем отличалась. Они все эмигрировали оттого, что были бедны и нуждались в работе. Но теперь лавка процветала, синьора Дзанетти мало-помалу обновляла оборудование, расширяла дело, и у нее появился повод взирать сверху вниз на соотечественников, сражающихся за место под солнцем.

– Мое прошлое не так уж отличается от вашего, синьора, – напомнил Чиро.

Карла пропустила это замечание мимо ушей.

– Монахини сделали для тебя много хорошего.

– У меня и родители были, синьора. – Чиро отложил вилку и салфетку и отставил поднос в сторону.

– Но ты был так мал, когда они тебя покинули. – Карла налила себе чашку кофе.

Ее слова задела Чиро.

– Даже не думайте, синьора, что нас с братом не любили. Уверен, нам досталась двойная порция любви.

– Я не имела в виду...

– Конечно же нет, – оборвал ее Чиро.

В мастерскую вошел Ремо.

Чиро относился к синьоре с уважением, но без особой теплоты. Слишком явная любовь синьоры к деньгам отталкивала его. Для Карлы те, у кого имелись деньги, были лучше тех, у кого их не имелось. С мужем она обращалась как со слугой, покрикивая на него и мало в чем советуясь. Чиро пообещал себе, что никогда не свяжется с женщиной, характером схожей с Карлой Дзанетти. И хозяйка сварливая, и характер так себе. «Трудный клиент», как здесь говорили.

Ночами он порой думал о том, чтобы бросить обувную лавку Дзанетти и попытаться счастья с дорожной артелью на Среднем Западе. Или

отправиться к югу в угольные шахты. Но мысли эти были не всерьез.

За минувшие месяцы с ним кое-что случилось – и такого он совсем не ожидал.

Чиро влюбился в сапожное ремесло. Ремо оказался не только хорошим мастером, но и отличным учителем. И очень быстро Чиро обнаружил, что наслаждается сапожной арифметикой, что ему нравится прикасаться к коже и замше, нравится чувствовать машину и нравится радость покупателя от того, что ботинки сидят как влитые – впервые в жизни. Чиро ценил мастерство как таковое. Это кропотливое занятие – соединять лоскуты кожи в идеальные ботинки – наполнило жизнь Чиро смыслом. Ремо наблюдал, как расцветает ремесленный талант Чиро, вооруженный техникой, которую сам Ремо перенял у старого мастера в Риме. Чиро с жадностью впитывал все, что Ремо знал, а на этих знаниях основывались уже его собственные озарения и идеи. Современные машины развивались, появлялись новые технологии, которые двигали вперед обувное дело, бросали вызов мастеру. Чиро нравилось быть частью этого процесса.

Но у их дела имелись две стороны: ремесло, за которое отвечал Ремо, и бизнес, который крепко держала в своих руках Карла. Синьора Дзанетти куда менее мужа была склонна делиться с Чиро тонкостями ведения дела. Вот интересно, думал Чиро, это ее врожденное чувство конкуренции или природная скрытность? В любом случае Карла явно утаивала от Чиро важное. Тем не менее, наблюдая за ней, Чиро поднабрался ее приемов в торговле, освоил бухгалтерские азы, даже понял, как вести дела с банком. Эта итальянка знала, как делать американские деньги. И едва только Чиро почувствовал уверенность в своих силах, как страстно захотел отнести в банк собственную зеленую сумку.

Думая о деньгах, он отвлекся. Металлический резец рассек руку.

Чиро вскрикнул, глядя на рану, откуда хлестала кровь. Карла кинулась за чистой тканью.

– Что случилось?! – всполошился Ремо, вскакивая.

Чиро обернул ладонь чистым полотенцем, пытаясь остановить кровь.

– Дай мне взглянуть! – потребовала Карла. Она взяла руку Чиро, развернула плотно замотанную ткань. Из глубокой раны по-прежнему сочилась кровь, сверху болтался лоскут голубоватой кожи. – Так, едем в госпиталь!

– Синьора, я должен закончить эти ботинки! – сказал Чиро, но его голос дрогнул от боли.

– Ботинки подождут! Я не хочу, чтобы ты потерял руку из-за гангрены! Быстро! Ремо! Лови извозчика!

Энца открыла глаза. В комнате сильно пахло аммиаком.

Впервые с тех пор, как она покинула Гавр, комната не вращалась. Энце больше не казалось, что тело падает в бесконечную пропасть. В голове по-прежнему пульсировала боль, перед глазами все было как в тумане, но мучительное ощущение постоянного движения исчезло. Она не помнила, как ее везли с корабля в больницу Святого Винсента. Не помнила поездку по американской земле в карете «скорой помощи». Не видела ни цветущих деревьев, ни ящиков с желтыми ноготками на окнах.

Энца попыталась сесть, но острая боль буквально пронзила голову.

– Папа? – вскрикнула она.

Тоненькая юная монахиня в темно-синем одеянии уложила Энцу назад на подушки.

– Вашего отца здесь нет, – сказала она по-английски.

Энца заплакала, она не поняла ни слова.

– Подождите. Давайте я позову сестру Джозефину. Она говорит по-итальянски. Не шевелитесь! – Монахиня схватила карту Энцы и поспешила к выходу.

Энца осторожно повернула голову.

Ее дорожное платье было аккуратно сложено на стуле. Она оглядела свою белую больничную рубашку. В руку была воткнута игла, закрепленная с помощью бинта, от иглы к стеклянному сосуду, наполненному жидкостью, вела трубка. В том месте, где игла входила в вену, слегка саднило. Энца облизнула пересохшие губы. Дотянулась до стакана с водой, стоявшего на маленьком столике, и осушила его одним долгим глотком. Жажда сделалась лишь нестерпимей.

Дверь распахнулась, и вошла вторая монахиня.

– *Ciao*, синьорина, – сказала сестра Джозефина и продолжила на итальянском: – Я из Авелино на Средиземном море.

У сестры Джозефины было круглое лицо, золотистая кожа и прямой, крупный нос. Она поставила себе стул рядом с кроватью, наполнила стакан и поднесла к губам Энцы.

– Я из Скильпарии, это в горах над Бергамо, – хрипло сказала девушка.

– Мне знакомы те края. Вы проделали долгий путь. Как вы попали сюда?

– Мы плыли на «Рошамбо» из Гавра, из Франции. Вы не можете мне отыскать моего отца?

Монахиня кивнула, с видимым облегчением убедившись, что пациентка в ясном сознании.

– Нам дадут знать, когда он пройдет контроль на острове Эллис. И ему сообщили, что вас нужно искать в больнице Святого Винсента.

– Но он совсем не говорит по-английски. Мы собирались в дороге учить английский язык, но я заболела.

– На Манхэттене немало людей, которые говорят по-итальянски.

– Но что, если он не найдет никого из них? – Энца начала паниковать.

На лице сестры Джозефины отразилось удивление, что дочь печется об отце, как о малом ребенке. Но Энца знала, что после смерти Стеллы Марко стал совсем другим человеком. Говоря откровенно, в их семье никто уже не был прежним после этой потери. Энца сомневалась, что они решились бы отправиться в Америку, будь Стелла жива. Она не смогла бы объяснить сестре Джозефине, какие потери заставили их составить этот рискованный план, объяснить, насколько все стало шатким после внезапной смерти Стеллы и как отчаянно она хотела помочь своей семье выстроить новую, безопасную жизнь.

– Ваш отец найдет дорогу к вам, – заверила сестра Джозефина.

– Сестра, что со мной? – спросила Энца.

– Ваше сердце не справилось с низким давлением, вызванным постоянным движением корабля. Сердечный ритм почти исчез. На пароходе вы чуть не умерли. Вы никогда больше не сможете путешествовать морем.

Слова монахини оказались для Энцы мучительней, чем все тяготы путешествия. Мысль, что она больше никогда не увидит мать, была невыносимой.

– Я никогда не смогу вернуться домой. – Энца снова заплакала.

– Вам не стоит сейчас об этом беспокоиться, – твердо сказала сестра Джозефина. – Вы только прибыли сюда. Сначала вы должны поправиться. Дайте угадаю, вы направляетесь в Бруклин?

– В Хобокен.

– У вас есть поручитель?

– Дальняя родственница на Адамс-стрит.

– Вы собираетесь работать?

– Я шью, – ответила Энца. – Надеюсь, я быстро найду работу.

– Здесь швейные фабрики в каждом квартале. Вам ведь рассказывали? В Америке возможно все.

– Вряд ли это правда до такой степени, сестра.

– Практичная девушка, что редкость. Вам следует знать, что документы вам не отдадут, пока вы не станете мечтательницей.

– Я написала «швея», когда указывала род занятий. В миграционной

карте, – сказала Энца, закрывая глаза. – Не додумалась написать «мечтательница».

Марко Раванелли стоял на железнодорожной платформе в Нижнем Манхэттене с несколькими лирами в кармане, с дорожной сумкой, чемоданчиком Энцы и клочком бумаги, на котором был написан адрес. Процедуры на острове Эллис заняли большую часть дня, турки и греки прибыли многочисленными семьями, и это сильно замедляло процесс.

Марко не знал, где больница Святого Винсента. Может, она в тысяче миль отсюда! Измученный бесконечными очередями, он был в ужасе из-за разверзшейся перед ним неизвестности. Он не знал, спасли ли Энцу американские доктора. Его прекрасная дочь – он держал ее на руках в день ее рождения, завернутую в то самое одеяльце, в которое некогда заворачивали его самого, – возможно, уже много часов мертва, и его не было рядом с ней. Надо бы помолиться за жизнь дочери, но Марко не находил в себе ни сил, ни слов.

Впервые за бесконечный день он дал волю чувствам и разрыдался.

Извозчику стоявшей рядом двуколки стало жаль бедолагу в костюме из грубой шерсти, с дорожным мешком у ног. Он спрыгнул с козел и подошел к плачущему мужчине:

– Эй, приятель, с тобой все в порядке?

Марко поднял взгляд на крепко сбитого американца примерно его же лет. Приплюснутый нос профессионального драчуна, широченная улыбка; золотые зубы сверкнули, как освещенное солнцем окно. Марко ошарашила бесцеремонность златозубого незнакомца, но голос у того звучал дружелюбно.

– Выглядишь так, будто потерял лучшего друга. Говоришь по-английски?

Последний вопрос Марко понял и отрицательно покачал головой.

– А я чуток говорю по-итальянски. *Spaghetti. Ravioli. Radio. Bingo.* – Незнакомец расхохотался, откинув голову. – Куда направляешься-то?

Марко беспомощно смотрел на него.

– Не возражаешь? – Незнакомец взял из руки Марко клочок бумаги. – В госпиталь?

Марко энергично закивал.

– Друг, это всего-то в двух милях отсюда. Если бы не твой мешок, легко бы пешком дотопал. Католик? – Извозчик перекрестился.

Марко кивнул и вытащил из-под рубашки освященный медальон на цепочке.

– Католик, верно. Собрался там поработать? – спросил незнакомец. – В больнице работы полно. А монашки найдут тебе место для ночлега. У них с этим хорошо. В их обычае помогать людям. На голове у них такие чепцы с крыльями – прям можно подумать, что феи, порхают туда-сюда, добро сеют направо-налево. Я сейчас о монашках говорю, а не о женщинах вообще, если ты понимаешь, о чем я. У баб нет крыльев, и они не летают. Зато кое-что другое у них есть. – И он снова загоготал.

Марко улыбнулся. Пусть он не понимал слов, но эмоциональная речь незнакомца очень его забавляла.

– Ладно, вот чего тебе скажу. Удумал я тоже сделать доброе дело. Доставлю-ка я тебя к Святому Винсенту. – Незнакомец ткнул пальцем в свою двуколку.

Марко благодарно кивнул.

– За мой счет. – Извозчик щелкнул пальцами. – *Regalo*^[49].

Марко молитвенно сложил руки:

– *Grazie, grazie.*

– Не то чтобы я был добрый католик или вроде того, – сказал кучер, поднимая мешок. Марко двинулся за ним следом. – Каяться буду перед тем, как испустить дух. Я из тех парней, что едят добрый стейк с кровью в Страстную пятницу. Знаю, знаю, смертный грех. А может, и не такой уж смертный, а? Видишь? Я даже не понимаю разницу. Суть в том, что я не прочь увидеть лик Господа, раз уж окажусь на том свете, но на этом мне тяжело приходится со всякими там заповедями. Понял, о чем я?

Марко пожал плечами.

– Эгей, что ж я делаю-то, забиваю тебе голову своими проблемами, когда у тебя собственных полно! По тебе видно, что ты тот еще бедолага, приятель, будто только что слушал самую грустную оперу на свете.

Марко кивнул.

– Любишь оперу? Все эти итальянские парни, Пуччини, Верди... Я о них слышал. А великий Карузо?^[50] Он тоже из ваших. Я ходил взглянуть на него в Мет, за двадцать пять центов. Стоячие места. Надо бы тебе хоть разок тоже в Мет сходить.

Марко забрался в повозку, златозубый извозчик положил рядом с ним мешок, а сам сел на козлы и взял поводья.

В первый раз с тех пор, как Марко покинул Скильпарิโอ, ему улыбнулась удача.

Чиро буквально заполнил собой крошечный смотровой кабинет на

втором этаже больницы Святого Винсента. Голова почти касалась потолка, пока он не сел на кушетку. Юная монахиня в синем, представившаяся как сестра Мэри-Фрэнсис, наложила повязку на защитную рану.

Ремо и Карла стояли у стены и смотрели, как она обрабатывает руку Чиро. За месяцы, прошедшие с приезда Чиро, вдохнувшего в мастерскую новую жизнь, бездетная пара начала наслаждаться запоздалым родительским опытом. Но даже здесь проявлялось различие характеров. Ремо думал о боли, которую испытывает Чиро, а Карла – о том, во сколько упущенных рабочих часов обойдется этот несчастный случай.

– Могу я воспользоваться вашей помощью? – спросила сестра Мэри-Фрэнсис, оборачивая руку Чиро полосой кипенно-белого полотна. – К нам поступила итальянская девушка, и я не в состоянии с ней объясниться.

– А она хорошенькая? – спросил Чиро. – Я мог бы быть переводчиком.

– Ты неисправим! – воскликнула Карла.

– Как ты выучил английский? – спросила монахиня.

– У девушек с Малберри-стрит, – фыркнув, ответила за него Карла.

– Вот так-то, синьора, – сказал Чиро хозяйке. – Я не впустую провожу время с девушками. Учусь и английскому, и жизни.

– Ты уже достаточно знаешь о жизни, – сухо парировала Карла.

– Насколько серьезна рана, сестра? – спросил Чиро.

– Довольно глубокая. Я бы попросила вас держать ее забинтованной. Даже и не думайте сами выдергивать нитки. Придете еще раз – и я сниму швы. Сможете зайти недели через три?

– Три недели в бинтах? – застонал Чиро. – Я должен работать, шить башмаки.

– Делайте то, с чем справитесь одной рукой, – сказала сестра.

Энца смотрела, как солнце опускается за деревья Гринвич-Виллидж. Из окна, выходящего на Седьмую авеню, она видела сплошные ряды домов. Цвета Нью-Йорка были для нее внове – желтовато-красный и землисто-бурый с абрикосовой глазурью так отличались от ярко-синего и нежно-зеленого родных горных деревушек. Если даже свет в новой стране настолько другой, можно представить, что же ее ждет дальше.

Сестра Джозефина записала: «Энца Раванелли».

– Это ваше полное имя?

– Винченца Раванелли, – поправила она монахиню, не отрывая взгляда от улицы. Она не могла представить, что могло задержать отца так надолго.

– А вы знаете, что эта больница носит имя святого Винченцо?

Энца с улыбкой обернулась.

Сестра спросила:

- Вы верите в предзнаменования?
- Да, сестра.
- Я тоже. Что же, вот хорошая примета!
- Далеко отсюда до Хобокена? – спросила Энца.
- Совсем близко. Посмотрите в окно. Это сразу за мостом, где садится солнце.
- И как там?
- Очень много людей.
- Наверное, в Америке везде так?
- Нет, в Америке есть широкие просторы, где только поля, холмы и ничего больше. Например, в Индиане или Иллинойсе. Там одни фермы.
- Я так далеко никогда не заберусь, – сказала Энца. – Мы приехали заработать денег на собственный дом. И, как только это сделаем, вернемся в Италию.
- Все мы, приезжая сюда, думаем, что вернемся домой. А потом вдруг оказывается, что дом теперь здесь.

Извозчик соскочил с козел и помог Марко спустить на землю багаж. Марко посмотрел на главный вход больницы. Здание из песчаника занимало целый квартал. Марко потянулся в карман за деньгами.

- За мой счет, приятель, – улыбнулся извозчик.
 - Пожалуйста, – сказал Марко.
 - Нет-нет. – Златозубый запрыгнул в двуколку. – *Arrivederci*, дружище.
- Он тронул поводья и, посвистывая, уехал в ночь с легким сердцем человека, который только что сделал доброе дело.

Марко подошел к сидевшей за стойкой молодой монахине-ирландке, вооруженной телефоном, большой тетрадью в черной кожаной обложке и чернильным прибором. Она заведовала приемным покоем. Низкие скамейки вдоль стен были заполнены пациентами.

- *Parla italiano?* – спросил Марко.
 - Вы кого-то ищете? – ответила она по-английски.
- Марко не понял вопроса.
- Вы больны? – спросила монахиня. – Выглядите здоровым. Может быть, вы ищете работу?

Марко жестами показал, что не понимает ее. Он схватил со стола самопишущее перо, написал имя дочери и лихорадочно замахал перед монахиней клочком бумаги.

Она прочла имя и сверилась со своей книгой.

– Да, мисс Раванелли здесь. Я провожу вас.

Марко поклонился и сказал:

– *Mille grazie*.

Он поспешил за монахиней по лестнице на третий этаж, перескакивая через ступеньку. Когда Марко пересекал площадку второго этажа, распахнулась дверь, из нее вышли Чиро, Ремо и Карла.

– Этот тип только что с парохода, – сказал Чиро, провожая Марко глазами.

– Помнишь свой первый день здесь? – спросил Ремо. – Ты чуть было не поймался на запах французских духов портовой шлюхи.

Чиро и Ремо начали спускаться по ступенькам.

– Куда это вы собрались? – спросила Карла сверху.

– Обратно в лавку, – ответил Ремо.

– Ну уж нет. Мы идем в часовню, чтобы помолиться за скорейшее исцеление руки Чиро.

– Карла, меня ждут заказы! – попытался возразить Ремо.

Супруга наградила его убийственным взглядом.

– Чиро, мы отправляемся в часовню, – сказал Ремо. – Следуй за хозяйкой.

Марко ворвался в палату и заключил дочь в объятия. Его сердце преисполнилось радостью, какой он не испытывал с того дня, когда она родилась. В первый раз после расставания с домом он чувствовал, что удача возвращается. Чиновник на острове Эллис не задавал ему лишних вопросов, человек с золотыми зубами подвез его, а теперь он увидел, что дочери лучше.

– Что сказал доктор?

– Он хочет, чтобы я осталась в госпитале, пока не пройдет головная боль.

– Тогда остаемся.

– Но я должна найти работу.

– Как только тебе станет лучше, мы отправимся в Хобокен.

– Доктор велел мне ходить.

Марко помог Энче надеть больничную одежду. Ее качало, но, опершись на руку отца, она почувствовала себя увереннее. Выйдя с его помощью в коридор, она преисполнилась благодарности за то, что снова на ногах.

Пол, выложенный белой и бирюзовой плиткой, глянцево блестел. В госпитале не нашлось бы ни единого уголка, который не выскоблили

дочиста. Ни единого отпечатка на светлых стенах, никаких грязных простыней на полу в коридоре. Монахини, спеша на зов пациентов, перемещались стремительно, и за ними крыльями мягко трепетали накидки.

Доктора в больнице Святого Винсента излучали уверенность – ничего общего со стариком, который приехал верхом из Аццоне, когда заболела Стелла. Здешние врачи были молодыми, крепкими, целеустремленными. Они выполняли свою работу тщательно и быстро, сновали из палаты в палату подобно иголкам, делающим торопливые стежки. Облаченные в накрахмаленные хрустящие халаты, они двигались среди монашек, как белые паруса в синем море.

На фоне светлых стен больничного коридора Марко казался высохшим. У Энцы сжалось сердце – во что она его вовлекла! В горах Марко был, как и другие отцы семейства, кормильцем, уважаемым человеком. Здесь он – лишь еще один иммигрант, приехавший на заработки. Энца чувствовала за отца ответственность и сожалела, что убедила его отправиться в Америку.

Марко и Энца добрались до конца коридора и обнаружили там стеклянную дверь, ведущую в часовню. С улицы сквозь цветные стекла лился дневной свет, бросая на скамьи розовые блики. Немногочисленные посетители разбрелись по часовне. Одни преклоняли колени, поставив свечу по обету, другие молились, сидя на скамьях. При свете лампад алтарь мерцал золотом, словно оброненная на булыжную мостовую монета. Марко осторожно открыл дверь. Они вошли в часовню и двинулись по проходу. Энца перекрестилась и присела на скамью, Марко преклонил колени, а потом последовал ее примеру.

Наконец что-то знакомое, напоминающее о доме. Запах пчелиного воска – точно как в церкви Святого Антония. Над алтарем огромный витражный триптих рассказывал историю Благовещения, собранную из осколков сумеречно-синего, густо-розового и изумрудно-зеленого. На потолке, на нежно-голубой вкладке в раме из золоченых листьев, слова: «БОГ ЕСТЬ МИЛОСЕРДИЕ».

Привычная обстановка успокаивала. Алтарь, скамьи, молящиеся, латынь молитвенников – все это дарило заслуженный мир в конце длинной череды суровых испытаний. Богородица простерла руки, словно приветствуя их, а черная больничная одежда и деревянные четки погружали в глубокую безмятежность две заплутавшие души, измученные тоской по дому.

– Мне сказали, что я не смогу вернуться в наши горы, – прошептала

Энца.

– Что они знают о нас?

Марко хотел приободрить дочь, но сейчас она была такой маленькой, такой беззащитной. Марко жалел, что рядом нет Джакомины, которая уж точно нашла бы, как успокоить дочь. С самыми серьезными невзгодами Энца всегда шла к матери. Та знала, что сказать детям, как утешить. А Марко представления не имел, как разрешить новую проблему. Что же им делать, если Энца не сможет вернуться домой?

Марко глубоко вздохнул: все, что он может сделать, – воодушевить Энцу, чтобы следовать плану.

– Ты должна верить, – сказал он, – что мы забрались так далеко не напрасно. – Когда эти слова уже сорвались с губ, он понял, что произнес их больше для себя, чем для дочери.

Энца поднялась со скамьи и вслед за отцом двинулась обратно по проходу. Марко открыл перед ней дверь.

– Энца? Энца Раванелли?

Энца услышала, как голос со знакомым акцентом громко произносит ее имя. Она оглянулась и увидела Чиро Ладзари – в первый раз после того, как много месяцев назад высадила его у входа в монастырь. Сердце ее заколотилось. На миг она усомнилась, что это происходит на самом деле.

– Это действительно ты! – Чиро отступил, глядя на нее во все глаза. – Не могу поверить. Что ты здесь делаешь? Ты приехала в гости? Работать? У тебя здесь есть кто-нибудь?

Он сыпал вопросами, а Энца закрыла глаза, растворяясь в его мягком голосе.

– Кто это еще? – рявкнула Карла Дзанетти.

– Это мои друзья с родины. Синьор Раванелли и его старшая дочь Энца.

Карла мгновенно произвела оценку обоих Раванелли. Она увидела, что Энца – вовсе не очередная девушка с Малберри-стрит, только и думающая, как заманить в ловушку будущего мужа, завести ребенка и заполучить квартиру. Эта итальяночка из той же провинции, что и Чиро. И прибыла с отцом, а следовательно, из достаточно приличной семьи.

Чиро объяснил Карле, как он познакомился с семьей Раванелли, и хозяйка смягчилась, услышав их историю. Продолжайте говорить, думала Энца. Она упивалась их беседой – совсем как холодной водой, когда очнулась в палате.

– Почему ты в госпитале? – спросил Чиро.

– А почему ты в часовне? – парировала Энца.

Чиро рассмеялся:

– Меня заставили прийти поблагодарить Бога, что я не отрубил себе всю руку. – Чиро показал перевязанную ладонь.

– Моя дочь заболела на корабле, – объяснил Марко.

– Всего лишь морская болезнь, – сказала Энца.

– Она чуть не умерла, – поправил Марко. – Всю дорогу пролежала в лазарете. Я думал, что потеряю ее.

– Со мной все хорошо, – сказала Энца, глядя на Чиро. – Папа, сейчас уже все хорошо.

Карла и Ремо вышли с Марко из часовни, оставив Энцу и Чиро одних. Она взяла его ладонь и поправила повязку.

– Что с тобой случилось? Ты стал мясником?

– Учеником башмачника.

– Отличное ремесло. Дети сапожника никогда не будут ходить босыми. Знаешь эту нашу поговорку? – Она улыбнулась.

Чиро был именно таким, каким она его запомнила, даже лучше – точно выше и, возможно, сильнее, а глаза блестели еще ярче, вызывая в памяти кручи над Скильпарิโอ, где ветви темно-зеленого можжевельника встречаются с небесной синевой. Но вот держался он теперь иначе, более раскованно, и выправка у него какая-то стала особая. Позже, вспоминая, Энца определит ее как американскую. Он даже одет был в униформу рабочего класса: брюки из прочной шерсти с тонким кожаным ремнем, отглаженную рубашку из шамбре поверх майки, на ногах крепкие ботинки из коричневой кожи с сыромятными шнурками.

– Мне надо было написать тебе, – сказал он.

Энца выделила в этой фразе «надо было», что, как она надеялась, означало, что он хотел написать ей, а не чувствовал себя обязанным это сделать.

Она ответила:

– Я приезжала в монастырь повидать тебя. Монахиня сказала, что ты уехал, но не сообщила куда.

– У меня были проблемы, – объяснил он. – Я собирался в спешке. Не было времени попрощаться ни с кем, кроме сестер.

– Ну, в любом случае я на твоей стороне, – застенчиво улыбнулась Энца.

– *Grazie.*

Чиро вспыхнул и потер щеку, будто хотел стереть румянец смущения. Он вспомнил, как ему понравилась Энца. Не только ее смуглая красота, но и ее удивительная способность постигать самую суть вещей.

– Ты собираешься в Маленькую Италию? Большинство итальянцев оседают в Маленькой Италии или в Бруклине.

– Мы едем в Хобокен.

– Это через реку, – сказал Чиро. – Не очень далеко. – Казалось, он бы предпочел, чтобы этого расстояния не было. – Ты можешь поверить, что я снова нашел тебя?

– Я не думаю, что ты очень уж сильно искал, – поддразнила она.

– С чего бы?

– Интуиция. Наверное, тяжело было покинуть горы.

– Да, правда.

Чиро мог признаться в этом Энце, ведь она сама оттуда родом. Он устал от усилий поменьше вспоминать о доме. Он набрасывался на работу, а когда день подходил к концу, аккуратно откладывал кожу и выкройки, чтобы продолжить завтра. Он оставлял себе мало времени на развлечения. Будто знал, что работа поддержит его больше, чем другие занятия.

– А почему ты уехала? – спросил Чиро.

– Помнишь наш каменный дом на Виа Скалина? Хозяин разорвал с нами соглашение. Нам нужен новый дом.

Чиро с сочувствием кивнул.

– А как твоя хозяйка?

– Ох, я и не знал, что на свете есть такие женщины.

– Может, хорошо, что теперь ты выяснил, – рассмеялась Энца.

– Вот ты где! – В часовню влетела Феличита Кассио. На ней была модная широкая юбка в лиловую и белую полоску и в пару к ней белый жакет. Подол юбки был приподнят на дюйм, демонстрируя кайму зубчатого кружева и туфли телячьей кожи цвета лаванды с шелковыми завязками в тон. Голову украшала соломенная шляпка с белой лентой, а на руках были лайковые перчатки. Энца невольно восхитилась ее нарядом.

Феличита схватила раненую руку Чиро и поцеловала ее.

– Что ты наделал?

Энца поняла, что Чиро и Феличита любят друг друга, и сердце у нее упало.

Конечно, у него должна быть девушка, почему бы и нет? И конечно, она должна была оказаться красавицей. И именно такая элегантная и самоуверенная – идеальная пара для этого нового Чиро-американца. Лицо у Энцы вспыхнуло. Пока она мечтала о мальчике из монастыря, тот и не думал о девочке из Скильпарิโอ.

– Стоило мне только на секунду выпустить тебя из виду! – воскликнула Феличита. – Элизабетта сказала, что ты залил кровью всю

Малберри-стрит!

– Лучше бы она моцареллу продавала, чем сплетничать, – буркнул Чиро, явно смущенный ее вниманием.

Чиро взглянул на Энцу, но та смотрела в сторону. Феличита повернулась к Энце:

– Кажется, мы раньше не встречались.

– Энца Раванелли – мой друг с родины, – тихо сказал Чиро.

Энца бросила на него быстрый взгляд: она расслышала в его голосе что-то вроде сожаления.

– У Чиро такое большое сердце, – сказала Феличита, кладя ладонь в перчатке Чиро на грудь. Энца обратила внимание, какой маленькой выглядела ручка Феличиты на широкой груди Чиро. – Ничего удивительного, что он считает своим долгом навещать больных.

Чиро собрался было возразить, но тут появился Марко:

– Энца, тебе пора отдохнуть.

Послушно кивнув, Энца поплотнее запахнула воротник больничного халата. Ей хотелось, чтобы он был не из толстой фабричной ткани, а из шелкового шармеза, тихо шелестящего, когда она шла прочь от парня, которого однажды поцеловала.

– Энца, мы проводим тебя в палату, – предложил Чиро.

– Нет-нет, тебя ждут Дзанетти. Кроме того, я знаю дорогу.

Энца хотела ускорить шаг, но силы ее покинули – и причиной тому была вовсе не болезнь. Никаких сомнений – Чиро Ладзари влюбился в другую.

Деревянная прищепка

Una Molletta di Legno

Листья старого вяза на заднем дворе обувной лавки Дзанетти на Малберри-стрит стали тускло-золотыми, а потом и вовсе осыпались на землю, как конфетти в конце парада. Чиро держал дверь в сад открытой, подперев ее банкой машинного масла. Прохладный осенний ветерок шуршал листьями кальки на верстаке. Чиро читал, пристроив подвесную лампу так, чтобы она освещала книгу.

Чтобы шрам на ладони поблек, понадобилось почти шесть лет. К осени девятьсот шестнадцатого тонкий красный рубец, пересекавший линию жизни, сделался бледно-розовым. Чиро волновал мистический смысл того, что отметина пролегла именно через линию жизни, он даже наведалься к гадалке на Бликер-стрит. Подержав в руках открытую ладонь, Глория Вейл заверила, что в жизни у него будет больше сокровищ, чем сможет вместить сердце. Но она так и не сказала, долго ли будет продолжаться эта счастливая жизнь. Услышав о результатах гадания, Карла фыркнула:

– Еще одна женщина очарована Чиро Ладзари.

– Я покончил с заказом, – сказал Чиро, не поднимая глаз на вошедшего в лавку Ремо.

– Что ты читаешь?

– Руководство по шитью дамской обуви. Поставщик оставил вот эти образцы, и я задумался. – В ответ на вопросительный взгляд Ремо он добавил: – В Нью-Йорке полно людей, и половина из них – женщины.

– Верно, – ответил Ремо. – А ты будешь первым, кто пересчитает их, одну за другой!

Чиро рассмеялся.

– Смотри. – Он разложил веером дюжину кожаных квадратиков. Там была мягкая телячья кожа, покрашенная в бледно-зеленый, шагреновая кожа цвета красной лакрицы и темно-коричневая замша – в точности оттенка *pot de crume*. – *Bella*, разве нет? Если начнем шить дамскую обувь, вдвое расширим дело. Но синьоре эта идея не нравится.

– Карла не хочет, чтобы в лавку заходили женщины. Боится, что они будут отвлекать тебя от работы. – Ремо захохотал. – Или меня.

– Она все неправильно понимает. Я хочу заняться дамской обувью не для того, чтобы встречаться с женщинами, а чтобы бросить вызов самому себе. И я приму любой твой совет. Мастер должен быть для ученика мастером во всех отношениях. Так сказал Бенвенуто Челлини в своих мемуарах.

– Я за двадцать лет ни одной книги не прочел. И снова ученик превосходит учителя. Похоже, меня пора списывать. Ты не только умнее меня, ты лучше как сапожник.

– И поэтому-то на двери твоё имя? – поддразнил его Чиро. – Знаешь, Челлини ведь диктовал мемуары помощникам.

– Ты тоже должен записать мои мудрые мысли до того, как я умру и они будут забыты.

– Ремо, тебя не забудут.

– Откуда тебе знать? Именно из-за этого я хочу все продать и вернуться домой, в Италию, – признался Ремо. – Я скучаю по своей деревне. У меня там семья. Три сестры и брат. Уйма двоюродных. Маленький домик. Склеп с моей фамилией на нем.

– Думал, я один мечтаю о родине.

– Знаешь, Чиро, идет война, и мы не знаем, как здесь повернется с итальянцами. У нас могут начаться трудности.

– Мы теперь американцы, – сказал Чиро.

– Но в наших документах написано другое. Нас пригласили здесь жить и работать. А все остальное в их власти. Пока ты не прошел экзамен на гражданство, ты здесь по милости американского правительства.

– Если они выкинут меня отсюда, с радостью вернусь в Вильминоре. Мне нравилось, что я знаю в деревне каждую семью, а они знают меня. Я помню каждый сад и каждую улицу. Знаю, у кого подходящая земля, чтобы растить сладкий лук, а у кого лучшее место для грушевых деревьев. Я наблюдал за тем, как женщины развешивали белье, а мужчины подковывали лошадей. Я наблюдал даже за молящимися в церкви и мог бы сказать, кто действительно кается, а кто пришел покрасоваться в новой шляпке. И это кое-что говорит о жизни в горах.

– Ты мечтаешь о горах, а я мечтаю о портовой Генуе. Я каждое лето проводил у бабушки, – сказал Ремо. – Иногда я перебираю куски кожи и ищу тот самый синий – цвет Средиземного моря.

– А я ищу цвет зелени можжевельниковых деревьев. Каждый в горах видел из окошка Пиццо Камино. Мы и мир видим одинаково. Но я не могу этого сказать о Малберри-стрит.

– Здесь так много бездельников! Они не слишком-то усердно

работают. Хотят, чтобы блестело, не тратя сил на полировку.

– Некоторые, но не все, – возразил Чиро. Он слышал, как мужчины идут на стройки еще до восхода, и видел, как женщины заботятся о своих детях. Большинство жителей Маленькой Италии трудились не покладая рук, чтобы обеспечить семью. – Я счастливее, – признался он.

– Ты сам – кузнец своего счастья. Знаешь ли ты, сколько мальчишек я пытался учить в этой мастерской? Карле не нравился ни один мой ученик. Но она ни слова не сказала против тебя. Думаю, ты работаешь куда больше, чем моя жена.

– Только не говори ей этого.

– Что я, сумасшедший? – Ремо с опаской взглянул на дверь.

– Я очень благодарен тебе. Ты не обязан был меня брать.

– Каждый мальчик заслуживает второго шанса, – пожал плечами Ремо.

– Полагаю, что это ко мне не относится. Я не совершал ничего дурного. Но понял – неважно, что я об этом думаю. Во что верят падроне – только это имеет значение.

– У каждого из нас есть свой падроне. – Ремо кивком указал на лестницу, ведущую наверх. – Тридцать семь лет она учила меня держать рот на замке и следовать ее указаниям. – Он понизил голос: – Не женись на падроне, Чиро. Найди тихую девушку, которая охотно будет заботиться о тебе. Честнолюбивая женщина убьет тебя. Для них всегда нужно что-то сделать. Прямо по списку, который никогда не кончается. Они хотят больше, больше, больше, и поверь мне, это «больше, больше, больше» ведет к гибели.

– Не беспокойся обо мне. Ради пропитания я шью обувь, а любовь... только когда это мне удобно.

– Умный мальчик, – сказал Ремо.

– О чем это вы здесь разговариваете? – спросила Карла, входя в комнату с письмом в руках. Она сгребла в сторону образцы кожи. – Что вот это здесь делает? – рявкнула она и оглянулась на Чиро. – В этой мастерской будут шить только рабочие ботинки. Выбрось из головы пустые мечты.

Чиро и Ремо переглянулись и рассмеялись.

– Очень хорошо, что книги у меня под замком, – продолжала бушевать Карла. – Если бы я доверила дело вам двоим, то в один прекрасный день, вернувшись домой, обнаружила бы, что вместо ботинок вы делаете канноли^[51]. Вы – парочка мечтателей. – Карла отдала Чиро письмо и начала подниматься по лестнице.

Прочитав обратный адрес, Чиро обрадовался. Письмо из семинарии в Риме, где обучался Эдуардо. Извинившись, Чиро вышел с письмом в сад,

сел, пристроив ноги на ствол дерева, и осторожно вскрыл конверт. Совершенная каллиграфия Эдуардо была настоящим произведением искусства. Чиро благоговейно развернул листок.

13 октября 1916 года

Мой дорогой брат,

Благодарю тебя за ботинки, которые ты мне прислал. Я туго зашнуровал их и, прямо как прима-балерина, опробовал стальные носы, о которых ты упоминал. Наш старый друг Игги не смог бы встать на пуанты. Конечно же, я осмотрел ботинки с тщательностью сестры Эрколины и счастлив удостовериться, что ты ни на йоту не преувеличиваешь уровень своего мастерства. Bravo, Чиро, bravissimo! Пусть я и ношу галилейские сандалии, но все еще могу оценить по достоинству пару отличных ботинок!

У меня есть новости, касающиеся нашей матери.

Чиро подался вперед в старом плетеном кресле.

Эти известия поступили ко мне в письме, отправленном аббатисой монастыря на озере Гарда, где наша мать проживает последние несколько лет. Знаю, что новость станет для тебя потрясением. Мама находилась так близко от нас, всего лишь в нескольких километрах от Бергамо. Но она была очень больна. Оставив нас в монастыре, она тотчас отправилась в Бергамо, к доктору. Он поставил ей диагноз и отправил к монахиням, которые держат больницу и санаторий. Наша мама страдала от психического расстройства – столь жестокого, что не смогла бы исполнять свои обязанности. Смерть папы ввергла ее в состояние такого глубокого горя, что она не сумела его побороть. Сестра Эрколина убедилась в том, что о маме заботятся наилучшим образом, и теперь она, как мне сообщили, тоже работает в этой больнице. Я написал ей и рассказал о тебе и о семинарии. Как ты знаешь, семинаристам не дозволяется общаться с членами своей семьи кроме как посредством писем. Если бы я мог в эту минуту перелететь через стены и увидеть маму, я бы так и поступил – хотя бы ради того, чтобы написать тебе и рассказать, что я видел ее собственными глазами и что она здорова и невредима. Но, увы, у

меня есть только заверения сестер на сей счет. Мы должны верить, что они заботятся о ней так же, как они всегда заботились о нас.

Чиро заплакал.

Новость, что мама жива, стала для меня настоящим благословением. Я боялся, что мы никогда снова не увидим ее лицо и даже не узнаем, что с ней случилось. Мы должны быть благодарны за эту новость и молиться о том, чтобы мы однажды воссоединились. Сам я постоянно молюсь о тебе, мой лучший и единственный брат, и вспоминаю, насколько горжусь тобой. Не то чтобы я раскаивался в этой гордыне. Я знаю, чего ты стоишь.

Всегда твой, Эдуардо.

Ремо стоял у двери в сад и смотрел, как Чиро вытирает слезы, тщательно складывает письмо и кладет его обратно в конверт. Он вспоминал день, когда Чиро сошел с парома, прибывшего с острова Эллис. Несмотря на свой рост и избыток энергии, тогда Чиро был невинным мальчиком. А сейчас Ремо видел мужчину – мужчину, которого любой отец с гордостью назвал бы своим сыном.

Годы шли, и Ремо обнаруживал все больше и больше смысла в отношениях мастера и такого ученика. Этот опыт был сродни опыту отцовства, прежде недоступного Ремо, и он наслаждался им.

– Чиро, у тебя гость, – сказал Ремо. – Говорит, что вы старые друзья.

Чиро вернулся в лавку.

– Ты так и не написал мне! – Это был Луиджи Латини.

Торчавшие прежде в разные стороны волосы Луиджи теперь гладко зачесывал назад с помощью помады, под его аккуратным носом красовались модные усики щеточкой.

– Луиджи! – Чиро обнял старого приятеля. – Ты сам-то мог бы мне написать! Где твоя жена? – Чиро посмотрел за спину Луиджи.

– У меня ее нет.

– Что случилось?

– Я тогда приехал в Минго-Джанкшен, как и планировалось, – печально кивнул Луиджи, – но ведь знал, знал, что фотография слишком хороша, чтобы быть правдой. Не смог смириться с ее носом. Я пытался.

Но, правда, не смог. Тогда я разжился уважительной причиной. Сказал, что умираю и что у меня малокровие. Заявил отцу, что его дочь не заслуживает участи молодой вдовы. Чуть в пустой гроб не залез, прижав к груди лилию. И, пока они не успели догадаться, что я лгу, запрыгнул в грузовик и свалил в Чикаго. Где и работал до последнего времени, мешал бетон на строительстве дорог. Шесть лет вкалывал в артели. И мог бы еще двадцать. Дороги строят от Чикаго до Калифорнии.

– Но как ты нашел меня?

– Вспомнил про Малберри-стрит, – сказал Луиджи. – Мы так хорошо трудились вместе на пароходе, и я подумал – вдруг мы сможем снова поработать вместе?

– Как трогательно! – Карла стояла в дверном проеме, завязывая на седых волосах красный платок. – Но ты не можешь здесь остаться.

– Ну, мама, – умоляюще протянул Чиро, подмигнув Луиджи. Чиро звал синьору мамой, только когда ему было от нее что-то нужно, и они оба это знали.

– Я тебе не мать, – отрезала Карла. – Здесь нет лишней комнаты.

– Посмотри на него. У него все позвонки на шее видны. Луиджи почти не ест. Ему хватит одной ложки кавателли^[52].

– Верится с трудом. Когда он попробует мои кавателли, он съест целый фунт!

– Ты слышал? Синьора приглашает тебя на ужин, – сказал Чиро.

– На Гранд-стрит есть пансион, – сказала Карла, записывая адрес. – Отправляйся туда, сними комнату и возвращайся к ужину через час.

– Да, синьора, – ответил Луиджи.

Шестая годовщина пребывания Энцы на Адамс-стрит в Хобокене не была отмечена ни бокалом шампанского, ни куском торта и уж точно обошлась без выражения какой-либо признательности со стороны синьоры Буффа.

Через несколько месяцев после того, как Энца поселилась у кузена Буффа, Марко Раванелли покинул Хобокен, отправившись в угольные шахты Пенсильвании. Теперь он находился в шести часах езды на поезде и исправно присылал часть своей зарплаты Энце. Она, в свою очередь, относилась деньги в банк вместе с собственным заработком и отсылала чеки матери в Италию. Каждое Рождество Марко старался навещать дочь. Раванелли праздновали очень тихо, ходили к мессе, обедали вместе, и он возвращался на работу, как и она, – зарабатывая сверхурочные во время праздников.

Год назад в их план вмешался счастливый случай. Джакомина предложила купить клочок земли в горах над Скильпарио. Места хватило бы только на то, чтобы построить дом, но Марко ухватился за эту возможность. Вместо того чтобы приобрести один из скромных домиков, выходящих на Виа Белланка, Марко и Энца решили и дальше работать в Америке, пока не скопят достаточно, чтобы построить именно такой дом, о котором Марко мечтал. Не величественное здание, но настоящее семейное гнездышко с очагом, с гостиной в три окна, в которые будет литься солнечный свет, пятью спальнями, где смогут разместиться Энца с братьями и сестрами, – чтобы всем хватило места, чтобы их собственные семьи тоже собрались под этой кровлей. Энца знала, что изменение первоначальных планов задержит их в Америке дольше, чем они надеялись.

Энца и Марко шесть лет копили жалованье, всячески ограничивая себя в тратах, и шкатулка с деньгами у Джакомины в Скильпарио понемногу наполнялась. Баттиста и Витторио продолжали дело Марко, занимаясь извозом. Они брались за любую подработку, но без денег из Америки не выжили бы.

Пересекавшие Атлантику письма на тонкой голубой бумаге были заполнены подробными планами, касавшимися будущего дома. Крыльцо с креслом-качалкой, два садика – один, выходящий на восток, с грядками для овощей и трав, и другой, смотрящий на запад, где подсолнухи поворачивали бы головки вслед заходящему солнцу. Просторная кухня с длинным деревенским столом и множеством стульев, подвал, где можно было делать и хранить вино, глубокая печь с поворотным вертелом.

Рискованное путешествие Энцы и Марко в Америку делало все это реальным, вплоть до изящных мелких деталей вроде занавесок из домашнего кружева ручной работы. Раванелли прекрасно умели копить деньги. Они привыкли к лишениям, тратясь в Америке только на жизненно важные нужды. Все остальное отправлялось к Джакомине, которая большую часть откладывала на строительство. Их будущий дом станет крепостью, которая защитит их от нужды, напастей и дальнейших потерь.

Энца, как и любая другая девушка, мечтала об атласных туфельках и элегантных шляпках, но, думая о матери, она отодвигала свои желания ради их общей мечты. Каждую неделю, получив деньги от отца, она писала ему письмо, сообщая только хорошие новости. Она рассказывала смешные истории о девушках с фабрики, где работала, и из церкви, в которую ходила.

Энца очень мало писала о семье Буффа, потому что жизнь с ними была почти невыносимой. С ней дурно обходились и заставляли трудиться сверх всякой меры: убирать, готовить и стирать для Анны Буффа и трех ее невесток, живших в квартирах над нею. Хотя Буффа и были кровными родственниками Джакомины, они состояли всего лишь в троюродном родстве. Про них вспомнили, только когда Энца и Марко стали искать любые связи, которые помогли бы им перебраться в Америку. Анна не рассматривала Энцу как члена своей семьи и всячески давала это понять.

Энце выделили маленькую каморку в подвале, складную койку и лампу. Это было настоящее рабство, и немногие счастливые минуты, которые ей выпадали, были связаны с друзьями, обретенными на фабрике. Каждую ночь перед сном Энца обещала себе, что, как только деньги на дом будут собраны, они с Марко вернутся в Скильпарิโอ и жизнь снова станет прежней. Папа будет, как раньше, править повозкой, а Энца откроет собственное ателье. Она отодвигала в сторону мысли о морской болезни, поклявшись себе, что переживет обратную дорогу. Мечты о горах, о надежных маминых руках, о смехе братьев и сестер посещали ее каждый день – но лишь мелькали где-то на границе сознания.

Энца тщательно заклеила письмо, адресованное матери, и положила его в карман фартука.

– Винченца! – прогремел из кухни голос синьоры Буффа.

– Иду! – крикнула Энца в ответ. Она сунула ноги в туфли и начала подниматься по ведущей из подвала лестнице.

– Где плата за комнату?

Достав из кармана доллар, Энца вручила его хозяйке. Первоначальное соглашение заключалось в том, что она работает в обмен на стол и кров, но об этом быстро забыли, когда Пьетро Буффа нашел работу в Иллинойсе и взял с собой трех сыновей – прокладывать железную дорогу на Среднем Западе. Энцу в этом доме удерживали лишь рассказы о девушках-иммигрантках, покинувших дом поручителя и оказавшихся на улице, без жилья и работы.

– Ты до сих пор не принесла выстиранное. Джине нужны одежки для младенца. – У синьоры Анны Буффа были тонкие черные брови, вздернутый нос и жестокий рот. – Мы устали ждать, когда ты сделаешь всю свою работу.

– Я повесила белье утром, когда уходила. Джина могла бы его снять.

– Она смотрит за ребенком! – взвизгнула Анна.

– Или кто-то из девочек мог бы помочь.

– Дора занята! У Дженни дети! Это твоя работа!

– Да, синьора. – Энца взяла бельевую корзину и вышла на кухню.

Анна крикнула ей вслед:

– Солнце сядет, и белье отсыреет. Не знаю, зачем я пустила тебя к себе, глупая девчонка!

Позже тем же вечером Анна стояла в гостиной у фонографа. Она перебирала записи Энрико Карузо, тасуя конверты, будто карты. Выбрав пластинку, она поместила ее на поворотный круг и покрутила ручку. Игла опустилась на бороздки, и Анна налила себе стакан виски. Вскоре воздух наполнился протяжными, глубокими звуками – Карузо виртуозно исполнял арию на итальянском. Царапины на диске из шеллака делали голос только слаще, бороздки все углублялись от частого использования. Анна снова и снова слушала «Mattinata»^[53], до предела вывернув громкость, пока сосед не закричал: «*Basta!*» Тогда она сменила пластинку, и музыка из «Лючии ди Ламермур» звучала, пока Анна не уснула. Игла все скребла по внутренней дорожке, пластинка все шипела и шипела.

Энца проверила, как там свежая паста, которую она сделала утром и повесила сушиться на деревянные штырьки. Когда паста высыхала, в воздухе плыл пыльный запах муки. Тогда Энца особенно тосковала по кухне Раванелли в Скильпарิโอ, по дням, когда мама рассыпала муку по столу и они скатывали рыхлые колбаски из картофельной пасты, чтобы сделать ньокки, или сворачивали в трубочки маленькие тонкие блинчики, наполняя их сыром и кусочками сладкой колбасы.

Занимаясь домашней работой, Энца старалась не думать о родном доме. Она с радостью помогала бы собственной матери, а не склочной хозяйке. Энца механически перестирала на застекленной террасе горы белья. Ни одна из женщин семьи Буффа не работала на местных фабриках, не брала на себя никакой работы по дому. Они относились к Энце как к личной служанке. Они так быстро привыкли к тому, что за них все делают, будто выросли в доме с прислугой.

Энца подняла жестяной таз, полный мокрого белья, которое она отстирывала и полоскала вручную. Открыв дверь-ширму, она вышла на маленький, покрытый травой клочок земли позади дома, где до того сама натянула бельевую веревку. По поводу каждого квадратного фута пространства, включая воздух, здесь шла ожесточенная торговля. Пересекающиеся линии веревок превращали небо в решето.

Приподняв углы передника, Энца заткнула их за пояс. Затем наполнила получившийся карман прищепками. Она вытащила из таза отбеленную пленку и, повесив на веревку, надежно прищепила. Провернула рукоятку блока, пленка отъехала, и Энца повесила еще одну, потом еще и еще.

Белье, выстиранное Энцой, сверкало белизной – ярче, чем любое другое во дворе. Она пользовалась щелоковым мылом, а потом вымачивала вещи в горячей воде и отбеливала.

Энца повесила подштанники, панталоны и одну за другой юбки семейства Буффа. Только обосновавшись здесь, она сначала добавляла в воду для полоскания капельку лавандового масла, как обычно делала в Скильпарио, стирая белье своей семьи, но через несколько месяцев перестала. Ее добровольное усердие не было оценено по достоинству, не получило ни признательности, ни одобрения. Ей доставались только упреки – то на подоле складка, то стирка слишком затянулась. За шесть лет на Адамс-стрит родилось четыре младенца. Энца с трудом справлялась с навалившейся на нее работой.

Анна Буффа на полной громкости слушала дуэт из «Риголетто», пока Энца грела на плите куриный бульон. Она порезала тонкими кружочками морковь и высыпала их в суп. Затем осторожно высыпала в горшок пару чашек мелкой пасты – *pastina*, одну за другой. Крошечные кусочки пасты, размером не больше рисинки, сделали суп густым и наваристым. Джакомина учила Энцу, что все ингредиенты в супе должны быть нарезаны кусочками одного размера, чтобы придать ему нежную консистенцию, чтобы вкус был равномерным и ни один ингредиент не перебивал бы другой.

Энца приготовила поднос, чтобы поставить на него еду для Анны, налила стакан домашнего вина из бутылки с самодельной этикеткой «Isabelle Bell», отрезала несколько ломтиков хлеба, добавила немного мягкого масла, пристроила тарелку с супом. Положив на поднос полотняную салфетку, она отнесла его в гостиную.

Анна Буффа расположилась на оттоманке, обитой коричневой шенилью. Одна нога лежала на мягкой кушетке, другая свешивалась на пол. Глаза ее были закрыты. Бледно-голубое платье задралось до колен, кружевной воротник съехал набок. На мгновение Энца почувствовала жалость. Некогда красивое лицо Анны сейчас было испещрено морщинками – следами тревог. С возрастом кожа стала дряблой, в черных волосах зазмеились серебряные нити. Анна все еще пользовалась по утрам помадой, но к вечеру на губах оставался лишь слабый оранжевый след, только подчеркивавший измученный вид.

- Ваш обед, синьора. – Энца поставила поднос на оттоманку.
- Энца, посиди со мной.
- У меня еще столько работы! – Энца выдавила из себя улыбку.
- Я знаю. Но все-таки посиди.

Энца присела на краешек кушетки.

– Как дела на фабрике?

– Отлично.

– Я должна написать твоей матери, – сказала Анна.

Энца удивилась, откуда взялся этот мирный тон и сентиментальное настроение. Она бросила взгляд на стакан с виски и поняла, что Анна уже расправилась с его содержимым. Это и объясняло внезапную теплоту.

– Вы бы поели супа, – сказала Энца, подкладывая подушечку Анне под поясницу. Это была единственная ласка, которую Анна получала в нынешней жизни, и она наслаждалась этой малостью.

Анна разложила на коленях салфетку и не спеша отхлебнула суп.

– Восхитительно, – поблагодарила она Энцу, разомлев от действия янтарного напитка.

– Спасибо. – Энца взглянула на отекавшие лодыжки Анны. – Вам бы попарить сегодня ноги, синьора.

– Да, с лодыжками снова беда, – вздохнула Анна.

– Это виски, – сказала Энца.

– Знаю. Вино идет мне на пользу, а виски – нет.

– Крепкому спиртному некуда деться в нашем теле.

– А ты откуда знаешь? – Анна с подозрением прищурилась.

– Моя мама всегда говорила – если пьешь вино из собственного винограда, оно никогда тебе не навредит. Но на Адамс-стрит мало места для виноградных шпалер, – улыбнулась Энца.

– Эванжелина Палермо выращивает виноград и делает вино, – с горечью сказала Анна. – Поставь мне пластинку.

Энца поставила на патефон запись арии из «Тоски» в исполнении Энрико Карузо.

– Не поцарапай! – прикрикнула Анна.

Энца осторожно опустила иглу на внешнюю бороздку и уменьшила звук.

– Синьора, расскажите мне, почему вы так любите оперу.

– У меня были способности.

– Почему же вы не поете в церкви?

– Я выше этого, – прошипела Анна. – Я не могу растрчивать свой талант в церковном хоре. Поэтому я вообще бросила петь.

Энца вернулась на кухню, чтобы покончить со своими обязанностями. Она пообещала себе, что в ее доме все будет поставлено по-другому. Невестки Анны забирали еду к себе наверх в разное время, а свекровь не уважали вовсе.

Энца с тоской думала о своем доме, о том, как близка она была со своими братьями и сестрами. Они делили еду, обязанности и разговоры. Казалось, что сами горы с их величественными уступами, покатыми зелеными лугами и исхоженными тропами тоже принадлежат им. Раванелли были настоящей семьей, а не просто жили под одной крышей, как Буффа.

Всякий раз, когда она думала о Скильпарิโอ, глаза наполнялись слезами. Разговоры с матерью обычно затягивались за полночь. Энцу внезапно поразила мысль, что семья никогда не искала общества Анны, даже и не думала с ней разговаривать. Анна Буффа не знает, чего лишается, подумала она. А может, и знает. Возможно, именно потому она пила виски и так громко включала музыку. Анна Буффа хотела забыться.

Карла убрала тарелки со стола в саду. Она устроила во дворе под старым вязом настоящий пир для Чиро и Луиджи, проработавших десять часов без перерыва. Здесь были ригатони под соусом из свинины, ломти хлеба с маслом, салат из свежей зелени и бокалы с домашним красным вином. Ремо пожарил на гриле каштаны. Когда плоды начали взрываться, раскрывая свои гладкие раковины, он поискал глазами подмастерьев. Молодые люди по очереди рассказывали истории, вызывая друг у друга взрывы хохота. С тех пор как приехал Луиджи, Чиро казался гораздо счастливее, будто старый друг вдохнул в него новую жизнь. Ремо видел, что Чиро изголодался именно по такой дружбе, которой его одарял Луиджи, – основанной на общих воспоминаниях и общих целях. Ремо не хотел потерять ученика и понял, что лучший способ его удержать – нанять и его друга.

– Знаешь, Чиро, когда ты смотрел на образцы кожи, мне вот что пришло в голову. – Ремо уселся рядом с ними. – Вовсе не обязательно переходить к женской обуви прямо сейчас. Это хорошая идея, но на будущее.

– Я понимаю, – откликнулся Чиро, но трудно было не заметить промелькнувшего на его лице разочарования.

– Однако нам нужно расширять наше дело, особенно если я должен буду выплачивать еще одно жалованье. – Ремо взглянул на Луиджи.

Чиро просиял:

– Я слушаю.

– Обувная лавка Дзанетти должна прийти к людям на их рабочие места. Представь, что мы поставим фургон рядом со строящимся мостом Хеллз-Гейт. Ты сможешь чинить ботинки прямо на месте, а также

принимать заказы на новые. Теперь, когда есть еще одна пара рук, мы сумеем устроить настоящий конвейер, доставляя партии товаров прямо на стройку.

– Так мы сможем заполучить греков из Астории, русских из Грейвсенда, ирландцев из Бруклина, – подхватил Чиро. – Все они станут носить ботинки Дзанетти. Наш фургон будет ездить по городу от одной стройки к другой в поисках все новых покупателей. Это потрясающая идея.

– Луиджи может пока, на время обучения, оставаться со мной в лавке, а ты будешь расширять наш бизнес на местах. А потом вы станете меняться, – продолжил Ремо. – Мастер уступает дорогу, и подмастерье берет дело в свои руки.

– Прекрасная возможность, – сказал Луиджи. – Что ты думаешь, Чиро?

– Мне нравится, – ответил Чиро.

– Мальчики, что вы тут замышляете? – спросила Карла.

– Собираемся поставить обувную лавку Дзанетти на колеса, – объяснил Чиро.

– А со мной кто-нибудь собирался посоветоваться?

– Поприветствуй нового ученика, – ответил Чиро. – Тебе придется заказать в банке еще одну зеленую сумку, потому что этот парень поможет тебе ее наполнить.

Карла просияла.

Энца закончила мыть оставшуюся от обеда посуду, тщательно вытерла и поставила на полку. Миски из-под супа и хлебные корзинки, которые невестки Анны выставляли за двери своих комнат, она собирала по всему дому. Когда на рассвете этого дня Энца вернулась с фабрики, раковина была полна пустых детских бутылочек, грязных тарелок и стаканов. После долгой ночной смены Энце пришлось все это вымыть, прокипятить бутылочки и снова убрать кухню.

Наведя порядок, Энца собрала в сумочку еду – черствую булку, кусок сыра и яблоко. На цыпочках прокравшись мимо синьоры Буффа, храпевшей в гостиной, она вышла на улицу, заперев за собой дверь. Затем быстро зашагала по темным улицам Хобокена, стараясь не привлекать к себе внимания мужчин, группками стоявших на углах улиц, и женщин, сидевших на крылечках и наслаждавшихся освежающим ночным воздухом.

Порой какой-нибудь молодой человек, перегнувшись через перила балкона, свистел ей вслед. Она слышала смех его друзей, и по спине пробегал холодок страха. Энца не рассказывала отцу, что работает в ночную смену. Он стал бы волноваться, узнав, что она в одиночестве

бродит по ночному Хобокену.

Чтобы обезопасить себя, Энца придумала маленькие хитрости. Следует перейти улицу, чтобы оказаться в поле зрения полицейского, совершающего обход, но, если его нигде не видно, а при этом чувствуешь на себе чей-то взгляд, то надо нырнуть в переулок и переждать, пока не минует угроза, потом можно будет еще полмили пройти спокойно.

Швейная фабрика Меты Уокер была самой большой в Хобокене. Первый этаж из местного песчаника надстроили двумя деревянными, крашенными в серый цвет, и они походили на дешевый бумажный колпак, нахлобученный во время вечеринки. Снаружи змеились металлические пожарные лестницы, на их квадратные площадки открывались двери, помеченные словом «Выход». Курьеры часто использовали их, чтобы передать послание фабричным работникам.

На фабрике работало около трех сотен девушек. Они трудились по двенадцать часов, посменно, обеспечивая круглосуточный график шесть дней в неделю. Операторы машин требовались постоянно, и этот круговорот превратил фабрику в отправную точку для множества иммигранток.

Фабрика производила женские хлопковые блузки всевозможных фасонов: с круглым воротником и застежкой сверху донизу; с гладкой планкой и гофрированным лифом; с квадратным вырезом и кружевной оборкой; с длинными рукавами и стоячим воротником в полдвойма, а также в популярном стиле «смокинг» – без воротника, с кокеткой и коротким рядом пуговиц.

Энца собрала дюжину белых хлопковых блузок, связала их вместе полосой ткани из остатков раскройки, бросила в полотняную корзину на колесиках, в которой уже было штук двадцать подобных связок, и покатила корзину в цех отделки. Толкая ее, Энца громко практиковалась в английском – за грохотом машин все равно ничего слышно не было.

– Эй, макаронница! – окликнул ее Джо Нил, когда она проходила мимо.

Джо, работавший в цехе отделки, был племянником владельца фабрики. Крепко сложенный, пяти с небольшим футов росту, с гладко зачесанными каштановыми волосами, по последней моде разделенными посередине ровным пробором и блестящими от помады, он улыбался ярко-белыми зубами американского богача, вскормленного на отборном молоке. Джо дразнил девушек, и многие его боялись. Он расхаживал по фабрике с таким видом, будто уже ее хозяин.

– Когда ты пойдешь со мной гулять? – прошипел Джо. Он шел по

пятам за Энцей, толкавшей корзину.

Энца оставила его слова без внимания.

– Отвечай мне, макаронница!

– Заткнись, – произнесла Энца спокойно и твердо, как научила ее Лаура, лучшая подруга.

Джо Нил уже поработал в самых разных цехах фабрики, но нигде не задерживался надолго. Другие девушки-операторы рассказывали Энце, что Джо выгнали из военной школы, куда послали, чтобы он исправился. Девушки предупредили о нем Энцу в первый же день и посоветовали ей избегать этого негодяя. Но с тех пор, как в ее обязанности стала входить доставка блузок в цех отделки, это стало невозможно. Сначала Джо пытался флиртовать с Энцей. Когда она не ответила на ухаживания, его насмешки усилились. Теперь он специально подкарауливал ее, чтобы задирать и провоцировать, выбирая моменты, когда Энца была одна. Он прятался за передвижными вешалками с блузками или вырастал перед ней, когда она заворачивала за угол. Ночь за ночью Энца терпела его издевательства. Проходя мимо, она высоко поднимала голову.

Джо Нил сидел на раскроечном столе и болтал ногами. Вместо того чтобы улыбнуться, он снова стал насмехаться:

– Макаронница задирает нос!

– Не говорю по-английски, – солгала Энца.

– Я это исправлю.

Не обращая на него внимания, Энца продолжала толкать корзину к концу прохода. Водрузив ее на место, она посмотрела на часы и направилась в комнату, где девушки обедали.

– Сюда! – Лаура Хири помахала Энце с дальнего конца комнаты отдыха, бетонной коробки, заставленной некрашеными закусочными столиками с приставными скамейками.

Лаура была стройной и гибкой – девушка-свеча, с пламенеющими волосами и живыми зелеными глазами, покрытым веснушками носиком и безупречно очерченными розовыми губами. Ирландка Лаура подчеркивала свой рост, нося длинные прямые юбки и жилеты к ним в тон поверх накрахмаленных блузок. Как и Энца, всю свою одежду она шила сама.

Девушки с фабрики обычно вполне сердечно относились друг к другу в рабочее время, но эта дружба редко продолжалась за дверями цехов. Лаура и Энца были исключением: после исторического спора об отрезках ткани каждая распознала в другой родственную душу.

Каждые несколько месяцев хозяева фабрики чистили оборудование и выбрасывали остатки, целые ярды материи, которые не были

использованы, или образцы, отвергнутые нетерпеливыми коммивояжерами. Эти куски полотна, всевозможной длины и ширины, свернутые в рулоны, не имели никакой ценности для владельцев фабрики, но могли быть спасены опытной швеей, которая пустила бы их на изготовление или отделку платья.

В первый же рабочий день Энцу вместе с другими швеями пригласили посмотреть эти остатки. Энца и Лаура одновременно положили глаз на кусок бледно-желтого ситца с рисунком в виде мелких чайных розочек с зелеными листочками. Едва Энца к нему потянулась, Лаура схватила отрез, приложила к себе и пронзительно закричала: «Желтый и зеленый – мои цвета!»

Энца, сдержавшись, спокойно сказала:

– Ты права. Ткань чудесно идет к твоей коже. Возьми ее.

Щедрость Энцы тронула Лауру, и с этого дня они всегда обедали вместе. Через несколько месяцев Лаура начала учить Энцу читать и писать по-английски.

Письма Энцы к матери были полны историй с участием Лауры Хири – например, о том, как однажды в субботу они отправились в Атлантик-Сити, к Стальному пирсу. В тот день Энца попробовала свой первый хот-дог, с желтой горчицей и квашеной капустой. Энца в красках описала розовый песок пляжа, велосипеды-танделы на променаде и как на Стальном пирсе играл человек-оркестр. Она рассказала о шляпах с широкими полями, украшенных гигантскими бантами, фантастическими фетровыми шмелями и огромными шелковыми цветами, о купальных костюмах, обтягивающих, с глубоким декольте, похожих на нижнюю рубашку с поясом. Все для нее было так ново, так по-американски!

Лаура стала Энце лучшим другом, но не только. Обе они любили модную, хорошо сшитую одежду. Обе стремились к элегантности. Обе с одинаковой тщательностью относились к тому, что шили, – будь то шляпа или простая юбка. Они стонали в голос, когда Уокеры купили у посредника дешевый хлопок и все сшитые из него блузки пришлось выбросить. Они были настоящими труженицами, добросовестными и честными. Письма Энцы доказывали, что ценности, внушенные ей матерью, остались неизменными.

– Выглядишь ужасно, – сказала Лаура, вручая Энце бумажный стаканчик с обжигающим кофе, посветлевшим от сливок, в точности как Энца любила.

– Я устала, – призналась Энца, усаживаясь.

– Синьора Буффа снова налилась?

- Да, – вздохнула Энца. – Виски – ее единственный друг.
- Мы должны тебя оттуда вытащить, – сказала Лаура.
- Ты не обязана решать мои проблемы.
- Я хочу помочь.

Лауре было двадцать семь, у нее за спиной была школа секретарей и работа по ночам в офисе. Это Лаура показала Энце, как заполнить бланки для приема на работу, куда пройти, чтобы сняли мерки для форменного фартука, где взять инструменты и как заслужить продвижение от оператора машины до мастера на отделке. Она учила Энцу, как заработать дополнительные деньги, взяв срочную работу во время аврала.

Лаура разломилла надвое свежий гладкий пончик на пахте и дала Энце большую часть.

Энца произнесла на идеальном английском:

- Благодарю вас, мисс Хири.
- Прелестно, – рассмеялась Лаура. – Ты говоришь как королева.
- Сердечно благодарю, – ответила Энца с безупречной интонацией.
- Продолжай в том же духе, скоро к тебе и относиться будут как к королеве.

Энца рассмеялась в ответ.

– Готовься. Дальше я намереваюсь тебя учить, как отвечать на вопросы на собеседовании при приеме на работу.

– Но у меня уже есть работа.

Лаура понизила голос:

– Мы достойны чего-нибудь получше этой свалки. И мы всего добьемся. Но держи эти мысли при себе.

– Обязательно.

– А синьора Буффа еще ни о чем не подозревает, правда? Знаешь, они ведь именно так тебя и удерживают на железной койке в холодном подвале. Если ты не учишь английский, ты от них зависишь. Совсем скоро ты вырвешься из этой кошмарной ловушки.

Энца призналась:

– Я слышала, как она говорила ужасные вещи обо мне своей невестке. Думает, что я не понимаю.

– Ты видишь этих девушек? Милли Кьярелло? Отлично делает петли. Мэри-Энн Джонсон? Лучше всех на этаже владеет паровым прессом. Лоррен ди Камилло? Ей нет равных в отделке. Они знающие, усердные работницы, но у тебя-то подлинный талант. У тебя есть идеи. Ты придумала обшивать белую блузку витым шнуром, и магазины дважды заказывали новые партии, так блузки были популярны. Нам не нужны эти

машины. Настоящие кутюрье все шьют на руках. Я как раз навожу справки, – шептала Лаура. – Мы можем получить работу в городе.

В городе.

Сколько бы Энца ни слышала эти слова, каждый раз у нее перехватывало дыхание от открывающихся возможностей.

Лаура родилась в Нью-Джерси, но всей душой стремилась в Нью-Йорк. Она знала поименно всех, кто построил себе дома на Пятой авеню, знала, где в Маленькой Италии найти лучшие канноли, где в Нижнем Ист-Сайде маринуют лучшие пикули и когда в Шведском коттедже в Центральном парке очередной раз дают шоу марионеток. А кроме того, Лаура знала свои права и как нужно просить о повышении. В мужском мире Лаура думала как мужчина.

– Ты правда считаешь, что мы можем получить работу? – нервно спросила Энца.

– Мы будем браться за любую работу, пока не найдем место швеи. Я могла бы работать секретарем, а ты – горничной. Представляешь нас в ателье на Пятой авеню?

– Почти, – взволнованно ответила Энца. Разговаривать с Лаурой – это было как рыться в ларце с сокровищами.

– Что ж, мечтай о великом!

Лаура нуждалась в товарище, который помог бы ей покорить Манхэттен. Семья поклялась отречься от нее, если она осмелится отправиться в город одна, но теперь, когда Энца была в игре, они могли сделать рывок к своей цели.

– Где же мы будем жить?

– Обязательно что-нибудь найдем. Существуют пансионаты. Мы могли бы вместе снимать комнату.

– Как мне это нравится!

Энца побывала в гостях у Лауры и ее родных в Энглвуд-Клиффс. Большая семья жила в маленьком чистеньком домике, полном племянников и племянниц Лауры.

Почти каждые выходные Лаура отправлялась на Манхэттен на пароме, полюбоваться витринами. Особенно ее вдохновляли витрины на Мэдисон-авеню, полные хрустальных флаконов с духами, кожаных сумочек и серебряных перьевых ручек. Лаура представляла себя хозяйкой всех этих изящных вещей. Она останавливалась, чтобы восхищенно поглазеть на автомобили длиной чуть ли не в целый квартал, на светских дам в шляпах и перчатках, выходявших из этих авто и садившихся обратно при помощи швейцара. Она смотрела вверх на их окна и представляла, что живет в

просторной квартире с тяжелыми портьерами, лежащими красивыми волнами, и картинами в рамах, украшенными резьбой и позолотой.

Всякий раз, когда Энца слушала, как Лаура описывает Нью-Йорк и все его соблазны и возможности, ей хотелось тоже стать его частью. Что бы ни случилось на работе, Лаура всегда была в хорошем настроении, она умела поднять дух Энце, поддерживала в ней храбрость и присматривала за ней. Лаура была островком изумрудной зелени посреди серого мира.

– Мы просто должны вместе накопить денег, – сказала Лаура. – У меня есть кое-какие сбережения. Как ты думаешь, сможешь тоже отложить немного?

– Я возьму дополнительную смену и буду брать больше сдельной работы. И напишу маме, чтобы она не ждала, что я буду присылать почти всю зарплату, – до тех пор, пока я не найду новое место.

– Отлично! – Лаура взглянула на Энцу, на лице которой явственно отражались сомнение и страх. – Не бойся. Мы справимся.

Покидая фабрику после ночной смены, Энца и Лаура часто спускались со второго этажа по пожарной лестнице.

Оттуда они видели, как из-за Манхэттена встает солнце. Безмятежную тишину нарушал лишь перестук колес ранних поездов, а в отдалении спокойная поверхность Гудзона блестела как зеркало. Казалось, что вздымавшийся за рекой Манхэттен погрузили в серебро.

Город, их цель и мечта, был сделан из стекла и камня. Увидят ли они за этими окнами добрые лица? Ждет ли их работа за этими дверями? Найдется ли для них место где-то на широких авеню и пересекающих их улицах или в сплетении продуваемых ветром переулков Гринвич-Виллидж?

Лаура вдохновляла Энцу на то, чтобы представлять новую жизнь, мысленно создавать то, о чем она мечтала. И однажды Энца узнает свою мечту – когда та будет уже у нее в руках. Каждая деталь будет знакомой, и будущее просто встанет на свое место, как стежки на подоле, один за другим.

Они мечтали всего лишь об одной-единственной комнате, одном-единственном окне, двух кроватях, кресле, горелке, чтобы готовить, лампе, чтобы читать. Лишь самые простые потребности – место, где жить, место, которое можно будет назвать своим домом.

Нить мишуры

Una Cordia di Orpello

День Колумба в Маленькой Италии был настоящей феерией. Уличные фонари украшали гирлянды красной, белой и зеленой мишуры. Итальянские флаги, шелковые полотнища из полос ярко-красного, изумрудно-зеленого и кипенно-белого цвета, шелестели на шестах над магазинами и жилыми домами. В петлицах у мужчин тоже были маленькие бумажные флажки, ими же были украшены шляпки женщин. Дети носили небольшие флажки на палках, засунув их в задний карман брюк, как засовывали бандану. Осенний воздух пах мятной свежестью, а солнце блестело в небесах как золотой слиток.

– Время бархата, – сказала Энца. – Достаточно прохладно, чтобы носить мою любимую ткань.

– Бархат – это вареная шерсть, у которой завелись деньги, – откликнулась Лаура.

Каждый выходной, если только они могли себе это позволить, Лаура и Энца проводили в Нью-Йорке, пытаясь найти работу и подходящий пансион. Они уже значились в очереди на комнату в Розмари-хаус, в монастыре Сент-Мэри и в «Апартаментах Эванжелины».

В поисках места они обошли весь город – спрашивали, не нужны ли сиделки в Воспитательном доме, кухарки и официантки в публичных клубах Верхнего Ист-Сайда или горничные в особняках на Парк-авеню. Они предлагали свои услуги в нескольких ателье и у модисток.

Новая жизнь не могла наступить слишком быстро – даже когда они приняли твердое решение покинуть фабрику Меты Уокер. Лаура каждый день торопилась домой, надеясь, что почта принесет им хорошие вести. Энца нигде не оставляла свой адрес, зная, какой поднимется шум, если Анна Буффа поймет, что личная служанка может ее покинуть. Сегодняшний день, однако, не был посвящен анкетам или обходу пансионеров. Это был день праздника. Все улицы между Нижним Бродвеем и Бауэри были заполнены гордыми итальянскими иммигрантами в лучшей одежде, приличных перчатках и шляпах, стекавшимися сюда из всех районов города, чтобы вместе с толпами ньюйоркцев попробовать деликатесы Южной Италии и отпраздновать День Колумба.

Пока Энца и Лаура пересекали Гранд-стрит, им смотрели вслед: на Лауру – из-за высокого роста и яркой внешности, типичной для ирландки, а на Энцу – из-за ее южной красоты и точеной фигуры. Они щеголяли в нарядах собственного изобретения. Энца сшила себе юбку из чесаного серого бархата и палевый жакет со светло-лавандовой отделкой. А Лаура надела зеленую шелковую юбку и того же оттенка парчовое полупальто, подпоясанное широкой золотой лентой. Шляпка Энцы была из серого и бежевого атласа, широкополая шляпа Лауры – из золотистого фетра. Они выглядели ничуть не менее элегантно, чем дамы, заказывавшие себе туалеты в ателье на Пятой авеню.

Девушки присоединились к толпе, спешившей насладиться едой, ощутить связь с родиной и прочувствовать дух товарищества, возникающий, когда вокруг близкие тебе люди. Торговцы расставили вдоль улиц незамысловатые киоски: высокие выбеленные шесты поддерживали полотняные тенты над узкими дощатыми прилавками.

Покупателям предлагались все неаполитанские угощения, которые только можно было представить. Они готовились прямо на их глазах – свежие, горячие, сладкие, невыразимо вкусные. В баках с кипящим маслом плавали пышные облака белого теста, постепенно покрывавшиеся коричневой корочкой. Потом их окунали в сахарную пудру, и получались цепполе – пончики. Сладкие квадратики томатного пирога, напоминавшие кусочки итальянского флага, сбрызнутые оливковым маслом и украшенные свежим базиликом, были разложены по бумажным кулькам и раскупались один за другим.

Киоски со свежей выпечкой выставляли целые подносы с трубочками канноли, наполненными свежими сливками и обсыпанными сахарной пудрой, сфольятелле в форме морских раковин, с сыром рикотта, рулетиками бискотти с кедровыми орехами, миллефолье – тонкими листами теста, прослоенными клубничным кремом и украшенными сахаром, и всеми видами джелато и граниты^[54]. С навеса свисали связки лесных орехов. Большие пластины торроне, сделанные из меда, миндаля и яичных белков, были разложены на мраморной столешнице, подвешенной на веревках, будто ее подняли из шахты. Торговец разрубал сладость на части, продавая голодной толпе щедрые куски.

– Синьора Буффа любит торроне. – Энца остановилась около прилавка.

– Ты собираешься покупать этой ведьме сладости? – воскликнула Лаура.

– Я все надеюсь, что она изменится, – ответила Энца.

- Ну-ну, давай. Покупай. Надеюсь, она сломает зуб.
- Знаешь что? Я не собираюсь ей ничего дарить, – сказала Энца.
- Ну, это уже лучше. Не падай духом перед лицом деспота!

Девушки никак не могли решить, какое лакомство попробовать первым. Энца повела Лауру к прилавку с сосисками и перцем. Они наблюдали, как повара кидают блестящие ломтики зеленого перца и ленточки лука на решетку, одновременно укладывая пахучие горячие сосиски, полопавшиеся над открытым огнем, в свежие хрустящие булочки.

Лаура откусила кусочек.

– *Delizioso!*^[55] – заявила она.

– Восхитительно, – откликнулась Энца по-английски.

– Отлично. Но сегодня уместно говорить только на твоём родном языке. Сегодня все здесь итальянское, даже я!

Молодой человек вручил им по листовке и исчез в толпе, чтобы раздать остальные. Энца увидела на лицевой стороне политическую карикатуру. Подпись под ней рассказывала о злодеяниях Германии. Хотя было известно, что в Европе бушует большая война, этих самодовольных иммигрантов она пока еще почти не коснулась. Италия уже вступила в войну, и поговаривали, что Соединенные Штаты будут следующими. Энца волновалась за братьев, а Лаура – за племянников, которые мечтали стать солдатами.

Энца сунула листовку в сумочку, чтобы прочесть позже. Она знала, какая бедность царила в родной деревне. Ее земляки не перенесут долгую войну, которая только ухудшит положение дел.

Но сегодня о войне почти не говорили. У преуспевающих в Америке итальянцев не было времени на политику. Они трудились, многие – по две смены, зарабатывая американские деньги. Они не отрывали глаз от швейных машин, не жалея сил, вкалывали на стройках, прокладывая рельсы и возводя мосты, фабрики, дома, и забирались прямо в небо, балансируя на балках строящихся небоскребов. Здесь война была лишь досадной помехой.

– Как много в Маленькой Италии красивых мужчин, – заметила Лаура.

– Иногда встречаются.

– Вот почему ты привлекаешь такое внимание. Ты к ним равнодушна, – рассмеялась Лаура. – Помню, как прошлым летом в Атлантик-Сити ты целых три часа болтала с парнем из Метачена. Что с ним случилось?

– Это был просто разговор, – пожала плечами Энца.

– Мэри Кэрролл, Бернадетт Мэлади и обеим Линдам из отделки,

Линде Патцельт и Линде Фариа, постоянно приходят письма. Все выходят замуж. Похоже, целую алмазную шахту в Южной Африке выскребли дочиста, пустив бриллианты на кольца, а я скоро разорюсь, празднуя помолвки других и желая им счастья. Когда же мы заполучим собственное?

– Мы обязательно его добудем. И ты первая. Надеюсь, ты не опускаешь руки.

– Смейся надо мной? Ни за что! Мне нужен человек с большим будущим. А ты не должна ждать, когда тот парень вернется домой, знаешь ли. Живи сегодняшним днем. – Лаура улыбнулась красивому молодому человеку, который поприветствовал ее, коснувшись шляпы.

– Я никого не жду.

– Ты сохнешь по тому могильщику. Чиро, правильно?

– Меня интересует, что с ним. Но я по нему не сохну.

– Ладно. – Лаура не купилась на эти слова. – Ты ему пишешь?

– Нет.

– Энца, письма в Италию идут двумя путями.

– Он не в Италии. Он здесь.

– В Америке?

Энца кивнула:

– В Маленькой Италии.

– И ты от меня скрывала! – вскричала Лаура. – Знаешь его адрес?

– Он был учеником башмачника с Малберри-стрит.

– Всего в квартале от места, где мы стоим, и ты спокойно ешь сэндвич с сосиской и перцем! Поверить не могу.

– Кто знает, где он теперь? Шесть лет прошло! И у него тогда была девушка.

– Ну и что? Вы были еще совсем детьми. Думаю, мы должны прогуляться на Малберри-стрит.

– Возможно, он уже вернулся в Италию. – Энца пожала плечами. – И мне как-то все равно. Он ни разу не пытался меня отыскать.

– Может, тебе стоило попробовать отыскать его?

– Может, я не хочу его искать.

– Раз «может», значит, хочешь, – настаивала Лаура. – Ты еще никогда не была такой хорошенькой, как сегодня, так что он, по крайней мере, поймет, что теряет.

– Я наряжалась не для него!

– Девушка не знает, когда удача повернется к ней лицом. Взгляни на меня. Я всегда готова. – Луиза достала из кармана небольшой серебряный пульверизатор. – Мой маленький друг – на случай, если встречу будущего

друга сердца. – Лаура обрызгала духами шею. – Хочешь?

– Ну хорошо. Только немножко. Не стоит зря тратить их на меня. Если его здесь нет, какой смысл? – Энца закрыла глаза, и ее окутало облако аромата – кедр и жасмин.

Свернув на Малберри-стрит, девушки оцепенели при виде толпы. Гуляками была заполнена не только сама улица, но и тротуары, крылечки и даже крыши. Места, чтобы пройти, почти не оставалось. Энца на секунду задержала дыхание. Ее сердце забилося быстрее.

– Ты помнишь, где это? – спросила Лаура.

– Не вполне.

– Пойдем. О тех, с кем была знакома, ты запоминаешь все в мельчайших деталях. Подумай хорошенько.

Энца сдалась:

– Он работает в обувной лавке Дзанетти.

Лаура, прищурившись, оглядела квартал:

– Так вот она!

Они увидели неподалеку полотняный навес, над которым красовалось название магазина.

Лаура взяла Энцу за руку:

– Пойдем.

Энца мало верила в план Лауры, но не успела возразить – подруга уже тащила ее сквозь толпу, и вскоре они оказались у входа в лавку.

– Постой! – Внутренний голос подсказывал Энце, что ей может не понравиться то, что ждет за дверью, но слишком поздно: решимость Лауры было не побороть – что в фабричном цеху, что на улицах Маленькой Италии.

– Предоставь это мне. Я знаю, что говорить. – Лаура взбежала по ступенькам и заглянула внутрь.

Энца последовала за ней, охваченная смесью любопытства и страха. Мысли ее беспорядочно мельтешили, она перебирала возможные варианты развития событий, и в центре все время оказывался Чиро, с нею или без нее. Наверняка Чиро женат – в конце концов, ему уже двадцать два, а он всегда производил впечатление человека энергичного и трудолюбивого. Энца скажет ему несколько теплых слов и как можно быстрее уйдет. Вот и все. Она разгладила юбку и вошла вслед за Лаурой в магазин.

За прилавком стояла Карла Дзанетти. Она отдавала деньги мальчику, только что поставившему на прилавок большой поднос с печеньем.

– Твои чаевые я включила, – сказала Карла ему вдогонку.

– Здравствуйте! Меня зовут Лаура Хири, а это моя подруга Энца

Раванелли. Мы ищем молодого человека, который здесь в учениках, – начала Лаура. – Чиро Ладзари.

– Он вышел.

– Вот как, – сказала Лаура, захваченная врасплох резким ответом старой привратницы. – Энца была знакома с синьором Ладзари еще на родине, в Италии.

– Мы земляки, – тихо добавила Энца.

Карла махнула рукой в сторону улицы:

– Вы видели эти толпы? Все мы земляки. Я могла бы назвать любого босняка с улицы кровным родственником, если бы захотела. Но не хочу, – она посмотрела на них поверх очков, – поэтому не буду.

– Но это другой случай. Чиро и Энца действительно познакомились на какой-то горной круче, – настаивала Лаура.

– Мы уже виделись, синьора! – Энца выступила вперед, не дожидаясь, пока Лаура скажет что-то непоправимое. – Я встретила вас, вашего мужа и Чиро в свой первый день в Нью-Йорке, в больнице Святого Винсента. Я была с отцом.

Карла смерила Энцу оценивающим взглядом. Она в подробностях изучила ее одежду и шляпку и решила, что девушка – настоящая леди.

– В тот день, когда Чиро порезал руку, – припомнила Карла.

– Да, синьора.

– Как поживает ваш отец?

– Сначала он работал в шахте, но теперь строит дороги в Калифорнии.

– Тяжелая работа.

– Да, но лучше, чем угольная шахта.

– Мы работаем на фабрике в Хобокене, шьем блузки, – с улыбкой сказала Лаура. – С удовольствием как-нибудь принесли бы вам одну.

– Как это мило с вашей стороны, – улыбнулась в ответ Карла. – Но меня не подкупить. У Чиро множество подружек, и большинство я не одобряю. Само собой, из тех, о которых мне известно.

Энца выдохнула. Она и не заметила, что задержала дыхание. Чиро не женат.

Карла продолжала:

– В наши дни девушки такие нахальные. Они не ждут подобающих ухаживаний. Просто заявляют со своими требованиями. Прямо-таки выстраиваются в очередь у прилавка, чтобы взглянуть на Чиро Ладзари, будто покупают сыр.

– Я здесь не для того, чтобы покупать сыр, синьора. Я разыскивала старого друга, только чтобы узнать, как он поживает. – Энца чувствовала

облегчение от того, что Чиро здесь нет. Она не знала, смогла бы выдержать, если бы обнаружилось, что Чиро ее не помнит. – Спасибо, синьора. Желаю вам с синьором Дзанетти отличного праздника.

Энца и Лаура повернулись, чтобы уйти.

Дверь лавки распахнулась, громко звякнул колокольчик. Первым вошел синьор Дзанетти, за ним следовала пара, Луиджи Латини и его подружка Паппина, изящная брюнетка с розовой фарфоровой кожей. Следом – Феличита Кассио в красной шляпе с широкими полями, в тон костюму. Завершал процессию Чиро Ладзари в отлично сидящей темно-синей тройке и элегантном шелковом галстуке цвета морской волны, точь-в-точь как его глаза. Он нес две запотевшие от холода бутылки шампанского. Внезапно в комнате стало очень тесно.

Энца отвернулась, страстно желая, чтобы ее нога никогда не переступала порог этой лавки.

– Кто из этих красивых джентльменов – Чиро Ладзари? – спросила Лаура.

– Ну уж никак не этот старик, он мой, – хмыкнула Карла.

– Не смотрите на меня. Я Луиджи Латини. И я тоже не красавец, – Луиджи взглянул на Ремо, – но и не старик.

– Я Чиро. Чем могу вам помочь? – спросил Чиро.

– Моя подруга – ваша старая знакомая, – ответила Лаура. – Еще по Альпам.

– Я счастливчик, если это сестра Тереза с монастырской кухни Сан-Никола, – пошутил Чиро.

– Эта юная леди не носит монашеского одеяния. – Лаура натянула перчатки.

– По крайней мере, пока. Здравствуй, Чиро, – тихо сказала Энца.

– Энца! – Поставив бутылки, Чиро схватил девушку за руки.

Прежде хорошенькая, она стала красавицей. Стройная, подтянутая, в серо-бежевом костюме, Энца напоминала птицу с блестящими перышками. Феличита, скрестив руки на груди, принялась разглядывать свое отражение в зеркале, висевшем за кассой.

– Энца, это Феличита Кассио. – Чиро поспешил представить их друг другу, при этом он не отрывал от Энцы удивленного взгляда.

В голове у него проносилось множество мыслей. Он был поражен, как же утонченно Энца выглядела. Как она изменилась за шесть лет после их встречи в больнице Святого Винсента. Только иммигрант может понять, чего стоит приехать сюда в совсем юном возрасте и вырасти в месте, столь не похожем на дом. Совершенно ясно – Энца прекрасно справилась с

трудностями.

– Феличита была Майской Королевой прихода Девы Марии Помпейской шесть лет назад, – сказала Карла тоном, который подразумевал, что лучшие деньки Феличиты давно позади.

– Я еще не встречалась с настоящей королевой, – заметила Лаура.

– Ну, я вовсе не правлю страной или что-нибудь в этом роде. Просто надела корону на Богородицу.

Лаура бросила на Энцу многозначительный взгляд.

– Что ж, они сделали прекрасный выбор, – великодушно сказала Энца. Она оглянулась на дверь, мечтая поскорее выпутаться из этой неловкой ситуации. И задаст же она жару Лауре, как только снова окажется на улице!

Чиро посторонился:

– Ремо, это Энца, помнишь? Вы встречались в больнице, когда я порезал руку.

– Не верю, что это та же самая девушка. – Ремо покачал головой. – *Che bella.*

– Когда вы меня видели, я была очень больна, – сказала Энца.

– Хобокен тебе подходит, – произнес Ремо.

– О да, это мировая столица красоты, – откликнулась Лаура, вызвав всеобщий смех. Особенно развеселилась Карла.

– Карла, не хочешь предложить гостям выпить? – спросил Ремо.

– Я как раз собиралась отнести подносы на крышу. Сегодня будет фейерверк. – Она повернулась к Лауре и Энце: – Не хотите к нам присоединиться?

Энца взглянула на Чиро, который не сводил с нее глаз.

– Мы не можем. Я должна идти.

– Нет, не должна. Довольно играть роль Золушки. Ты достаточно потрудилась. Сегодня у тебя праздник. Можете на нас рассчитывать, синьора Дзанетти. И спасибо. Счастливого Дня Колумба! – Лаура хлопнула в ладоши.

– Великолепно. Какой сюрприз! – Чиро взял у Карлы поднос. – Я хочу услышать все подробности о Золушке.

– Спорить готова, что хочешь, – сказала Феличита, поправляя шляпу. – Он большой любитель сказок, наш Чиро.

У дома Дзанетти на Малберри-стрит была не слишком просторная, крытая рубероидом крыша. Низкая скамья, несколько деревянных стульев с прямой спинкой, пострадавших от дождей, и гирлянда из простых электрических лампочек, привязанная к трубе.

Крыши Маленькой Италии были словно городом в городе. В нескольких этажах от земли, но так близко одна к другой, что дети запросто перепрыгивали к соседям. Большинство крыш хозяева обставили незамысловато. На некоторых выращивали помидоры или душистые травы, на другие поставили цветы в горшках и оборудовали гриль. Но сегодня крыши были переполнены, как хоры под сводами церкви, – это празднующие, заняв места повыше, ожидали фейерверков.

Карла пристроила поднос на уступе трубы, а Ремо занялся шампанским. Открыв бутылку, он разлил вино по бокалам.

– За Христофора Колумба!

Энца присела на скамью рядом с Паппиной. В миниатюрной брюнетке с искрящимися черными глазами она почему-то почувствовала родственную душу. У Паппины была теплая улыбка, а ее кудряшки напомнили Энце о Стелле.

– Твое лицо кажется мне таким знакомым. Ты откуда?

– Из Брешии.

– Я тоже с севера. Из Скильпарิโอ.

– Да, это повыше в горах, – сказала Паппина.

– Почти на самом верху.

– Здесь не так много наших, с севера, – заметила Паппина. Она похлопала Энцу по руке: – Мы должны стать подругами.

– Мне бы тоже этого хотелось.

Энца смотрела, как Чиро смеется и болтает с Луиджи и Ремо. Она могла бы весь вечер провести, наблюдая за ним, – и сегодня у нее была такая возможность. Сильные руки держали бокал почти изящно. Когда он, смеясь, слегка откидывался назад, крепко упираясь ногами в пол, то словно светился от счастья. Как повезет девушке, которая выйдет за Чиро Ладзари, подумала Энца.

Извинившись перед мужчинами, Чиро уселся рядом с Паппиной и Энцей на скамью. Паппина вскоре тоже извинилась и присоединилась к девушкам, стоявшим у края крыши. Дальновидная Лаура вовлекла Феличиту в оживленный разговор.

– Не могу поверить, что ты здесь, – сказал Чиро.

– Это была идея Лауры, – призналась Энца.

– Верится с трудом. Ты прирожденный лидер. Помню девочку, которая поднимала на кладбище валуны так, будто собирает рассыпавшиеся монетки.

– Я была крепкой, ведь выросла в горах!

– Новая Энца мне тоже нравится, – сказал Чиро.

– А ты нисколько не изменился, – сухо ответила Энца. – Ты флиртуешь с другой, когда твоя девушка всего в десяти футах от тебя, причем на крыше. Не боишься, что она услышит и сбросит тебя вниз?

– Если даже так, то ты подхватишь, правда?

Энца рассмеялась, сама не понимая почему. Ей казалось, она вот-вот заплачет. Может, во всем виноваты были печенье и шампанское, но она чувствовала одновременно голод и сожаление. Столько времени прошло с тех пор, как она видела Чиро в последний раз, и каждая секунда этих лет, казалось, была потрачена впустую.

– В это время года я особенно скучаю по горам, – произнес Чиро. – А ты?

– Река Во серебрится, а склоны из ярко-зеленых становятся бурыми.

– Как полагаешь, кто-нибудь еще, кроме нас, думает о струях Во?

– Они считают, что Гудзон великолепен. Но он кажется красивым только не видевшим горных потоков. Ничего не могу поделать, я все здесь сравниваю с тем, что осталось дома.

– Как твоя семья?

– Все еще в горах. А папа нашел работу в Калифорнии. Как твой брат?

– Он в семинарии в Риме.

– Священник в семье! Это благословение.

– Ты так думаешь? Я бы предпочел, чтобы он был здесь, в Америке, со мной. Но это его призвание, потому я смирился.

Энца бросила взгляд на уходящие вдаль крыши. Она была так счастлива в эту минуту, на старой скамейке, когда Чиро совсем рядом. Столько лет она гадала, как это будет, и теперь знала точно. Она хотела бы, чтобы это мгновение длилось всю оставшуюся жизнь.

Казалось, будто Чиро прочитал ее мысли.

– Мир так тесен, правда? Ты снова нашла меня.

– Это было нетрудно. Просто гуляла по Малберри-стрит.

– Знаю, знаю. Это случайность. Но существуют ли случайности? Может, судьба определяет время и место и саму возможность?

– Ты говоришь не как ученик сапожника, а как Плутарх.

– Незнаком с ним. Я читал Челлини.

– Автобиографию Бенвенуто Челлини? – спросила Энца.

– Ты ее знаешь?

– Читала в горах. Мне ее давал учитель. Думал, что я вырасту и стану художницей.

– И как?

– Ну, на фабрике много творческой работы, – улыбнулась Энца. – И у

сапожника тоже.

– Мне далеко до Челлини, – смущенно заметил Чиро.

– Но я готова спорить, что как человек ты куда лучше. Челлини ужасно обращался с женой и детьми. Он был ревнив, калечил и убивал налево и направо, практически изобрел вендетту. Так что лучше прекращай говорить со мной и удели внимание Майской Королеве, не то увидим, как старые сицилийские проклятия падают вокруг, словно ленты серпантина.

Чиро рассмеялся.

– Мне нравится твоя шляпка.

– Еще бы!

Вскоре небо над Маленькой Италией засверкало фейерверками, на фоне лиловой полосы заката расцветали вспышки голубого, желтого и розового. Чиро и Энца присоединились к остальным. Энца пила шампанское и грызла бискотти в компании женщин, Чиро курил с Ремо и Луиджи. Все они наблюдали, как над головой разлетаются яркие брызги и как повсюду, насколько хватает глаз, взрываются цветные звезды.

И лишь Энца, разок глянув на фейерверк, вернулась к созерцанию Чиро, словно пытаясь запомнить его в мельчайших подробностях. В какого красивого мужчину он обратился! Неудивительно, что девушки Маленькой Италии так стремятся за него замуж. Под конец фейерверка красок стало еще больше, выстрелы еще мощнее, Маленькую Италию сотрясал грохот. И вдруг все стихло.

– Вот это представление! – сказала Карла, допивая залпом шампанское.

Энца подошла к хозяевам:

– Благодарю вас за потрясающий вечер.

Затем попрощалась с Феличитой, Паппиной и Луиджи.

Энца помнила: очень важно уйти с вечеринки вовремя, это такой же признак хорошего тона, как и не опоздать к началу. Она поймала правильный момент – еще до того, как наступит неловкость, до того, как гости разделятся и решится, кто с кем идет. Убирать на крыше было особенно нечего, бокалы уже составили на поднос, а печенье съели. Самое время распрощаться.

– Дамы, я провожу вас к выходу, – сказал Чиро, спускаясь по лестнице вслед за Энцой и Лаурой.

Они прошли сквозь темные комнаты и лавку. У двери Энца обернулась и спросила:

– Где ты живешь?

– Я покажу тебе.

– Подожду вас здесь. – Лаура озабоченно принялась рыться в сумочке, отыскивая перчатки.

Чиро взял Энцу за руку и повел в заднюю часть лавки. Он отдернул занавеску и показал койку, раковину, зеркало, стул – свой уголок в этом мире.

– Идеальный порядок. Монахини могли бы тобой гордиться, – сказала Энца.

– Ты еще не видела самое лучшее, – сказал он, отодвигая портьеру и открывая дверь в сад.

Энца вышла с ним наружу.

Где-то играл аккордеон, с крылечек и из соседних дворов доносились взрывы смеха и гудение разговоров. Прохладный ночной воздух пах сливочной карамелью и дымком сигарет. Серые облака дыма от последних фейерверков переваливались через зубчатые крыши Маленькой Италии, а полная луна еле пробивалась сквозь этот туман, чтобы осветить сад.

– У тебя есть дерево! – воскликнула Энца.

– Сколько деревьев ты видела в горах? – спросил Чиро. Сунув руки в карманы, он встал у нее за спиной, наслаждаясь ее восхищением.

– Миллион.

– Больше. А здесь у меня всего лишь одно, но для меня оно ценнее всех лесов, растущих в тени Пиццо Камино. Кто бы мог подумать, что одно-единственное дерево принесет мне столько радости? Я почти стыжусь этого.

– Понимаю. Любая мелочь, напоминающая мне о доме, – просто сокровище. Иногда это какая-нибудь ерунда вроде тарелки супа, какой готовила мама, а иногда – цвет. Сегодня днем я увидела в толпе голубой зонтик и вспомнила запруду у водяной мельницы в Скильпарิโอ. Такие вещи застают тебя врасплох и наполняют тоской по тому миру, что ты утратил. Не извиняйся за то, что любишь это дерево. Если бы у меня было дерево, я бы чувствовала то же самое.

Чиро пожалел, что у них так мало времени на разговор.

– Нам пора, – сказала Энца, возвращаясь в лавку.

Чиро вывел Лауру и Энцу на Малберри-стрит, усыпанную конфетти, жгутами из гофрированной бумаги и обрывками лент. Запоздавшие гуляки пробирались к углу Гранд-стрит, где в ночи играл уличный оркестрик. Лаура пошла впереди, достаточно далеко, чтобы подарить Энце и Чиро немного уединения.

– Что ж, давай прощаться, – сказала Энца, хотя ей этого совсем не хотелось. – Тебе нужно поторопиться, твоя девушка ждет.

– Она всего лишь мой старый друг. Мы знакомы с тех пор, как я поселился на Малберри-стрит, – ответил Чиро. – Мы просто развлекаемся. Смеемся. Хорошо проводим время. Ничего серьезного.

– Это не роман?

– Его просто не может быть, – искренне ответил он. – Она обручена с двенадцати лет.

– А ей не забыли об этом сказать? – засмеялась Энца.

Развлечения так мало значили в ее жизни, она практически забыла об их существовании.

– Конечно, тебе нужно развлекаться, – сказала она. – Ты много работаешь, так что все правильно. Не обращай на меня внимания. Я слишком серьезна. Таскаю на себе груз ответственности, как старая кляча – седло.

– Не извиняйся за то, какая ты есть. Ты работаешь, чтобы заботиться о семье, и нет цели более высокой.

– Иногда мне хочется тоже побыть молодой, – неожиданно для себя сказала Энца.

И была удивлена, поняв, что действительно это чувствует. Она никогда не думала о своих желаниях, только о том, как будет лучше для тех, кого она любит. А что до ее собственного сердца, то она надеялась, что у нее будет выбор.

Энца видела, как это случается у девушек с фабрики. Некоторые были обручены по воле родителей, составив пару, которая устраивала обе семьи, объединявшие свое скромное имущество к обоюдной выгоде. Другие выбирали сами, им повезло влюбиться после подходящего ухаживания. Но некоторые выскакивали замуж поспешно и вынужденно, вопреки церковным правилам. Если церковное оглашение не состоялось, то жениху и невесте приходилось довольствоваться закрытой церемонией, оставшись без Высокой мессы и свадебной вечеринки, тихо принося свои клятвы за дверью ризницы, пряча от всех свой позор, который пребудет с ними до конца жизни. Возможно, поэтому Энце так трудно было чувствовать себя молодой. Не только из-за денег, которые нужно было заработать, не только из-за дома в Скильпарии, который нужно было построить. В самой молодости крылась опасность.

Чиро взял ее за руку:

– Я не хочу, чтобы ты походила на них.

– На кого?

– На девушек с Малберри-стрит. Они стремятся выскочить замуж только потому, что пришло время. А мне нужно большее.

– И что для тебя это большее, Чиро?
– Мне нужна та, с кем я смогу разговаривать.
– И когда ты решил, что это важно?
– Только сейчас, – засмеялся он и взял ее лицо в ладони. – Ты другая, Энца.

– Синьора говорит, что ты встречаешься с множеством девушек. – Она отвела его руки.

– Она преувеличивает. Но не без причины. Синьора боится, что я, следуя велению сердца, сбегу, оставив ее наедине с ящиком сапожных гвоздей и толпой разъяренных покупателей.

– А ты сбежишь?

Он не ответил. И ровно так же, как тогда в горах, в этот момент вышла луна, и ее сияние словно высветило Чиро – как луч, падающий сквозь витраж в темной часовне. Казалось, что весь мир в этот момент изменился, повернулся вокруг своей оси, и Энца наконец увидела то, к чему так долго стремилась. Чиро склонился к ней. Она чувствовала себя в безопасности в его тени. А когда его губы коснулись щеки, он вдохнул запах ее кожи, вдруг показавшийся таким знакомым, таким правильным.

Энца знала, что в это мгновение тысяча превосходных мужчин не могли бы сравниться с Чиро Ладзари. Лишь он владел ее сердцем. Она знала это еще с той ночи в горах. Но тут же всплыли мысли о Феличите, и Энца засомневалась, сможет ли она когда-либо узнать, действительно ли он чувствует то же самое к ней. И она не сможет с этим примириться. Лучше нести крест неразделенной любви, чем растрачивать себя на того, чье сердце несвободно. Его нежный, осторожный поцелуй придал ей храбрости, и она, отступив на шаг, сказала:

– Я больше не буду бегать за тобой, Чиро. Мне и так приходится гнаться в этом мире за множеством вещей. Это слишком сложно. На собственном опыте я выучила, что замечательно, когда ты чего-то ждешь, мечты так чудесны, но хорошо бы однажды тебе досталось то, за что не нужно бороться. Если ты хочешь, чтобы мы были друзьями, это твой выбор. Мне нечего предложить тебе, кроме понимания. И я не хочу преследовать тебя по всему городу, чтобы убедить – я нужна тебе. Думаю, я понимаю, что делает тебя тем, кто ты есть, чего ты хочешь от жизни, и я точно знаю, откуда ты родом. Наверное, мужчина ищет в женщине что-то другое, но мне нужно, чтобы мужчина понимал меня, а я понимала его. И если ты хочешь этим мужчиной стать, все в твоих руках.

– Где ты живешь?

– Адамс-стрит, 318.

– Могу я зайти к тебе?

– Можешь.

– Я обещал Ремо отправиться с ремонтным фургоном в Квинс. У нас новый передвижной бизнес. Возможно, в ближайшие несколько недель я не смогу к тебе заглянуть. Ничего?

Энца улыбнулась:

– Конечно.

Она была готова прождать его всю свою жизнь. Несколько лишних недель только сделают их встречу слаще.

Желтый бриллиант

Un Brillante Giallo

Затея с передвижной ремонтной мастерской, позволявшая Карле удерживать Чиро в мастерской Дзанетти, обернулась огромной выгодой. Чиро развозил товары по всем пяти районам Нью-Йорка, занимаясь починкой старых ботинок и продавая новые рабочим, занятым на грандиозных стройках, – они возводили мосты, вокзалы и небоскребы.

Ремо привязывал фургон к своей двуколке и на рассвете отвозил Чиро и Луиджи в Квинс, в Асторию. В это время улицы Манхэттена были пусты, тишину нарушало лишь позвякивание бутылок в тележке молочника.

Чиро приходилось платить местному дельцу по имени Пабу за разрешение работать на Стейнвей-плаза, но оно того стоило. Площадь была идеальна для фургона, так как через нее пролегал оживленный путь к мосту Хеллз-Гейт.

Луиджи поднимал шторы на окнах, а Чиро устанавливал внутри рабочий столик. Фургон был выкрашен в изумрудно-зеленый, по борту шла надпись белыми буквами: «Ремонт обуви Дзанетти». Луиджи выдвигал из-под прилавка ящики и доставал починенные ботинки. На каждом была бирка с именем клиента.

– Ты не знаешь, где можно купить бриллиант? – спросил Луиджи у Чиро.

– Для чего?

– А как ты думаешь?! Для обручального кольца!

– Ты собираешься жениться?

– Я старше тебя.

– На год, – заметил Чиро.

– Это длинный год.

– *Va bene*. – Чиро разложил на столике свои инструменты. – Отправляйся к Миньонз в Бриллиантовый округ, что в Бауэри.

– Откуда ты знаешь?

– От Феличиты.

– Может, они продадут нам сразу пару камней? Сыграем двойную свадьбу. Паппина – простая девушка с простыми запросами. Феличита наверняка захочет большой бриллиант.

– Да, она бы захотела камешек не меньше, чем пластинка торроне. Но я не собираюсь жениться на Феличите.

– Почему же?

– Она может рассчитывать на большее, чем простой сапожник, – сказал Чиро, расправляя оторвавшуюся подметку, чтобы прострочить ее.

– У нее же есть деньги. Ее отец держит лоток с виноградом.

– Очень много лотков, Луиджи. Он богач.

– А косточки выплевывает точно так же, как ты и я.

– Женщина выбирает мужчину, которого, по ее мнению, она заслуживает. А затем начинает менять его под себя. Я не пара для Феличиты. Но, – его лицо расплылось в широкой улыбке, – и она мне не пара.

– Не знаю, как это у тебя выходит, – сказал Луиджи. – Я счастлив, что нашлась хоть одна милая девушка, которой нравится моя физиономия. А у тебя таких тьма.

Чиро подумал о своих знакомых девушках. Он вовсе не мог похвастаться избытком опыта. На самом деле его даже беспокоило, не слишком ли он осторожен в своих чувствах. Он задумался, узнает ли хоть раз, что значит, когда твое сердце принадлежит одной-единственной женщине.

– А что ты думаешь об Энце?

– Девушка с крыши? Она славная.

– Красивая?

– Мне не позволили ее разглядывать, – ответил Луиджи. – Но, судя по тому, что я успел увидеть, – да, красивая.

– Так, мы за башмаками. – О прилавок облокотился крепко сбитый ирландец. – Джон Кэссиди.

– А я Кирк Йохансен. – К ирландцу присоединился мускулистый блондин примерно одних лет с Чиро. – Мне меняли подметки.

Чиро отыскал нужные пары башмаков.

Кэссиди осмотрел свои и не скрыл изумления:

– Да они как новые!

– И мои! – поддержал Кирк. – Хотя вряд ли они теперь мне понадобятся.

Парни достали деньги.

– Увольняетесь со стройки? – спросил Чиро.

– Ухожу в армию, – ответил Кирк. – Хочу делом заняться.

Чиро и Луиджи переглянулись. Они тоже отправились бы воевать, если бы могли, но у них не было американского гражданства.

– Спрячь свои деньги. Эти за наш счет, – сказал Чиро.

– Спасибо! – ответил Кирк. – А парней с акцентом, навроде вас, тоже записывают. После возвращения и гражданство дадут. Без разговоров. Армии нужны по десять тысяч новобранцев в неделю. Сейчас большинство парней набирают в Пуэрто-Рико.

– Мы сумеем побить немцев во Франции, – вмешался Джон Кэссиди. – Будь я помоложе, уже сидел бы в траншеях Камбре^[56]. Страсть как повоевать хочется.

Джон Кэссиди посмотрел на Чиро, потом на Луиджи, будто предлагал им немедленно отправиться воевать за страну, которая их приютила. Чиро уже наткнулся на подобные взгляды – так новообъявленные американцы взирали на свежих иммигрантов. Чиновник, выдававший разрешение на фургон, или женщина, продававшая им билеты на стоячие места в опере, глядели так же. Легкое презрение – от иммигрантов никуда не деться, приходится их терпеть, но вовсе не обязательно принимать как своих. И единственный способ стать частью Америки – чем-то пожертвовать ради нее.

Кэссиди и Йохансен забрали свои ботинки и влились в поток трудяг, текший по крутой дороге вверх к мосту.

– Ты серьезно? – спросил Луиджи.

– Я здесь счастлив, – ответил Чиро.

– Я тоже.

– Ты веришь в знамения? – спросил Чиро.

– Смотря какие. От меня требуется пролить кровь?

– Возможно. Мы крепкие и сильные. – Чиро пожал плечами. – И мы сможем одолеть немцев.

В ночном небе над Асторией желтели крошечные звезды, точно кристаллики цитрина. Луиджи быстро уснул в спальном мешке рядом с фургоном. Чиро доел последний кусок кальцоне со сладкой колбасой – синьора Дзанетти положила им эту пиццу в жестянку с едой. Парни планировали провести в Квинсе две недели, а потом Ремо отвезет их обратно на Малберри-стрит, волоча фургон, точно плуг за трактором. Когда стемнело, Чиро и Луиджи закрыли фургон – последняя смена с моста уже ушла домой. Чиро поднял откидные доски, закрепил их крючками и запер дверь. Луиджи улегся сразу после ужина.

Чиро прислонился спиной к стене фургона и принялся за письмо. Дело было нелегкое – Чиро не слишком утруждал себя писаниной. Это Эдуардо всегда усердствовал в учебе, прекрасно сочинял, а по части каллиграфии

так и вовсе стал мастером, и переписка братьев держалась на нем. Чиро же хватало лишь на куцые письма, в которых он с трудом подбирал слова.

Сейчас он писал Энце Раванелли на Адамс-стрит, чтобы объяснить, что не сможет увидеть ее в ближайшее время, как надеялся. У него были обязательства перед Дзанетти, но после фургонной командировки его ученичество можно будет считать отработанным. Однако Чиро предстояло разобраться и с иными делами, прежде чем он сумеет предложить Энце то, что ей нужно. Он по-прежнему встречался с Феличитой, и покончить с тем, что началось так давно, было нелегко. А тут еще и война, в которой тоже надо поставить точку – завершить начатое англичанами и французами, вернуть мир добрым людям, в том числе и его соотечественникам.

Чиро не знал, как написать, что решил вступить в армию. Энца выразила свои чувства абсолютно ясно. И если он придет к ней, то лишь с одной целью – передать ей себя целиком, без остатка. Этим письмом он просто надеялся выиграть время. Чиро не сомневался, что через несколько месяцев жизнь изменится и он поступит так, как хочет Энца.

Декабрьский снегопад в Хобокене ничем не напоминал зимнюю сказку. Крупные мокрые хлопья налипли на кое-как залатанную крышу, которая явно не была рассчитана на зимнюю непогоду. Энца подставляла ведра под капавшую с потолка воду на складе фабрики Меты Уокер. Рассматривая потолок, она обнаруживала все новые и новые ржавые потеки. Во всем Хобокене ведер не хватит, сказала она себе, спускаясь по металлическим ступеням. Если из-за протекающей крыши пострадает проводка, то у девушек будут проблемы. С тех пор как они с Лаурой решили выбраться из Хобокена, Энца работала по две смены подряд. До предела вымотанная, она чувствовала, как подступает отчаяние. Энца уже сомневалась в реальности грандиозных планов Лауры.

Но в немалой степени в ее отчаянии был повинен и Чиро Ладзари. Он снова отложил их встречу. Уверял в письме, что застрял в Квинсе дольше, чем предполагал, и, скорей всего, до Рождества не сможет ее навестить. Поцелуй в День Колумба многое значил для Энцы, но, похоже, не для Чиро. Что, если она повела себя слишком напористо? Ей ведь не раз указывали на эту ее черту.

А тут еще и отец написал, что в это Рождество вряд ли удастся увидеться. Бригада Марко строила скоростное шоссе в Калифорнии, а в праздники платили по двойному тарифу. Безусловно, каждый заработанный цент приближал тот миг, когда семья Раванелли снова будет вместе, но Энцу все чаще посещали сомнения на этот счет.

Выстроившиеся мрачными рядами обшарпанные дома Хобокена были сооружены из фанеры и крыты дешевой жестью, в них было сыро в дождь и невыносимо жарко в солнечную погоду. Зима – это неработающие печи, замерзшие трубы и холод, заставляющий людей опускать руки, когда они даже и не приступали к делу. Энца пробиралась сквозь снежные заносы, потому что никто не потрудился расчистить тротуары – общественную территорию.

Круглый год по улицам бродили стайки голодных детей. Предоставленные сами себе, они были вынуждены побираться. Порой дома обходил чиновник, напоминая родителям, что по закону они обязаны дать своим детям образование, но это редко приводило к результату.

Хобокен задыхался от клубов густого дыма, изрыгаемых фабричными трубами и дымоходами постоянно горевших печей, в которых жгли дешевые дрова, чтобы хоть как-то обогреть жилища. Энца мечтала увидеть днем хотя бы клочок чистого неба, но нагромождение крыш и смог накрывали город мрачным балдахином. Ночью звезды тоже тонули в дымке, и Энца не могла полюбоваться узорами созвездий, как некогда в Скильпарии. Порой она совсем падала духом, давая волю черным мыслям. К тревоге за отца примешивалось беспокойство по поводу работы, страх перед океаном. Она пыталась молиться, преодолевая отчаяние, но душевный покой не возвращался – даже в церкви, где прежде Энца неизменно находила утешение. Все в ее жизни было не так, как прежде.

Единственную радость приносила еженедельная зарплата; часть Энца откладывала на бегство из Хобокена, а часть отправляла матери. Да еще еженедельные письма из дома с весточками от каждого из братьев и сестер.

Я забочусь о твоём садике. С любовью, Альма.

Мы с Пьетро Кальва полюбили друг друга. С любовью, Элиана.

Не верь Элиане. Пьетро Кальва её не любит. С любовью, Альма.

Мы купили нового коня. Назвали его Энцо в честь тебя. Твой брат Баттиста.

Я нашёл в горах огромные трюфели. Баттиста отвёз один в Бергамо. За него дали двести лир. Скупаю по тебе. Твой брат Витторио.

Эти короткие сообщения были как капли мёда для её изголодавшегося сердца.

Мы очистили участок от камней. Помогали все. Баттиста и Витторио срубили березу и распилили ее на доски для подоконников. Элиана сшила занавески. Альма помогла мне вскопать огород. Я считаю каждую лиру. Очень люблю тебя. Мама.

После таких писем Энца чувствовала прилив сил. Вот и сейчас она думала о матери, поднимаясь в подсобку, расположенную над машинным цехом. Там она принялась сосредоточенно складывать в карманы фартука рулоны бирок, которые нужно приколоть к готовым блузкам. Внезапно сзади раздался шум. Энцу толкнули лицом к стене, зажав руки.

Она закричала, но гудение швейных машин внизу заглушало все звуки. Мужские руки зашарили по ее ногам, нырнули под юбку. Энца вслепую лягнула, но потеряла равновесие и упала, впечатавшись лицом в неровные доски пола, по щеке поползла теплая струйка.

– Шлюха итальянская! Теперь ты поговоришь со мной! – прорычал ей в ухо Джо Нил.

Энце удалось высвободить руку, она перевернулась на спину и, согнув колени, с силой пнула его. Затем поползла к лестнице, но он снова ринулся на нее, придавив к полу.

– *Mai!* – крикнула она по-итальянски и повторила по-английски: – *Never!*

Месяцы насмешек, стыда, унижений, которые она терпела от Джо, придали ей ярости, и, собрав все силы, она смогла сбросить его с себя. Но Джо тут же снова навалился сверху, чуть не раздавив ее. От близости его тела на Энцу накатила волна отвращения. Она услышала треск разрываемой нижней юбки, попыталась вывернуться из-под Джо, но не смогла.

– Отпусти ее, Джо Нил! – раздался чей-то голос, и Энца увидела Лауру, во вскинутой руке она держала портняжные ножницы. – Я сказала, отпусти ее! Или я воткну эти ножницы тебе в спину. Слезь с нее!

Джо откатился в сторону.

– Не подходи. Сиди там! – Лаура ткнула остриями ножниц в его сторону; Джо скорчился в углу. – Ты как, Энца? Пойдем. А ты, Джо, с места не сдвинешься. Я не шучу.

Энца медленно встала. У нее кружилась голова. Она прижала к лицу фартук, сделала несколько шагов и упала бы, не подхвати ее Лаура. Та помогла ей спуститься в цех, где уже гомонили собравшиеся у лестницы девушки.

– Теперь ты, Джо! – приказала Лаура.

Он подчинился.

– Не вздумай сбежать. Твой дядя уже идет сюда.

Девушки, окружив Энцу, проводили Джо яростным шипением.

Лаура стояла в комнате отдыха, забитой работницами из ночной смены. Те, кто не поместился, заглядывали в открытую дверь.

– Все меня слышат? – Лаура повысила голос: – Всегда держите в кармане фартука ножницы. Отныне в дамскую комнату ходим только парами, а на ланч – группами по трое или больше. Если вам угрожают, заявите об этом. Мы терпим грязные шуточки и свист, но если на вас поднимут руку, то вы вправе ударить в ответ. Пусть знают: у нас ножницы и мы готовы пустить их в ход.

Девушки были, по большей части, совсем еще юными, и все как одна иммигрантки, многие даже не говорили по-английски. Им было здесь неплохо, лучше, чем на других фабриках, именно из-за того, что тут работали итальянки, югославки, еврейки, гречанки, чешки и все друг за другом присматривали. Они доверили Лауре выступить в их защиту, добиться справедливости.

У каждой бедной иммигрантки был свой способ выжить в новом мире. За одних могли вступиться отцы и братья, за других – мужья. Но каждая не преминула последовать совету Лауры и вооружиться ножницами. Девушки регулярно собирались и обсуждали свои действия. Имоджен Мэй Хэгелин набросала письмо управляющему, описывающее опасности ночной смены; Патти Рэдклифф клялась привести на фабрику жениха и его друзей; брат Эланны Мерфи знал «нужных людей»; отец Джулии Рэйчел был боксером; у Лены Гьонай деверь служил в полиции, а Ореа Кунц объявила, что отменно стреляет и имеет собственный пистолет, который клянется пустить в дело – против Джо Нила или любого другого мужчины, который приблизится к ней с недобрыми намерениями.

Девушек объединяло и то, от чего они бежали: бедность во всех ее проявлениях, отчаяние, голод, разорившиеся семьи, – и то, о чем они мечтали. Их воображением завладели сокровища Америки: многоэтажные дома, коробки шоколада, бутылки содовой, пляжи с белым песком, парки аттракционов с чертовым колесом, откидные сиденья, шелковые чулки и слова «лучшая жизнь».

«Лучшая» значило «американская». «Лучшая» значило «безопасная, чистая, честная и настоящая». Красочные мечты убаюкивали их, погружая по ночам в беспокойный сон, и давали силы пережить изнурительный день.

В конце смены девушки брали магниты и прочесывали щели в полу, сберегая каждую булавку, а значит, каждый цент для владельцев фабрики. Иногда серебристая булавка мерцала в трещине, как таинственное сокровище, и девушка фантазировала, что, может, под широкими старыми досками прячется что-то еще, что-то, предназначенное для нее одной.

Рана оказалась неглубокой, но на видном месте, прямо над бровью. Лаура принесла из конторы аптечку.

– Вот. Я настояла, чтобы послали за мистером Уокером. Он уже в пути. Ему все рассказали.

Лаура открыла металлический ящичек, достала спирт и смочила им квадратик марли.

– Он разозлился? – спросила Энца.

– Ну, посреди ночи-то. Счастливым точно не был. Будет больно.

– Я сама. – Энца взяла тампон и промокнула порез.

– Почему ты не плачешь? Станет легче.

– Не хочется.

– Но он сделал тебе больно.

– Да, но ты появилась вовремя. Он преследовал меня уже несколько месяцев. Мне повезло, что ты оказалась там, – сказала Энца. – Когда мы сможем уволиться?

– Хоть сейчас, если ты скопила достаточно денег. Как думаешь, сумеешь перебиться какое-то время? Потому что если да, то сейчас как раз удобный момент. Мы только что получили зарплату, так что я богачка. Уволюсь в ту же минуту, как появится мистер Уокер. Мне нужен час на сборы. Можем временно снять комнату в пансионе ИМКА^[57] и искать работу. Все поделим пополам, справедливо и честно. Согласна? Тогда поспеши домой, собери вещи. Буду ждать тебя перед домом 318 по Адамс-стрит в одиннадцать часов. Успеешь?

– Да! – Вот тут-то Энца и расплакалась.

– А сейчас-то чего?! – изумилась Лаура.

– От радости, – ответила Энца, вытирая глаза носовым платком.

Впервые за шесть лет она решила не отправлять на родину зарплату, а оставить себе – чтобы начать новую жизнь. В этот день она узнала себе цену. И эта цена – сущие гроши, если она и дальше станет терпеть унижения на фабрике и Адамс-стрит. Время старой жизни вышло, и Энца о ней не сожалела.

Когда Энца возвращалась на Адамс-стрит, смог висел над Хобокеном подобно куску толстой темно-серой шерсти, не позволяя солнечным лучам

пробиться к земле. Навстречу ей попалась компания уличных мальчишек – голодных, босых, отчаявшихся бедняг в серых отрепьях. Они играли на мостовой со старым ржавым жестяным барабаном – катили его под горку палками.

Иногда Энца угощала детей хлебом, а то и сладкими булочками. Этим утром она остановилась на углу и купила большой пакет апельсинов. Лакомство было не из дешевых, но Энце хотелось сделать что-то особенное, потому что на Рождество ее здесь не будет. Энца помахала детям. Они кинулись к ней, запрыгали вокруг, точно птахи в ожидании крошек, тянули к ней руки.

Серым зимним утром на серой улице единственным цветным пятном были апельсины, круглые и яркие, как солнца. Раздавая фрукты, Энца представляла, что раздает их своим братьям и сестрам. В девочке, на которой был рваный коричневый передник, она увидела Элиану, Витторио – в самом высоком мальчике, ходившем босиком даже в холод, и, наконец, Стеллу – в маленькой девочке с черными кудрявыми волосами, брошенной на попечение сестры, хотя и та была не старше восьми. Энца с трудом сдержала слезы, подумав о сестре, о том, как маленькие девочки, скитающиеся по улицам Хобокена, напоминают Стеллу. Дети были несчастны, как и сама Энца.

Энца положила по апельсину в каждую протянутую руку – маленькие символы надежды в месте, где о надежде давно забыли. Дети и не помнили, каково это – когда о тебе заботятся. В полном восторге они вопили: «*Grazie mille*», – миллион благодарностей. Они высосут из апельсина сок, наслаются мякотью, а потом сжуют и корки.

Собирая вещи, Энца вспоминала годы, проведенные в доме, где она была нежеланной гостей. Вся ее юность осталась здесь. Пластырь над глазом стягивал кожу, но для Энцы ранка была меткой, обозначившей конец старой жизни и начало новой. Энца аккуратно сложила платя в саквояж, защелкнула его, надела джемпер и пальто.

Дверь внезапно распахнулась. Энца вздрогнула от накатившего страха. Но тут же подбодрила себя улыбкой.

На верхней ступеньке стояла синьора Буффа.

– И что это ты тут вытворяешь?

– Покидаю ваш дом, синьора. – Энца поднялась по лестнице и протиснулась мимо Анны.

– Нет, и не думай! Ты не можешь! – крикнула синьора Буффа.

– Мой долг вам выплачен сполна. Шесть лет я готовила завтраки,

обеда и ужины, мыла тарелки, стирала, сушила, гладила и складывала платья и панталоны для трех хозяек, – спокойно сказала Энца.

– Я хочу есть, – капризно протянула Анна.

– Так приготовьте обед, синьора.

– Энца, я тебя предупреждаю, я сообщу властям!

– Мои документы в полном порядке. И я вас не боюсь.

– Неблагодарная девчонка!

– Возможно. Но в этом доме таких много. – Энца прошла через кухню в гостиную, на ходу застегивая пальто.

– Что ты имеешь в виду? Отвечай! – Голос Анны звучал жалко. – Я сказала, отвечай!

Энца поняла, что отец был прав, утверждая, что наглец отступит, если дать ему отпор.

С лестницы донеслись шаги. Дора, Дженни и Джина цепочкой спускались друг за дружкой. Джина прижимала к груди младенца, Дора волокла ребенка постарше, а Дженни завязывала пояс халата, хотя время близилось к полудню.

– Она нас бросает! – простонала Анна.

– Да куда она пойдет! – фыркнула Дора.

– Пеленки! – выкрикнула Джина. – Тебе сегодня пеленки стирать!

– И печь хлеб! – подхватила Дженни. – Куда это ты собралась?

– Не ваше дело. – Энца повернулась к Анне: – Синьора, вы живете в доходном доме, а ведете себя как аристократка. Важничаете, претендуете на привилегии, хотя ни происхождение, ни образование не дают вам на них никакого права. Сыновей вы своих избаловали, и все они женились на бездельницах...

– Да кто ты такая, чтобы нас обзывать? – взъерилась Джина, подскакивая к ней.

Энца выставила руку, и Джина отшатнулась. А Энца продолжала, глядя Анне в лицо:

– Вы заслужили несчастную старость. Ваши невестки ни на что не способны, только ругаться. – Она обернулась к молодым хозяйкам: – Вы плодитесь как животные и ждете, что я буду готовить, стирать и прибирать за вами? Ну так настал ваш черед потрудиться! – И она распахнула дверь.

– Энца, немедленно вернись! – крикнула синьора Буффа.

– Вы пьяны, и неудивительно, что ваш муж предпочитает Западную Вирджинию.

– Он работает! Неблагодарная девчонка!

– Если слишком долго пинать собаку, в конце концов она покажет

зубы. Я бы поблагодарила вас, но за все эти годы я не слышала от вас ни единого доброго слова. Поэтому вот что я вам скажу напоследок: «Глупая девчонка. Дура безмозглая». Каково это слышать? То-то же. Теперь вы знаете.

Энца вышла на крыльцо, оставляя позади несправедливый договор, ужасных женщин, орущих младенцев, грязные колыбели, прокисшие бутылочки, горы грязных пеленок, темный подвал и сломанную койку.

Глядя, как Энца сбегает по ступенькам, размахивая саквояжем, Лаура Хири просияла. За спиной подруги женщины семейства Буффа пронзительно выкрикивали ругательства:

– *Puttana!*

– *Strega!*

– *Pazza!*

– *Porca di miserabile!*^[58]

На Адамс-стрит одна за другой распахивались двери. Соседки едва не вываливались из окон, наслаждаясь представлением у дома 318. Кое-кто даже с комфортом устроился на крыльце, радуясь, что на сей раз несчастье на этой улице пришло не к ним.

А Энца упивалась воздухом свободы. Милая, добрая Лаура обнимала ее одной рукой, неся в другой ее саквояж и шляпную коробку.

Женщины Буффа продолжали верещать где-то сзади, но подруги гордо шагали в ногу. Даже когда к хору присоединились соседи, Энца и Лаура никак не отреагировали. Они шли, вскинув голову, и проклятия падали вокруг, точно не достигшие цели стрелы.

Свернув на Гранд-Канкорз, они переглянулись, бросились бежать и не останавливались до самого причала, где ждал паром. Они взлетели по сходням, и пароходик запыхтел через реку к Манхэттену.

Шоколадный трюфель

Un Tartufo di Cioccolata

Рождественским утром нет места безмятежнее Нью-Йорка. На улицах стояла такая тишина, будто они были устланы бархатом.

Чиро закатил ремонтный фургон в каретный сарай на Хестер-стрит, достал из него спальный мешок, жестянку для завтраков и коробку шоколадных трюфелей, купленную в кондитерской. Карла и Ремо сходили к рождественской мессе в церковь Святого Франциска Ксаверия, после чего отправились в Бруклин, чтобы навестить племянников синьоры.

Чиро отпер дверь лавки и прошел в свою комнату. Разложил на койке лучшую рубашку, брюки, носки и белье, снял с пальца кольцо с печаткой и положил его на тумбочку. Взял свежее полотенце и пошел наверх, где на кухне была отгорожена ниша, служившая ванной комнатой. Пока ванна на четырех ножках наполнялась водой, он брился, стараясь не порезаться. Почистил зубы пастой из смеси соды с солью и тщательно прополоскал рот. Снял одежду, забрался в ванну и, начиная с волос, лица и шеи, стал намыливать, не пропуская ни единого участка тела. Он не забыл про маленькую щеточку, которой тщательно почистил ногти, а в конце особое внимание уделил пяткам. Теперь он носил обувь по размеру, и перемены были хорошо заметны – никаких волдырей и мозолей, хоть он и проводил на ногах по тринадцать часов в день.

Если Чиро чему-то и научился, так это тому, что хорошо сидящая обувь, сделанная из отличной кожи, может изменить жизнь человека или, по меньшей мере, подарить ему способность выдерживать долгие часы на ногах.

Вымывшись, он слил воду из ванны, тщательно почистил ее, а затем вытер досуха, словно и не мылся. Монастырская привычка.

Где бы Чиро ни жил, чем бы ни пользовался, включая фургон со спальным мешком, он прибирал за собой, оставляя все в куда лучшем виде, чем было до него. Это выдавало в нем сироту, не желавшего быть уличенным в том, что пользуется чем-то сверх положенного.

Чиро обернул вокруг талии полотенце, подобрал с пола одежду и быстро сбежал по лестнице в свою комнату. Там он оделся, тщательно расправил воротник рубашки и выровнял узел шелкового галстука, придав

ему форму безупречного квадрата. Затем снова надел на палец золотое кольцо. Накинул пиджак, затем пальто, взял со стола коробку конфет. На пароме, идущем в Нью-Джерси, он уселся на скамью, откинулся на спинку и стал смотреть на Гудзон. Этим утром белые пенные волны были точно того же цвета, что и небо над головой. Он вспомнил, как горная речка Во изливалась с гор водопадом, а затем, сужаясь к горизонту, исчезала в отдаленной долине, серая и плоская, как росчерк свинцового карандаша. Интересно, приходило ли кому-то в голову изготовить чистящую пасту из глины со дна Гудзона? Воспоминание об Игги, с его короткими сигаретами и счастливым смехом, вызвало у него улыбку.

Улицы Хобокена рождественским утром были заполнены гуляющими. Свежий, в выглаженной одежде, Чиро выглядел здоровым и крепким среди этих людей с серыми лицами. Пробираясь сквозь толпу, он разглядывал на домах таблички с номерами, пока не нашел дом 318 по Адамс-стрит. Поднялся по лестнице и позвонил в колокольчик.

К двери подошла женщина. Она посмотрела на Чиро сквозь проволочную сетку. Странно – стояла зима, но сетку с двери еще не сняли. Похоже, в доме нет человека, который выполнял бы мужскую работу, подумал он.

– *Ciao*, синьора.

Анна Буффа улыбнулась. Юбка и блузка в английском стиле выглядели так, будто она в них спала. Чиро заметил, что во рту у нее не хватает двух зубов. Возможно, некогда она была привлекательна, но сейчас об этом уже ничто не напоминало.

– *Buon Natale*^[59].

– *Buon Natale*, синьора. Я ищу Энцу Раванелли.

Когда Чиро произнес это имя вслух, у него перехватило горло. Много недель он собирался с духом – и вот стоит у ее порога. Чиро разорвал отношения с Феличитой, положил деньги в банк и был готов поманить Энцу мечтой о браке, если на то будет ее желание. Он не раз проиграл в памяти все их разговоры, перечитал ответ Энцы на свое письмо, в котором умолял ее проявить терпение. И на этот раз именно Чиро не мог дожждаться встречи, чтобы рассказать о своих чувствах.

– Кого вы ищете? – переспросила синьора Буффа.

– Энцу Раванелли, – громко повторил Чиро. – Она здесь?

Улыбка Анны погасла.

– Она здесь не живет.

– Прошу прощения, должно быть, я ошибся домом.

– Нет, не ошиблись, это тот самый дом.

– *Va bene*. Вы знаете, где она?
– Я не знаю, кто вы.
– Чиро Ладзари.
– Она никогда о вас не упоминала.
– Вы не можете сказать мне, куда она направилась?
– Она вернулась в Италию.
– В Италию?! – Чиро не мог в это поверить.
– Собрала вещи и уехала. И задолжала мне за комнату. – Синьора Буффа не сводила глаз с коробки конфет.

– Когда это случилось?
– Много недель назад. Был такой скандал! Я уже ничего не помню. Она кричала на меня, расстроила моих невесток. Вела себя неуважительно. Ужасная, ужасная девушка. Она месяцами обкрадывала меня. Я была рада, что она наконец убралась восвояси.

– Что-то это не похоже на Энцу.
– Вы не знаете ее так, как я. Я должна была вышвырнуть ее вон. Она приводила мужчин. Настоящая *puttana*. Гадкая свинья, а не девушка.

Чиро захлестнула ярость, но он видел, что старуха пьяна и его возражения вряд ли услышит. Но прежде всего он был сражен осознанием, что потерял свою любовь, откладывая признание. Он упустил ее, и теперь ничего не исправить. Энца ясно дала понять, чего хочет, а он все тянул и тянул.

Чиро повернулся, чтобы уйти.
– Не хотите выпить?
– Простите?
– Зайдите, выпейте со мной. – Она распахнула дверь. – Сегодня же Рождество.

Дом внутри тонул в полном беспорядке. Анна провела рукой по бедру, приподняла подол юбки, обнажив ногу.

Чиро ринулся вниз по ступенькам. Он не оглядывался на странную женщину, жившую в желтом доме. Нет, он озирался по сторонам – вдруг кто-то знает, куда подевалась Энца Раванелли. Кинулся к соседнему дому, но торчавший в окне хозяин тут же исчез, та же история повторилась и у следующего дома, и у следующего. Чиро потерянно стоял на улице, пока его не окружили маленькие попрошайки.

– *Dolci! Dolci!* – кричали они, глядя на коробку в голубой фольге.
Детей собиралось все больше, пока Чиро наконец не оказался в плотном кольце. Он открыл коробку и стал вкладывать завернутые в бумагу конфеты в протянутые ладони, пока не раздал все.

Девочка с широко расставленными карими глазами, зажав конфету в руке, серьезно посмотрела на Чиро.

– Ты Санта-Клаус? – спросила она и умчалась прочь.

Чиро сунул руки в карманы и пошел обратно к парому. Если Энца бежала из дома синьоры Буффа, почему она не пришла на Малберри-стрит? Неужели вернулась в родные горы одна, без него?

Лаура протиснулась в приоткрытую стеклянную дверь кафе-автомата Хорна и Хардarta на углу Бродвея и Тридцать восьмой и обшарила взглядом шумную забегаловку в поисках Энцы. Они частенько заглядывали в это заведение, находившееся прямо в центре Среднего Манхэттена. До кафе было удобно добираться из большинства мест, где им подворачивалась временная работа, – они искали ее через клиентов и по объявлениям в газетах.

– Есть что-нибудь из агентства? – спросила Энца. Девушки еще перед Рождеством зарегистрировались в «Ассоциации Рене М. Дендрои», помогавшей с поисками места.

– Как насчет судомойки?

– Когда ты учила меня английскому, ты ни разу не упоминала слово «судомойка».

Лаура засмеялась:

– Я учила тебя правильному английскому. Судомойка работает на кухне. Делает всю черную работу, а не варит суп или месит тесто. Она чистит кастрюли, вытирает посуду и все такое.

– Справлюсь, – сказала Энца.

– Отлично, потому что нас наняли поработать в следующие выходные в частном доме на Карнеги-Хилл в Верхнем Ист-Сайде.

Лаура разложила на столе газету, чтобы посмотреть объявления.

– Сколько они платят?

– Пятьдесят центов за смену, – ответила Лаура. – И нам повезло, что это подтвердилось, потому что в пятницу пора платить за комнату. Хочешь, возьмем на двоих кусок пирога? Из бюджета не вылезем.

– Тебе принести к нему кофе?

– Будь так любезна, – ответила Лаура, не отрывая глаз от газеты.

Запах цикория, корицы и какао придавал светлой, солнечной закусочной домашний уют. Кофе стоил пять центов, пирог – десять, и девушки вполне насытились. В «Автомате» не было официанток, все на самообслуживании.

Энца заплатила за пирог и кофе, достав из кармана четыре

пятицентовые монеты и опустив их в щель стеклянной витрины. Витрина размером во всю стену была заполнена всевозможной едой, разделенной на порции. Там было все – от спагетти с сыром до черно-белых пирожных из мороженого. Покупатели выбирали понравившееся блюдо, кидали в щель монетку и доставали свою порцию.

Взяв две вилки, Энца отнесла их вместе с пирогом на стол и вернулась налить кофе. Белые керамические чашки и блюда с веселыми зелеными ободками всегда поднимали ей настроение. Добавив в свой кофе сливки, она вернулась к Лауре.

– Дела идут прекрасно, – сказала Лаура, когда Энца поставила перед ней кофе. – У нас есть комната в ИМКА, и мы работаем.

Энцу беспокоило лишь, что она не сможет посылать домой деньги, если не найдет постоянной работы.

– А как насчет места швеи?

– У меня такое чувство, что Марсия Гуцци собирается проникнуть в «Матера Тейлоринг».

– А я внесла нас в список у Саманты Габриэлы Браун, – сказала Энца. – Они шьют детскую одежду.

– Да, но не платят. Брать дневные смены по пятьдесят центов не имеет смысла, а сдельную работу там дают, только если продержишься у них полгода.

– Может, нам удастся договориться с администратором пансиона, чтобы нам снизили плату за комнату?

– Знаю, наши апартаменты в ИМКА не назовешь шикарными, но это лучше, чем подвал на Адамс-стрит. Или моя спальня на четверых в Джерси.

– Я не хотела показаться неблагодарной, – тихо сказала Энца.

– Мы в листе ожидания в хороших пансионах – что-то обязательно сработает. Давай смотреть на все это как на забавную авантюру. На все вместе. Бедность, поиски работы, страх и голод – это тоже часть приключения. Мы еще ни разу не были судомойками, а сейчас у нас будет такая возможность. Это познавательно. Превратим ад в сад! – рассмеялась Лаура.

Энца и Лаура вышли из пансиона ИМКА, упакованные в шарфы, перчатки, пальто и в низко надвинутые шерстяные шляпы-колпаки, и пешком направились на Пятую авеню. Особняки на Пятой авеню стояли как ряды щегольских цилиндров, и зажженные привратниками керосиновые фонари отбрасывали тени на их фасады. Энца и Лаура то и дело ступали в лужицы света под козырьками подъездов, погружаясь в

волны тепла от маленьких переносных жаровен, согревавших богачей, пока те идут от входных дверей с полированными латунными ручками к автомобилям, ожидающим, чтобы доставить их в город.

Девушки наблюдали, как в особняках сменялась прислуга – горничные-негритянки выходили через черный ход, а навстречу им двигались те, кто трудился в ночную смену. Горничные-ирландки спешили на восток, к поездам надземки. В переулках свистел пронизывающий ледяной ветер, и, когда Энца и Лаура переходили дорогу, его порывы хлестали девушек подобно ударам кнута.

Они легко отыскали дом номер семь по Западной Деяносто первой улице. Ярко освещенный изнутри, особняк в стиле итальянского Ренессанса ослеплял великолепием, факелы на его фасаде заливали золотым светом улицу и вход в здание.

Элегантный особняк отличался особенной, романской роскошью, а еще, как и большинство сооружений, порожденных последними веяниями в архитектуре, выглядел очень современным. Полукруглые арки окон были словно вплавлены в золотистый песчаник, как драгоценные камни. Мощные, окованные железом двери из красного дерева, похожие на ворота старинного замка, были распахнуты настежь и украшены гирляндами из кедровых веток, клюквы и грецких орехов. Энцу поразило, как простые орехи и ягоды, каких сколько угодно в родных горах, превратились в изысканное украшение лучших домов Нью-Йорка. Она напомнила себе, что надо написать об этом матери.

– Вот здесь. Дом Джеймса Бердона. – Лаура сверилась с запиской. – Мы должны подойти к черному ходу и спросить Хелен Фрай. Она здесь домоправительница.

– Это не дом, это дворец, – сказала Энца, оглядывая здание.

– Это дворец с кухней. Пойдем.

Энца пошла за Лаурой к заднему крыльцу. Там Лаура спросила дорогу у лакея, и он направил их в маленькую прихожую. Не успели они войти, как вынуждены были прижаться к стене, пропуская вереницу официантов, несших тосканские вазы с ярко-розовыми пионами, алыми розами и зелеными яблоками. Энца и Лаура с недоумением переглянулись.

Лакей распахнул двери в круглый зал, и девушки заглянули внутрь.

Им открылся роскошный вестибюль. Жемчужно-белыми там были и мраморный пол, и стены из песчаника, и даже ведущие туда ступени – в противоположность величественной главной лестнице, чьи ступени напоминали черные клавиши фортепьяно. Широкая мраморная лестница в сицилианском стиле, огороженная причудливой решеткой с узором из

золоченых листьев, изгибалась змеей. Перила были обтянуты черным бархатом, и Энца представила, что чувствуют гости, поднимаясь по этой лестнице на прием, когда их затянутые в перчатки руки скользят по гладкому ворсу.

Вазы расставили на пьедесталах по всему периметру атриума – яркие вспышки цвета на фоне бледного мрамора. Белые толстые свечи из пчелиного воска, вставленные в хрустальные раструбы, сеяли вокруг мягкий преломленный свет, заставляя мрамор сиять.

– Где они взяли пионы зимой? – прошептала Лаура.

Кухня оказалась размером с главный цех фабрики Меты Уокер. Длинные алюминиевые столы с деревянными вставками для резки продуктов вытянулись вокруг центра комнаты, напоминая беговую дорожку. Поверху были развешены начищенные горшки и сковородки. Вдоль стены шел ряд гладких решеток для запекания, вокруг них сутились повара в белом, которыми руководил шеф-повар в колпаке. За кухней была комната, где готовили сервировку; расставленная на подносах посуда из тончайшего фарфора ждала, когда ее наполнят и отнесут к столу. За распахнутыми дверями виднелся внутренний дворик, там слуга в белом фартуке и шерстяной шапке размешивал мороженое. Когда он налегал на ручку мороженицы, сделанной из старого деревянного бочонка, изо рта у него вырывались клубы пара.

Кухня походила на хорошо смазанный механизм, одна операция без запинки следовала за другой. Работники почти не разговаривали, подавая сигналы жестами. Первой, с кем познакомились Энца и Лаура, стала Эмма Фогарти, деловитая молодая женщина примерно их лет, со светло-каштановыми косами, скрученными в узел, и ярко-синими глазами. На ней был коричневый халат, полностью скрывавший фигуру, а на ногах – деревянные башмаки и красные шерстяные гольфы. Она что-то писала на большой доске, увидеть которую можно было из любого угла кухни.

– Нас прислали из агентства Дендрои, – сказала Лаура.

– Обеих?

– Да, мэм.

– Переодеться – и мыть посуду. Я покажу.

– Нам велели обратиться к Хелен Фрай.

– Вы ее даже не увидите. Она наверху, складывает салфетки.

– Я Лаура Хири, а это Энца Раванелли.

– Эмма Фогарти. Командую кухней.

Она указала на платяной шкаф, и девушки оставили в нем свою верхнюю одежду. Эмма вручила каждой по халату вроде тех, что были на

ней. Лаура и Энца натянули свои балахоны, пока пробирались за Эммой по кухонным катакомбам. Вдоль длинного коридора тянулись шкафы высотой до потолка, сквозь маленькие окошечки в дверцах можно было разглядеть стопки тарелок, пирамиды чашек, супниц, мисок и целые полки бокалов.

Эмма провела девушек темной деревянной лестницей вниз, в тускло освещенную комнату, посреди которой стоял большой деревянный стол, окруженный табуретками. На дальней стене виднелась открытая пасть кухонного лифта, внутри громоздилась стопка пустых подносов. Под лифтом был металлический лоток с трубой для отбросов, ведущей к дыре в полу. Далее буквой «L» располагался целый ряд глубоких раковин, на их краны были натянуты съемные резиновые насадки. Раковины разделялись деревянными выступами, на которые ставили тарелки, чтобы с них стекла вода.

– Сегодня большой прием. Двести человек. Вы должны делать все быстро, но очень осторожно. У нас здесь русский фарфор, свадебный подарок Берденам от царя. – Она приподняла руку, словно призывая молчать. – Не спрашивайте. Он позолоченный. Завтра, когда посуду расставят по шкафам, Хелен Фрай осмотрит каждый предмет в поисках царапин и все пересчитает. Так что смотрите ничего не разбейте. Вы будете счищать объедки, а затем мыть тарелки. Если израсходуете горячую воду, тотчас сообщите мне, иногда такое бывает. Потом высушите тарелки и отполируете чистыми полотенцами, они вон там наверху, на полке. Затем положите в замшевые футляры. Никогда в жизни не ставьте тарелки одна на другую без замши, иначе меня швырнут в печку. Когда вечеринка закончится, мы поднимем их на лифте к шкафам.

У Энцы голова шла кругом. Эмма трещала не переставая, как клавиши пишущей машинки. Энца едва понимала, что та говорит.

– Все ясно? – спросила Эмма.

– Да, абсолютно, – ответила Лаура.

– Если понадобится, то я наверху, на кухне. Сейчас все тихо, но прием начнется примерно через час, затем подадут коктейли. Следите, чтобы лифт не простаивал. Не задерживайте его здесь, внизу. Предыдущую судомойку чуть не застрелил дворецкий, он пришел в ярость, когда не смог отправить вниз бокалы. Затор – наш злейший враг, девушки. – Эмма подошла к лифту и начала крутить ворот. Золотые подносы плавно поплыли вверх.

– Спасибо, – хором сказали Лаура и Энца.

– Не благодарите меня. Вы исполнитесь праведного гнева, когда увидите, сколько тарелок вам предстоит вымыть. Но так устроен мир. Богатые наслаждаются жизнью, а мы убираем за ними отбросы. Кому как

повезет, я считаю.

Когда грязные тарелки прибыли, Лаура и Энца быстро выработали свою систему. Так же, как и на фабрике, они нашли способ экономить время. Лаура одной рукой счищала объедки, передавала тарелку Энце, та клала ее в мыльную воду, оттирала и относила в другую раковину, там споласкивала и ставила сушиться.

Поскольку между переменах блюд гости ели, это время удавалось использовать, чтобы не отставать. Главная хитрость состояла в том, чтобы чистые тарелки оставались в сушилках, пока у девушек не дойдут до них руки. Время для них появлялось, когда накрывали к следующей перемене, а посуду от предыдущей спускали вниз.

Хотя это был тяжелый труд, Энца и Лаура не жаловались. Они обе видали и похуже, к тому же у работы в особняке было свое очарование. Возможно, дело было в роскоши залитого свечами зала-ротонды, в невесомой красоте расписанного вручную русского фарфора или в самой мысли, что под одной крышей с ними сейчас цветут зимние пионы. Все это поднимало настроение. Но главное – пока девушки мыли посуду на этой кухне, они были вместе и могли разговаривать, строить планы, мечтать.

Энца осторожно вытирала обеденные тарелки, затем укладывала их в голубые замшевые чехлы, составляла в стопки, запомнив, сколько именно тарелок было в каждой. На лифте опустился поднос, загроможденный десертной посудой. Энца потянулась, чтобы вытащить его, но замерла, услышав пение. Звучал красивый тенор с богатым тембром. Звуки, плывшие по шахте подъемника, казались обернутыми в бархат, – отрывок из «Тоски» на ее родном языке, «*Amaro o sol per te m'era morire...*»^[60]

– Певцам сегодня аккомпанирует сам мистер Пуччини, – раздался позади нее голос Эммы Фогарти.

Лаура вынула поднос из подъемника.

– Он здесь, на приеме?

– Ты только что мыла его тарелку, – сказала Эмма. – Он играет на кабинетном «Стейнвее» в музыкальной комнате. Алессия Франжела и Альфонсо Манкузо поют дуэты перед фреской Боннано. Мария Мартуччи играет на арфе. Гости собрались вокруг них, как у костра на привале.

– Моя прежняя хозяйка постоянно ставила арии из «Тоски» в исполнении Карузо.

– Я не могу послать вас наверх, вы судомойки, – сказала Эмма. – Но знаете что? Если вы подниметесь к посудным шкафам, я открою люк подъемника, и музыка окажется прямо над вами.

Девушки нагроулили подносы фарфором и пошли по маленькой

лестнице. Эмма вела их к шкафам с посудой. Она поставила на место тарелки и отодвинула щеколду деревянной дверцы:

– Давайте наклоняйтесь туда. Я так и подслушиваю у Берденов.

Энца сунула голову в шахту подъемника, положив руки на бортик. Внизплыли хрустальные ноты Пуччини. На этот раз казалось, что она находится прямо там, в комнате. Слышимость была превосходной.

Пока Пуччини и его певцы услаждали публику, Лаура сортировала тарелки на полках, наблюдая, как слушает Энца. Голова Энцы благоговейно склонилась, она словно впитывала музыку. Казалось, звуки наполняли ее и возносили вверх, и тело взмывало и плыло в воздухе, легкое, как бее.

Энца не могла дожидаться минуты, когда напишет маме и расскажет ей о неожиданно улыбнувшемся счастье. Это моя Италия, думала она. Мощь и красота античных памятников, тонко прорисованные фрески, прекрасные статуи, высеченные из молочно-белого мрамора, украшенная чеканкой чаша для причастия у дона Мартинелли, восхитительные звуки музыки, Италия Пуччини и Верди, Карузо и Тосканини. А не Италия надломленных душ Хобокена и пьяной, опустившейся Анны Буффа. В той Италии, которая питала ее душу, возрождалась надежда, а разбитые сердца плавилась в руках великих артистов.

В первый раз, с тех пор как она приехала в Америку, Энца чувствовала себя как дома. Она внезапно осознала, как можно соединить американское честолубие с итальянской артистичностью. Оба эти качества заряжали ее энергией, помогали расти. Этим вечером музыка Пуччини заново разожгла в ней огонь честолубия, и Энца почувствовала в себе силы воспрянуть и двигаться дальше.

Когда ария закончилась, раздался шквал аплодисментов. Энца тоже аплодировала, протянув руки в шахту подъемника.

– Пуччини тебя не слышит, – сказала Эмма Фогарти.

– Но я должна выразить ему свою признательность.

– Отправь наверх подъемник, – ответила Эмма.

Энца потянула за цепь, и поднос поднялся этажом выше.

– Вымойте и высушите хрустальные бокалы для дижестива – и можете считать, что наступила ночь. – Эмма взглянула на карманные часы. – Или утро, так будет точнее. Как только гости уйдут, я запро кухню и отправлюсь принимать ванну, на которой значится мое имя.

– У вас собственная ванна? – поразила Лаура.

– Я живу в пансионе «Кэтрин-хаус» в Виллидж. У нас там ванны. И библиотека. Я люблю читать. И двухразовое питание. Я люблю поесть.

Энца и Лаура переглянулись.

– Как вы туда попали?
– Как и все прочие. Услышала про них в автобусе.
– Автобусе какого маршрута? – спросила Энца.
– Любой годится. Просто следите за ровесницами. Это круговорот.
– Мы обращались в «Кэтрин-хаус», но без толку, – сказала Лаура. – Живем в ИМКА.

– Куда-нибудь наверняка попадете. Просто нужно искать жилье весной, – объяснила Эмма. – Наступит свадебная лихорадка, и крепость падет. Каждый апрель девушки прямо-таки выплескиваются из пансионатов. Комнат полно. Можно выбирать. А чем вы собираетесь там заниматься?

– Жить, – ответила Энца.
– Нет, я имею в виду далеко идущие планы. Кем вы хотите стать?
– Мы портнихи.
– Тогда вам нужен артистический пансион. Я бы попробовала «Милбэнк». Они принимают драматургов, танцоров, актрис и дизайнеров. Ну, вы понимаете, творческие натуры. Хотите, замолвлю за вас словечко?

– Правда? – воскликнула Лаура. – Вы можете помочь нам попасть в «Милбэнк»?

– Конечно! Я поговорю с распорядительницей.

Девушки едва запомнили, как шли домой. Эмма заплатила им по доллару каждой вместо обещанных пятидесяти центов, – очевидно, деньги она без зазрения совести записала в кухонный гроссбук. Им заплатили больше из-за того, что они не разбили ни одной тарелки и справились с работой, не разозлив дворецкого. Девушки не могли поверить в неожиданную удачу.

Сильный запах пчелиного воска от только что потушенных свечей наполнял прихожую. Энца и Лаура вышли на улицу через черный ход, застегивая пальто и натягивая перчатки. Не обращая внимания на ноющие шею, плечи и ноги, они летели домой точно на крыльях.

В молчании проходя квартал за кварталом, они просто знали, что этим вечером что-то наконец сдвинулось. Работа на кухне оказалась поворотной точкой. Когда солнце не спеша взошло, девушки были согреты скорее мыслью о нем, чем его лучами. Воздух был стылым. Сосульки, поблескивавшие на деревьях, напоминали пальцы серебристых перчаток. Заледеневшие тротуары искрились, будто их присыпали алмазной пылью. Рыхлые грязно-серые сугробы в утренних лучах обрели благородный лавандовый оттенок.

– В «Автомат»? – спросила Лаура, когда они дошли до Тридцать восьмой улицы.

- Пирог? – предложила Энца.
- Сегодня утром – каждой по куску. Мы можем себе это позволить.
- И мы заслужили, – согласилась Энца.

Швейная игла Un Ago da Cucire

Густые побеги текомы облепили водосток густо-оранжевыми и нежно-зелеными брызгами – шелковые мазки на коралловом фоне кирпичей. Лиловые гиацинты выплескивались из беломраморных античных ваз по обе стороны черных лаковых дверей «Милбэнк-хауса» – дома номер одиннадцать по Западной Десятой улице Гринвич-Виллидж.

Справа от входной лестницы высокие, от пола до потолка, торжественные окна обрамляли фестоны многослойного белого шелка, бледно-золотые жаккардовые портьеры были раздвинуты, и помещение заливал мягкий свет с тенистой улицы. У входа не было ни таблички, ни надписи, ни общественного почтового ящика – ничего, что наводило бы на мысль, что «Милбэнк-хаус» только кажется элегантным особняком, принадлежащим богатой семье.

Расположенный в самом центре района роскошных домов, выросшего между преуспевающей епископальной церковью на углу Пятой авеню с одной стороны и очаровательными зданиями Патчин-плейс за Шестой авеню – с другой, этот квартал был одновременно эксцентричным и респектабельным. Редкое сочетание для Нью-Йорка начала века.

«Милбэнк-хаус» состоял из двух соединенных между собой зданий, в которых было двадцать шесть спален, четырнадцать ванных, общественная библиотека, столовая, огромная подвальная кухня, оборудованная подъемником, и салон красоты. К дому прилегал сад. Особняк находился в собственности «Союза христианок», и за разумную плату тут предоставляли стол и кров молодым женщинам, оказавшимся в Нью-Йорке без семьи и связей.

Эмма Фогарти, как и обещала, заглянула к управляющей пансионом и расхвалила новых подруг, талантливых рукодельниц. Одна – иммигрантка из Италии, другая – решительная ирландка, и обе нуждаются в подходящем жилье и солидном адресе, чтобы реализовать свою мечту и стать высококлассными портнихами, обшивающими театры на Бродвее и высшее общество, от парка до Пятой авеню.

Завтрак и ужин были включены в еженедельную плату, а еще в пансионе был пресс для отжимания белья и в подвале – веревки для сушки.

Но важнее всех этих примет комфортной жизни была компания молодых обитательниц, стремящихся достичь большего благодаря таланту и энергии. Наконец-то Лаура и Энца попали в среду, где разделяли их чувства и устремления.

Мисс Каролина де Курси, управлявшая пансионом, была изящной седовласой леди, элегантной и с великолепными манерами. Лаура Хири пришлась ей по сердцу с первого взгляда. Матушка де Курси была родом из того же ирландского графства, что и семья Хири.

Она провела девушек на четвертый этаж. В просторном холле вдоль стены выстроились шкафы с простыми медными ручками. Мисс де Курси открыла один из шкафов. На самом верху располагались длинные, вместительные полки для шляп, ниже – перекладина с рядом свободных деревянных плечиков, а в самом низу было достаточно места для обуви, а еще отделение для сумок и саквояжей.

– Займите вот этот, мисс Раванелли, – сказала мисс де Курси. – А вот этот ваш, мисс Хири. – Она открыла другую дверцу.

Девушки переглянулись, не в силах поверить в такое везение. Шкафы! Энца обходилась своей дорожной сумкой с тех пор, как покинула Италию, а Лаура делила гардероб и крючки с сестрами и кузинами в их общем большом доме.

– И следуйте за мной, – велела мисс де Курси, отпирая дверь в нише рядом со шкафами.

За дверью оказалась самая прелестная комната из всех, какие Энца когда-либо видела. Косой потолок с мансардным окном. Камин и зеркало. Падавший в окно свет отражался в полированных ореховых половицах. Две мягкие кровати были накрыты пухлыми одеялами, между кроватями – тумбочка с лампой. Рабочий стол под окном, еще один – возле двери. Да тут для них обеих предостаточно места! Спокойная простота обстановки, запах лимонного воска и свежий ветерок, долетавший из сада сквозь открытое окно, – все это придавало комнате домашний уют.

– Я подумала, что двум портнихам подойдет комната с хорошим освещением, пусть и на четвертом этаже. Большинство девушек предпочитают второй...

– Это самая прекрасная комната, какую я только видела в жизни! – с жаром воскликнула Энца.

– Мы никогда не сможем в полной мере отблагодарить вас! – добавила Лаура.

– Поддерживайте порядок и не сушите чулки в общей ванной. – Мисс де Курси вручила каждой по ключу. – Увидимся на ужине, – добавила она,

закрывая за собой дверь.

Лаура бросилась на кровать, и Энца последовала ее примеру.

– Ты слышишь? – спросила Лаура.

– Что?

– Как звонит к ужину колокольчик... и скрипит колесо Фортуны! – рассмеялась Лаура.

Чиро прикинул, что Луиджи сможет несколько часов заправлять в ремонтном фургоне в одиночку. Дела шли бойко, но не скажешь, чтобы они выбивались из сил. Сейчас они стояли в районе доков Нижнего Манхэттена, где строители обедали прямо на пирсе. Чиро решил вернуться в Маленькую Италию пешком через Гринвич-Виллидж. Он любил шагать теплой весенней порой по ветреным улицам, любуясь георгианскими зданиями с симметричными лестницами на Джейн-стрит, а на Чарлз-стрит – особняками в стиле Ренессанса, с их коваными балконами и небольшими частными парками за ажурными воротами, где в вазонах цвели желтые нарциссы и лиловые ирисы. Красота домов умиротворяла его. Возможно, глядя на них, он вспоминал, как трудился на родине, сажая цветы и подновляя забор в Сан-Никола. Ухоженные садики и аккуратные дома успокаивали, приносили упорядоченность в мир, где не хватало порядка.

Когда Чиро проходил мимо церкви Девы Марии Помпейской, из нее выплеснулась свадебная толпа. У обочины был припаркован ослепительный новенький «нэш родстер», капот украшал букет белых роз, обернутый кружевом и перевязанный атласными лентами. Чиро остановился, чтобы рассмотреть темно-синий, с обитым красной кожей салоном кабриолет. Плавные линии полированного дерева и блестящие медные рычаги – одного этого было достаточно, чтобы привести любого молодого человека в экстаз. Авто завораживало не меньше, чем женская красота.

Очаровательные подружки невесты, державшие белые каллы на длинных стеблях, сбежали по ступенькам и выстроились в ряд. На головах поблескивали уборы из широкой шелковой ленты, расшитой стеклярусом, розовые шифоновые платья были длиной в пол.

Чиро понял: да это же все его соотечественницы, наверняка родом с юга Италии, все черноглазые, с темными волосами, уложенными в затейливые прически. И все как одна стройные, ну вылитые статуэтки из тончайшего фарфора. И тут же вспомнилась Энца Раванелли. Чиро решительно отогнал воспоминание. Он не из тех, кто тоскует о недоступном и навеки утраченном.

На крыльцо вышли жених и невеста, их осыпали дождем из риса и конфетти. В невесте Чиро с изумлением узнал Феличиту Кассио. За атласным белым платьем тянулась кружевная вуаль, воздушная, точно облачко. Феличита с улыбкой оглядывала толпу. Последний раз Чиро встречался с ней на прошлое Рождество, перед тем как поехать в Хобокен. Он тогда сказал Феличите, что пора им разорвать свои необязательные отношения.

Феличита выбрала себе в мужа привлекательного, невысокого смуглого сицилийца. Он картинно поцеловал невесту в щеку.

Чиро повернулся, чтобы уйти, но слишком поздно. Феличита уже заметила его, лицо ее на миг исказилось, но она тут же скрыла потрясение сияющей счастливой улыбкой, помахала Чиро, сунула букет подружке невесты и направилась к Чиро.

Хорошие манеры и монастырское воспитание не позволили ему сбежать. Чиро оглядел свой комбинезон, перепачканный машинным маслом и мелом. Рабочая одежда явно не годилась для торжественного случая. Атласное свадебное платье подчеркивало великолепную фигуру Феличиты; когда она двигалась, атлас будто обнимал изгибы ее тела. Чиро ощутил возбуждение.

– Ты только что с работы, – мягко проговорила она, зная, как на него действует ее чувственный голос.

– Возвращаюсь с причала. Мои поздравления, – сказал Чиро. – Я не знал.

– Оглашение состоялось несколько недель назад. Но ты ведь не бываешь в церкви... – Она помедлила. – Я думала написать тебе.

– Ты любишь писать так же, как и я. Не имеет значения. Счастлив за тебя. Ты очаровательная невеста. Кто он?

Она опустила взгляд, уставившись на свои атласные туфельки, отороченные перьями.

– Его семье принадлежит половина Палермо.

– А, сицилийский принц! Что ж, пара лет трудов – и ты сделаешь из него короля.

– Моя мать провернула такое с отцом, так что, думаю, и я смогу, – сухо ответила Феличита.

Чиро хотел попрощаться и уйти, но Феличита вдруг спросила:

– Ты собираешься подарить кольцо, которое мне так приглянулось, той девушке с Альп?

– Помолись за меня, хорошо? – уклонился от ответа Чиро.

Библиотека в «Милбэнк-хаус» располагалась в прелестно обставленной комнате в английском стиле, отделанной в кораллово-зеленой гамме, с множеством застекленных стеллажей и роялем между двумя большими окнами.

Восемнадцатилетняя Эйлин Парелли, юное дарование из Коннектикута, пела, аккомпанируя себе на рояле. Рыжие кудри и веснушки выдавали ирландское происхождение по линии матери, но голос, унаследованный по отцовской линии, наводил на мысли о солистах итальянской оперы.

Энца присела на стул с блокнотом и ручкой. Слушая, как упражняется Эйлин, она поражалась тому, как сильно изменилась ее собственная жизнь всего за несколько коротких недель.

Никто, за исключением Лауры и, возможно, других обитательниц пансиона, не смог бы понять, что значило для нее быть принятой в «Милбэнк-хаус». Ее комната здесь была последним, с чем она смогла бы расстаться. Им с Лаурой срочно требовалась постоянная работа, которая смогла бы обеспечить стабильный заработок.

Как только Эйлин закончила свои гаммы, Энца подошла к бюро, положила на столик бумагу и конверты, вытащила два квадратных лоскутка. Один – из черного бархата, расшитого золотой нитью, другой – двусторонний, украшенный крошечными стразами розовый шелк, на котором речным жемчугом были вышиты французские лилии.

Сверясь со словарем, Энца старательно вывела:

Для сведения заинтересованных лиц.

Во вложении вы найдете два демонстрационных образца.

Энца Раванелли и Лаура Хири, опытные швеи, дизайнеры по ткани, мастера отделки и вышивки бисером.

Благодаря постоянному прослушиванию фонографических записей синьора Энрико Карузо мы обладаем обширными знаниями в области оперных сюжетов и персонажей.

Если вы желаете встретиться с нами по поводу вакансий, пожалуйста, пишите нам по адресу: «Милбэнк-хаус», Западная Десятая улица, 11, Нью-Йорк.

Заранее благодарны.

Всецело и искренне ваши, Энца Раванелли и Лаура Хири.

Подобно другим итальянцам с долгосрочными рабочими визами,

весной тысяча девятьсот семнадцатого Чиро сделал важный выбор. Он решил отправиться на войну. Не имея возлюбленной, которая могла бы его удержать, он хотел посмотреть мир и исполнить свой долг.

Рекрутинговый центр Армии США на Западной Двенадцатой улице занимал помещение одного из магазинов. В пыльной витрине висел американский флаг. Внутри находился временный оперативный отдел, оснащенный письменными столами и креслами на колесиках, – один из сотен призывных пунктов, организованных благодаря недавнему закону о воинской повинности Чиро встретился с Луиджи у входа. Длинная очередь из молодых людей извивалась на целый квартал. Большинство парней были темноволосы, как Луиджи.

– Я не стал говорить Паппине, – сообщил Луиджи.

– Почему?

– Она не хочет, чтобы я шел в армию. Думает, я слишком неповоротлив и мне сразу разнесут голову.

– Возможно, она права.

– Но я хочу воевать за эту страну. Я хочу получить гражданство, тогда и Паппине его дадут.

– Ты хочешь жениться до того, как мы уедем?

– Да. Будешь моим шафером?

– Меня еще никогда не спрашивали с таким энтузиазмом.

– Прости. Голова занята другим. Не люблю докторов. – Он прошептал:

– Они хватают за нос!

– Знаю.

– Варварство, вот что это такое.

Чиро фыркнул. Если Луиджи думает, что медосмотр – варварство, как насчет самой войны?

Очутившись наконец внутри, они заполнили заявления, разделись до нижнего белья и встали в новую очередь – к доктору. Многих ребят отсеивали сразу, выявляя недуги, не совместимые с армейской службой. Одни возмущались и спорили, другие вздыхали с явным облегчением.

– Ты хоть раз держал в руках ружье? – спросил Луиджи.

– Нет. А ты?

– Стрелял птиц в Фодже, – признался Луиджи.

Первым вызвали Луиджи. Чиро терпеливо ждал, но осмотр приятеля затягивался. Наконец занавеска отодвинулась и показался Луиджи. Он удрученно покачал головой:

– Меня не хотят брать. С ушами что-то не то.

– Сожалею, приятель.

Через четверть часа Чиро присоединился к Луиджи на улице. В руках он держал предписание явиться в Нью-Хейвен, Коннектикут, первого июля. Он сложил бумагу и сунул в карман.

– Взяли? – спросил Луиджи.

– Да.

Чиро радовался случившемуся: помимо прочего, армия была кратчайшим путем к гражданству. Но у радости был горьковатый привкус. Чиро беспокоило странное чувство – будто он бежит от того, что не способен определить, облечь в слова. В такие минуты ему непременно вспоминалась Энца, и он думал, как бы могла сложиться жизнь, если бы она дождалась его.

– А я так хотел повоевать! – Луиджи в сердцах пнул ногой камешек. – Может, взять Паппину и уехать домой, в Италию...

– И что ты будешь там делать? – спросил Чиро.

– Не знаю. А здесь куда податься? Если ты не нужен армии, кому ты вообще нужен!

– Продолжай работать на Малберри-стрит. И к моему возвращению ты станешь мастером.

– Да, синьора забирает себе всю прибыль. Ты же не думаешь, что она возьмет нас в долю. Хотя именно ты подал идею насчет фургона.

– Ремо научил меня всему, я его должник, – сказал Чиро. – Но мы щедро отплатили ему. Нам нужно открыть собственное дело, Луиджи. И я рассчитываю, что ты все подготовишь, пока я буду воевать.

Это предложение явно подняло Луиджи настроение. Для парня вроде него война была главным шансом в жизни. Ему и в голову не приходило, что он может не вернуться, что мир после войны уже никогда не будет прежним. Для таких, как Луиджи, война была лишь одним большим приключением.

Тележка цветочницы, стоявшая на углу Пятой авеню и Четырнадцатой улицы, тонула в букетах белых лилий и розовых гиацинтов, украшенных золотыми бантами. Сады перед особняками окаймляли кусты самшита с блестящей ярко-зеленой листвой. В цветочных ящиках на окнах распускались лиловые и розовые васильки, красные бальзамины и ярко-желтые бархатцы.

Энца шагала к Десятой улице, с наслаждением вдыхая весенние запахи. Поднявшись по ступеням «Милбэнк-хаус», она встретила в вестибюле мисс де Курси, разбиравшую свежую почту. Та вручила Энце конверт. На нем стоял обратный адрес Метрополитен-опера. Энца бегом

преодолела четыре пролета, чтобы открыть письмо вместе с Лаурой.

– Ответили! – крикнула она, влетая в комнату.

Лаура вытащила из волос шпильку и вручила ее Энце, та осторожно вскрыла конверт.

Дорогая мисс Раванелли,

Мисс Серафина Рамунни будет рада встретиться с Вами и с Лаурой Хири 29 апреля 1917 года, в десять часов утра.

Пожалуйста, захватите с собой свои наборы для шитья и дополнительные образцы Вашего мастерства, в особенности те, что демонстрируют работу с пайетками и бисером, а также вышивку шелком.

*Всецело и искренне Ваша, мисс Кимберли Мейер,
заведующая труппой.*

Девушки немедленно кинулись в церковь Святого Франциска Ксаверия и зажгли по свечке у ног святой Люции, покровительницы портних. Как же они нуждались в этой работе! Временных заработков на кухнях явно не хватало, еще неделя – и они потеряли бы комнату в «Милбэнк-хаус».

Утром в день собеседования они съели предлагавшийся пансионом щедрый завтрак, состоявший из омлета, кофе и тостов, а потом сложили в сумочки наборы для шитья и образцы. Им нужно было пройти три квартала, чтобы встретиться с Серафиной Рамунни, главной швеей костюмерного цеха. Энца и Лаура надели свои лучшие юбки и блузки. Энца завершила наряд соломенной шляпкой венецианских гондольеров с ярко-красной лентой, а Лаура выбрала широкополую шляпу, украшенную гроздью вишен из шелка.

Всю ночь они разрабатывали план собеседования. Если мисс Рамунни понравится только одна из них, то та, которой предложат работу, должна будет принять предложение. Если открытых вакансий для портних не будет, они согласятся ждать, пока место не освободится. Обе они мечтали когда-нибудь поработать в театре, но понимали, что потребуются годы, чтобы пробиться туда, – если им вообще повезет получить работу.

Здание Метрополитен-опера, построенное из местного желтого камня – его добывали в штате Нью-Йорк, – занимало целый квартал на Западной Тридцать девятой улице. Архитектурное великолепие чувствовалось даже в деталях: резные двери, богато украшенные карнизы, палладианские арки. Размерами здание напоминало вокзал.

На первом этаже было так много отделанных медью дверей, что театр пустел за минуты. Широкая круговая подъездная дорожка принимала и автомобили, и кэбы, и кареты, запряженные лошадьми. Всем им хватало места, чтобы высадить пассажиров перед началом представления и забрать после финальных оваций.

Главный вход, охранявшийся лакеями, был окаймлен бархатными канатами. Энца и Лаура прошли через вестибюль, в котором служитель полировал белый мраморный пол машиной с мотором. Вверх уходила изогнутая лестница, покрытая рубиново-алым ковром, с натертыми до блеска медными перилами. Напоминавшая свадебный торт хрустальная люстра, с которой свисали сверкающие стеклянные капли, была опущена на системе тонких растяжек до уровня глаз. Уборщица осторожно протирала хрустальные подвески фланелевой рукавицей.

Дверь театральной кассы была распахнута. Внутри продавцы билетов, устроившие перерыв, курили и пили кофе. Лаура подошла к окошечку:

– Мы ищем Серафину Рамунни. Нам назначена встреча.

Молодой человек в нарукавниках и коричневом галстуке стряхнул пепел и кивнул:

– Она на сцене.

Лаура и Энца прошли вдоль ряда ренессансных полотен в витиеватых рамах во внутреннее фойе. Открыв дверь, они ступили в темный зал – гигантскую позолоченную шкатулку с драгоценностями. Запахи свежей краски, льняного масла и дорогих духов с нотой гардении сливались в пьянящую смесь, ряды сидений, обтянутых красным бархатом, спускались к авансцене. Сцена зияла темной пещерой. Энца подумала, что только в церкви она испытывала подобное немое благоговение.

Доски сцены поблескивали черным лаком. Прочерченные поверх них белые линии указывали, где будут стоять декорации. На авансцене виднелись небольшие крестики. Так, словно на военной карте, обозначалось место, где солист будет петь свою арию. С верхнего яруса прожекторы, как пушки, строго смотрели на эти отметки.

Полукольцо частных лож, с легкой руки Холли Никербокер и других светских репортеров прозванное «бриллиантовой подковой», было зарезервировано по подписке богатейшими людьми Нью-Йорка. Ложки нависали над партером, как изящные золотые кареты, украшенные вычурными медальонами. Позади сидений висели портьеры из алого дамаста, заглушая звуки с лестниц и из огромных коридоров. Каждый ярус мягко освещали канделябры из граненого стекла, напоминавшие диадемы.

Девушки спустились по проходу и обернулись, чтобы взглянуть на

верхние ярусы. Пустые ряды простирались сколько хватало глаз. Театр вмещал четыре тысячи зрителей, и еще двести двадцать четыре билета на стоячие места продавались дешевле, но ценились не меньше.

Грандиозное здание театра повергло Лауру в трепет. Должно быть, чтобы управляться с этим огромным хозяйством, требовались тысячи служащих. За сценой работало множество людей различных профессий – рабочих сцены, электриков, строителей декораций, бутафоров, гримеров и костюмеров.

Под каждым горшком меда на Манхэттене прячется улей, подумала Энца.

Если Лаура была воодушевлена перспективой работать в Мет, то Энца нервничала. Она страшилась за свой английский, волновалась из-за выбранных блузки и юбки. Мет и бродячие трупы, раскидывавшие шатры в лугах Скильпарии, или варьете, которые помнила Лаура из своего детства на побережье Нью-Джерси, разделяла пропасть.

Серафина Рамунни стояла на пустой сцене перед лотком, заваленным тканями. Главному костюмеру театра было за тридцать. Красивая женщина с резкими чертами лица и отличной фигурой, чью стройность подчеркивали приталенный жакет и длинная юбка со встречными складками, в коричневых ботинках из телячьей кожи. Блестящие каштановые волосы удерживала черная бархатная лента. Она рылась в лежащих перед ней рулонах, помечая булавками те, которые собиралась купить. Невесомый шифон, прочный бархат, текучий атлас были развернуты перед ней как флаги. Почувствовав на себе взгляды, она обернулась:

– С кем имею честь?...

– Лаура Хири, а это Энца Раванелли.

– Вы по поводу места швеи?

Они кивнули одновременно.

– Я мисс Рамунни. Следуйте за мной в мастерскую.

Девушки смотрели на нее снизу вверх, не понимая, куда идти.

– Вы можете подняться сюда. Ступеньки вон там.

Энца вслед за Лаурой поднялась на сцену, чувствуя себя недостойной ступить на нее. Все равно что приблизиться к дарохранительнице в соборе. Она посмотрела вниз, в тускло освещенную оркестровую яму. Черные лакированные пюпитры были завалены белыми листами нот и походили на открытые книги.

Лаура поспешила за мисс Рамунни за кулисы и вниз по лестнице в подвальный этаж. Энца же улучила минутку и обернулась, чтобы бросить

последний взгляд на огромный зал. Верхние ярусы напоминали огромное маковое поле.

– Кто написал письмо? – спросила Серафина.

– Я, – смущенно призналась Энца.

– Его читала вся костюмерная.

Лаура ободряюще взглянула на Энцу. Хороший знак.

– Мы получили от него большое удовольствие. Еще никто не пытался искать здесь работу, упоминая в качестве навыка прослушивание записей Карузо.

– Надеюсь, я не совершила ошибку, – сказала Энца.

– Образцы вашей работы спасли вас, – улыбнулась Серафина, проводя девушек в лифт, ведущий в подвал. – Обычно в запросах по поводу работы я не приветствую юмор, намеренный или нет.

Костюмерный цех в подвале Мет был огромен, целая пещера во всю длину здания. Раскроечные столы, ряды примерочных с зеркалами, где актеры могли рассмотреть себя под любым углом, швейные машины и отделочное помещение, где костюмы отпаривали, гладили и развешивали, – это была настоящая страна чудес, непохожая на все, что девушки видели до сих пор. Ткани любой выработки и текстуры: отрезы герцогского атласа сливочного цвета, рулоны жемчужного бархата, мягкие простыни серебристого фая, куски дымчато-голубой органзы – все это лежало на рабочих столах, стояло в рулонах, было сложено в корзины или уже раскраивалось в ожидании швеи.

Всюду были расставлены манекены, облаченные в наряды разной степени готовности, на стенах висели акварели, изображавшие Тристана, Леонору, Мандрагору и Ромео, – как святые в портретной галерее Ватикана.

Двадцать новейших, совершенных, блестящих черным лаком зингеровских швейных машин, снабженных яркими настольными лампами и мягкими стульями с низкими спинками, выстроились в ряд вдоль дальней стены, как танки на поле сражения. Трехстворчатое зеркало и круглая платформа для примерки стыдливо прятались в стороне за занавеской. Три длинных рабочих стола, готовых принять не меньше пятидесяти портних, делили центр комнаты на части; между ними были оставлены проходы.

Одна костюмерша разглаживала муслин на специальной доске, другая, за швейной машинкой, даже не подняла голову от работы, в то время как в следующей комнате еще несколько возились около стиральных машин с валиками для отжима, развешивая многоярусные юбки на специальных сушилках.

Лаура и Энца, оценив увиденное, тотчас же влюбились. Они уже

умирали от желания здесь работать.

Серафина выдала каждой по квадрату ткани и по коробочке прозрачного бисера. Рядом она положила нитки, иголки и ножницы. Затем открыла книгу рисунков для вышивки на странице с узором «арлекин», прославившимся благодаря Мадлен Вионне.

– Воспроизведите рисунок веера, – распорядилась Серафина. – Покажите мне, на что способны.

Девушки с помощью мела разметили ткань на треугольники. Лаура вдела нитку в иголку. Энца порылась в коробочке в поисках нужного бисера. Отобрав сколько нужно, она отнесла его Лауре, а та взамен вручила ей иголку, тут же вдев нитку еще в одну, для себя. Не обменявшись ни словом, они начали пришивать бисеринки, работая проворно и ловко.

– Увидев ваши образцы, я предположила, что вы отлично вышиваете.

– Мы умеем делать все. На машинке и на руках, – заверила Лаура.

– Сможете вышивать бисером по наброску?

– Да, я могу, мисс Рамунни, – сказала Энца. – Любой рисунок дизайнера я могу перенести на ткань и превратить в готовую вещь.

– Я знаю про бисер все, – уверенно сказала Лаура.

– А я отличная закройщица, – добавила Энца.

– Вы должны понимать, что опера – это больше, чем Карузо. Но он здесь король. Мы ставим те оперы, в которых он хочет петь, и приглашаем сопрано по его выбору. В ближайший месяц он в Лондоне, выступает в Ковент-Гардене с Антонио Скотти^[61].

– Это баритон, – припомнила Энца. – Он впервые вышел на сцену с Карузо в девятьсот третьем, здесь, в Мет. Они пели в «Тоске».

– Ты действительно разбираешься в опере.

– Она слушала самого Пуччини через кухонный лифт, – вмешалась Лаура.

– Мы работали судомойками на приеме, и он был там.

– Я не знала, что синьор Пуччини подвизается выступать на приемах.

– О нет. Это был прием в его честь, – объяснила Энца. – Исполнялись арии из «Тоски», а он согласился сесть за рояль.

– Твоя страсть и любознательность сослужат тебе здесь хорошую службу. – Серафина повернулась к Лауре: – А как насчет тебя?

– Я поклонница Джерри, – сказала Лаура. – Ну, знаете, ирландка и все такое.

– Джеральдина Фаррар^[62] – наше лучшее сопрано. Но не забывайте, что ваше место здесь. Вы в бригаде костюмеров. Вы не поклонницы. Вам

не полагается праздно глазеть. Никаких шуток, никакой фамильярности, даже если исполнители с вами знакомы. Относитесь к каждому певцу как к боссу. Если возникнут проблемы, идите к мастеру цеха.

– И кто это? – спросила Лаура.

– Я. Но для начала у нас проблема. Я могу нанять только одну из вас. Кто из вас больше хочет получить работу?

Энца и Лаура грустно посмотрели друг на друга. Их мечты о том, чтобы трудиться бок о бок, разбились вдребезги. «Отдайте это место ей», – сказали они хором.

– Нет-нет-нет, – тут же замотала головой Лаура. – Это Энца мечтала работать здесь. Пожалуйста, возьмите ее.

– Но это и твоя мечта! – Энца перевела взгляд на Серафину: – Мы с Лаурой познакомились на фабрике в Хобокене. Она учила меня английскому, а я пыталась научить ее итальянскому. Она опекала меня, а потом мы перебрались в город и стали соглашаться на любую работу, какую только могли найти. Но нашей мечтой было трудиться вместе, здесь, в Метрополитен-опера.

– Почему?

– Потому что это лучшая работа в мире, – ответила Энца. – А мы верим, что наше мастерство позволяет нам работать здесь, и от нас будет прок.

– Но конечно же, нам еще многому предстоит научиться. Мы к этому готовы, – добавила Лаура.

– Ну что же... – Серафина пробежалась пальцами по отделанным бисером часам. – Мои родители приехали из Калабрии. А я училась у Джоанны Луизо, выдающейся портнихи. Она была терпелива со мной, научила меня всему, что знала о тканях, драпировке и швах. Без нее меня бы здесь не было. Мне дали шанс.

– Будет справедливо, если место получит Энца, – сказала Лаура.

– Но меня взяла на работу ирландка по имени Элизабет Пэрент. – Она взглянула на Лауру и улыбнулась. – Ладно, возьму вас обеих, хотя мне за это голову оторвут. Перерасход бюджета запишу на счет Карузо. Господь свидетель, это и раньше случалось.

Лаура и Энца бросились друг другу в объятия, затем посмотрели на мисс Рамунни.

– Начнете с доллара в неделю. Не люблю тех, кто постоянно смотрит на часы или прерывается на чашку чая. Предпочитаю девушек, которые сидят за машинкой и шьют весь день напролет. Если вы действительно столь хороши, как говорите, то вскоре сможете заняться примерками, затем

обшивать хор. Но первое время только сборка. Иногда мы работаем всю ночь. И никаких сверхурочных.

– Мы действительно приняты? – спросила Лаура. – Обе?

Сдержанно кивнув, Серафина Рамунни произнесла сладчайшие из слов, когда-либо сказанных по-английски:

– Вы приняты на работу. Добро пожаловать в Мет.

После завершения инструктажа Энца выбрала себе швейную машинку – в самом конце ряда, как она привыкла еще на фабрике. Лаура устроилась рядом с ней, кинув в ящик стола коричневую сумку с ланчем. Позади них была сложена дюжина мундиров для хора, которые надо было перешить, заменив на них эполеты, пуговицы, приделав новые воротники и вшив лацканы. Метрополитен-опера готовилась к специальному благотворительному представлению в рамках кампании по продаже облигаций, доход шел в пользу американских войск, сражающихся на Мировой войне.

Представление планировалось на последний день июня, так что в распоряжении театра было всего две недели на создание костюмов и декораций и постановку попури из великих арий и грандиозных хоров. Сверяясь с приколотым к стене эскизом, изображавшим военную форму, девушки начали отпарывать ненужные части костюмов, использовавшихся в постановке «Дон Жуана», бережно сохраняя сутаж отделки, медные пуговицы и металлические кнопки. В костюмерной каждая застежка, пряжка, украшение после переделки повторно шли в ход. Здесь не разбрасывались даже пуговицами.

– Думаю, сегодня я встретила своего будущего мужа, – сказала Лаура.

– Где же?

– Утром в вестибюле.

– Только не швейцар!

– Нет, тот для меня слишком низенький. Я нашла высокого. Его зовут Колин Чапин. Он работает в бухгалтерии.

– Откуда ты знаешь?

– Спросила его.

– Ты просто подошла к нему и заговорила?

– А что делать. Почувствовала зов судьбы. Я не то что ты, не собираюсь ждать, пока меня за косы затянет в любовный омут. Он хочет пригласить меня в кино. Любит вестерны, особенно Тома Микса.

– Не знала, что тебе нравятся вестерны.

– А они мне и не нравятся, мне нравится он. Колин кажется таким

мудрым. Он на десять лет меня старше.

– Ты прямо вот так подошла и спросила, сколько ему лет?

– Нет, – рассмеялась Луиза. – Я все-таки воспитанная девушка. Выспросила у Джанет Мегдади в конторе.

– Ты серьезно взялась за дело.

– А как же! К тому же я выяснила, что он вдовец.

Энца в изумлении покачала головой. Лаура Хири ко всему подходила основательно.

– Знаешь, Энца, о чем я мечтаю? Мне хочется, чтобы ты перестала жить, как в Хобокене. Ты теперь свободна. Больше никто не отберет у тебя счастье.

Свобода быстро стала для Лауры естественным состоянием. Энца хотела бы и сама так же естественно чувствовать себя свободной. Лаура умела открывать в Энце лучшие стороны, а Энце не было равных в том, чтобы поддерживать в Лауре целеустремленность.

Энца положила на стол особенно богато украшенный мундир и разметила мелом лацканы и рукава.

– Этот был генералом, – сказала она и, взяв маленькие ножницы, принялась отпарывать ордена с мундира. Ловко поддевая мелкие стежки, она проворно вытаскивала нитки.

– Вы знали его лично?

Энца прервалась и подняла взгляд.

– Он скорей бы предпочел получить пулю, чем кончить вот так, под вашими ножницами, – произнес глубокий мужской голос.

Энца взглянула в голубые глаза незнакомца. Он запустил пальцы в прямые черные волосы и улыбнулся. Красивый мужчина, подумала Энца. Должно быть, баритон, судя по тембру голоса.

Незнакомец весь словно состоял из углов. Квадратные плечи, твердый подбородок, прямой нос, но при этом мягкие губы, приоткрывавшие белоснежные зубы. Стройное тело облегал темно-синий костюм в тонкую голубую полоску. Крахмальный воротничок был заколот золотым крестом. Идеальная манишка застегивалась на пуговицы из слоновой кости. Энца заметила, что рукава пиджака доходят строго до запястий и из-под них виднеются накрахмаленные манжеты сорочки, скрепленные квадратными запонками из оправленной в золото ляпис-лазури. У него были красивые руки.

– Вито Блазек, – представился мужчина.

– Вы певец? – спросила Энца.

– Реклама. Лучшая работа в этом театре. Все, что я должен делать, –

сообщать газетам, что состоится выступление синьора Карузо и к этому моменту распродано уже четыре тысячи билетов. Люблю время от времени посмотреть на тех, кто здесь действительно трудится.

– У меня есть лишние ножницы, – сказала Энца.

Вито Блазек оперся на стол. От него пахло лаймом и кедром.

– Большое искушение, – улыбнулся он.

– Не сомневаюсь, – вмешалась Лаура. – Я ее лучшая подруга, и если вы собираетесь с ней флиртовать, то вам необходимо заручиться моим одобрением.

– Что я должен сделать, чтобы произвести на вас должное впечатление?

Лаура прищурилась:

– Дайте подумать...

– А вы, дамы, умеете взять быка за рога. Боюсь только, я не знаю, как вас зовут.

– Энца Раванелли.

– Звучит словно название оперы. Раванелли? Вы с севера Италии? – спросил он. – Во мне чешская и венгерская кровь, но родился я в Нью-Йорке. То еще рагу.

– Спорим, никто не понимает в рагу больше ирландцев, – живо ответила Лаура, продолжая сверлить Блазека взглядом.

– Эй, Вито, нам пора сматываться, – сказал какой-то молодой человек, просунув голову в дверь.

– Уже бегу, – бросил Вито через плечо, затем добавил: – Надеюсь, мы с вами еще увидимся.

– Мы будем здесь – сострачивать наши сердечки и выворачивать их наизнанку, – сказала Лаура, глядя ему вслед. – У этой работы есть еще и бонусы. – Она присвистнула. – Если ты соберешься на свидание с мистером Блазеком, я сошью тебе новую шляпку.

Энца размечала мелом внутренний шов мундира.

– Я люблю голубой, – откликнулась она. – Яркий, цвет павлиньего пера.

Лаура улыбнулась, выдергивая нитки из своего мундира.

Дверь распахнулась, и в костюмерную вошла Серафина. Она положила на стол стопку папок и оглядела своих мастериц, обратив внимание на то, чем занята каждая. Взяв в руки готовый мундир для хора, она одобрительно кивнула.

– Энца, у меня есть для тебя работа. Синьор Карузо возвращается утром. Его костюмы готовы, но нуждаются в подгонке. Я бы хотела, чтобы

ты мне ассистировала.

– Для меня честь помочь вам, синьора, – ответила Энца, пытаясь скрыть удивление.

Серафина удалилась. Забрав у Энцы последний мундир, работавшие за машинками девушки бросились ее поздравлять. Лаура была так счастлива за подругу, что не сдержала победного клича.

Энца перевела дух. Она знала, что это самый важный момент в ее профессиональной жизни – миг, когда ее выделили и выбрали за талант. Ради этой возможности она и работала с четырнадцати лет. Навыки, заложенные еще в ателье синьоры Сабатино, в родных горах, и доведенные до автоматизма на фабрике, наконец-то раскрылись. Талант перестал быть ее частным делом, его увидели и оценили другие. И теперь ей предстоит подшивать одеяния самого Великого голоса. В это верилось с трудом. Если бы Анна Буффа могла ее сейчас видеть!

Бокал шампанского Un Bicchiere da Spumante

Энрико Карузо стоял на примерочном табурете в собственной просторной гримерной Метрополитен-опера и дымил сигарой.

В надежде угодить звезде декоратор позаимствовал лучшие идеи у дизайнера интерьеров Элси де Вульф, создав для Карузо логово, цветовой гаммой напоминавшее южное побережье Средиземного моря – родину певца. Не комната, а сплошь солнце, песок и морская пена. Софа в семь футов длиной, обтянутая бирюзовой шенилью и обитая гвоздями с большими коралловыми шляпками, вызывала в памяти воды Сорренто. Лампы – шары из матового стекла под мандариновыми абажурами. Над головой – медная люстра, словно клубок солнечных лучей с круглыми белыми лампочками на концах. Как будто само итальянское лето было припрятано за декорациями, костюмами и реквизитом.

– Я живу в морской раковине, – говорил Карузо. – Настоящий *scungeli*^[63].

Туалетный стол Энрико, громадный, выкрашенный белой краской, помещался под гигантским круглым зеркалом, окаймленным большими лампочками. На столе, на белоснежном полотенце, подобно хирургическим инструментам, были аккуратно разложены косметические принадлежности – кисти, пудреницы, черные карандаши для бровей и баночки с помадой для волос. Рядом стояла открытая жестянка с клеем для париков, усов и бород. Под стол был задвинут низкий позолоченный табурет.

– У меня *bagno*^[64], как у Папы, – сказал Карузо. – Ты встречалась с ним, Винченца?

– Нет, синьор. – Энца улыбнулась самой мысли, что она могла когда-либо встретиться с понтификом.

– У меня такая же ванная, – продолжал Карузо. – Только у меня там серебряные краны, а у него золотые.

Карузо был ростом в пять футов и десять дюймов^[65]. У него была обширная талия и грудная клетка в форме бочонка, которая могла расширяться на четыре дюйма, когда его легкие наполнялись воздухом, порождая тот самый знаменитый звук. Ноги были мощными, с мускулистыми икрами и крепкими бедрами, – как у рабочих, что возят

мрамор и ворочают гранитные глыбы в деревнях Южной Италии. Но изящные, мускулистые руки с тонкими запястьями словно служили им противовесом. Управлялся со своим массивным телом он так же легко, как пел. Самой запоминающейся чертой на лице Великого Карузо были глаза – большие, темно-карие, выразительные, проникновенные. Его взгляд был необычайно пронзительным, а белки глаз столь белые, что их сверкание было видно даже с галерки, будто источник света находился внутри певца. Карузо был артистом огромного эмоционального диапазона и мощи. Актер не менее выдающийся, чем певец.

Карузо знал, чего хочет его аудитория, – чтобы происходящее на сцене захватило целиком, чтобы сердца затопили чувства, и он щедро делился собой, своим талантом, черпая из бездонного колодца звука. Он был первым оперным певцом, чье пение записывалось на фонограф, и записи продавались миллионными тиражами. Он считал, что искусство – это подарок простым людям, а не только развлечение для светского общества. Джулио Гатти-Казацца, директор Метрополитен-опера в эпоху Карузо, поражался способности маэстро собрать полный зал и сделать счастливым каждого пришедшего. Невозможно было найти того, кто не любил бы Карузо, и он также любил всех.

Карузо мог тронуть аудиторию всего лишь простым жестом, одинокой слезой. Он был не чужд импровизации, что испытал на себе его хороший друг и партнер по сцене Антонио Скотти. Однажды Скотти вышел на сцену слишком рано. Но Карузо не растерялся, он подошел к Скотти, обнял его и а капелла пропел приветствие, на которое Скотти таким же образом ответил. Публика неистовствовала.

– Я потребовал, чтобы мне прислали итальянку. – Карузо, стоявший на табурете в темно-синих брюках военного образца с рубиново-красными атласными лампасами, выпустил к потолку облако серого дыма.

– В костюмерной полно итальянок, синьор Карузо, – сказала Энца, размечая мелом подшивку.

– Но Серафина говорит, что ты лучшая.

– Это очень любезно с ее стороны, сэр.

– Ты любишь оперу, Винченца?

– Очень люблю, сэр. Я раньше работала на женщину, которая постоянно ставила ваши записи. Иногда она так долго их проигрывала, что соседи кричали: «*Basta!*» – пока не вынуждали ее выключить фонограф.

Карузо от всего сердца рассмеялся.

– Ты хочешь сказать, что вовсе не каждый дом в Хобокене набит поклонниками Великого Карузо? У тебя музыкальная душа, Винченца!

Знаешь, почему я так решил? Твои брови. Они как ноты в ре минор. Выстреливают высоко, а потом падают в пропасть. Ты умеешь готовить?

– Да, синьор.

– Что ты можешь сделать?

– Ньокки.

– О, дивная пища для того, чтобы пережить долгую зиму. Ты готовишь их из картофеля?

– Конечно.

– С соусом?

– Мой любимый – из масла с шалфеем. Иногда я добавляю щепотку корицы.

– Отлично! Приготовишь ньокки для труппы, – объявил он.

– Для всей труппы? – Энца испуганно прикрыла лицо ладонью.

– Да. Для Антонио и Джерри. Для хористов. Они же поют. Им нужно хорошо питаться.

– Но где же я буду готовить?

– У тебя есть кухня?

– Я живу в пансионе.

– А я живу в отеле «Никербокер», который тоже скоро станет пансионом. Истинная роскошь покидает этот город.

– А я думала, он роскошный.

– Я избалован, Винченца. Ужасно быть старым и избалованным.

– Вы совсем не старый, синьор.

– Я лысый.

– Молодые тоже бывают лысыми.

– Это все верхние ноты виноваты! Когда я беру их, то сдуваю волосы с головы.

Энца улыбнулась.

– Смотри-ка, ты умеешь улыбаться! Винченца, ты слишком серьезна. Мы все-таки работаем в театре. Дым, зеркала, румяна, корсеты. У меня тоже есть корсет, знаешь ли.

– Он не понадобился бы, если бы ваши костюмы шила я, – заверила его Энца.

– Правда?

– Истинная правда, сэр. Самое главное – пропорции. Если бы я придумывала вашу блузу для «Тоски», то приподняла бы плечи, приспустила рукава, прихватила бы сзади талию, подчеркнула бы ее поясом и взяла пуговицы в два раза крупнее. Вы бы просто съежились! А если бы я сшила брюки из той же ткани, что и блузу, и предложила вам

надеть остроносые туфли, вы бы стали еще стройнее.

– О, *la bella figura* в стиле Карузо! Мне, безусловно, нужно похудеть, но я не готов отказаться от ньокки!

– А вы и не должны отказываться. Я могу достичь желанного для вас результата, просто создавая иллюзию.

– Боже. Говорите старику то, что он жаждет услышать. – В дверях, дымя сигаретой, стояла Джеральдина Фаррар.

На ней была длинная бархатная юбка, которую она предпочитала для репетиций. Светло-каштановые волосы, заплетенные в две косы, как у деревенской молочницы, лежали на груди поверх белой хлопковой блузки с черным кашемировым жакетиком-болеро. Одета певица была очень просто, почти небрежно. Энца еще не видела женщины столь прекрасной и при этом не осознающей своей красоты. Кожа Джеральдины цветом напоминала золотистый жемчуг, и эта смуглость прекрасно оттеняла светло-голубые глаза. Улыбалась она широко, как настоящая американка.

– Джерри, уйди! – сказал Карузо.

– Мне скучно. – Она стала рыться в коробочке с пуговицами, стоявшей на столе.

– Здесь ты развлечений не найдешь.

– И не говори.

– Винченца собирается приготовить для нас ньокки.

– Тебе полагается только теплый чай и тосты. Доктор прописал тебе диету, – напомнила Джеральдина.

– Винченца обещала сшить мне волшебный костюм. Я буду казаться стройнее, если смотреть из бельэтажа.

– Слоны из бельэтажа тоже кажутся стройнее, – заметила Джеральдина. Она переместилась к рабочему столу. – Что мне надеть на вечеринку?

– Пунцовый атлас.

– Я предпочитаю синий. Васильково-синий. Кому мне об этом сказать?

– Мисс Рамунни.

– Этой старой мегере?

– Вы моложе меня ровно на год, мисс Фаррар. – В дверях стояла Серафина Рамунни.

– Ах, я попалась! – Джеральдина рухнула на стол, будто ее подстрелили.

– И ваше платье будет не пунцовым или синим, оно будет зеленым, – объявила Серафина. – Декорации у нас в малиновых тонах, а я не хочу, чтобы soprano смотрелось как дешевый голубой рожок на фоне дамаска.

Зеленый по-настоящему выстрелит.

– Тьфу на вас. Хоть на этот раз дайте мне надеть то, что я хочу! – проворчала Джеральдина.

– Истинная артистка, – прошептал Карузо Энце. – Но ужасно придиричивая.

– Эй, послушай-ка. Я не нуждаюсь в твоих замечаниях. Я делаю тебе одолжение, участвуя в этом бенефисе, – сказала Джерри. – Ты мой должник.

– Позволь напомнить, я итальянец, а делаю все это для американских солдат. Это проявление щедрости *с моей* стороны. Это *вы* мне обязаны.

– В последний раз, когда я узнавала, итальянцы воевали на нашей стороне.

– Таким образом я убиваю двумя выстрелами двух зайцев!

– Двух зайцев одним выстрелом! Боже, как я ненавижу, когда не запоминают идиомы!

– Я пыталась учить Великого Карузо, но Великий Карузо не хочет учиться, – сказала Серафина.

– По крайней мере, она называет меня Великим Карузо. – Певец подмигнул Энце. – Когда она называет меня Энрике, я тревожусь.

Энца стояла перед личным манекеном Джеральдины Фаррар, на который было наброшено одеяние из изумрудно-зеленого атласа с бледно-зеленой атласной подкладкой, расходящееся книзу широкими складками.

На облегавшем лифе маленькие крестики отмечали места, где следует пришить пайетки – треугольные хрустальные капельки. Энца расшивала платье бисером уже двое суток и надеялась завершить работу к концу этой долгой ночи. Она взяла иглу. Каждый хрусталик она старалась разместить с величайшей точностью, дважды прихватив его ниткой, – если смотреть из бельэтажа, Джеральдина Фаррар будет сверкать.

Лучше всего Энце думалось, когда она занималась вот таким кропотливым трудом, требовавшим полной сосредоточенности. Джакомина учила дочь, что если случилось горе, то нужно докапываться до его смысла в твоей жизни, и тогда горе сделает тебя сильнее, а не придавит своим бременем. Все годы, проведенные в семье Буффа, Энца пыталась отыскать какой-то смысл в дурном обращении, которое терпела, но ей это так и не удалось.

Но теперь, пришивая хрустальные капельки, она наконец поняла мудрость матери. Синьора Буффа постоянно проигрывала оперные арии. Голос Великого Карузо сопровождал все страдания Энцы – каждую

выжатую простыню, каждое движение тряпки по линолеуму, каждый разрезанный помидор, каждую полоску пасты. Пока Энца трудилась на Адамс-стрит, она выучила оперные сюжеты – «Фра Анжелико», «Паяцы», «Кармен», «Богема». Она слышала лучшие арии Верди, Пуччини, Вагнера в мастерском исполнении. Музыка стала ее частью. Благодаря ей она получила место в Метрополитен-опера.

Энца выскользнула из юбки и расстегнула блузку. Потянула вниз молнию на дивном зеленом наряде и набросила его на себя. Приподняв подол, она встала на табурет для примерки и со всех сторон рассмотрела зеленый туалет в трехстворчатом зеркале. Складки зеленого атласа напоминали о ласковых волнах летнего озера – тот самый эффект, которого Энца и добивалась, заложив на лифе крошечные защипы и опустив сзади линию талии. Вдоль низко вырезанной спинки вниз по прямой линии шла гирлянда из кусочков хрусталя, при малейшем движении она отбрасывала блики, создавая на атласе вдоль шва эффект мерцающей водной глади. Энца осмотрела лиф и линию талии, пройму и рукава. Она отвесила глубокий поклон и медленно выпрямилась, чтобы проверить, как легли складки на юбке. «*Bellissima*», – подумала она.

Сидя под старым вязом во дворе лавки на Малберри-стрит, Чиро глубоко затянулся. Дым сигарет с ментолом успокаивал. Серебряная луна казалась заклепкой на черной коже. Он откинулся на спинку кресла, глядя на звездное небо. Возможно, он почитает что-нибудь по астрономии на пути во Францию, научится ориентироваться по звездам. Он полагал, что этот навык понадобится в незнакомом месте, когда единственные неизменные приметы окажутся над головой. Поля, холмы и деревни Франции ему чужие.

Готовя Чиро к отъезду, синьора Дзанетти выстирала, выгладила и повесила на плечики его форму невзрачного грязно-коричневого цвета. В траншеях на поле боя солдаты должны сливаться с землей. Военная куртка сидела на нем неплохо, если потуже затянуть ремень, а брюки были широковаты в талии, но подходящей длины. Высокий рост в очередной раз сослужил ему хорошую службу.

Зная, что ночи во Франции могут быть холодными, Ремо купил Чиро лишнюю пару носков и двойные хлопковые подштанники. Паппина выгладила носовые платки, а Луиджи подарил новое вечное перо, хотя они с Луиджи оба знали: маловероятно, что здесь дождутся письма от Чиро. Содержимое его рюкзака мало отличалось от того набора вещей, с которым Чиро покинул монастырь и пересек Атлантику, когда ему было пятнадцать.

Многое изменилось, но не его потребности.

Чиро представил свою мать, гадая, что бы она подумала про войну и сына-солдата. Он решил, что ей бы не понравилась невзрачная униформа. Эдуардо, наверное, поддержал бы его, но не захотел бы, чтобы брат сложил жизнь – кроме как во славу Господню.

Мысли Чиро переключились на отца, и он заплакал, – он плакал обо всем, чего лишился. Отец знал бы, что сказать и как приготовить его к худшему. Отец учит сына быть храбрым, поступать по правде и защищать слабых. Чиро потушил сигарету и спрятал лицо в ладонях, склонившись вперед, укрываясь от звезд под пологом листвы.

Вытерев слезы рукавом, Чиро снова откинулся в кресле, не чувствуя облегчения от этого взрыва чувств. Слабоватый катарсис, подумал он. И снова взглянул на небо. Луна стала ярче – но в ее сиянии звезды меркли, теперь это были булавки, воткнутые в гигантскую карту будущих сражений.

В маленькой кухоньке при апартаментах Энрико Карузо не было окон. Энца раскатала на столе тесто для ньокки, как учила мать. Начистить и вовремя сварить корзину картошки – непростая задача, но Энца пришла пораньше и, тщательно рассчитав время, успела истолочь вареную картошку, добавила муку и яйца. Паста прекрасно держала форму, совсем как на старом деревенском столе на кухне в Скильпарิโอ.

– Как дела? – спросила Лаура, выкладывая пакеты со свежей зеленью.

Ее сопровождал Колин Чапин, театральный бухгалтер-эрудит, которого Лаура взяла в оборот сразу, как только они начали работать в театре. Сегодня на нем был элегантный костюм, манишка и галстук. Светлые волосы Колина всегда были тщательно расчесаны, серые глаза смотрели внимательно, а очки в толстой роговой оправе придавали ему профессорский вид.

– Купили хлеба у Веньеро. – Колин открыл коричневый пакет и показал Энце буханки.

– Превосходно.

– А шалфей – на рынке у Кассио, – добавила Лаура. – Забавно, я никогда не видела, чтобы Феличита развешивала там базилик.

– И не увидишь, – ответила Энца.

– Вы знакомы с «Овощами Кассио»? – спросил Колин.

– Если она – «Овощи Кассио», то я – «Хлопок Хири», а Энца – «Джут Раванелли».

– Я все-таки пошикарнее, чем джут. – Энца промокнула руки фартуком

и насыпала соли в большую кастрюлю с кипящей водой.

Зазвонил дверной колокольчик, Колин пошел открывать. Портье катил перед собой тележку, уставленную бутылками вина, гранеными бутылочками с ликером, хрустальными фужерами, изящными бокалами для шампанского. Было здесь и узорчатое серебряное ведерко со льдом.

– Ну и попойка намечается! – рассмеялся Колин, и Лаура бросила на него в раскрытые двери буфетной полный обожания взгляд.

– Ты влюблена, – с улыбкой заметила Энца.

– Втрескалась по самые завязки, – мечтательно откликнулась Лаура.

– Мне еще не пора подыскивать одноместную комнату в «Милбэнк-хаус»? Когда он собирается познакомить тебя с сыновьями?

– Надеюсь, скоро, но искать соседку по комнате тебе еще рано.

Раскатав последнюю колбаску ньюкки, Энца порезала ее на кусочки и каждый наколола вилкой, пока Лаура мыла в раковине и разбирала зелень.

Энца приготовила соус, почистив шафран и положив его на сковородку, где в оливковом масле уже томился чеснок. Она уменьшила огонь и добавила к смеси еще и сливочное масло. Номер наполнился ароматом итальянского деревенского лета.

– Девушки, вы там как? – спросил Колин.

– Думаю, у нас все готово, – сказала Лаура, оглядывая кухню.

– Тогда я пойду, – сказал Колин.

– Спасибо, – ответила Энца, – вы очень помогли.

– Не за что! – Он подмигнул Лауре, взял шляпу и был таков.

– Этот человек совершенно не вписывается в мою семью. Он ходил в школу «Филипс Эксетер», закончил Амхерст и командовал яхтой во время регаты где-то близ побережья Род-Айленда. Его мать ведет свой род от людей, которые прожили здесь так долго, что у них есть почтовые ящики в Джеймстауне. Я вышла из своей лиги. Прыгнула выше головы. И я совершенно одурманена. Поверь, когда он увидит моих родичей и обнаружит, что мы варим собственное пиво, он больше никогда не пригласит меня на свидание.

– Тогда привези их на Манхэттен, чтобы знакомство состоялось здесь.

– Ага, все семьдесят тысяч родственников. Вместо парома мне понадобится баржа. Нет, спасибо, я предпочту держать семью подальше от посторонних глаз. Если вывалить на него сразу всю эту кучу, он сбежит.

– Если он тебя любит, то не испугается и населения всей Ирландии.

– Ты слишком наивная, – вздохнула Лаура. – Когда дело доходит до положения в обществе, все, что они согласны смешивать, – это коктейли.

Дверь номера распахнулась, впуская лучшие голоса Метрополитен-

опера.

Стены апартаментов были обиты белым дамасским шелком с рисунком из черного бархата – цветовая гамма нотной бумаги. Плавные изгибы и певучие линии мебели напоминали о музыкальных инструментах. Две удивительно мягкие белые английские кушетки стояли одна напротив другой, их разделял пуфик, отделанный перламутровыми пуговицами. Единственным ярким пятном в комнате были кроваво-красные розы в окружении глянцевых зеленых листьев, стоявшие в серебряной вазе. Прятавшийся в алькове стол был накрыт к обеду – принадлежавший отелю прекрасный костяной фарфор и приборы из чистого серебра.

– Я на небесах! – донесся из прихожей голос Энрико Карузо. – Шафран! Чеснок! *Burro!*^[66]

– Они рановато! – всполошилась Лаура, помешивая соус. – Нам еще столько всего нужно сделать!

– Спокойствие, – отозвалась Энца.

– Да тут затевается нечто особенное, Эрри! – воскликнула Джеральдина; она стянула через голову джемпер и достала из кармана юбки сигареты.

– Мне необходим бокал вина, – заявил Антонио Скотти, снимая шляпу. Скотти был среднего роста, с чертами типичного уроженца Центральной Италии: нос выдавался как альпийский пик, губы красиво изгибались, а небольшие карие глаза наводили на мысль о птице.

– Я налью. – Карузо откупорил бутылку, наполнил бокалы, не забыв и свой, а потом отправился к девушкам на кухню.

Энца бросала комочки ньокки в кипящую воду.

– Наконец-то поем, как подобает крестьянину, – воскликнул Карузо.

Антонио тоже присоединился к ним.

– Где ты нашел кухарку?

– За швейной машинкой.

– Звучит угрожающе, – заметил Антонио.

– У женщин часто больше одного таланта, Антонио. Если тебе повезло, то талантов два. Они могут приготовить как ньокки, так и... фрикадельки.

– Следите за словами, мальчики. Тут леди, даже три. – Джерри отпила глоток вина. – Что вы готовите?

– Ньокки с шафраном, – ответила Энца.

Карузо запустил пальцы в миску с только что натертым пармезаном.

– Я путешествую с кругом своего собственного сыра.

– Уж лучше, чем с женой, – откликнулась Джеральдина.

– Весит он точно больше, – сказал Карузо. – Моя малышка Доро предпочитает Италию. Она перекрашивает виллу.

– Мы работаем, а твоя Доро развлекается, – пожал плечами Антонио.

– Тебе нужна жена, Антонио, – сказал Карузо.

– Ни за что. Я сам покрашу свою виллу.

– Женщины придают жизни форму и смысл, – заверил Карузо.

– Тебе лучше знать. Ты всегда то с одной, то с другой, – заметил Антонио.

Энца выкладывала дымящиеся клецки в миску, пока Лаура медленно помешивала соус. Затем Лаура передала ложку Энце, та добавила в сковороду чашку сливок и, обернув посудным полотенцем рукоятку половника, полила соусом исходящие паром ньокки.

– Итальянцы в конце концов всегда оказываются на кухне, – объявил Антонио. – Это наша судьба.

Зазвенел колокольчик.

– Я открою. Возможно, это моя истинная любовь. – Джеральдина проскользнула сквозь низенькие, как в салуне, дверки.

– Вряд ли, – сухо заметил Антонио. – Он в Италии, с женой.

Лаура, накладывавшая салат, опустила голову, как истинная ирландская судомойка, притворившись, что ей нет дела до сплетен.

– Прошу всех к столу, – произнесла Энца.

Энца и Лаура быстро посыпали ньокки тертым пармезаном и охристыми кружевными нитями шафрана.

– Я буду прислуживать за столом, а ты собирай тарелки, – распорядилась Энца.

– С радостью. Только побереги что-нибудь для нас, – прошептала Лаура. – Запах божественный!

Когда Энрико Карузо пригласил ее приготовить «тарелочку ньокки», Энца немедленно отправилась к Серафине. Сначала та была против. Но когда Карузо сам обмолвился об этом мисс Рамунни, она поняла, что придется позволить Энце заняться стряпней. В Метрополитен-опера Карузо никогда ни в чем не отказывали, ни в больших просьбах, ни в малых. Серафина только указала Энце, чтобы та не забывала о своем месте: ей следовало прислуживать маэстро и его друзьям, но не присоединяться к ним за столом и даже не допускать таких помыслов со стороны Карузо.

Энца резко остановилась, увидев Вито Блазека, сидевшего по правую руку от Карузо, напротив Джеральдины. Антонио уселся во главе стола, лицом к хозяину. Вито поднял взгляд и подмигнул Энце. Она вспыхнула.

– *Delizioso*, Энца! – воскликнул Карузо, когда Энца принялась

составлять тарелки из-под салата на поднос.

Быстро накрыв на стол, Энца вернулась на кухню.

– Ты видела? – Она сгрузила тарелки в раковину.

Лаура выглянула в дверь:

– Вито Блазек. Реклама. Он везде. Полагаю, это не случайно.

– Наверняка решит, что я прислуга, – разочарованно проговорила Энца.

– Ты и есть прислуга. Как и я, если уж на то пошло.

– Он встречается с Джеральдиной? – спросила Энца.

– Сомневаюсь. Синьор Скотти сказал, что у нее любовник в Италии, разве не помнишь?

– Я старалась не обращать внимания.

Лаура налила Энце бокал вина, и они прислушались к разговору за дверью. Антонио говорил об изменениях, произошедших в Англии с тех пор, как та вступила в войну, и о том, что публика нынче жаждет музыки больше, чем когда-либо. Карузо заметил, что война благотворно влияет на одни лишь искусства – в суровые времена они переживают расцвет. Джеральдина рассказала о своих концертах в Италии. Лаура хихикнула, осознав, что они только что приготовили ньокки для величайшей оперной звезды мира, а еще прошлой зимой бегали по улицам Хобокена в вареной шерсти и дешевых шляпках. Энца шикнула на нее, чтобы не мешала подслушивать.

Карузо, размахивая надетой на вилку клецкой, говорил:

– Мой хороший друг Отто Кан не может сидеть в зрительном зале, потому что он иудей. Зато он платит за все, что вы видите, включая зал, занавес, декорации, костюмы и певцов. Без него не было бы большой оперы.

– Почему же тогда он дает эти деньги, при таком отношении к своей религии? – спросил Вито.

– Любовь, – улыбнулся Карузо. – Он любит искусство так же, как я люблю жизнь.

– Ты хочешь сказать, что он любит искусство так же, как ты любишь женщин, – заметил Антонио.

– Женщины и есть жизнь, Антонио, – рассмеялся Карузо.

– Мистер Кан говорит, что пианино в каждой квартире предотвратит преступления скорее, чем полисмен на каждом углу, – сказал Вито.

– И он именно тот, кто купит эти пианино, поверьте. Мне бы хотелось быть миссис Кан, но он уже женат. На красавице по имени Адди. Как обычно, опоздала на одну арию и один день. – Джеральдина отсалютовала

себе бокалом.

– Бедная Джерри, – сказал Энрико без тени сочувствия.

Энца и Лаура собрались съесть на двоих тарелочку ньокки. Они уселись за кухонный стол. Девушки ели медленно, наслаждаясь каждым кусочком.

– Ну здравствуй. Получив приглашение, я и не понял, что именно ты – та итальянка, которая готовит ужин для Карузо. – В дверях стоял Вито. Его руки спокойно лежали на низеньких дверках, загораживающих вход в кухню. – Вкуснейшее угощение, которое я когда-либо пробовал.

– Она вполне может бросить иголку и вооружиться половником, – заметила Лаура.

– Никогда, – ответила Энца.

– Кто бы ни женился на тебе, он будет сыт до конца своих дней. А тот, кто женится на мне... получит чистую раковину, – сказала Лаура.

– Что вы делаете после ужина? – спросил Вито.

– Я занята, – пошутила Лаура.

– Ты тоже занята, Энца? – осведомился Вито.

Энца улыбнулась, но не ответила. Возможно, Лаура права. Вито Блазек появлялся везде, где бывала Энца, – за кулисами, в костюмерной и на галерке. Энцу еще никогда так пылко не преследовали, и ей это понравилось. Вито был элегантен, ухожен, красив, но более всего Энцу пленяла его настойчивость. Это качество она понимала и ценила.

Лаура подтолкнула Энцу локтем:

– Ответь человеку. Он просто-напросто приглашает тебя на свидание.

– Этим вечером я не занята, мистер Блазек.

– Чудесно, – улыбнулся он.

Пока Энца и Лаура приводили в порядок кухню, из номера долетал запах сигаретного дыма и кофе. Энца думала о кухне Анны Буффа и о том, что ее стряпню там никогда не ценили, только ругали. Энца поняла: благодарный человек – значит, счастливый.

Синьор Карузо еще много раз просил Энцу приготовить ему тарелочку чего-нибудь итальянского, и девушкам теперь случалось варить спагетти в самых странных местах: в буфете Мет, на плитке в театральной уборной Карузо... Много раз Энца готовила что-то лично для Карузо, чтобы он взял ужин с собой в отель после репетиции. Величайшие звезды, недостижимые для простых людей, за исключением тех моментов, когда они, стоя на сцене, протягивали руки к публике в бархатных креслах, на самом деле тосковали по дому, лишенные пристанища. Карузо всегда помнил о теплом

итальянском солнце и нежной золотой луне Караваджо, и стряпня маленькой швеи немного приближала его к родине.

С того дня, как Энца согласилась на свидание, Вито Блазек сделался еще настойчивей – так журналист охотится за сенсацией. Он вручил ей Манхэттен – как хрустальный бокал, до краев наполненный шампанским и никогда не пустеющий. У него были билеты на все бродвейские премьеры, приглашения на шикарные вечеринки в пентхаусах, места в ложе на концертах в Карнеги-холле. Они проводили долгие часы в кафе-автомате, ночь напролет рассуждая об искусстве. Он давал ей книги, водил в зоопарк в Бронксе и на длинные прогулки вдоль Пятой авеню. За Энцей по-настоящему ухаживали, и она наслаждалась каждым мгновением.

Вито уселся на место у прохода в «Фонтейне» на Западной Сорок пятой улице и протянул Энце коробку с попкорном. В этом синематографе фильмы шли почти круглосуточно, но лучше всего было в послеполуденные часы, когда разрешалось остаться и посмотреть понравившийся фильм во второй раз, потому что в рабочие часы залы пустовали. Поздние сеансы были очень удобны для мастериц из Мет – их рабочий день длился долго, примерки и репетиции затягивались допоздна. Вито похищал Энцу, чтобы сходить на ночной сеанс, зная, что им придется гулять до утра, ибо двери «Милбэнк-хаус» открывались только к завтраку. Он ухитрялся заполнить эти ранние часы удивительными экскурсиями. Энца каждый раз не могла угадать, куда он поведет ее сегодня. Живя у Буффа в Хобокене, она и не представляла, что бывает такой восторг. В горах не существовало ничего подобного. Все было ново для нее. Впервые за долгое время Энца наслаждалась молодостью в компании джентльмена, который знал в жизни толк. Он с радостью знакомил ее со своим миром и получал особое удовольствие от того, что ей по вкусу эти открытия.

– Надеюсь, фильм тебе понравится, – прошептал Вито.

– Это мой первый, – призналась Энца.

– Ты до сих пор не бывала в кино?

– Мы с Лаурой посмотрели несколько отрывков в Атлантик-Сити. Но фильм целиком – никогда, – улыбнулась она.

– Чарли Чаплин – мой бог, – сказал Вито. – Он заставляет меня смеяться почти так же много, как ты.

Энца улыбнулась про себя. Похоже, набожного человека ей встретить не суждено.

Служитель в бордовой униформе потянул за шнур, раздвигая занавес. Тяжелые драпировки разъехались, за ними обнаружился огромный

серебристый экран. Сердце Энцы забилося быстрее, ее охватило то восхитительное чувство предвкушения, с каким она всегда переворачивала первую страницу новой книги. На экране возникла надпись:

«Иммигрант»

Фильм Чарли Чаплина

Гигантский пароход плыл через Атлантику, следом за ним тянулась дорожка из пенных бурунов. Камера переместилась на палубу. Маленький бродяжка Чаплин выделял кульбиты вместе с бедными иммигрантами, одетыми так же, как товарищи Энцы по путешествию на «Рошамбо». Публика взревела от смеха, увидев, как Чаплин, поймав рыбу, кинул ее в спящего иммигранта и та угодила бедняге в нос. Энце это вовсе не показалось забавным. Вскоре образ качающегося корабля оживил в памяти пережитые ею головокружение и лихорадку. Борясь со слабостью, Энца стянула перчатки и сунула руки в карманы пальто. В конце концов она извинилась и выбежала из зала в фойе.

– Энца, – Вито нагнал ее, – что случилось?

– Я не могу на это смотреть... Прости, пожалуйста!

Вито обнял ее:

– Нет, это ты меня прости. Я идиот. Ты плыла на таком же корабле, верно?

– Я мало что помню, мне было тогда очень плохо.

– Мне следовало спросить. Пойдем. Тебе нужен воздух.

Вито вывел Энцу наружу, приобняв ее за плечи. Прохладный ночной воздух привел девушку в чувство, и ей стало стыдно.

– Мне так неловко. Наверное, ты думаешь, что я дурочка.

– Вовсе нет. Мне бы хотелось знать, что именно вызвало у тебя такую сильную реакцию.

– Я приехала сюда заработать денег, чтобы построить дом в родных горах. Мы не собирались задерживаться надолго. И вот прошло семь лет, мой папа все еще строит дороги. Но дом почти закончен, и скоро отец отправится домой.

– Ты тоже уедешь?

– Мне сказали, что я никогда не смогу вновь пересечь океан.

Энце не хотелось говорить об этом. С первых дней она занималась тем, что зарабатывала деньги, чтобы держаться на плаву и отсылать домой. Но рано или поздно ей пришлось бы взглянуть правде в лицо: она может никогда не вернуться в родные горы. А ей так мечталось о счастье.

– Похоже, мне придется сделать тебя счастливой здесь. И настолько счастливой, чтобы ты не тосковала по своим горам.

– Ты думаешь, человек в силах сделать счастливым другого?

– Помнишь, я сказал, что мой бог – Чарли Чаплин. Но на самом деле мой бог – это любовь. Мне хорошо живется, но жизнь моя пуста. Я всего лишь городской глашатай. Общаюсь с прессой и стараюсь добиться, чтобы все места в Мет были заполнены. Иногда люди завидуют мне. Я знаком со старлетками, с танцовщицами и сопрано. Но истина в том, что лишь одна-единственная швея – и по совместительству кухарка – способна сделать меня счастливым.

– Ты говоришь так уверенно.

– Для настоящей любви нужна особенная девушка.

– Ты веришь в любовь так, как я верю в святых.

– А во что еще ты веришь? – Вито надеялся, что Энца верит в него.

– В семью.

– Нет, ты. Лично ты. Отдельно от твоей семьи.

Энца задумалась. Ее первая мысль всегда была о семье, о здоровье отца, о потребностях матери. Она беспокоилась о братьях и сестрах, об их благосостоянии и будущем. Она так долго жила лишь для них, что не знала, как жить без них. Она пересекла океан, чтобы защитить их. Они всегда были единственной целью в ее жизни.

И Вито это понял.

– Ты должна подумать о том, чего хочешь ты сама. Чего ты хочешь от жизни? Помимо того, чтобы шить костюмы синьору Карузо, а потом расставлять их, потому что приготовила ему слишком много макарони.

– Меня еще никто об этом не спрашивал.

– Прости.

– Нет, я рада, что ты спросил. Ты не только водил меня в разные восхитительные места, но еще и заставил меня задуматься. Это не менее важно.

– Ты – вот что важно, – сказал Вито.

На углу Сорок шестой улицы и Пятой авеню он остановился и поцеловал ее. Энца не знала, куда это их заведет, но на сей раз не стала спрашивать. Лишь поцеловала его в ответ, разрешив себе просто жить.

Визитная карточка

Un Biglietto da Visita

Гирлянды из пурпурных глициний, закрепленные на бархатных канатах у входа в Метрополитен-опера, вызвали в памяти виноградные шпалеры в садах Тосканы.

Пока светские дамы занимали места в очереди, чтобы войти, их броши с изумрудами и сапфирами и платиновые диадемы, мерцавшие жемчугами и бриллиантами, создавали впечатление, что вы под звездным небом в зачарованном лесу, наполненном феями – разве что бескрылыми.

В подвале театра костюмеры передавали подправленные в последнюю минуту костюмы одевавшим артистов ассистентам, и те со всех ног бежали из катакомб наверх, в театральные уборные, где звезды перед выходом на сцену просматривали ноты своих партий и распевали гаммы.

Синьор Карузо нервничал.

Соединенные Штаты вступили в Мировую войну, и Карузо хотел выразить этой стране свою признательность. Вместе с Антонио Скотти они поставили специальную программу, включив в нее арии из любимых опер и заручившись помощью хора Мет и верных товарищей – таких, как Джеральдина Фаррар. Даже Элиа Пальма приехал из Филадельфийской оперы в сопровождении своих любимых сопрано, чтобы принять участие в звездном вечере. Абсолютно все друзья Карузо собрались, чтобы выйти на сцену или сыграть в оркестре. Никто не отверг приглашения маэстро.

Карузо нравилось играть несколько ролей за вечер, но до сих пор он это делал лишь в частных домах или в небольших собраниях. Сейчас его костюмы висели на специальной передвижной вешалке, а сам он, в белых хлопковых подштанниках, рубашке и бежевых шелковых носках, курил сигару, просматривая написанный от руки перечень номеров сегодняшнего представления, в которых должен был петь.

В партере, куда ни глянь, были люди в новенькой, хрустящей коричневой форме – солдатам, отплывавшим в Европу, раздавались бесплатные билеты. С истинно военной точностью они занимали ряд за рядом, словно выполняя маневр.

«Бриллиантовую подкову» переполнял нью-йоркский высший свет, элегантные вечерние туалеты переливались коралловым, изумрудно-

зеленым и бирюзовым. Из-за этого ложи казались оконными ящиками с пышными растениями в полном цвету.

Визитные карточки, отпечатанные вручную на льняной бумаге, лежали на круглом столике в вестибюле позади лож. Имена, выведенные темно-синими изящными буквами, принадлежали аристократии, политической и военной элите, равно как и семьям, построившим город и оказывающим поддержку его культуре, – Вандербильт, Кушинг, Элсуорт, Уитни, Крават, Стил и Гриноу. Они входили в свои ложи, где было сервировано шампанское с клубникой, и ждали, пока поднимется занавес, – с тем же головокружительным предвкушением, что и простой рабочий, купивший стоячий билет на галерку, чтобы послушать великого Карузо.

Джеральдина Фаррар скользнула в свое атласное платье, покрутив бедрами, затем натянула сверху корсаж.

– Да, и без синего хорошо, – сказала она. – Серафина, вы были правы.

– Благодарю вас. – Серафина, скрестившая на груди руки, признательно склонила голову.

Ассистентка подвинула зеркало, чтобы Джеральдина смогла увидеть, как выглядит туалет со спины. Та кивнула, довольная результатом, и костюмерша вручила ей пару бриллиантовых сережек-капелек. Джеральдина вставила их в уши и застегнула – так застегивают кнопки рабочего комбинезона.

Антонио Скотти, одетый в смокинг, прикрыл рубашку и широкий шелковый пояс чистым полотенцем. Маленькими глотками он пил из чашки теплое консомэ из цыпленка, одновременно просматривая ноты выбранных им номеров и прерываясь, чтобы обдумать отдельные пассажи.

Энца и Лаура, подобрав подола вечерних туалетов, со всех ног мчались по расположенным под сценой катакомбам. Платье Энцы было розовое, из атласа, с заниженной талией, скроенное по косой, Лаура же выбрала желтую юбку из плотного фактурного шелка, на поясе был завязан огромный бант из лилового тюля. К ней она надела белую шелковую блузку с обтянутыми тканью пуговицами.

– Поспешите, бабочки, – крикнул Колин от самого выхода.

Девушки, смеясь, подбежали к нему.

– Вито ждет нас у осветителей.

Энца и Лаура последовали за Колином тайными коридорами, вверх по лестницам, пока не оказались прямо за «бриллиантовой подковой». Они слышали шарканье подошв прямо над головой, на балконе, – это занимали свои места благотворители.

Приподняв юбки, девушки принялись взбираться вслед за Колином на

балкон для осветителей, чтобы устроиться там за длинным рядом прожекторов, похожим на гирлянду из полных лун, – счастливая примета.

Вито, во фраке, протянул руку, чтобы помочь Энце подняться, и коснулся губами ее щеки.

– Выглядишь прекрасно, – сказал он.

– Ты тоже, – откликнулась Энца.

– У тебя совсем не сбилось дыхание, – поразился Вито.

– Она же альпийская козочка, помнишь? – встряла Лаура. – Вот ирландки привыкли бегать по равнине, и не дальше, чем к соседке.

Колин за бедра подтолкнул Лауру наверх, к Энце и Вито.

– Мне тоже положен теплый прием? – спросила Лаура у Вито, одергивая юбку.

– Нет, только теплое шампанское.

– Значит, не зря я сюда забиралась.

Вито выстрелил пробкой и раздал бумажные стаканчики. Зазвучали тимпаны, как тревожный набат в древней долине.

Все четверо уселись на табуретки, огромный занавес раздвинулся, и голубой прожектор омыл Энрико Карузо единственным сияющим лучом.

Публика встала. Глаза Карузо черными бриллиантами мерцали в голубом свете, он широко улыбался – с удовлетворением человека, любящего свое дело. Взмыли скрипки, и над толпой поплыла первая нота, чистое ля средней октавы, как звучный пушечный выстрел.

Энца взяла руку Вито и крепко ее сжала.

Вито покинул галерею для осветителей еще до того, как опустился занавес, чтобы сопровождать прессу в гримерную Карузо. Солдаты аплодировали стоя. Их овации длились целых шесть минут, пока Карузо не пожелал им доброй ночи, пошутив, что война точно будет проиграна, если он продолжит петь, а они – слушать.

Лаура и Колин вернулись в помещение кассы, где Колин должен был подсчитать сегодняшнюю выручку, составить ведомость и отнести сумки с наличными управляющему. Деньги должны были пойти на покупку облигаций в пользу солдатских семей. Лаура сидела рядом, пока Колин крутил ручку кассового аппарата.

Вито полагал, что работа с прессой отнимет у него несколько часов, поэтому он заказал для Энцы такси. Но погода была отличной, воздух благоухал, так что она решила пройти пешком. Пробираясь сквозь толпу солдат, чтобы выйти на Пятую авеню и направиться домой, она, спасаясь от ночной прохлады, накинула на плечи розовое болеро.

– Энца! – окликнули ее из толпы.

Она посмотрела по сторонам, но не нашла ни одного знакомого лица. Такое часто случалось с ней в Нью-Йорке. Она подумала, не коснулся ли ее прилетевший издалека мысленный зов матери, – такая глубокая тоска была в этом возгласе, раздавшемся среди городского гомона.

– Энца!

Почувствовав чье-то прикосновение, Энца оглянулась, и глаза ее встретились с зеленоватыми глазами Чиро Ладзари, который в коричневой форме американской армии выглядел великаном – куда выше, чем в горах или на Малберри-стрит. Энца потрясенно молчала.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Чиро. Он так много думал о ней, что сомневался в реальности этого мгновения.

– Ты доброволец, – сказала Энца.

Взгляд ее пробежался по военной форме, коротко остриженным волосам, высоким ботинкам. Идеальный солдат, сошедший с плаката, – но Энца не хотела себе в этом признаться. Она не желала возвращения чувств, эта страница жизни была перевернута. Чиро не выбрал ее, не явился в Хобокен, как обещал в письме... Мысль эта кольнула больней, чем она ожидала.

– Я думаю, это правильный поступок.

Чиро переполняли противоречивые чувства: страх перед войной, плотское желание и одновременно преклонение перед этой очаровательной женщиной, смущение при мысли о том, что именно может испытывать к нему она. Эти чувства бушевали, лишая его способности мыслить. Но Чиро понимал, что должен объясниться, раз уж им суждено было встретиться. Рассказать ей о своих чувствах.

– Ты куда-то спешишь? – Он едва сдержался, чтобы не коснуться ее лица. Больше всего на свете ему хотелось обнять ее и не отпускать.

– Домой, – ответила Энца. – На Десятую улицу.

– Можно угостить тебя кофе?

Первым ее побуждением было ответить «нет». В конце концов, у нее роман с Вито Блазеком, у нее совсем новая жизнь, которая ей нравится. Стоит ли это все призрачной надежды на долгожданное предложение? Но и Энца хотела, чтобы между ними не осталось недосказанности.

– Хорошо, выпьем кофе.

«Автомат» был заполнен солдатами, отмечавшими свою последнюю ночь перед отплытием. По пути в кафе Чиро рассказал о полученном предписании. Утром поезд увезет его в Нью-Хейвен, там он поднимется на борт корабля ВВС США «Олимпик», следующий в Англию, а затем их

переправят во Францию на пароме. Далее его подразделение пешим маршем двинется на север страны.

Энца налила кофе, Чиро принес ей пончик, а себе – ломтик пирога с кокосовым кремом.

– Хочу, чтобы ты знала. Я приходил к тебе на Адамс-стрит. На прошлое Рождество. Синьора Буффа сказала, что ты вернулась домой, в Италию.

– А я никуда не уехала.

Энца через силу улыбнулась, но сердце ее сжалось от сожаления. Похоже, все ее надежды, связанные с Чиро, были обречены с самого начала. Она устала от этих уходов и возвращений, безответное томление изнуряло ее. А теперь Чиро и вовсе уходит на фронт. И ей снова предстоит тосковать и ждать. Вот только теперь он может и не вернуться. Мысль об этом была невыносима. Нет, ей надо просто отпустить его.

– Да, не уехала. – Он слабо улыбнулся.

– Когда ты записался в солдаты?

– Несколько месяцев назад. Помнишь моего друга Луиджи? Он тоже пошел со мной, но его не взяли из-за проблем со слухом, так что мне придется воевать одному.

– Вот как. Они берут только тех, кто совершенен?

– Я не совершенен, и мы оба это прекрасно знаем. – Чиро набрал побольше воздуха. – Можно, я буду тебе писать?

Против воли Энца улыбнулась, достала из вечерней сумочки ручку, но заколебалась.

– Может, все-таки не стоит? Я не хочу, чтобы ты чувствовал себя обязанным это делать.

– Но я хочу. Пожалуйста, дай мне свой адрес!

– А что, если я дам адрес, а ты ни разу не напишешь? Я буду беспокоиться, что с тобой что-то случилось. Или гадать, не обидела ли я тебя чем-нибудь. Может, я пролила твой кофе или тебе не нравятся девушки в розовом...

– Мне нравится розовый, – тихо сказал он.

– Тебе всегда все во мне нравится, пока я рядом. Но когда я далеко, ты меня забываешь. Мы это уже проходили... – Глаза Энцы затуманились. – Как...

– *Difficile*^[67].

– *Difficile*, – согласилась она. – Ты вовсе не стал моим должником только из-за того, что мы оказались в одно и то же время в одном и том же месте. Это лишь тоненькая ниточка, Чиро. Я легко могу перекусить ее

зубами.

– Мне бы не хотелось, чтобы ты так поступила.

– Получается, что ты добиваешься меня только потому, что похоронил мою сестру.

– Стелла – не единственное, что нас связывает, – возразил Чиро.

– Ты помнишь ее имя...

– Никогда не забывал.

– Я чувствую себя так, словно всю жизнь жду тебя, – и только для того, чтобы испытать разочарование.

– Сейчас я здесь. – Чиро взял ее за руку.

– Но завтра уйдешь.

– У нас есть наша история.

– Нет истории. Лишь краткие мгновения.

– Мгновения и есть история. Если их достаточно, складывается судьба. Я поцеловал тебя в горах, когда мы были детьми. И с тех пор никогда не переставал думать о тебе.

– А я, Чиро, помню каждое слово, которое ты мне тогда сказал. Я могла бы рассказать тебе, что было на тебе надето в ту ночь на Пассо Персолана, и в часовне Святого Винсента, и на крыше обувной лавки Дзанетти. Как мог ты не знать, что я чувствовала? Я думала, это стало ясно в тот вечер на Малберри-стрит. – Энца отвела взгляд – она не хотела, чтобы он видел ее слезы.

– Я все понимал. И я написал тебе то письмо. Я обещал, что приду через несколько недель, и пришел, я был там, Энца! Но синьора Буффа солгала мне.

– Нет, Чиро! Послушай. Мужчина, которому действительно нужна женщина, делает все, чтобы завоевать ее. Если ты думал, что я вернулась в Скильпарิโอ, почему ты не написал мне туда? Почему ты не перевернул небо и землю, чтобы найти меня? Никакой океан, никакие препятствия не смогли бы нас разделить, если бы я была тебе нужна.

– Это правда.

Сердце Чиро точно обручем сжимали. Он знал, каким упертым может быть, добиваясь женщины. Почему же он не преследовал Энцу столь же настойчиво, как других?

– Но океана и не было. Нас разделяла всего лишь миля. Я видела тебя с другой женщиной, Чиро. Я видела тебя счастливым. И тут ты натолкнулся на меня.

– Это была судьба...

– Или случай! – возразила Энца. – Я помню выражение твоего лица,

когда вы с Феличитой вошли в лавку Дзанетти. Блаженство! Ты нес шампанское, вел за руку прекрасную девушку и был счастлив. Бросил на меня взгляд, и сразу же тебе стало неуютно.

– Нет, я обрадовался тебе!

– Ну, со стороны так не казалось. Нет ничего плохого в том, Чиро, чтобы выбрать женщину, которая делает тебя счастливым. У тебя должно быть это право.

– Ты уговариваешь меня уйти к другой? – Чиро чувствовал, что теряет терпение. – Редкое качество для девушки.

– Я просто напоминаю тебе о вещах, о которых ты не задумывался.

– Ты знаешь мои мысли?

– Я могу верить только делам, а не словам. Ты говоришь правильные вещи, а потом исчезаешь, – тихо произнесла Энца.

– Когда я созрел, то не смог тебя найти. – Он помолчал. – А что, если я скажу, что ты нужна мне прямо сейчас? – Чиро наклонился к ней и взял за руку.

Энца улыбнулась:

– Я бы подумала, что бравый солдат, отправляющийся на войну, не прочь оставить дома хорошенькую девушку, которая молилась бы за него. Чиро, я просто напоминаю тебе о доме. Не принимай это за любовь. Между нами глубокая связь, но это не то, что ты думаешь. – Энца высвободила руку и отодвинулась.

Чиро проводил Энцу в Гринвич-Виллидж. Она рассказывала ему истории из оперной жизни, подражала Энрико Карузо, Джеральдине Фаррар и Антонио Скотти, она заставила Чиро смеяться. А он рассказывал Энце о ремонтном фургоне и своих планах по развитию дела после возвращения с войны. Чиро вновь удивлялся, до чего же легко разговаривать с Энцей, каким откровенным он становится в ее присутствии.

На крыльце «Милбэнк-хаус» они крепко обнялись.

Чиро хотел поцеловать Энцу на прощание, но она поцеловала его первой, в щеку. Той ночью Энца молилась за него, но тоски в ее молитвах больше не было.

Шляпная коробка**Una Cappelliera**

10 декабря 1917 года

Камбре, Франция

Дорогой Эдуардо!

Надеюсь, это письмо дойдет до тебя, ведь оно единственное, которое я написал с фронта. Ты лучше всех знаешь, как мне трудно описывать мир словами, но я попытаюсь. С самого начала службы дни тянулись в полной неопределенности, так что я не мог их описать. Мы отплыли в Англию 1 июля, на корабле ВВС США «Олимпик». На борту нас было около двух тысяч, хотя точно никто не считал. Я оказался в полку генерала Финна Тейлора по прозвищу Десант. Его дочь, Нэнси Финн Уэбстер, обеспечила каждого новобранца парой носков. Мы получили их, ступив на корабль. Я тут же вспомнил сестру Доминику, которая часами стучала спицами, чтобы связать нам носки и свитера.

Целыми днями нас муштровали на палубе. Приплыв в Англию, мы тут же на пароме отправились во Францию. Высадившись на побережье, прошагали десятки миль, то и дело разбивая лагерь и роя окопы, а когда не рыли, то прыгали в те, что вырыли другие солдаты до нас. Нельзя не задаться вопросом: что стало с этими людьми?

Мне посчастливилось завести хороших друзей. Хуан Торрес вырос в Коста-Рике, но живет в Нью-Йорке, на Сто шестнадцатой улице. Ему тридцать два, у него жена и шестеро детей, и он предан Матери Божьей Гваделупской. Когда я сказал ему, что мой брат – священник, он упал на одно колено и поцеловал мне руку. Так что, пожалуйста, помяни его в своих молитвах.

Не могу поверить в то, что наблюдаю здесь. Мы столько же времени хороним мертвых, сколько воюем с врагом. Прибыв на поле сражения, мы не видим земли – вся она покрыта

трупами. Мудрые солдаты ожесточаются сердцем, но я этому не научился. И не думаю, что смогу, брат.

Земля истерзана, леса обгорели, а реки так переполнены пеплом с полей сражений, что вода загустела и еле-еле течет. Иногда мы натываемся на голубое озерцо или нетронутый уголок леса, и тогда я вижу, что Франция когда-то была прекрасна. Но теперь, увы, нет.

Нам сказали, что наш полк накрыло горчичным газом. Я дремал в окопе, сидя на собственной каске (лучше, чем в грязи!), и думал, что мы снова в монастыре, а сестра Тереза приготовила хлеб с айоли^[68]. Но запах чеснока оказался ядом. Командир сказал нам, что нас задело только краешком, но солдаты думают по-другому. Я еще на себе ничего не ощутил, и это хорошо. Я курю не слишком много, поэтому еще могу чувствовать свои легкие.

Надеюсь увидеться с тобой в Риме весной, когда ты будешь произносить последние обеты. Думаю о тебе каждый день и шлю тебе свою любовь.

Чиро

Чиро считал, что у солдата есть два способа выжить на войне. И в его полку были примеры того и другого.

Рядовой Джозеф де Диа ружье держал наизготовку, шлем носил ровно, смотрел всегда вперед, один его взгляд мог устроить врага. Его должны были спасти сноровка и порядок.

А вот майор Дуглас Лейбахер. Он патрулировал окопы, как простой рядовой, и вызывал дружный смех у солдат, разговаривая с ними холодными французскими ночами. Майор Лейбахер, укрепляя дух бойцов, помогал им выиграть войну. Его спасала ясная цель.

Чиро был хорошим солдатом – он подчинялся приказам, был всегда начеку, выполнял любое задание, – но с подозрением относился к политике, стоявшей за тактическими решениями. Людей часто перебрасывали с места на место без предварительной подготовки, и казалось, что за этим нет никакого плана. Чиро всегда ожидал худшего, составляя свой собственный план, потому что не доверял начальству.

Хотя Чиро хорошо представлял, на какие жертвы идет вместе с другими, но редко задумывался о смерти, несмотря на то что пули падали вокруг дождем. Для каждого солдата в конце концов наступает момент выбора – как именно встретить свой рок. Чиро прислушивался к

внутреннему голосу. Видя ужасающую, бессмысленную трату человеческих ресурсов на полях Франции, он думал о людях, судьба которых оборвалась, не состоявшись. Чиро решил во что бы то ни стало бороться за свою жизнь и жизнь товарищей. Но не стремиться убить врага ради победы. Он будет убивать, только защищаясь.

Победы чаще всего казались почти случайными. Шагая по французской земле, полк неожиданно наткнулся на армейский склад боеприпасов в амбаре на старой ферме, а позже – на танковый завод, бывшую фабрику кружев. Но вел их вовсе не холодный расчет командования. Бесчисленные солдаты, объединенные в безымянные, отмеченные лишь номером полки, прочесывали деревушки в поисках всего, что только могло пригодиться армии.

Бывали дни, когда Чиро думал, что война окончена, – когда не звучало ни единого выстрела, не было ни единого признака движения в окрестных полях. Но потом все начиналось заново, и всегда одинаково: отдаленные звуки становились громче, и вот уже мир вокруг взрывался шквалом пуль и осколков. Танки грохотали, как камнедробилки в Альпах, их гусеницы расплющивали все, что попадалось на пути. Чиро они казались уродливыми. Разве можно найти красоту в том, что создано с единственной целью – разрушать?

Когда их полк достиг окопов Камбре, они остановились. Порой Чиро казалось, что он сойдет с ума от скуки. Долгими днями делать было нечего – разве что гадать, когда будет следующий штурм.

Монахини Сан-Никола научили его, что важнейшие решения не следует принимать в состоянии предельной усталости. Но похоже, каждое решение в окопах принималось именно так. Ставкой были жизнь или смерть, малейшее действие требовало храбрости и умения, и все здесь бесконечно устали, были голодны, промокли и продрогли до костей.

Со смертью невозможно заключить мир. Вокруг этого вертелись все разговоры. Одни просили товарищей застрелить их, если потеряют конечности. Другие клялись повернуть оружие против себя, если попадут в плен. У каждого солдата было свое представление о том, что можно вытерпеть, находясь на грани, и собственные ночные кошмары о том, что за этой гранью лежит.

От смерти уклонялись и ускользали, ее обманывали ежедневно. Но она все равно находила свои жертвы.

Чиро понимал, почему необходимо доставлять из Америки на поля Франции кораблями десять тысяч человек ежедневно. Дело было в намерении победить числом, и неважно, существовал или нет единый план

победы.

Некоторые начинали цепляться за сны. Другим смерть стала казаться выходом из того кошмара, через который им пришлось пройти. Но у Чиро было по-другому. Он боролся с ледяной лихорадкой страха, потому что знал, что обязан вернуться домой.

Энца спрятала в вечернюю сумочку пригласительный билет с золотым тиснением. Взглянула в зеркало, окинув критическим взглядом свой жемчужно-серый парчовый наряд. Узкий прямой силуэт платья, оголявшего одно плечо, показался эффектным даже его создательнице.

Длинные черные волосы Энца зачесала наверх, натянула серебристые атласные перчатки до локтей. Этот рискованный контраст ткани и нежно розовевшего обнаженного плеча был хорошо продуман.

Дон Гепферт каждую осень давала вечеринку для всего штата Метрополитен-опера, включая совет директоров, технических сотрудников, актеров и дизайнеров. Единственный раз за год все департаменты Мет собирались вместе в неформальной обстановке, и каждый, работавший в здании Оперы, относился к этой вечеринке как к наилучшему вознаграждению.

Миссис Гепферт владела двухуровневыми апартаментами в двадцать комнат на Парк-авеню, с окнами от пола до потолка и высоченными сводчатыми потолками, напоминавшими Энце своды собора. По стенам вдоль удивительно реалистичных шпалер карабкались розовые плети, светлый английский ситец, толстые шерстяные ковры и низко висящие лампы придавали квартире уют, несмотря на ее размеры.

Вечеринка была в разгаре. Играл струнный квартет, повсюду слышались болтовня и смех, комнаты были заполнены народом, но Энца, Колин, Лаура и Вито отыскивали тихий уголок в библиотеке.

Энца устроилась в бледно-зеленом бархатном кресле с высокой спинкой, обращенном к камину, а Вито подкладывал поленья в огонь. Французские окна, выходящие на террасу, были распахнуты, маркизы над ними развернуты, по периметру балкона расставлены небольшие радиаторы. Вечер парил между осенью и зимой. Ночной воздух пах морозцем, но было еще достаточно тепло, чтобы выйти наружу в легкой накидке. Колин принес Лауре выпить.

– Вот это настоящая жизнь! – сказала та.

– Добрые друзья и отличное вино, – согласился Колин.

Вито присел к Энце на подлокотник кресла. Она держала бокал с шампанским, он тоже взял свой.

– За нас! – провозгласил Вито.

Колин, Лаура и Энца подняли бокалы.

– Мне бы хотелось, чтобы эта ночь никогда не кончалась, – вздохнула Энца. Иногда она так безоглядно отдавалась настоящему, что забывала боль прошлого, и тогда чувство вины не мешало ей наслаждаться мгновением. Ее новая жизнь держалась на крепких опорах, легко выдерживавших удивление и радость.

– Она и не обязана кончаться, – заметила Лаура.

– Мне нравится, к чему все идет. – Колин притянул Лауру ближе.

– Мне тоже. – Вито обнял Энцу.

– Я подперла дверь «Милбэнк-хаус» старой туфлей, чтобы можно было попасть внутрь. – Лаура отсалютовала себе бокалом и отпила глоток вина. – Сегодня мы можем гулять столько, сколько захотим, и не ждать рассвета на крыльце, будто приедем с молочником.

– Я лично отправляюсь на прогулку с красивейшей девушкой на свете, – рассмеялся Колин.

– Не забудь об этом.

У Лауры выдалась отличная неделя. Наконец-то Колин познакомил ее с сыновьями, и они показались ей такими же неутомимыми, как собственные братья, которых она помогала растить. Она могла играть с ними в бейсбол, бегать наперегонки и бороться, это понравилось мальчишкам и произвело впечатление на Колина. Лаура входила в жизнь своего любимого так, как привыкла шить: серьезно отнеслась к наметке, она избавляла себя от сюрпризов в будущем. Но ей придется проявить гибкость, если она выйдет замуж за Колина и станет матерью его сыновьям.

Энца откинулась в кресле, положив голову на плечо Вито. Ее переполняло чувство умиротворения, сопровождавшее эту вечеринку в облаках, – у ног сияли городские огни, а рядом были друзья, которым она доверяла, которых ценила.

– Ты рассказала Вито о словах синьора Карузо? – Лаура подтолкнула Энцу локтем.

– Нет, – тихо ответила Энца.

– Что же он сказал? – заинтересовался Вито.

– Он спросил Энцу, когда же она начнет сама создавать костюмы как дизайнер, вместо того чтобы просто шить их.

– В самом деле? – воскликнул Вито.

– Он думает, что у меня чутье, – сказала Энца с застенчивой улыбкой.

– Начни с эскизов, – предложил Вито.

– У нее их уже две шляпные коробки в «Милбэнке», – сказала Лаура.

– Они там и останутся. – Энца отпила шампанского.

Вито покачал головой:

– Как неожиданно! Неутомимая итальянка стыдится своей работы. Не могу в это поверить.

– Мне еще многому предстоит научиться, – сказала Энца.

Из гостиной донеслись аплодисменты и приветственные возгласы.

– Пришел, – сказал Вито.

Энца, Колин и Лаура вслед за ним направились в гостиную, прихватив бокалы.

Гостиная Дон Гепферт была переполнена, как церковь в день большого праздника. Гости обступили Энрико Карузо. Он стоял в центре комнаты, под люстрой, и упивался признанием, будто сладкими сливками из кофейной чашки. Вито протолкнул Энцу в двери, а Колин и Лаура пробрались за ними.

– Вы знаете, как я обожаю вас, всех и каждого. Хочу поблагодарить всех за тяжелый труд при постановке «Лодолетты»^[69]. Мы с Джерри восхищены вашей самоотверженностью.

Джеральдина Фаррар подняла свой бокал:

– Спасибо всем вам за то, что мы так хорошо выглядели. И мне бы хотелось также поблагодарить американскую армию, которая быстро выполнила свою работу и указала немцам их место. (Раздались радостные возгласы.) Надеюсь, что тепло снова вернется под крышу нашей Оперы. Мы тоже внесли свой скромный вклад: печи топились еле-еле, чтобы можно было посылать уголь на фронт, и мне пришлось не раз обнимать Энрико во время спектакля, притворяясь, что это любовная сцена, хотя на самом деле мне просто нужно было об него погреться!

Карузо шел сквозь толпу, пожимая руки и обнимая костюмерш, а потом низко поклонился хозяйке в знак благодарности. Когда он проходил мимо Вито, тот шепнул маэстро на ухо: «Не забудьте о своих портнихах».

– Мои дорогие Винченца и Лаура, – сказал Карузо, обнимая сразу обеих, – вы были так добры ко мне.

Я всегда буду помнить ваши невидимые стежки и ваши ньокки.

– Работать с вами было большой честью, синьор, – сказала Энца.

– Мы никогда вас не забудем, – заверила его Лаура.

Карузо достал из кармана золотые монеты и вложил в руки девушек по одной.

– Не говорите никому, – шепнул он и двинулся дальше.

Энца посмотрела на монету. На золотом диске был выбит профиль

Карузо.

– Настоящая! – ахнула Лаура. – Я куплю себе норку на манто.

– А я никогда не потрачу свою.

И это обещание Энца Раванелли держала на протяжении всей своей жизни.

Маленький номер для Чиро отыскался в отеле «Тициан», недалеко от площади Цветов, где лоточники предлагали красные апельсины, свежую рыбу, хлеб и травы. Из имущества у него была только надетая на нем форма, смена белья в вещмешке, документ, гарантировавший ему бесплатный проезд домой на любом корабле, отплывавшем из Неаполя, и последний полученный в армии чек. Война официально окончилась несколько недель назад, и Чиро не мог дожидаться, когда вернется к прежней жизни на Малберри-стрит. Но сначала он должен был отыскать Эдуардо.

В последнем письме брат сообщал, что в конце ноября будет рукоположен в священники францисканского ордена в соборе Святого Петра в Риме.

Если до сих пор Чиро думал, что армия США погрязла в бюрократизме, то теперь знал, что до Римской Католической церкви ей далеко. О церемониях рукоположения не было никакой доступной информации. Когда Чиро пытался уточнить детали по официальным каналам, с ним либо не желали разговаривать, либо ответы были крайне смутны и загадочны.

Когда Эдуардо много лет назад отправился в семинарию, Чиро знал, что у них будет мало возможностей для общения, но братья надеялись, что все изменится, когда Эдуардо станет священником.

По совету секретаря Ватикана, который по случайности имел связи в Бергамо и сжалился над ним, Чиро разослал по письму каждому диакону, священнику и прелату в общем управлении, надеясь отыскать хоть кого-то, владеющего информацией о распоряжениях, полученных его братом.

Чиро старался не смазать чернила, надписывая последний конверт. Запечатанные письма он положил на залитый солнцем подоконник гостиничного номера, чтобы подсохли, пока он одевается. Натягивая ботинки, он обнаружил щель там, где верх соединялся с подошвой. Осмотрев прореху, он достал из вещмешка ножницы и большую иглу. Последний раз он использовал их, чтобы зашить рану, полученную его другом Хуаном, когда тот напоролся на колючую проволоку в окопной грязи.

Хирургическая нить плохо держала сапожную кожу, поэтому он

обшарил номер в поисках замены. Он уже собирался вытянуть леску из жалюзи, но тут его взгляд снова упал на вещмешок. Отрезав шесть дюймов от шпагата, затягивавшего рюкзак, он завязал на конце узел. Продев шпагат в иглу, зашил дыру в ботинке, ловко управляясь с истончившейся кожей, и связал концы веревки, чтобы шов держался.

Довольный работой, Чиро сунул ноги в башмаки. До Америки они выдержат, а там в лавке Дзанетти в его распоряжении будет все необходимое. Собрав письма, Чиро покинул отель.

Улочки Рима были заполнены солдатами, двигавшимися домой из Франции через Италию. Чиро заметил кивнувшего ему американца, но по большей части на мужчинах была форма итальянской армии.

А там, где солдаты, всегда вертятся девушки особого сорта, вроде той рыжей, что заговорила с Чиро на причале в Нью-Йорке. Теперь он смотрел на девушек иначе, понимая, что им так же нужна работа, как и ему. Казалось, что в Риме их намного больше, чем на нью-йоркских улицах.

В Риме Чиро чувствовал себя как дома, и не потому, что был итальянцем, – просто уличный шум напоминал ему о Манхэттене. Он поймал себя на том, что вглядывается в лица прохожих, надеясь встретить священника или монахиню, которые помогли бы ему найти брата.

Адреса на конвертах завели его в самые разные районы города, и, чтобы доставить все, прошагать пришлось немало. Один надо было отнести в самый центр, еще один – на расстояние мили от первого, в базилику в садах Монтекатини. Еще он выяснил, что должен отправиться за Витербо, в маленькую церковь на склоне холма за городской чертой, где останавливались странствующие францисканцы. Доставив последнее письмо, Чиро до ночи прождал у церкви, надеясь на чудо – вдруг его брат пройдет здесь по пути в Ватикан? Но шанс встретить Эдуардо среди сотен священников и семинаристов, что находились в Риме, был ничтожен.

Пешком вернувшись в город, он зашел в людный ресторанчик – простую забегаловку под открытым небом, с лоджией, укрывшейся в тени оливковых деревьев. Полные до краев кувшины с домашним вином проливали темно-красные слезы на белые скатерти, когда официанты водружали их перед посетителями. Вокруг звучали болтовня и смех; миски, щедро наполненные ризотто с грибами и каштанами, приземлялись вместе с краяхами горячего хрустящего хлеба перед местными завсегдатаями – фермерами, строителями, поденщиками. Чиро был единственным солдатом в ресторане. Его форма привлекала удивленные взгляды.

Чиро, проведший целый день на ногах, буквально набросился на еду. Глоток красного вина согрел его, по телу разлилось тепло прокаленного

солнцем винограда. Он знал, что, вернувшись в Америку, не увидит Италию еще много лет.

Официантка поставила перед ним миску со свежими фигами. Чиро поднял на нее взгляд. Около сорока, в черных волосах, собранных в низкий узел, проглядывала седина. Красную блузку и черную муслиновую юбку прикрывал льняной передник. У нее было милое лицо с черными, типично итальянскими глазами. Она улыбнулась Чиро, и он вежливо кивнул в ответ. Отпив эспрессо, он припомнил то время, когда еще не был солдатом, – тогда бы он улыбнулся ей, задержал бы ее у стола и предложил вечером прогуляться. Чиро покачал головой. Похоже, он и вправду изменился. Его реакция на мир и все, творящееся вокруг, стала непредсказуемой, как настроение секретаря Ватикана.

Чиро стоял у стойки регистрации отеля «Тициан», глядя на ячейки с почтой. Многие были заполнены письмами и газетами, но, когда он назвал портье номер своей комнаты, для него ничего не оказалось. Ничего.

Он поднялся в свой номер. В комнате он сел, снял ботинки и повалился на кровать. Глупая это была затея – бродить по Риму. С неловкостью Чиро припомнил длинную историю, которую рассказал дежурному в Ватиканском доме для клира, упомянув имена священников и названия монашеских орденов, знакомые по монастырским временам. Упражнение в лицемерии, пустая трата времени. Ни один солдат в залатанных ботинках не сможет убедить папского охранника. Чиро выругал себя за то, что попросту не предложил деньги, вот это бы точно сработало.

В дверь тихо постучали. Чиро встал. Наверное, горничная. Открыл дверь – и сердце его подпрыгнуло, когда глаза встретились с карими глазами. Эти глаза он не видел уже семь лет.

– Брат! – воскликнул Чиро.

Эдуардо обнял его и прошел в комнату. Чиро закрыл дверь и как следует рассмотрел брата, одетого в грязновато-коричневую рясу францисканца, подпоясанную белой пеньковой веревкой. Сандалии на ногах держались на трех простых ремешках из коричневой кожи. Эдуардо снял с головы капюшон – черные волосы были коротко подстрижены. На носу сидели очки, когда-то использовавшиеся только для чтения. Круглые стекла в золотой оправе придавали Эдуардо вид профессора.

– Я искал тебя повсюду, – сказал Чиро. – Оставил письма в каждом доме священника в Риме.

– Я слышал. – Эдуардо крепко обнял брата, не в силах поверить своим глазам. Чиро был ужасающе тощим, густые волосы обкорнаны, но больше

всего Эдуардо потрясли темные круги под глазами и впадины вместо некогда пухлых щек. – Ты ужасно выглядишь.

– Знаю. Из меня вышел не слишком-то красивый солдат. – Чиро окинул взглядом комнату. – Мне нечем тебя угостить.

– И не надо. Мне не положено здесь находиться. Если монсеньор узнает, меня вышвырнут из ордена. Такие визиты не разрешаются, я должен поторопиться, чтобы вернуться до того, как обнаружат мое отсутствие.

– Тебе не разрешают повидаться с единственным братом? – спросил Чиро. – Они вообще знают, что у тебя больше никого нет на всем белом свете?

– Я не жду, что ты поймешь, но для этого есть основания. Чтобы стать священником, я должен отказаться от всего, что мне дорого в этом мире, а значит, и от тебя, как это ни печально. Нечто другое теперь заполняет мое сердце без остатка, но я понимаю, что у тебя этого нет. Если меня любишь, молись за меня. Потому что я молюсь за тебя, Чиро. Всегда.

– Дело жизни – Святая Римская церковь. Ты смог бы сделать любую карьеру. Стать писателем. Издателем. Мы могли бы выкупить старый печатный станок, переплетать и продавать книги, как Монтини. Но ты облачился в рясу. Почему, Эдуардо? Я был бы рад, даже если бы ты стал сборщиком налогов, кем угодно, только не священником.

Эдуардо рассмеялся:

– Это не карьера, это жизнь.

– Подобие жизни. В заточении. С обетами молчания. Я никогда не мог тебя заткнуть. Как ты можешь так жить?

– Я изменился, – сказал Эдуардо. – Но вижу, что ты – ничуть. И я рад этому.

– Это просто пока не заметно. Но я стал другим, – ответил Чиро. – Не знаю, как можно остаться прежним после всего, что видел. – Он сел рядом с Эдуардо на кровати. – Иногда я просыпаюсь и думаю: «Возможно все. Ты уже не в окопах. У тебя нет винтовки. Ты снова можешь распоряжаться своим временем». Но внутри какая-то тяжесть. Я не верю, что мир стал лучше. Зачем же мы тогда воевали? Есть ли другая причина для того, чтобы вести себя как дикие звери? Я не знаю ответа.

– Ты теперь американец, – сказал Эдуардо.

– Это правда. Скоро я стану полноправным гражданином. По крайней мере, я был на стороне победителей. Мне бы хотелось, чтобы ты поехал со мной и жил в Америке.

– Ты должен жить в этом мире за меня, Чиро.

– Не уверен, что помню, как это вообще делается.

– Надеюсь, у тебя будет жена, семья, все, о чем ты мечтал. Подари своим детям настоящее детство, которого тебе так не хватало. Будь для них отцом, которого не было у нас. Это должна быть особенная девушка. Ты писал мне о Майской Королеве своего прихода...

– О Феличите я написал, только чтобы произвести на тебя впечатление. Хотел, чтобы ты подумал, что благодаря набожной принцессе я обрету веру. Я много чего обрел, но не Бога. Она вышла замуж за красавца с Сицилии.

– Сочувствую. У тебя есть кто-то еще?

– Нет, – ответил Чиро, но перед глазами его возникло лицо Энцы Раванелли.

– Не верю. Никто не любит женщин больше тебя.

– Это достоинство?

– У тебя к этому талант. Нисколько не сомневаюсь, что брак – твое призвание. И на самом деле здесь нет особой разницы с моим собственным. Мы оба тяготеем к тому, в чем нуждаемся. Будь это пища духовная или чувственная, мы оба ищем, чем наполнить свое сердце.

– Ну да, с той лишь разницей, что ты должен жить в келье.

– Мне хорошо в этой келье.

– А как насчет мамы? Ты слышал о ней что-нибудь после того, как писал мне в последний раз?

Эдуардо сунул руку в карман:

– Сестры Сан-Никола переслали мне это письмо. Оно было доставлено прямо в монастырь, так что думаю – она все еще неподалеку, на озере Гарда.

– И что там написано?

Эдуардо развернул письмо.

– Все, чего я хочу, – сдавленно сказал Чиро, – чтобы мы снова были вместе. Папу не вернешь, но ты, я и мама – это еще возможно. – Он вытер слезы.

– Чиро, я каждый день молюсь о папиной душе. Мы не можем забыть все усилия, потраченные на то, чтобы подарить нам безопасность и счастье. Мама сделала все, что могла, пытаясь защитить нас. Что бы с ней ни случилось, мы должны быть ей благодарны за то, что она выбрала для нас лучший вариант.

– Но мне нужна она! – выкрикнул Чиро. – Даже если сейчас мама не хочет, чтобы мы знали, где она. Кстати, почему?

– Она пытается ответить в этом письме. Она была больна, когда

уезжала от нас, и думала, что сможет вернуться.

– Но не вернулась. Мы потеряли отца, потом – мать. А завтра я потеряю тебя.

– Ты никогда не потеряешь меня, Чиро. Священнику запрещено покидать семинарию без разрешения. Придя сегодня к тебе, я рискую своим рукоположением. Но не тревожься. Ты – мой брат, и ты навсегда останешься самым важным человеком в моей жизни. Как только меня рукоположат, я отыщу маму и буду заботиться о ней, пока ты не сможешь увидеть ее вновь. Это все, что я могу сделать.

– Ты действительно хочешь жить такой жизнью?

– Я хочу приносить пользу. Использовать свой ум. Молиться. Познавать Бога.

– И что ты с этого получишь?

– В том, чтобы познавать Бога, и есть смысл жизни. Я не знаю, как еще это объяснить. Приходи завтра на церемонию. Я хочу, чтобы ты был там. В десять утра в соборе Святого Петра.

Эдуардо встал и раскрыл объятия. Чиро вспомнил вдруг, как чистил статую святого Франциска, как возился со складками его рясы там, где скульптор провел тонкие линии, покрыв их позолотой. И вот перед ним стоит его смиренный брат, прекраснейший человек, которого он когда-либо знал. Чиро обнял его и почувствовал, как широкие рукава рясы Эдуардо накрыли его, точно крылья.

Эдуардо снова накинул на голову капюшон, открыл дверь и обернулся:

– Я напишу тебе, как только узнаю, куда меня посылают. И если я буду тебе нужен, то приду к тебе, что бы ни говорила Церковь.

– И я приду к тебе, что бы ни говорила Церковь, – улыбнулся Чиро. – Это будет мне только в радость.

– Знаю. – Эдуардо вышел и бесшумно притворил дверь.

Чиро сел на кровать и развернул мамино письмо.

Дорогие Эдуардо и Чиро!

Я так горжусь своими мальчиками. Чиро, ты стал обувным мастером, твой брат – священником. Мать хочет, чтобы ее дети были счастливы. Знайте, это все, чего я когда-либо желала для вас. Чиро, когда я оставила тебя с братом в монастыре, я собиралась вернуться ближайшим летом. Но мое здоровье сильно ухудшилось, и я не смогла возвратиться в Вильминоре. Сестры были так добры, что посылали мне ваши оценки и все новости о вашей жизни в монастыре. Я была счастлива узнать,

что камин и печи всегда готовы к топке. Сестры сообщали, что до того у них еще никогда не горели все очаги разом, что никогда в монастыре еще не было так тепло. Я так горжусь вами. Я надеюсь, что когда-либо выздоровею настолько, что смогу увидеть тебя, Чиро, и твоего брата Эдуардо. Ваша мама любит вас.

Над площадью Святого Петра в Риме повисли низкие свинцовые тучи, дождь серебряными иглами падал на булыжную мостовую. Площадь перед Ватиканом пустовала – толпа искала убежища от проливного дождя под колоннадой, как и голуби, рассеявшиеся на карнизе, подобно нотам на музыкальном стане.

Чиро стоял у красного обелиска, по железной каске струился дождь. Он сделал последнюю затяжку, отбросил окуроч и зашагал ко входу в храм вместе с вереницей черно-белых монашек, шествовавших в стройном порядке к базилике. Чиро снял каску, поклонился монахиням и вошел с ними в собор. Улыбнувшись, он подумал о сестре Терезе, которая советовала ему искать именно черно-белых, если он будет чужим в незнакомом городе. Чиро везде теперь чувствовал себя чужим.

Он занял место на скамье позади монахинь. Они склонили головы в молитве, но Чиро смотрел по сторонам, разглядывая архитектуру собора – так, будто они были в церкви Сан-Никола и он прикидывал объем работы перед весенней уборкой. Жизнь его брата должна была вот-вот измениться навсегда, а туристы и паломники как ни в чем не бывало бродят по собору, останавливаясь помолиться около гробниц и раков с мощами. Все как обычно. В воздухе не чувствовалось ничего особенного.

Группа африканских священников в золотых одеждах прошла по левому трансепту и исчезла за главным алтарем. Чиро подумал, что Ватикан похож на огромный вокзал, где под одной кровлей собрались пассажиры, следующие в разные пункты назначения.

Вскоре левый неф заполнился священниками в коричневых францисканских рясах, подпоясанных белыми веревками. Чиро смотрел, как готовящиеся к рукоположению молча скользят мимо.

Вслед за коричневыми рясами двинулся хор алтарников, несших свечи в медных подсвечниках. За ними двумя длинными колоннами – кандидаты в белых накрахмаленных одеждах. Они заполнили капеллу Святого причастия справа от центрального нефа. Руки их были скрыты длинными развевающимися белыми рукавами, головы благоговейно склонены.

Чиро прошел к охраняемому стражей Ватикана канату, чтобы лучше

видеть лица семинаристов. Он внимательно разглядывал их, одно за другим, пока наконец не отыскал Эдуардо, в ослепительно белом одеянии.

Чиро подобрался ближе, протянул руку поверх каната и дотронулся до ладони брата. Эдуардо улыбнулся ему, но два гвардейца уже схватили Чиро, оттащили его в боковой проход, а затем – в заднюю часть церкви. Он не сопротивлялся. Пусть хоть в Тибр бросят – он увидел Эдуардо в самый важный день его жизни. Только это и имело значение.

Чиро объяснил гвардейцам, что его брат сегодня принимает сан. Они сжалились и позволили ему смотреть из задних рядов.

Эдуардо распростерся на мраморном полу: руки крестом, лицо прижато к плитам; над ним склонился кардинал в рубиново-красном цукетто^[70], совершая миропомазание. Когда брат встал, получив благословение, Чиро заплакал. Еще долго стоял он в церкви после церемонии, надеясь, что брат выйдет из ризницы в храм, чтобы положить на аналой Библию, приготовить чашу для Святого причастия и зажечь свечи к мессе, как это много раз бывало в Сан-Никола.

Но у Святой Римской церкви было на этот счет другое мнение. Как только Эдуардо стал священником, его тотчас отослали прочь. Эдуардо уже был на пути к месту своего назначения, которое могло находиться где угодно! На Сицилии, в Африке – или совсем близко, в садах на Монтекатини в центре Рима.

Чиро было предписано вернуться домой, в Америку, через неаполитанский порт. Билет до Неаполя он купил на железнодорожном вокзале.

Стоя на платформе в ожидании поезда, Чиро представлял, что можно выйти из Рима по древнеримской дороге, Виа Тибериус, добраться до Болоньи и сесть там на поезд до Бергамо. Он так и видел, как едет в повозке по Пассо Персолана, поднимаясь все выше в горы, и смотрит вниз, в ущелье, думая, что бурая осенняя ежевика ничуть не хуже весенних цветов. Чиро представлял, как будет восхищаться абсолютно всем в своих родных горах, но в груди щемило вовсе не от тоски по какому-то конкретному месту. Эта боль была связана с чем-то еще. Он знал – чтобы утолить эту боль, он должен вернуться в Америку.

Энца выключила настольную лампу рядом со швейной машинкой, встала с табурета и потянулась.

– Эй, привет! – Вито просунул голову в костюмерную. – Как насчет ужина?

– Как насчет «да»? – Энца надела жакет.

– Где Лаура? – спросил Вито.

– Колин пригласил ее сегодня к себе, повидаться с мальчиками.

Подмигнув, Вито замурлыкал свадебный марш: «Пам, пам, пам, пам...»

– Куда пойдем? – Энца достала из шкафа пальто. – Мне понадобятся перчатки?

– И шляпка.

– Шикарная?

– Возможно.

– Я шикарная девушка, – сказала Энца.

– И с каких это пор?

– Есть один джентльмен, который таскает меня по разным модным местам. И теперь я пью только из баварского хрусталя, а если икра недостаточно холодная, я просто не способна ее съесть.

– Бедняжка!

– Боюсь, я никогда больше не увижу Хобокен.

– Ты можешь помахать ему из каюты первого класса «Куин Мэри».

Когда они вышли из Мет, Вито взял Энцу под руку. Они повернули на запад. Энца решила, что они направляются в одно из его любимых бистро в театральном районе – тесные комнаты со стенами из глазурованного кирпича, низкие лампы и стойки с кровью. Но Вито вел ее в направлении доков Вест-Сайда в районе Тридцать восьмой улицы.

Вскоре они очутились на самой настоящей стройке, ил и грязь были засыпаны ровным слоем гравия. Возле берега стояли десятки грузовиков, рядом накренилась бетономешалка. Повсюду громоздились батареи из стальных бочек, гигантские катушки кабелей, корзины с кирками и тачки, полные огромных лопат.

Энца ждала на мостках около строительного вагончика, а Вито нырнул внутрь. Энца хихикнула про себя. Вечно Вито затевает для нее приключения. То арендовал чертово колесо на Кони-Айленд для них двоих, то затащил в нелегальную забегаловку со спиртным, где джаз и джин были одинаково мягкими. Вито знал, как надо жить, и хотел прожигать эту жизнь так, как ему нравилось. Через минуту он вернулся с двумя касками, одну вручил Энце.

Она сняла шляпу и надела каску.

– Ты же сказал, что нас ждет нечто шикарное!

– Подожди.

Вито помог Энце забраться на подъемник. Он захлопнул воротца, нажал кнопку, и лифт пополз вверх. Подъемник уносил их все выше. Энца

решилась взглянуть вниз – под ногами расстился ночной Нью-Йорк, точно отрез темно-синего шелкового муара, усыпанного стразами.

– И что ты думаешь? – спросил Вито.

– Я думаю, что у меня самый восхитительный возлюбленный из всех, кто когда-либо надевал каску.

– Я хотел тебе кое-что подарить.

– Думаю, этого вида более чем достаточно.

– И все-таки нет. Я хочу отдать тебе все. Я хочу подарить тебе мир.

– Ты уже это сделал. – Энца положила руку ему на плечо. – Ты подарил мне уверенность в себе и приключения. Ты подарил мне новую жизнь.

– И я хочу дать тебе больше... – Вито притянул ее ближе. – Все, чем я являюсь. Все, о чем мечтаю. И все, что ты можешь представить. Моя главная радость, моя цель – сделать тебя счастливой. Ты выйдешь за меня, Винченца Раванелли?

Энца смотрела на мерцающие огни Манхэттена. Она не могла поверить, что зашла так далеко и так высоко поднялась. Она думала о тысяче доводов в пользу того, чтобы сказать «да», но ей нужен был единственный. Вито Блазек смог бы обеспечить ее развлечениями. Жизнь стала бы большой вечеринкой. После долгих лет, когда она все время о ком-то заботилась, Вито поклялся позаботиться о ней. Энца долго и тяжело работала и теперь готова попробовать, какова жизнь с человеком, который знал, как жить.

– И что ты ответишь, Энца?

– Да! Я отвечу: да!

Вито поцеловал ее, покрыл поцелуями ее лицо, уши, шею. Он надел ей на палец кольцо с круглым рубином в обрамлении крошечных бриллиантов.

– Рубин – мое сердце, а бриллианты – это ты. Ты – моя жизнь, Энца.

Он снова поцеловал ее, и она почувствовала, как тело слабеет в его руках.

– Я бы хотел заняться с тобой любовью прямо здесь, если бы ты мне позволила, – прошептал он ей в ухо.

– Вито, я боюсь высоты.

– А на земле ты изменишь свое мнение? – поддразнил он ее.

– Давай сначала поженимся.

Энца была далеко от дома, но она была приличной девушкой, выросшей в религиозной семье, у благочестивых родителей. И она продолжит следовать их правилам, пусть уже и заработала право самой

принимать решения. Энца верила, что в заповедях таится красота, что они наполняют жизнь благодатью. Она хотела жизни чистой и безмятежной, и Вито понимал это. Он верил, что Энца заслуживает лучшего, потому что она, без имени, образования, положения в обществе, была воплощением истинной утонченности.

Прозрачный осенний воздух был прохладен и сладок, как дымок сигареты с ванилью. Энца, вознесшаяся над городом, не была больше фабричной девчонкой из Хобокена, она была трудолюбивой американкой итальянского происхождения, которую подняли к новым высотам, – и не на второй этаж по черной лестнице, но на лифте в пентхаус.

Энца выйдет замуж за Вито Блазека.

Став командой, они продолжают работать в Метрополитен-опера, завтракать в отеле «Плаза», танцевать в «Саттон-плейс мьюз». У них отличные друзья, они носят шелк, пьют шампанское и знают, где купить пионы зимой. Они на пути к вершинам.

Золотая тесьма

Una Treccia d'Oro

Стоя на палубе парохода «Рузвельт», Чиро любовался океаном, напоминавшим зеленое переливчатое стекло. Вдали цвет менялся – глубина темнела свинцово-серым, а волны отливали серебром.

Зрелище разительно отличалось от того, что помнилось ему по плаванию из Нью-Хейвена почти двухлетней давности. Теперь ему, ветерану Мировой войны, уже двадцать четыре. Семьи у него нет: мать, по которой он тосковал, все еще недоступна, а единственный брат, последняя нить, соединявшая его с Вильминоре-ди-Скальве и мечтой о доме на озере Бормио, покинул мирской уют и стал священником.

Уверенность в том, что он всегда будет лучшим другом брата, что станет дядей его детей, рассеялась в воздухе, как дымок кадила, которым кардинал благословлял семинаристов, обратившихся в слуг Господа с первой каплей священного миро.

Эдуардо был лучше, чем любой из встреченных Чиро священников. Он был щедр, в отличие от скупого дона Мартинелли, в отличие от дона Грегорио – целомудрен, и в отличие от раздражительного отца Фитцсиммонса – терпелив. Он был честен, образован и обладал добрейшим сердцем.

Чиро оплакивал новую жизнь Эдуардо, ибо потерял брата навсегда. Возможно, в будущем они еще несколько раз встретятся. Будут писать друг другу письма, но вряд ли часто. Для мальчиков, некогда неразлучных, для братьев, столь близких, необходимость прожить жизнь отдельно друг от друга стала ужасающей жертвой. Чиро чувствовал себя обманутым Церковью и ничего не мог с этим поделать. Все-таки дон Грегорио добился своего, отомстил ему, лишив брата.

Та преданность, с которой Эдуардо относился к Чиро, принадлежит теперь священникам ордена святого Франциска Ассизского и всей Святой Римской церкви. У Эдуардо никогда не будет жены, не будет детей. Чиро же так мечтал об этом. Он мечтал, чтобы Эдуардо познал уют, легкость и безмятежность, которые привносит в твою жизнь хорошая женщина. Чтобы тот испытал такие простые, но восхитительные удовольствия, которые дарят мужчине его отношения с женщиной.

Чиро представлял, как Эдуардо попытается спасти весь мир, одну душу за другой, но почему у него возникло это желание?

До войны Чиро думал, что тоже способен на великие свершения. Но теперь, вспоминая об изуродовавших французскую землю траншеях, заваленных трупами, Чиро не хотел иметь никакого отношения к правительству, к тем людям, которые это начали. Рим оказался для него величайшим разочарованием. Итальянцы сбились с пути, думал он. Его Италия стала слабой. Итальянский народ так долго был беден, что перестал думать, что у него есть хоть какой-то выбор. Даже после победы лучшие времена не настали. И больше никто не верил, что эти лучшие времена вообще возможны. Итальянцы уцепятся за первую же идеологию, как утопающий хватается за соломинку. Все лучше, чем ничего, пожмут они плечами, и такое отношение расчистит путь тиранам и их жестокому правлению, приведет к новым войнам и новым разрушениям.

Чиро знал теперь, что после войн мир не становится лучше, он просто меняется. Чиро вечно будет тосковать по Италии, какой он помнил ее до войны. Режим на границе был мягким, итальянцы без всяких бумаг ездили во Францию, немцы – в Испанию, греки – в Италию. Национализм не отменял добрососедства. Чиро понимал теперь, что добрый человек не может восстановить то, что злой намерен разрушить. Он научился выбирать, за что стоит держаться, за что стоит биться. Каждый обязан решить это для себя, но у некоторых так и не получается сделать выбор. Он выжил в Мировой войне не для того, чтобы вернуться домой тем же человеком.

Он не раз смотрел в лицо смерти. Многие в такой ситуации взывают к ангелам, Чиро же погружался в себя. Он пережил мгновения парализующего страха. Он познал ужас, проникающий до самого нутра, ужас, пахнувший горчичным газом. Запах иприта в первые минуты казался не предвестником смерти, а чем-то домашним, знакомым, как аромат чеснока из котла сестры Терезы. На самом деле это была едкая смесь хлора и аммиака, ползшая клубами к защищавшим Камбре окопам.

Он вспоминал жидкую хлорку, которой с помощью кисточки покрывал трещины в старом мраморе, чтобы удалить темные пятна. Тот же запах, только более сильный и едкий, стоял потом над полем битвы. Когда поднявшийся ветер уносил яд прочь, Чиро испытывал облегчение. Но в то же время понимал, что солдат не может рассчитывать ни на кого – ни на командира, ни на своего брата-пехотинца, ни на свою страну, ни на погоду. Ему может просто повезти, а может и нет.

Чиро обнаружил, что он способен много дней обходиться почти без

пищи, может стереть из памяти жареную картошку и стейки с кровью, стакан вина с миской ньокки и свежим маслом. Он вполне мог перестать представлять, как мальчиком собирает яйца в монастыре, как сестра Тереза осторожно взбивает эти яйца с сахаром и сливками. Он старался вообще не думать о сестре Терезе, не писал ей, чтобы она помолилась за него. Он был так голоден, что даже не хотел вспоминать, как она, в переднике, замешивает сладкое тесто или нарезает овощи для жаркого. В счастливых воспоминаниях не было утешения, от них становилось только хуже.

Но о женщинах Чиро думал каждый день. То, что утешало его в прошлом, во время войны действовало еще сильнее. Он думал о нежной коже Феличиты, о сонном удовлетворении, окутывавшем его после занятий любовью. Он вспоминал девушек, с кем не ходил на свидания, только мельком видел их на Малберри-стрит. Например, мимо лавки часто проходила девушка лет восемнадцати в соломенной шляпке и красной хлопковой юбке, сзади снизу доверху застегивавшейся на пуговицы. Он думал о линии ее икр, о ее точеных ступнях в плоских сандалиях, державшихся на одной-единственной полоске голубой кожи между пальчиками. Он вновь и вновь вспоминал магию поцелуя и думал, что если он выберется из этих траншей, то каждый поцелуй станет для него волшебством.

Однажды он с товарищами отправился в деревушку, известную своими *belles femmes*, и там занимался любовью с девушкой, у которой до самой талии спускались золотые косы. А потом она распустила волосы и начала их расчесывать, мерно проводя щеткой сверху вниз. Образ ее склоненной головы останется с ним до конца жизни.

Мгновение величайшей ясности настигло его в тот день, когда он совершенно точно должен был умереть. До взвода дошло сообщение, что немцы обстреливают все вокруг снарядами с ипритом. Целью было тотальное уничтожение военных и гражданских. Все тогда уверовали, что это их последние мгновения на земле, многие молились. Некоторые писали письма женам, старательно пряча их вместе со своими знаками отличия и солдатскими медальонами – в надежде, что союзники отправят письмо после того, как захоронят тело. Юноши рыдали в открытую, понимая, что никогда больше не увидят лица своих матерей.

Но Чиро казалось лицемерием просить Бога спасти его, когда многие заслуживают этого куда больше – те, у кого оставались дети, жены, семьи, настоящая жизнь. Пусть они молятся. Их ждут дома.

Чиро просто надеялся, что его мать Катерина где-то в безопасности, а Эдуардо защитят красные мантии Ватикана. Чиро был уверен, что брату

ничего не грозит.

Кроме них он представлял себе только одну... Он вспоминал ее в пятнадцать в рабочей блузе, в шестнадцать – в дорожной одежде, в двадцать два – в розовом воздушном платье. Он представлял ее в пятьдесят – седую, но все еще красивую, сильную и крепкую, с внуками. Его внуками.

В эту страшную минуту Чиро понял, что есть только одно, ради чего стоит умереть, только одна, за кого он отдаст жизнь. Энца Раванелли. Она всегда владела его сердцем.

Какая ирония судьбы – Энца велела ему не писать, не думать о ней. Но он не мог о ней не думать. Если ему повезет выжить в хаосе и резне, то ему понадобится только одно – любовь хорошей женщины. Голодный, изможденный, больной, умирающий, сражавшийся с лихорадкой, крысами, вшами, грязью и дизентерией, верными спутниками войны, – он хотел выжить лишь ради того, чтобы остаток своих дней провести с Энцей.

Энца, лишь она одна. Жизнь без нее была бы мрачной, как окопы, которые он считал своим домом во время войны, где кусок хлеба был драгоценностью, а стакан чистой воды – сбывшейся мечтой.

В то мгновение он почувствовал, что ничто – даже едкий, как кислота, запах горчичного газа, даже вонь разлагающихся трупов – не помешает ему вернуться домой, к женщине, которую он любит. И, стоя на палубе «Рузвельта», он знал, что ему повезло, и мечтал принять еще один дар судьбы, посвятив свою жизнь достойной женщине. Ему оставалось только надеяться, что она его дождется.

Лаура помогала подруге сшить свадебный наряд. Энца выбрала шерсть цвета корицы в духе Тинторетто, отделку из черного бархата и черные пуговицы. Красно-коричневый оттенок буклированной шерсти – в точности цвет почвы на Пассо Персолана. Энца думала о своей матери, о том, сколько раз та рассказывала ей историю своей свадьбы. Теперь была ее очередь. Как бы она хотела, чтобы мама была здесь! Та бы одобрила каждую деталь. Энца соорудила коричневую шляпку в тон, с широкими полями, с атласной лентой, бант которой был украшен черной жемчужиной.

Вито написал Марко в Калифорнию и Джакомине в Скильпарию, прося разрешения жениться на их старшей дочери. Он исписал много страниц, рассказывая, какая она чудесная девушка, описывая ту жизнь, которую он ей хочет подарить. Когда Джакомина читала письмо, она плакала.

Она знала: теперь-то Энца никогда не вернется в горы. У ее любимой

дочери новая жизнь. Джакомина молилась о счастье для девочки, которая много лет работала ради них. Она не беспокоилась за дочь, потому что верила, что Энца сделает правильный выбор. Но она беспокоилась о семье Раванелли, которая лишится покровительства Энцы.

Марко, читая письмо Вито, тоже плакал. Мечтая о возвращении к семье, он надеялся, что Энца поедет с ним, несмотря на ужасное испытание, через которое она прошла на пути сюда. Он семь лет провел в Америке, работая изо всех сил, чтобы скопить денег на дом для семьи. Теперь дом построен, и, вернувшись, Марко будет сидеть у очага, который существует благодаря их с дочерью жертвам. И как горько было понимать, что Энца никогда не разделит с ним новый кров.

Решившись выйти за Вито, Энца признавала, что никогда больше не попадет домой. Она сказала себе, что не сможет показать мужу и детям фрески Клузоне или луга над Скильпарิโอ. Что никогда они не послушают оркестр в Акцоне. Вито отвел ее к лучшим докторам, и стало окончательно ясно, что от ее сильнейшей морской болезни не существует лекарства. Мужу и детям придется узнать о ее семье от нее. На Энцу ляжет ответственность – объединить две ветви семьи в своем сердце.

Тихим ноябрьским утром в бледно-голубом небе утопало ярко-розовое солнце. Энца подумала, что это странно, но не восприняла как знамение. Ее мать всегда смотрела на небо над Скильпарิโอ и любое движение на нем, любое изменение цвета считала знаком свыше. Ничего такого сегодня случиться не может. Энца была совершенно безмятежна, и Лаура обратила на это внимание, пока они в «Милбэнк-хаус» одевались к свадьбе.

– Ты так спокойна, – сказала она.

– Я собираюсь полностью изменить свою жизнь, – сказала Энца, натягивая перчатки. – Мне грустно покидать тебя. Нашу комнату. Никогда больше я не буду юной незамужней девушкой.

– Ты же знаешь, мы должны были вырасти, влюбиться и выйти замуж, – сказала Лаура. – Это естественный процесс. И ты счастлива с Вито, правда?

– Конечно, – улыбнулась Энца. – Вот незадача – когда жизнь складывается хорошо, все не может остаться как есть. Каждое решение ведет нас вперед... Вспомнила сейчас, как переходила горные речки в Альпах – прыгая с камня на камень. Делала шаг, потом еще один, еще и еще, и вот я уже на другом берегу.

– Как и должно быть.

– Но иногда я делала шаг, а следующего камня не оказывалось. Вода была такая холодная!

– Ты преодолеешь трудные времена, – заверила Лаура.
– Потому что мы знаем, что они неизбежны.
– Для всех нас, – улыбнулась Лаура. – Но не сегодня. Сегодня время праздновать. Оставь серьезную Энцу в этой комнате. Ты прекраснейшая невеста, и это твой день.

Энца и Лаура попрощались с соседками по «Милбэнк-хаус», собравшимися на крыльце, чтобы пожелать Энце удачи. Будущие танцовщицы, драматурги, актрисы были уверены, что все истории со счастливым концом, которые рассказывают со сцены, – правда, и восторженно провожали Энцу в новую жизнь. Этим утром Энца была для них живым символом успеха.

Они прошли пешком несколько кварталов, отделявших «Милбэнк-хаус» от церкви Девы Марии Помпейской. Вито и Колин Чапин, его шафер, должны были встретить их в ризнице. Скромную церемонию у алтаря Пресвятой Девы обещал провести отец Себастьянелли. Энца и Лаура шли мимо зеленщиков, подметальщиков, спешивших на работу мужчин в фетровых шляпах. Все в Гринвич-Виллидж было на своем месте, как и каждое утро, – надежно и предсказуемо.

Этот день был особенным лишь для Энцы и Вито. Окружавший их мир вращался по прежней орбите, и двое возлюбленных, обменявшись кольцами, не смогли бы ничего изменить.

– Подожди здесь. – Лаура обняла Энцу. – Я войду внутрь, чтобы убедиться, что для тебя все готово.

– Спасибо, Лаура. Ты всегда была моим лучшим другом.

– Всегда. – Лаура улыбнулась и вошла в церковь.

Стоя на Кармин-стрит, Энца вспоминала синьору Буффа и то, какими тяжелыми были первые месяцы в Америке, как эти месяцы превратились в годы, пока она билась изо всех сил, чтобы заработать денег и покинуть страну, как тосковала по родине. Оглядываясь назад, она вспоминала свою палату в больнице Святого Винсента, всего в двух кварталах отсюда. Мысленно перебирала в памяти изменения к лучшему, каждый год происходившие в ее жизни, все принятые решения, сделанные шаги – словно маленькие стежки, идущие один за другим, размеренно и аккуратно. Энца должна была чуть отступить, чтобы наконец увидеть законченный наряд, весь целиком. Ее жизнью теперь можно было любоваться, и она создала ее своими руками.

– Энца, – произнес голос за ее спиной.

Она с улыбкой обернулась, думая, что это Вито принес ее букет.

– Энца, – повторил Чиро Ладзари.

На нем была вылинявшая коричневая форма пехотинца, ремень туго затянут, высокие ботинки аккуратно зашнурованы, хотя Энца видела узлы на шнурках там, где их связывали из обрывков. Ткань истрепалась, манжеты подвернуты. Чиро исхудал, на лице печать лишений, но глаза – голубее, чем небо этим утром. В правой руке он держал букет фиалок, в левой – солдатскую каску. Он протянул ей цветы.

– Чиро, что ты здесь делаешь?

– Я успел. – Он через силу улыбнулся. – Я был в «Милбэнк-хаус». Там сказали, что ты здесь. Ты всегда в церкви. Сегодня большой праздник?

Он заметил в ее глазах беспокойство.

– Ты такая красивая! – Он потянулся к ней, но она отступила.

– Я выхожу замуж.

– Знаю.

– Мне пора. Священник ждет.

– Падре может и подождать. Ему некуда спешить. Сегодня понедельник. Кто играет свадьбу в понедельник?

– По понедельникам в опере выходной, – объяснила она. – Мы... – Энца замолчала. «Мы» прозвучало неожиданно эгоистично. Оно не включало в себя Чиро.

Они стояли и смотрели друг на друга. В дверях церкви появилась Лаура, но они ее не замечали. Энца не слышала, как Лаура позвала ее. Лаура бесшумно скользнула внутрь и тихо притворила дверь за собой.

– Ты не можешь так поступить, – сказал Чиро.

– Могу, совершенно точно. Я выхожу замуж.

– Он не тот, кто тебе нужен, Энца. Я-то знаю.

– Я приняла решение и доведу дело до конца, – твердо сказала она.

– Это звучит так, будто ты принимаешь наказание.

– Не думаю. Это таинство. К нему нужно относиться с почтением. – Энца и хотела уйти, но не могла. – Мне пора. – Она взглянула на запястье. Часов на нем не было.

Чиро достал из кармана часы, открыл их и показал ей.

– Спешить некуда, – спокойно сказал он.

– Я не хочу опаздывать.

– Ты не опоздаешь, – пообещал Чиро. – Отпусти его.

– Я не могу так поступить, – ответила Энца, не поднимая глаз.

– А я говорю, отпусти его.

– Я дала слово.

– Нарушь его.

– Кем я буду в твоих глазах, если нарушу слово, данное ему?

– Ты будешь моей.

– Но сейчас я – его. – Энца оглянулась на дверь. Да где же Лаура? Почему она не уведет ее в церковь, где сейчас ей надлежит быть? – Я принадлежу ему.

– Это неправда.

– Вот доказательство. – Она выставила руку с кольцом, рубин и бриллианты полыхнули под солнцем.

– Сними его. Ты не обязана выходить за меня, но ты не можешь выйти за него.

– Почему нет? – Ее голос дрогнул от волнения.

– Потому что я люблю тебя. И знаю тебя. А этот человек знает Энцу-американку, а не итальянскую девочку, которая умела запрягать лошадь и править повозкой. Разве он знает девушку, укрывавшую лилиями могилу сестры? Эту девушку знаю я. И она моя.

Энца с удивлением подумала, что ни разу не рассказывала Вито о Стелле. Вито знал только портниху Карузо. Он не знал работницу швейной фабрики из Хобокена, старшую дочь из бедной семьи, которая зимой перебивалась каштанами и молилась, чтобы их хватило до весны. Она не рассказала Вито ни одной своей тайны, и потому Вито по-настоящему не стал частью ее истории. Возможно, она никогда и не хотела, чтобы Вито знал ту девочку из Скильпарิโอ.

– Ты не можешь вот так внезапно вернуться и говорить мне это! – почти крикнула Энца. – У меня своя жизнь. Хорошая жизнь. Я счастлива. Мне нравится моя работа. Мои друзья. Мой мир.

– Какой именно мир тебе нужен, Энца? – тихо спросил Чиро.

Энца не могла бороться с прошлым. Жизнь состоит из мгновений, в которые мы совершаем выбор с самыми лучшими намерениями, часто – с надеждой. Но в эту минуту Энца поняла, что та жизнь, о которой она всегда мечтала, – это семья, а не просто двое влюбленных. Ее жизнь – фреска, полная деталей, на создание которых нужны годы совместной работы.

Жизнь с Чиро была бы жизнью ради семьи, а с Вито она жила бы только ради себя. Роскошная квартира с видом на реку, машина, чтобы разъезжать по ресторанам и вечеринкам, изысканные наряды и лучшие билеты на любое шоу... Как легко было бы с Вито! Но нужно ли ей это? Или ее предназначение – быть с тем, кто понимает ее, кто видит ее насквозь?

На миг она снова стала девочкой из горной итальянской деревушки. Та девочка покинула дом, родную деревню, работала как проклятая – ради семейного дома, в благодарность за все то, что ей было даровано. И она с

радостью повторила бы этот путь. Так неужто она не заслужила награды? Элегантной жизни рядом с человеком, который любит ее? Почему не может она выйти за Вито Блазека? *Он хороший человек.*

Только в эту минуту Энца поняла, что на самом деле означает для нее замужество. Она не создана для одиночества, она не хочет состариться за швейной машинкой, создавая костюмы для фантастических персонажей, сооружая плащи и накидки, прикрепляя воротники, приклеивая крылья, но она и не желает до самой смерти жить под крылом матери, в услужении у семьи, посвятив себя целому, а не маленькой его части – себе. Не хочет превратиться в добрую тетюшку, вкладывающую долларовые банкноты в поздравительные открытки по случаю крестин или в молитвенники, отправляемые в дар к первому причастию и конфирмации. Не хочет подписывать: «С любовью, Zia Enza». Она не рождена, чтобы носить элегантные скромные шляпки или золотые броши, эти символы старой девы, достойной золота, но не достойной бриллиантов.

Энца поняла, что родилась, чтобы любить.

И поняла только сейчас, глядя на Чиро Ладзари.

Ее судьба – идти своим путем, только своим, и любить своего мужчину. Она думала, что этот мужчина – Вито, добрый, красивый, с отменным вкусом. Вито подарил бы ей респектабельный адрес, друзей из хорошего общества, роскошный вид из окон. Она считала, что нашла то, что искала, что ее дорога к счастью уже нанесена на карту, а ей лишь остается надеть лучшие туфли и отправиться по ней.

Вито никогда не говорил о детях, для него мир состоял из радости от работы, вкусных завтраков, роскошных ужинов и романтических понедельников, когда двери Метрополитен-опера закрыты, сцена погружена во тьму и они могут вдвоем гулять в парке и ужинать при свечах, а их тени будут проколоты алыми огоньками сигарет.

Так разве это плохо – быть радостью для обожающего ее мужчины, жить в городе, ставшем средоточием всего самого лучшего в этом мире? Почему она должна отвергнуть стабильность, которую положил к ее ногам Вито, и вернуться в прошлое, к человеку, заявившему на нее права еще до того, как толком ее узнал?

Что вообще Чиро Ладзари знает о той женщине, которой она стала? Какая беспечность – снова довериться Чиро, какая глупость – поверить его мольбам, какое безумие – последовать за ним.

Но может, в этом и есть суть любви? Она подкрадывается незаметно, снова и снова наигрывает ноты твоего прошлого, соединяя их в привязчивую мелодию, – пока ты не поверишь, что это твоя ария и твое

будущее.

Но как может она разбить сердце Вито?

И все же Энца знала, что всегда слушалась только голоса сердца. И сейчас она вглядывалась в свою душу. Словно канат выскользнул из ее рук, отпуская лодку в плавание, – Энца сняла с пальца кольцо. Она смотрела на багряный блеск рубина и осознала, что всегда любила только Чиро Ладзари, с того дня на кладбище Сан-Антонио. Она отпускала его и оплакивала, считая, что ему нужно что-то совершенно иное, что она ему не пара. Она тосковала по несбывшемуся и поглубже прятала боль.

Нью-Йорк, волшебство оперы, новые друзья, роскошные дома, в которые ее приглашали... Она готова отказаться от этого удобного и безопасного мира и принять Чиро Ладзари? Нищий, солдат, ни гроша за душой – она готова обменять все, что у нее есть, на него? Какая разумная женщина так поступит?

Энца все смотрела на кольцо.

Чиро взял ее лицо в ладони.

– Энца, я любил тебя всю свою жизнь. Я был совсем ребенком, но полюбил с первого мига. Я помню твои туфли, твои волосы, как ты скрещивала на груди руки, твою позу танцовщицы. Я помню твое лицо, когда ты стояла у могилы сестры. Я помню, как твоя кожа пахла лимонной водой и розами, как ты дала мне веточку мяты. Я помню, как ты рассмеялась моей глупой шутке о недозволенном поцелуе. Я помню, как ты причастилась на заупокойной мессе, как ты плакала. Я помню каждую деталь, Энца. Знаю, я подвел тебя, когда не пришел, но это не потому, что я тебя не любил, а потому, что не знал, что люблю. Но я никогда не забывал тебя. Ни на день. И везде я искал тебя. В каждой деревне, на каждой станции, в каждой церкви. Однажды неподалеку от Ипра я пошел за девушкой только потому, что косы у нее были уложены, как у тебя. Ложась спать, я представлял тебя рядом с собой. И если был с другой, то не для того, чтобы любить ее, а чтобы вспоминать тебя. После войны я мог поехать в Вильминоре. Стоял в Риме и думал, не отправиться ли домой, но мысль о том, что в горах не будет тебя, показалась мне невыносимой. Я не знаю, что сказать, чтобы заставить тебя мне поверить. Я не слишком верю в Бога. И Пресвятая Матерь Божия забыла обо мне так же, как и моя собственная мать, но ни одна из них не смогла бы дать мне то, что дает одна мысль о тебе. Если ты уйдешь со мной, обещаю любить тебя всю жизнь. Это все, что я могу тебе предложить.

Энца не могла говорить. Ни разу за всю помолвку Энца не чувствовала к Вито того, что чувствовала сейчас, глядя на Чиро. Он всегда был для нее

напоминанием о доме. Ее тело тянулось к нему, и душа тянулась следом.

На Кармин-стрит дети играли в стикбол^[71]. Они гонялись за мячом по тротуару у церкви. Заметив солдатскую форму, они бросили игру и сгруппировались вокруг Чиро – рассматривали каску, ботинки, солдатский вещмешок.

Энца опустила голову, чтобы никто не прочел ее мысли. Желание прижаться к Чиро было столь острым, что ей стало стыдно. Она поняла, что если выйдет за Вито, то потеряет свою Италию навсегда.

Даже если бы она решилась пересечь океан, Вито повез бы ее на Капри, показывал бы античные древности, магическую Флоренцию, а ей нужны были лишь горы и реки севера. Она родом из края мандолин, и скрипки Ла Скала ей чужие. Ей нужен человек, который вернул бы ей дом, пусть даже это будет совершенно новый дом. Чиро может заменить ей родные горы.

С ним она готова на лишения, готова бороться за кусок хлеба, волноваться за детей, – с ним она готова жить. У нее всего одна жизнь, которую она может с кем-то разделить, и всего одно сердце, которое она может кому-то отдать. Если она примет предложение Чиро, то ей никогда не уйти от сравнений. Но любовь того стоит.

Чиро поцеловал ее. Дети заулюлюкали. Губы его на вкус были в точности такими, какими запомнились Энце. Его лицо было таким теплым.

Что ж, она отправится за Чиро. Свадебный наряд обратится в дорожное платье. И ведь ей всегда чудилось, что она шьет костюмы, вкладывая в них другой смысл. Так что костюм цвета корицы не стал исключением.

Букет фиалок, который принес Чиро, она сунула за пояс. Цветы подошли идеально – будто костюм только и ждал этого финального штриха.

– Я твоя, Чиро, – сказала она.

Часть третья

Миннесота

1

Букет фиалок

Un Mazzolino di Viole

Темноту спальни в «Милбэнк-хаус» прорезала полоса падавшего из окна света. Энца, лежавшая на кровати в одной ночной рубашке, пошевелилась.

– Мама сказала бы – если спать при лунном свете, прогонишь удачу.

– Слишком поздно, – откликнулась Лаура, стоявшая на коленях у камина. – Удача сегодня сбежала. – Она поворошила в камине кочергой, и оранжевые угли вспыхнули язычками пламени. Подложив еще одно полено, Лаура забралась в кровать и откинулась на подушку. – Вчера в это же время мы подшивали подол твоего свадебного наряда. Да, не пришлось мне вернуться домой в одиночестве. Какого хрена ты себе думала?

– Прости, пожалуйста. – Энца подвинула стоявшие на тумбочке фиалки так, чтобы видеть их крошечные бархатные лепестки.

– Это у Вито тебе нужно прощения просить.

– Он никогда не простит меня, да я этого не жду.

Энца не могла поверить, что сделала Вито несчастным, ведь всю свою жизнь она ставила чужое счастье выше собственного. Но если девушка собирается принести обеты, она должна быть честна. Едва ли не в последний миг она заглянула в свое сердце и поняла, что может выйти замуж только по любви, а любит она Чиро.

– Вито вылетел из церкви, будто спасаясь от пожара.

– Да, после того как позволил уйти мне. Ты слышала, что он сказал?

– Двери ризницы в храме Девы Марии Помпейской не слишком толстые. Но я не могу осуждать его за гнев.

– Как и я. Но потом – так странно! – он замолчал. Надолго. А спустя несколько минут сказал: «Ты никогда не была полностью моей. И я это знал».

– Энца, как это на тебя не похоже. Тебя не назовешь импульсивной. А так себя ведут только ветреные девушки.

– Но я люблю Чиро с пятнадцати лет. Я пыталась построить свое счастье с Вито, пыталась забыть Чиро, но он пришел за мной, Лаура. Сегодня он сам пришел за мной! Он выбрал меня.

– Но у тебя тоже был выбор!

– Ты знаешь, у нас в горах строят плотины, чтобы укротить энергию водопадов. Но рано или поздно вода находит путь и плотину прорывает. Ровно это и случилось сегодня утром, когда я увидела Чиро. Я не смогла противиться природе.

– И даже попробовать не захотела, – вздохнула Лаура. – Чем была плоха жизнь, которую предложил тебе Вито?

– Ничем, – тихо ответила Энца.

– Тогда почему ты отказалась от нее? И ты уверена в Чиро? Когда мы увидели его в День Колумба, несколько лет назад, ты призналась ему в своих чувствах, но он не пришел за тобой. Я же помню, как потом ты была несчастна. А я все думала, ну и сволочь же этот Чиро. Это тебя не беспокоит? Ты веришь ему?

Энца села в постели.

– У него есть план.

– Вот радость-то! – протянула Лаура.

Энца невольно рассмеялась, в первый раз за долгий день.

– Чиро честолобив, – продолжила она. – Он хочет открыть собственное дело, хочет научиться шить женскую обувь. Но он не просто обувщик, Лаура. У него взгляд художника!

– Как и у тебя! Он вообще представляет, на что ты способна? Видел ли он твою работу вблизи, как я, или на расстоянии, из «бриллиантовой подковы», как дама из общества? Ты же потрясающая портниха! На твоём фоне все мы в костюмерном цехе выйдем любителями. Синьор Карузо обожал твои макароны, но работала с ним ты не поэтому. Он увидел в тебе художника! Всю войну ты снимала с двери приколотые к ней эскизы и превращала их в великолепные костюмы и шляпы для Карузо! Знает ли Чиро, кто ты и как далеко ты ушла с тех пор, как он бросил тебя? – Лаура яростно взбила подушку и легла, повернувшись к Энце.

– Я не собираюсь бросать работу, – сказала Энца.

– Надеюсь, тебе понравится шить обувь.

– Буду помогать ему, а он – мне.

– Правда? Мужчина поставит твою работу вровень со своей? Ушам не верю!

– Я надеюсь на это, Лаура.

– Да уж. Надежда – это прекрасно. Вот только память у нее плохая. Что бы ни наколдовало твоё воображение, надежда услужливо дорисует картинку.

– Ты просто его не любишь.

– Да я его знать не знаю. Но сейчас речь не о том. Речь о моей

любимой подруге, для которой я хочу самого лучшего. Ты не представляешь, во что ввязываешься. Ты будешь жить на Малберри-стрит и обстирывать хозяйку. Я не знаю, как он убедил тебя разрушить жизнь, которую ты налаживала годами. Наобещал, наверное, невозможного.

– Он обещал любить меня. И хоть раз в жизни я собираюсь совершить непрактичный, неумный, опрометчивый поступок. Я собираюсь послушаться сердца, а не рассудка и не чувства долга. Я собираюсь сделать что-то для себя и буду счастлива, что так поступила.

Лаура вздохнула:

– Ты безумна. Он заполучил тебя. Готова признать его превосходство. Для женщины любовь – мечта, обитающая на небесах, и если мужчина сулит соорудить лестницу, что до нее дотянется, то женщина тут же подбирает юбку и карабкается за ним к звездам. Теперь моя очередь надеяться. Я надеюсь, что синьор Ладзари не разочарует тебя.

Лаура повернулась на другой бок, натянув одеяло до подбородка.

Энца той ночью не спала. Долгие часы до рассвета она думала о Вито и Чиро и о своем выборе.

Огонь отбрасывал на стены мягкие отблески, высвечивая трещины в старой краске. Но, вглядываясь в них, Энца не видела никаких силуэтов и теней, которые могли бы предсказать будущее, не видела вообще никаких знаков. Всю ночь, которая должна была стать счастливейшей в жизни, Энца проплакала – в подушку, чтобы не разбудить Лауру.

Чиро вытянулся на своей старой койке в обувной лавке Дзанетти. Закинув руки за голову, он разглядывал квадраты жестяного потолка, как и много вечеров до того, как ушел на войну.

Пужинав стейком с луком, свежим хлебом и кофе с пирогом, Ремо и Карла отправились спать. Чиро несколько часов рассказывал о войне и своем путешествии в Рим. Он думал, не рассказать ли об Энце, но решил, что лучше не надо: судя по всему, Карла ждала, что он немедленно вернется к работе. Ее банковская сумка давно уже не распухала, как в те времена, когда Чиро без устали тачал одну пару обуви за другой. Синьора желала вернуть золотые годы, и как можно скорее.

Чиро услышал, как во входной двери поворачивается ключ. Он встал и выглянул из-за занавески.

– Не стреляй, – сказал Луиджи, поднимая ключ вверх. И воскликнул: – Боже мой, какой же ты тощий!

Друзья обнялись.

– А про тебя такого не скажешь. Как семейная жизнь?

– Паппина в ожидании.
– *Auguri!*^[72]
– *Grazie. Grazie.* Мы живем на Хестер-стрит.
– И как там?
– Не очень. Шумно. Нет сада. Я хочу увезти Паппину.
– Куда?
– Мы подумывали о том, чтобы вернуться домой, в Италию, но там нет работы. Из-за войны все стало только хуже. – Он понизил голос: – И я устал вкалывать на них. – Он показал на потолок. – Пашу семь дней в неделю, а платят мне за пять.
– Синьора хочет, чтобы я завтра же утром уселся за машинку – за ту же плату, что и прежде. Мол, времена тяжелые.
– Для нас. Не для нее. Карла не могла дождаться, когда ты вернешься. Удивительно, что не наняла мула, чтобы разыскать тебя в полях Франции. Она поджарила тебе отбивную?
Чиро кивнул.
– Так вот она и держит нас под каблуком. – Он похлопал себя по животу. – Желая добиться, чтобы ты работал вдвое за те же деньги, кидает тебе стейк. Нет, пора нам делать ноги.
– Ремо говорит, что хочет вернуться в Италию.
– Считаешь, мы сможем заполучить его дело? Никогда этого не будет. Синьора слишком любит звонкие монеты. Она загонит его в могилу работой, а остаток жизни проведет, считая денежки.
– Я подумываю открыть собственную лавку, вместе с тобой, – сказал Чиро. – Как ты?
– Нам хорошо работалось вдвоем. Мне это нравится.
– Но где? В Бруклине? В Нью-Джерси?
– Я хочу уехать как можно дальше. В деревню хочу. Там свежий воздух. А ты?
Бесконечными ночами во Франции Чиро размышлял о том, где бы ему хотелось поселиться. А сегодня, когда Энца прижалась к нему, он принял решение. Он построит для нее жизнь, о какой сам и мечтать не смел. И у него есть надежный партнер, Луиджи.
– Как насчет Калифорнии?
– Половина Калабрии осела в Калифорнии. На западе больше башмачников, чем башмаков.
Чиро кивнул.
– В Кентукки и Западной Вирджинии много шахт. Возможно, там нужны обувщики.

– Я не хочу на юг, – ответил Луиджи. – Я из Южной Италии, жарой и влажностью сыт до конца жизни.

– Значит, север. Думаю, я приживусь в месте, похожем на Вильминоре. Там, где озера и все зеленое.

– В Миннесоте много озер.

– Туда уехал на заработки мой отец, – тихо сказал Чиро. По его лицу пробежала тень. – И не вернулся.

– Что с ним случилось? – осторожно спросил Луиджи.

– Мы не знаем. И вот что тебе скажу: не хочу знать. Нам сообщили, что на шахте произошел несчастный случай. Это разрушило нашу семью, здоровье моей матери и разлучило нас с братом.

– Ладно. В Миннесоту не поедем.

– Нет-нет, стоит рассмотреть любую возможность, – задумчиво произнес Чиро.

Миннесота всегда была для него мистическим местом. Местом, которое поглотило его отца. И в то же время полным странной притягательности – ведь почему-то отец его выбрал. Если еще один Ладзари примерится к Железному хребту^[73], это будет судьба или просто глупость? Искушение или искупление?

– Я слышал, как в «Апулии» какие-то люди говорили, – продолжал Луиджи, – что на железных рудниках работа не останавливается ни днем ни ночью. Значит, там полным-полно парней. Стоит подумать. Тысячи работяг, и всем нужны башмаки. У нас там будет чем заняться. А ты получишь свои озера.

Возможно, желание покинуть Нью-Йорк стало следствием войны, когда Чиро повидал романтические холмы Англии, древние виноградники Франции, величавые римские руины. А может, мечту о собственном доме пробудило то, что он снова спал на той же самой койке за тонкой занавеской, как и до отъезда. Внезапно ему стало тесно в знакомом мире. Если он всерьез настроен подарить Энце настоящую жизнь и собственный дом, то он обязан стать мечтателем. Чиро надеялся, что и Энца мечтает о чем-то новом, неведомом. Он покачал головой – тут его план мог дать осечку.

– Энца никогда не покинет Нью-Йорк.

– Кто?

– Энца Раванелли. Я собираюсь на ней жениться, – объявил Чиро.

– На ком жениться? – Луиджи был ошеломлен. – Энца... Та хорошенькая девушка с Альп? Да быть того не может. Она же из тех, кто разгуливает в перчатках и шляпках. Вся такая чинная. Совсем не похожа на

твоих девушек.

– В том-то и дело.

– Все вы, фронтовики, одинаковые. Снял винтовку и бросился за обручальными кольцами. Но когда ты все успел повернуть?

– Она согласна стать моей.

– Как и все девчонки от Малберри-стрит до Бушвика. Ты же о ней даже не вспоминал. Что изменилось?

– Я изменился, Луиджи.

– Ясно. Во Франции тебе вышибли мозги? Ты же всегда мог заполучить девушку. Любую девушку. Всех девушек.

– Но для меня предназначена лишь одна. И это Энца.

– Значит, больше ты не донжуан. *Va bene*. Надеюсь, ты знаешь, от чего отказываешься. Когда ты уехал, не проходило и дня, чтобы не зазвонил дверной колокольчик и сюда не заявлялась какая-нибудь *ragazza*^[74], чтобы спросить адрес, на который тебе можно писать.

– Я не получил ни одного письма! – с притворным негодованием воскликнул Чиро.

– Синьора говорила всем, что ты в Танжере.

– Где это? Я даже на карте не найду, наверное.

– Значит, где-то в Танжере целая палатка забита любовными письмами к Чиро Ладзари, опрысканными розовой водой. И никто их никогда не прочтет. Вот жалость-то!

Когда Луиджи ушел, Чиро выкурил сигарету во дворике под старым вязом. Упершись ногами в ствол дерева, он откинулся в кресле – как вошло у него в привычку до войны. До чего же сладко бывало после тяжелого рабочего дня покурить под деревом, в завершение хорошего ужина. Но теперь все стало иначе. Чиро казалось, что все в Маленькой Италии изменилось, даже это дерево. Старая кора отслаивалась, обнажилась серая древесина с глубокими рытвинами, точно потеками. Опавшие листья не золотились на солнце, а бурым ковром лежали под голыми ветвями.

Чиро не забыл, как любил это старое дерево – островок зелени в каменном море, верного друга, дававшего тень и прохладу. Но теперь он понимал, что ничего красивого в дереве не было. Просто оно напоминало о доме. Сейчас ему было мало одного-единственного дерева в одном-единственном дворике, и он надеялся, что Энца чувствует то же самое.

Чиро гадал, что она ответит на предложение оставить Метрополитен-опера, он боялся просить ее об этом. Но он знал, что если добьется успеха на новом месте, то у них появится свобода решать, где они проведут грядущие годы. Как только его карманы наполнятся долларами, можно

будет вернуться в Италию, в родные места. Чиро пора самому становиться падроне, и на меньшее он не был согласен.

Мысль о Железном хребте не оставляла его. Миннесота. Это слово звучало как заголовок непрочитанной книги, которую он в конце концов откроет и жадно проглотит за ночь. Там умер отец. Этот неведомый американский штат сыграл роковую роль в судьбе их семьи. Возможно, пришло время залечить рану, нанесенную этой трагедией. Возможно, он обретет мир, если пройдет по следам отца вдоль берегов кристально чистых озер Миннесоты. Возможно, его место там, возможно, там они будут счастливы.

Потушив сигарету, Чиро подумал об Эдуардо. Брат проследит, чтобы о матери позаботились. Перед Чиро теперь стояла лишь одна задача – сделать так, чтобы его жена и их будущие дети ни в чем не нуждались. А значит, надо открыть новую главу. Значит, надо ехать в Миннесоту.

Лаура, полностью готовая к выходу на работу, присоединилась к Энце за завтраком в столовой «Милбэнк-хаус». Энца встала рано, она успела принять ванну и одеться до того, как проснулась Лаура. Когда подруга спустилась, Энца пила уже третью чашку кофе.

– Думаю, мы должны повесить извещение, касающееся твоей свадьбы, на доске объявлений. А то вокруг начнут шептаться – почище, чем когда домоправительница Эммерсон в подпитии упала с крыльца на прошлый Новый год.

– Ты не обязана отвечать за меня, – сказала Энца.

– Не обязана? А на что вообще тогда лучшие друзья?

Энца поставила чашку и посмотрела на Лауру. Ночью та спала крепко – как всегда, когда совесть ее была спокойна. Энца, напротив, множество ночей провела в борьбе с собой, и прошлая стала одной из самых тяжелых. Она нуждалась в Лауре и не могла представить себе жизнь без нее.

– А мы все еще лучшие друзья? – спросила Энца. Она надеялась, что Лаура не заставит ее делать выбор между любовью и дружбой.

– Да. – Лаура села за стол. – Я только хотела бы знать, что ты скажешь отцу, когда он явится сюда сегодня днем. Ты выгнала одного жениха ради другого. У твоего папочки голова пойдет кругом.

– Сделаю так, как поступала всегда. Расскажу ему правду.

– Я собираюсь на работу. Что мне сообщить девочкам? Они думают, что у тебя медовый месяц.

– Просто скажи, что я счастлива.

– Так и сделаю. – Лаура вскочила, стоя допила кофе и надела

перчатки. – Предупредить Серафину, что ты вернешься быстрее, чем планировала?

– Не позволяй ей отдать мою машинку кому-то другому, – ответила Энца.

– Аллилуйя! – Лаура хлопнула в ладоши.

Под громкое тиканье часов, стоящих на каминной полке в гостиной «Милбэнк-хаус», Энца собирала на поднос все что нужно для чая. Она сложила льняные салфетки, расставила блюда с изысканными пирожными и крошечными сэндвичами. Проверила содержимое сахарницы и молочника. Вытащила из чайника серебряное заварочное ситечко в виде шара на цепочке и положила его в специальный серебряный поддон. Звякнул колокольчик. Мисс де Курси открыла дверь. Энца вылетела из гостиной. Отец и дочь долго стояли обнявшись.

Марко как следует рассмотрел Энцу, а затем огляделся. «Милбэнк-хаус» на кого угодно мог произвести впечатление. За спиной Энцы изящным изгибом уходила наверх широкая лестница с перилами полированного красного дерева. Открытые раздвижные двери вели в гостиную и приемную. Библиотека, с камином дорогого черного мрамора, была по всем меркам роскошной. Такого богатства он не видел с тех пор, как много лет назад отвозил посылку в кардинальскую резиденцию в Брешии.

Марко также отметил, что и дочь, которую он не видел больше двух лет, приобрела изысканную утонченность. Светская дама, да и только. Уж не это ли причина несостоявшейся свадьбы?

– Почему ты отменила свою свадьбу? Что он натворил? Если Блазек тебя обидел, я так этого не оставляю.

– Нет, папа, это я обидела его.

– Что случилось?

Марко было под пятьдесят. И он больше не был тем крепким человеком, каким помнила его Энца. Плечи ссутулились от тяжелого труда, лицо и руки огрубели от вечного пребывания на раскаленном солнце. Но дом в Скильпарิโอ наконец-то готов, и контракт с Управлением автомобильных дорог Калифорнии завершен. Можно возвращаться в Альпы, чтобы провести там остаток своих дней. Предвкушая скорую встречу с женой и детьми, Марко улыбался чаще обычного, у него словно прибавилось сил.

– Папа, пойдем присядем. – Энца отвела его в гостиную и предложила кресло у окна, перед карточным столиком.

Марко взял ее за руки:

– Расскажи мне все.

– Элиана прислала длинное письмо, в подробностях описала дом. Витторио выкрасил его в желтый, цвет подсолнухов. Смастерил шкафы, навесил прочные двери. В доме много окон. Погреб забит картошкой и каштанами. Мама заготовила на зиму перец и помидоры черри.

– Энца, а ты знаешь, что Баттиста заключил сделку с Ардинго? С него – бесплатный провоз, с них – столько колбасы и прошутто, сколько сможет съесть наша семья.

– Баттиста всегда был комбинатором, – рассмеялась Энца.

– И всегда будет. Дождаться не могу, когда же увижу всех своих детей. Но больше всего хочу увидеть вашу мать, – признался Марко. – Может, все же поедешь со мной, раз уж свадьба отменилась?

– Мне бы так хотелось, папа... Если бы я только могла.

– Да, в горах будет не хватать концертов Карузо.

– Дело не в этом. – Энца посмотрела на свои руки, не зная, что сказать.

– Ты собираешься дать Вито Блазеку второй шанс?

– Нет. Там все кончено.

– Тогда поедем домой, – тихо сказал Марко.

– Папа, ты знаешь, что это невозможно.

Марко погладил дочь по щеке:

– Я помню, как ты расхворалась по пути сюда.

– Папа, я чуть не умерла, – прошептала Энца.

– А мы с тобой перед плаванием сходим к доктору и попросим помочь тебе.

– А что, если он не поможет, папа? Что, если я не вынесу путешествия? Нет, возвращайся к маме и нашей семье, насладись каждым уголком нового дома. Я хочу, чтобы ты распахнул окна и разжег очаг, разбил сад и наполнил дом любовью. Этим ты сделаешь меня счастливой.

– Но это и твой дом. Ты работала не меньше меня ради него. Я не хочу верить, что тебе не доведется в нем жить.

– Это мой выбор, папа. Я остаюсь здесь. И здесь у меня не только работа. Помнишь мальчика по имени Чиро? Его прислали из Вильминоре, чтобы выкопать могилу Стеллы. Помнишь, я еще привела его домой и познакомила с вами?

– Я мало что помню о том дне, Энца.

– Но мы снова встретили его в больнице Святого Винсента, когда я болела. Чиро Ладзари из хорошей семьи. Его брат стал священником. Дети они жили в монастыре Сан-Никола.

– Ладзари из Вильминоре... – Марко задумался. – Однажды я отвозил вдову Ладзари в Бергамо. Лежал снег.

У нее было двое сыновей, она определила их в монастырь. Я помню. Она заплатила мне три лиры. Получается, судьба.

Энца сделала глубокий вдох. Какие же прочные нити соединяют их с Чиро! Похоже, новая встреча была неизбежна.

– Еще один знак, что мы должны быть вместе.

– Почему ты думаешь, что этот молодой человек знает, как с тобой обращаться? То, что он из наших краев, еще не значит, что он достоин тебя. Он вырос в монастыре. Это не его вина, но он не знает, что такое настоящая семья. Как ты можешь быть уверена, что он не бросит тебя, как его бросила мать?

– Я в нем уверена, папа.

– Но сможет ли он стать хорошим мужем?

Марко знал свою дочь. Она всегда имела свое мнение, еще с детства, и всегда слушалась собственного сердца. Марко встал, отошел к окну. Разглядывая улицу, он подбирал верные слова. Дочь на перепутье и явно нуждается в мудром материнском совете, но матери рядом нет.

Он увидел, что на крыльцо поднимается молодой человек, высоченный, в новеньком костюме. Раздался звонок.

– Этот Ладзари собирается со мной встретиться? Ты что, выбрала великана?

Мисс де Курси провела Чиро в гостиную. На нем был темно-синий костюм, белая рубашка, жилет и галстук. Ботинки бычьей кожи с темно-синими, в тон костюму, шнурками.

Марко повернулся к будущему зятю, и они пожали руки.

– Рад встретиться с вами снова, синьор.

– Энца, я бы хотел поговорить с синьором Ладзари с глазу на глаз, – сказал Марко.

Энца кивнула и выскользнула из комнаты, закрыв за собой дверь.

– Ладзари! – громко сказал Марко.

– Да, синьор.

– Чем занимался твой отец?

– Он был горняком. Работал в мраморных карьерах в Фодже, а затем в Альпах, на железных рудниках.

– Что с ним случилось?

– Он уехал в Америку почти двадцать лет назад в поисках работы. Мне сказали, что он погиб в железном руднике в Миннесоте.

– А кто твоя мать?

- Она из Монтини.
- Это печатники?
- Да, синьор.
- Они издавали миссалы^[75] к Святой неделе.
- Для всех церквей в горах, а еще в Бергамо и Читта-Альта.
- Почему ты не стал печатником?

Чиро посмотрел на свои большие руки, мало пригодные для каллиграфии.

- Мне не хватает тонкости, сэр. *Delicato*^[76].
- Чем же ты зарабатываешь на жизнь?
- Помогаю синьору Дзанетти с Малберри-стрит. Шью обувь.
- Ты уже мастер?
- Да, я завершил ученичество у синьора Дзанетти. Мой долг ему выплачен, и я готов открыть собственное дело.
- В городе большая конкуренция. Говорят, если в Бруклине бросить камень, попадешь в обувщика.

– Знаю, синьор. У меня есть партнер, Луиджи Латини, мы хотим взять ссуду и открыть дело там, где сапожников не хватает.

- Тебе нужен партнер?
- Предпочитаю работать с партнером, синьор. Я вырос с братом, которому был очень предан. Потом пошел добровольцем на войну и обрел там друзей. Один из них, синьор Хуан Торрес, особенно заботился обо мне, и я платил ему тем же. К несчастью, он не вернулся домой, но я по-прежнему чувствую, что он рядом. Я слишком долго шел своим путем один, поэтому вполне естественно, что ищу партнера. Луиджи Латини хороший человек, и я с ним отлично сработался. Думаю, вместе мы развернем хороший бизнес.

Марко молчал, размышляя. Как это похоже на него самого. Он тоже прошел трудный путь в одиночку. С партнером можно разделить тяготы, положиться друг на друга. В словах Чиро был определенный смысл.

Марко смерил парня критическим взглядом. Высокий, сильный, с виду прирожденный лидер. И привлекательный, наверняка от женщин нет отбоя.

- У тебя было много девушек?
- Несколько.
- Моя дочь была помолвлена с Вито Блазеком.
- Знаю. Должно быть, за мной присматривал ангел. Я прибежал к церкви за минуту до того, как Энца вошла внутрь.
- Письмо синьора Блазека, в котором тот просил руки моей дочери,

произвело на меня большое впечатление, – сказал Марко. – Оно было очень трогательным.

– Хорошо, что мы встретились лично, сэр. Я не смог бы поразить вас на бумаге, не буду и пытаться. Я привык, что в нашей семье все способности такого рода достались моему брату Эдуардо, – улыбнулся Чиро.

Марко не сводил с Чиро пристального взгляда:

– Я все про тебя понял.

– Надеюсь, вы доверите мне Энцу.

Марко посмотрел на свои руки. Внутри у него все подрагивало от напряжения. Он боялся за Энцу, но он ведь всегда полагался на ее суждения. Представляет ли Чиро, как сильна духом его старшая дочь?

– Моя дочь – человек независимый. Уже долгое время она все решения принимает самостоятельно.

– Я люблю ее и за то, что она такая сильная. Это ее свойство дорого мне чуть ли не больше всего. Думая о женитьбе и о последующей жизни, я хочу быть уверенным, что жена сможет позаботиться о себе и детях, если со мной что-нибудь случится.

Марко улыбнулся. Его Джакомина взвалила на себя заботу о детях и о доме.

– Мы в нашей семье привыкли трудиться. А ты?

– Да, сэр, я тоже.

– Мы люди верующие. А ты?

Чиро сглотнул. Лгать ему не хотелось, но и вводить в заблуждение будущего тестя – тоже.

– Я стараюсь, сэр.

– Старайся получше.

– Буду, синьор.

– Кроме того, мы люди верные. Я уже годы живу вдали от жены и ни разу не был с другой женщиной. Сохранил бы ты преданность моей дочери в подобных же обстоятельствах?

– Да, синьор. – Чиро начал покрываться потом.

– Можешь дать мне слово?

– Даю слово, сэр. – Голос Чиро дрогнул.

– Я должен еще кое-что узнать, прежде чем согласиться доверить тебе свою дочь.

– Все, что угодно, сэр. – Внутри Чиро нарастала паника. Неужели он прошел такой долгий путь, только чтобы отец Энцы отверг его?

– Я бы хотел знать, за что ты любишь мою дочь.

Чиро подался вперед. Он никогда не задавал себе этого вопроса, но знал, что человек не рождается со способностью любить, он учится этому всю жизнь. За верность, стойкость, трудолюбие, доброту – вот за что любят людей. Взять его самого – потерял отца, потом мать, затем брата, отправился на войну и выжил. Все это, каждый его поступок, наложило на него отпечаток. Что такое верность, он познал еще в монастыре, потому что рядом всегда был Эдуардо, самый преданный из братьев и самый любящий. Это он научил Чиро любить. И все последующие метания – не что иное, как попытки заполнить пустоту, оставшуюся после исчезновения матери. И вот после многих лет одиночества и ошибок он нашел ту, что ему нужна, ту, что спасет его. Чиро не хотелось, чтобы Марко подумал, что он выбрал Энцу, чтобы спастись, но ведь это правда.

Он медленно заговорил:

– Я побывал в чужих странах. Но нигде не встретил женщины, похожей на Энцу. Она умна без высокомерия. Она красива без тщеславия. И она изящна без малейших усилий. Я люблю ее и подарю ей достойную жизнь. Рядом с вашей дочерью я становлюсь лучше. Рядом с ней я чувствую благодать.

Он умолк. Молчал и Марко, обдумывая его слова. Он угадывал в Чиро непонятную печаль. Марко не знал, что это, груз прошлого или предвестие будущего. Он лишь видел в этом парне серьезность, порожденную испытаниями, какие на долю самого Марко не выпадали. И на его взгляд, этот союз будет крепок, Джакомина благословила бы его. Не стоило забывать и о том, что Чиро их земляк, он говорит на том же диалекте итальянского, что и они, знает их обычаи. Они одной крови, а для Марко Раванелли это было важным доводом.

Чиро окаменел на краешке кресла. Его будущее, его надежды были сейчас во власти сидящего напротив человека.

Марко медленно достал из кармана конверт. Положил на стол, накрыл ладонью и посмотрел на Чиро:

– Для Энцы.

– В этом нет необходимости, – сказал Чиро.

– Это важно для меня. Я разрешаю тебе жениться на моей старшей дочери, моем первенце. Мужчины обычно ждут первым сына, но я скажу тебе – не родился еще сын, доставивший отцу столько же радости, сколько доставила мне Энца. Есть дочери – и дочери, но Энца только одна. Я вверяю тебе свою плоть и кровь. И ожидаю, что ты оправдаешь доверие.

– Оправдаю, сэр.

– Наш дом в Скильпарิโอ готов уже почти как год. Я мог бы сразу

вернуться в Италию, но остался, чтобы скопить на приданое дочери. Мне приносит удовлетворение мысль, что эта небольшая жертва облегчит Энце начало ее новой жизни. Один год из тех пятидесяти, что я провел на земле, – ничтожная малость по сравнению с тем, что она для меня значит.

– Благодарю вас, синьор. Я не забуду, сколько труда вы вложили, чтобы подарить Энце эти деньги.

Марко поднялся. Чиро тоже встал. Энца приоткрыла дверь и заглянула в комнату.

– Все улажено, – сказал ей Марко. Энца подбежала к отцу, обняла. – Твое счастье – это и мое счастье, – прошептал Марко на ухо дочери. – Будь же счастлива, моя Энца!

Ближе к вечеру Энца проскользнула в библиотеку «Милбэнк-хаус», зажгла масляную лампу на письменном столе, вытащила из ящика чистый лист льняной бумаги и вечное перо.

30 ноября 1918 года

Дорогая синьора Рамунни!

С тяжелым сердцем я отказываюсь от должности швеи костюмерного цеха Метрополитен-опера. Я любила каждое мгновение, проведенное на работе, даже когда приходилось задерживаться допоздна и казалось, что мы не успеем завершить проект к поднятию занавеса. Никогда не забуду дарованную мне привилегию стоять в кулисах, наблюдая, как созданные нашими руками костюмы восхищают публику цветом, линиями, складками, формой и силуэтом, этими важнейшими элементами, о которых Вы мне говорили.

Мы с Лаурой часто вспоминаем тот день, когда Вы наняли нас на работу. Мы думали тогда, как и теперь, что опера еще не знала другой леди, так же украсившей ее, как Вы. С Вашей помощью работа была для нас как песня, и в этом самое главное.

Покидая Вас и своих коллег, костюмеров и великих певцов, я хочу, чтобы все вы знали, что навсегда останетесь в моем сердце. Когда я думаю о Вас, я всегда приношу благодарственную молитву. Желаю Вам всего наилучшего, ибо я уверена, что никто более Вас не заслуживает счастья. Надеюсь, что за Вашу щедрость ко мне Вам воздастся вдесятеро. Mille grazie, Signora. Auguri! Auguri!

Энца тщательно промокнула письмо. В глазах ее стояли слезы. Теперь она знала, что такое жертва. Чиро хотел начать их новую, совместную жизнь в Миннесоте, и Энца согласилась. Чиро разложил перед ней карту, объяснил, куда именно они отправятся и как они с Луиджи намерены начать свое дело. Паппина понравилась Энце еще тогда, на крыше у Дзанетти годы назад, так что она знала: в новом путешествии у нее будет добрая подруга. О переезде в Миннесоту и решении выйти за Чиро Энца не жалела, но она понимала, что часть ее души останется в Метрополитен-опера. Энца вспоминала, как, сидя за этим самым столом, сочиняла письмо, в котором просила о месте швеи в Мет. Она улыбалась, думая о простеньких образцах, которые вложила тогда в конверт, чтобы продемонстрировать свои умения. Серафина Рамунни была так добра, что посмотрела сквозь пальцы на очевидную неопытность и наивность. И какая же превосходная карьера получилась у них с Лаурой – им довелось работать с величайшими певцами, которым сшитые Энцей костюмы помогали рассказывать бессмертные истории и петь удивительные арии. Костюмы были частью спектакля, ярким мазком на общей картине. Энца познала, каково это – служить великому Карузо, и теперь, надеясь, что приняла правильное решение, снова готова была служить, на этот раз – мужчине, которого любила.

Чиро Ладзари и Энца Раванелли поженились в церкви Святого Розария на Перл-стрит в Нижнем Манхэттене 7 декабря 1918 года. Шафером был Луиджи Латини, подружкой невесты – Лаура Хири.

Колин Чапин читал Священное Писание. Паппина Латини положила букет к ногам Пресвятой Девы: она не могла пойти к причастию, так как ждала ребенка. Энца была в голубом и несла молитвенник в обложке из черной кожи, некогда подаренный Чиро братом. К молитвеннику она прижимала букет красных роз.

После церемонии они проводили Марко к причалу 43, на борт парохода «Вирджиния», отплывавшего в Неаполь. После девятидневного плавания он сядет в поезд до Бергамо, где воссоединится с женой и детьми.

Энца дошла с отцом до самого трапа. Она вынула из своего свадебного букета розу, отломала стебель и вдела цветок в петлицу отцовского пальто.

Марко вспомнил, как стоял на этом самом причале много лет назад – в страхе, что Энца умерла и он никогда не увидит ее снова. И вспомнил, как

сунул тогда руку в карман старого пальто из вареной шерсти и нащупал лоскут шелка, пришитый Энцой. Эта девочка всегда старалась сделать мир прекраснее, хотя бы мелочью привнести утешение туда, где этого меньше всего ожидали, и радость – где в ней больше всего нуждались. Сердце Марко разрывалось оттого, что он не мог взять ее домой, но хороший отец поддержит желание дочери построить свой собственный дом. Так он и поступил.

– Папа, пиши мне.

– Обязательно. И ты должна мне писать, – сказал он сквозь слезы.

– Обещаю. – Энца достала из кармана носовой платок, вышитый Лаурой к свадьбе; ее инициалы сплелись на нем с инициалами Чиро.

Марко притянул к себе дочь, обнял. Энца вдыхала аромат табака и лимона – отцовский запах, знакомый с раннего детства. Так они стояли, пока не прозвучал гудок парохода. Отец отстранился и пошел вверх по сходням. Пока поднимали и закрепляли металлический трап, Энца не двигалась с места. Она обшаривала взглядом палубу за палубой и наконец отыскала Марко и его красную розу. Тот отчаянно махал ей шляпой. Она замахала ему в ответ и широко улыбнулась, надеясь, что на таком расстоянии он не увидит слез. Она тоже не видела его слез, но знала, что он плачет. А затем Энца присоединилась к своему мужу и друзьям, ждавшим ее за рыболовными сетями, отделявшими пирс от доков. Чиро обнял Энцу и долго не отпускал. И ей стало легче.

Позже Лаура, Колин, Луиджи, Паппина, Энца и Чиро устроили по случаю венчания праздничный завтрак в атриуме отеля «Плаза», под стеклянным плафоном Тиффани^[77].

Чиро описывал свой бизнес-план, Колин давал ему советы. Лаура следила за Энцей, которая блаженно улыбалась, поглядывая на украшавшее ее палец золотое кольцо с вензелем «С», которое Чиро носил еще мальчиком.

Звучали тосты, пожелания долгих счастливых лет вместе. Но особый тост был провозглашен в честь нового гражданства Энцы. В день, когда Чиро покинул ряды Вооруженных сил США, ему предоставили американское гражданство. А теперь этот дар распространился и на его законную жену. Таинство брака, клятвы, кольцо и брачная лицензия наконец сделали Энцу американкой.

Вход в отель «Плаза» обогревался маленькими железными жаровнями, расставленными за бархатными канатами вдоль красной ковровой дорожки, спускавшейся по ступеням крыльца. Падали мягкие снежные хлопья. Колин увлек Чиро, Луиджи и Паппину в сторону, чтобы Лаура смогла

попрощаться с Энцей наедине.

– Ты счастлива? – спросила Лаура. – Не отвечай. Лучше просто будь счастливой, и я узнаю об этом. – Она всхлипнула.

– Пожалуйста, не плачь! – попросила Энца. – Клянусь, это не конец всего.

– Но мы начинали вместе. И я не представляю, как буду без тебя. – Лаура рылась в сумочке в поисках носового платка. – Я не хочу, чтобы ты уезжала. Вот такая я эгоистка.

– Нет слов, чтобы выразить мою благодарность за все, что ты для меня сделала. Ты шила для меня самые красивые шляпки, которые я когда-либо носила. Ты всегда делилась со мной своим пирогом в «Автомате», даже когда умирала с голоду. Ты чуть не убила из-за меня человека фабричными ножницами. Ты подарила мне слова. Я не умела читать и писать по-английски, пока тебя не встретила.

– А я не смогла бы говорить с Энрико Карузо, не зная итальянского, которому научила меня ты. Так что мы квиты.

– Правда? – Теперь и Энца заплакала.

– Ладно, признаюсь. Я представляла, что мы всю жизнь будем вместе, – и, может, в один прекрасный день это еще сбудется. Но я хочу, чтобы ты знала: если понадобится тебе, пиши в любое время, и я примчусь в Миннесоту. Ты поняла?

– То же касается и меня. Я вернусь, как только тебе понадобится, – пообещала Энца.

– И утром в поезде первым делом начни писать мне письмо. Отправишь его из Чикаго.

– Девушки, как бы не опоздать на поезд, – сказал Колин.

Он посадил всех в свой «ардсли». Столько смеха было, пока они ехали от Пятьдесят девятой улицы до вокзала Пенсильвания, что хватило бы если не на всю жизнь, то хотя бы на то, чтобы завершить свадьбу на радостной ноте. В три часа пополудни под небом цвета серого бархата семьи Латини и Ладзари прибыли на вокзал Пенсильвания, купили у «Бродвей Лимитед»^[78] четыре билета в один конец и сели на поезд до Чикаго, где им предстояло пересесть на другой, который доставит их в Миннеаполис, штат Миннесота. Колин и Лаура глядели вслед, пока поезд не исчез вдаль, как черная пуговица, закатившаяся меж досок.

Чиро и Луиджи заключили деловое партнерство. Они станут шить и чинить обувь, как и на Малберри-стрит, но на этот раз вся прибыль будет принадлежать им.

«Итальянская обувная компания» родилась.

Вагон-ресторан «Бродвей Лимитед» был элегантным, со стенами полированного орехового дерева и кожаными диванчиками. Он походил на изысканный манхэттенский ресторан, поставленный на колеса. На столах, накрытых крахмальными льняными скатертями, красовались хрусталь, белый фарфор с зеленой каймой и серебро, отдраенное до ослепительного блеска.

К оконным рамам были прикреплены небольшие вазы с белыми розами. Два ряда кабинок, по четыре с каждой стороны, разделенные проходом посередине, сообщались с вагоном-кухней. Кожаные сиденья в каждом отсеке были изумрудно-зелеными, в тон фарфору.

– Я едва помещаюсь в кабинке, – со смехом сказала Паппина. – Сколько нам еще ехать?

– Двадцать часов, – ответил Луиджи, поправляя диванную подушку, чтобы жене было удобнее.

Энца и Чиро проскользнули в кабинку и уселись напротив.

– Они только что поженились, – сообщил Луиджи официанту.

– Мои поздравления, – поприветствовал тот новобрачных. Черная форма с именной золотой планкой на груди придавала ему сходство с генералом. – Смотрю, вы заказали торт.

Чиро поцеловал Энцу в щеку.

– Ладно, мальчики. Вы получили то, что хотели, то есть нас. Что вы будете делать в Миннесоте, известно. А мы? Тебе-то скоро будет чем заняться, – Энца улыбнулась Паппине, – но кем буду я?

– Моей женой, – ответил Чиро.

– Я люблю работать. В Хиббинге нет оперы, но я могу шить для всех. В конце концов, мы же только что из Нью-Йорка, и перед отъездом я специально отследила все последние модные новинки, которые наверняка не успели добраться до западных штатов. Я смогу шить для девушек Железного хребта очаровательные платья и пальто с парижским шиком.

– Я тоже немного шью, – сказала Паппина. – Только что-то обыкновенное.

– Помощь понадобится. Одежда, занавески, распашонки – мы все будем шить! – объявила Энца.

Чиро поцеловал ее руку.

Энца удивлялась собственному воодушевлению. Она была так привязана к Нью-Йорку. Обожала его блеск, утонченность, энергию. Она и представить себя не могла в каком-то ином месте Америки, а теперь с энтузиазмом ждет обустройства в неведомом краю. Да, она доверила Чиро

свое будущее. Но вовсе не поклялась подчиняться ему во всем. Идею, что женщина обречена маячить за спиной мужчины, она для себя отвергла давно, в день первой получки. И планы заняться в Миннесоте шитьем объяснялись вовсе не желанием занять себя, сохранить навыки или заработать на карманные расходы. Нет, она намеревалась внести свой вклад в семейный бюджет, стать мужу равноправным партнером.

Чиро, сделав ей предложение, словно сделал ставку, и в тот же самый день Энца сделала собственную. Она вкладывала деньги и свои способности в партнерство, которое – она была убеждена – станет успешным. Вот что порождало в ней воодушевление. Покручивая на пальце кольцо, Энца думала, что оно ей в самую пору, – кольцо, которое Чиро носил с детства, с которым он слился. Теперь их жизни тоже слились.

Чиро и Энца лежали в обнимку на верхней полке спального вагона. Шторки они раздвинули. Мимо плыли сиреневые холмы Пенсильвании, залитые лунным светом.

Огонек фонаря в далеком амбаре, мерцание свечи в окне на краткий миг пробивали лиловую мглу, точно пляшущие во тьме светлячки. Но остальной мир тонул во тьме, мимо которой они летели навстречу своему будущему.

Свадьбу они отпраздновали, заказав в вагоне-ресторане шампанское и торт, к которому официант принес серебряное блюдо с маленькими шоколадками, присыпанными сахарной пудрой и украшенными фиалками из глазури. Весь вечер они смеялись и болтали по-итальянски, точно зачарованные мелодией родного языка.

В купе Энца переоделась в пеньюар, сшитый для нее Лаурой, – из белого атласа, длиною в пол, с украшенной кружевом накидкой. Слишком уж затейливое одеяние для поезда, подумала Энца, но, не надев его, она обидела бы Лауру. Да и кроме того, в этом кружевном облаке она ощущала себя Мэй Мюррей в объятиях Рудольфо Валентино.

Поезд несясь под собственную мелодию – перестука колес и ровного гудения мотора. Когда они в первый раз занимались любовью, Энце казалось, что она куда-то летит, что любовь – это сон, от которого она никогда бы не пробуждалась. Наконец-то она поняла, почему этот акт, такой естественный и такой обыденный, считается священным.

Чиро был опытен в любви, но и он чувствовал, как Энца словно окутывает его всего, растворяется в нем. Реальность, о которой он мечтал, оказалась куда ярче, чем в воображении. Его тело больше не принадлежало только ему, оно стало и ее телом тоже, двое слились в одно. Теперь Чиро ни

в чем не смог бы ей отказать – он бы обшарил весь мир, лишь бы принести ей хоть крупицу счастья. Энца отзывалась на его ласки без своей обычной сдержанности, и ее податливость врачевала его сердце, растворяя тоску одиночества, что не отпускала Чиро с той минуты, как он расстался с Эдуардо на вокзале в Бергамо.

Ладонь Чиро скользнула вверх по бедру Энцы, он плотнее прижал жену к себе.

– Когда любишь кого-то, думаешь, что знаешь о нем все. Расскажи мне о себе что-нибудь, что мне неизвестно. – Чиро поцеловал ее в шею.

– У меня в кошельке сто шесть долларов.

Чиро тихонько рассмеялся:

– Браво!

– И они твои, это вклад в обувную мастерскую.

– Наши, ты хочешь сказать.

– Наши, – тоже засмеялась она.

– Я увез тебя от жизни, которую ты любила?

– Я скучаю по Лауре и по опере. И по арахису в сахаре на углу Сороковой улицы и Бродвея.

– Думаю, арахис у тебя будет.

– Спасибо, муж мой.

– А как насчет синьора Карузо?

– Да, его мне тоже не хватает. Но, кажется, теперь я понимаю, о чем поется в его ариях. Счастливая жизнь обязательно держится на любви – он утверждал это каждой нотой. Мне не хватает его умения относиться к каждому человеку как к особенному. Знаешь, он заставлял нас всех смеяться. Я научилась понимать хорошие шутки и умные разговоры. Но с тобой у меня все это есть.

– Ты боишься?

– Почему я должна бояться?

– Мы направляемся в Хиббинг, а он может тебе не понравиться.

– Ну, если мне там не понравится, отправимся еще куда-нибудь.

Чиро рассмеялся:

– *Va bene.*

– Я представляла это совсем не так.

– Замужество?

– Любовь. Знаешь, это в самом деле чудо. Быть так близко. В этом есть красота.

– Как и в тебе. Отец сказал моему брату одну вещь, значения которой я до сих пор не понимал. «В этом мире остерегайся того, что означает все

или ничего». Но теперь я понял, что лучше, когда оно значит все. – Чиро поцеловал ее, провел кончиком пальца по шраму над бровью. Тот был еле различим, в нить толщиной и длиной не больше ресницы. – Откуда это у тебя?

– Из Хобокена.

– Упала?

– Ты правда хочешь знать?

– Я хочу знать о тебе все.

– Ладно. Был один человек на фабрике Меты Уокер, не дававший проходу девушкам, и однажды он напал на меня. Но сначала целый месяц приставал с оскорблениями. Я отбивалась, я была в такой ярости, что наверняка бы справилась. Но упала на пол и напоролась на торчащий гвоздь. А спасла меня Лаура. Напала на него, размахивая портняжными ножницами.

– Я бы убил его.

– Она чуть и не убила. – Энца улыбнулась, вспоминая разъяренную Лауру и ту ночь, когда их дружба стала еще крепче. – Я вижу этот шрам каждое утро, когда умываюсь. Он напоминает мне о моей удачливости. И когда я думаю об этой истории, то не вспоминаю о плохом – только о подруге, ее отчаянности. Лаура учила меня английскому, но теперь-то я понимаю, что она выбирала те слова, которые мне были нужны, а не те, которым я просто хотела научиться. Она велела мне читать «Джен Эйр». Вслух. Когда попадались куски про Рочестера, она комментировала его грубости, и мы хохотали как сумасшедшие. Как и у Джен, у нас не было связей, но Лаура учила меня вести себя так, будто у нас весь мир в кармане. И это ведь Лаура уловила во мне творческую жилку, это она требовала, чтобы я добивалась идеально ровных швов, научила не бояться необычных расцветок и тканей. Так что вся моя уверенность от Лауры.

– И тебе не нужно с ней разлучаться. Мы будем гостить у них, они – у нас.

– Конечно, я об этом мечтаю. Но мы будем счастливы, даже если просто станем писать друг другу. Думаю, нашу дружбу не разорвать.

Чиро поцеловал ее.

– А я не думаю, что между вами сумеет втиснуться мужчина. Или двое мужчин, если считать Колина.

Чиро уснул, уткнувшись лицом ей в шею, а Энца смотрела в окно. Она представляла, что впереди ее ждет много таких вот ночей: только они двое, лежат обнявшись, а мимо летит огромный мир. До встречи с Чиро Энца не умела толком мечтать, она подсчитывала деньги, придумывала, как бы

заработать побольше, искала пути решения проблем, сочиняла фасоны платьев, считала стежки. И все ее мечты касались дома, семьи, безопасности. И вот муж сделал из нее мечтательницу. Мечтательницу, которой отныне нечего бояться. Его близость наполняла ее ощущением покоя – пока она любит Чиро, опасаться нечего.

Библиотечная карточка

Una Tessera della Biblioteca

Из окна поезда, прибывшего на вокзал Хиббинга, Энца смотрела на холмы, укрытые белыми сугробами. У железнодорожных путей змеились рельефные колеи – следы, оставленные в снегу тракторами и грузовиками. Вдали, на открытом пространстве, сгрудились самосвалы, краны и прочая техника, готовая вгрызться в землю.

Рудники Северной Миннесоты тянулись вдоль Железного хребта на добрые две сотни миль. Выходы шахт, точно шляпки гвоздей, темнели на белом полотнище снега. Работа велась круглосуточно, в рудниках были заняты тысячи рабочих. Сталелитейная промышленность требовала все больше железной руды. Сталь была строительным материалом будущего; мосты, небоскребы, автомобили, авиация – для всего нужна была сталь. Железная руда питала индустриальный бум. Военная промышленность лишь увеличивала потребность в железе – бронетехника и подводные лодки требовали стали. Железный хребет разверзся, открывая свои недра. Горнорудный бизнес был на подъеме.

Прибывшие спустились с подножки поезда, их встретил ледяной ветер. Энца едва устояла на ногах. Чиро обнял жену, и они заскользили по обледенелой платформе. Луиджи поддерживал Паппину, до смерти боясь, что она упадет. От морозного воздуха перехватывало дыхание. Беззвездное небо было насыщенно черным, точно разлившаяся китайская тушь. Энца думала, что Итальянские Альпы – самое холодное место в мире, но теперь она поняла, что просто не бывала в Миннесоте.

Пересекая Мэйн-стрит, Энца увидела, что Хиббинг возвели второпях как придаток карьеров. Горстка строений, среди которых выделялись больница, школа, отель и несколько магазинов, забитыми в землю колышками торчала на фоне дикого ландшафта. Здания были простыми, но прочными, с двойными окнами, массивными дверями и функциональной отделкой. В Хиббинге не было ничего величественного. Этот город построили, чтобы противостоять суровой стихии.

Когда они проходили мимо универмага, Энца отметила, что манекены в витринах одеты не в шелк и парчу, как в роскошных витринах Манхэттена, а в шерстяные пальто, шарфы и ботинки. Паппина

заинтересовалась стройкой на Пайн-стрит: почти готовое здание школы, сложенное из красного кирпича, смотрело фасадом на библиотеку Карнеги. Куда ни посмотри, взгляд наткнулся на строительные леса и стальные каркасы – Хиббинг рос назло морозам и метелям Миннесоты.

– Это здесь! – воскликнул Чиро, перекрикивая ветер.

Он придержал дверь отеля «Оливер», пропуская Паппину и Энцу. Луиджи немного отстал, волоча багаж, точно верный шерпа. Они сняли верхнюю одежду, и хозяйка пригласила их в викторианскую столовую: сплошь полированное дерево и кружевные салфетки. В камине потрескивал огонь, наполняя помещение смолистым запахом сосновых поленьев. Вместо свечей на столах горели шахтерские лампы.

– Понятно, кто тут всем заправляет, – сказал Луиджи, разворачивая на коленях салфетку.

– С киркой и лопатой, – подхватила Паппина.

– Мистер Латини? – К их столу подошел крепко сбитый человек лет сорока, в шерстяном костюме и зимних ботинках.

– Должно быть, вы Мэл Буторак. – Луиджи встал и пожал ему руку.

Из Нью-Йорка Луиджи связался с Мэлом, который занимался в Хиббинге недвижимостью, помогал арендовать помещения, заключать договора с банком.

– Чиро, это тот парень, что заманил нас сюда.

Чиро встал и тоже пожал руку Мэлу. Они представили своих жен и придвинули еще один стул, чтобы Мэл смог к ним присоединиться.

– Как путешествие? – дружелюбно спросил Мэл.

– Думаю, переплыть океан и то было бы быстрее, – улыбнулась Паппина.

– Уж не знаю, – рассмеялся Мэл. – Я не забирался южнее Близнецов^[79]. Но надеюсь когда-нибудь навестить кузин в Хорватии.

– Ничто не сравнится с Адриатикой летом, – сказал Луиджи.

– Слышал, слышал, – согласился Мэл. – Я готов помочь вам обустроиться на новом месте. Город предоставит вам все, что только понадобится. Мы бы хотели, чтобы вы чувствовали себя как дома.

– Вы сказали, что здесь есть недвижимость, на которую мы можем взглянуть, – откликнулся Луиджи.

– Верно. Но я хочу подкинуть еще одну идею. Знаю, вы планируете открыть мастерскую вместе, но на самом деле нам нужен сапожник не только в Хиббинге, но и в Чисхолме. Это соседний город. Если вы разделитесь, то сможете открыть две мастерские, и все равно останется уйма работы.

Энца встревожилась. Они только что приехали, и все уже оборачивается не так, как представлялось им в Нью-Йорке.

Чиро заметил ее беспокойство.

– Но мы планировали совсем другое.

– Конечно, я покажу вам помещение в Хиббинге, как и договаривались. Просто не отвергайте с ходу вариант с Чисхолмом.

И тут Мэл разразился речью. Говорил он так складно, что Луиджи и Чиро догадались: он уже не раз выступал перед людьми, приезжающими в район Железного хребта, мечтая разбогатеть.

– Условия здесь меняются чуть ли не каждый день. Открываются все новые шахты, прибывают все новые и новые рабочие. И всех их нужно обслуживать, удовлетворять их нужды. Дайте мне шанс показать все на деле. Отужинайте, выпитесь, а утром я покажу вам помещения. У меня есть грузовичок, мы можем съездить в Чисхолм. Глядишь, вам и понравится идея, а ежели нет, то вернемся к первоначальной договоренности. Честная сделка?

Чиро и Луиджи переглянулись. Они не ждали, что все пойдет согласно плану, но трудности они рассчитывали преодолевать вдвоем. С другой стороны, если уж приехал в Миннесоту, то будь готов к дерзким поступкам.

– Ладно, Мэл, – сказал Чиро, – мы подумаем насчет Чисхолма и встретимся с вами утром. В семь годится?

– Я буду в холле. Мы счастливы заполучить вас и ждем возможности представить вас другим итальянцам, их тут немало, на Железном хребте. – Он пожал руки мужчинам, поклонился дамам и вышел.

– Мне не нравится идея о разделении. Нам нужно держаться друг за друга. – Паппина разгладила лежавшую на коленях салфетку.

– Мне тоже, – поддержал жену Луиджи. – Может, посмотреть расписание поездов до Нью-Йорка?

– Давайте примем решение утром. – Чиро взял Энцу за руку. – Осмотримся, прежде чем сбегать.

На следующий день Энца стояла на углу Вест-Лейк-стрит в Чисхолме, смотрела на озеро Лонгийр и вспоминала темно-синие воды озера Комо и белые барашки на озере Гарда. В Чисхолме Энца неожиданно ощутила себя как дома.

Чиро обнял ее:

– Пойдем внутрь.

В пустующем двухэтажном доме из красного кирпича на первом этаже располагались две рабочие смежные комнаты с небольшим окошком в

общей стене. Одна из комнат выходила в маленький сад, сейчас засыпанный снегом. Чиро и Энца присоединились к Луиджи и Паппине, оживленно беседовавшим с Мэлом во второй комнате.

– Парни, я вас покину на время, чтобы вы все обсудили. Буду у Валентини, перехвачу чашечку кофе. – Мэл надел шляпу и оставил их одних.

– И что вы думаете? – спросил Луиджи.

– Думаю, что Мэл прав. Если мы разделимся, то сможем обслуживать два рудника. Я могу заняться Булем и Чисхолмом, а ты возьмешь на себя весь Хиббинг.

Луиджи, сунув руки в карманы, прошелся по комнате.

– Это разумно. Когда мы разъезжали с фургоном, выручка Дзанетти удваивалась.

– Да, но причина была в нашем усердии или в том, что синьора нас подгоняла?

– И в том и в другом, – улыбнулся Луиджи.

– Мэл заверил меня, что банк даст нам ссуду, достаточную для двух мастерских, – сказал Чиро. – Но проблема в том, что мы будем работать по отдельности, каждый будет вести свое дело, хотя мы и останемся на бумаге партнерами. А ты что скажешь, Энца?

– В Хиббинге есть больница, Паппине лучше находиться рядом с врачами, когда настанет время. Между городами курсирует трамвай, мы можем часто навещать друг друга. Я думаю, что чем больше ботинок вы сошьете, тем лучше будет для нас всех. Вот так.

Чиро и Луиджи вердикт Энцы восприняли всерьез. У нее ведь уже был опыт ведения дела – сначала с отцом, потом в костюмерном цехе. Энца замечала, что даже Великий Карузо не чурался дополнительного заработка. Соглашался на частные концерты, записывал пластинки.

– Мне нравится Хиббинг, – улыбнулась Паппина. – Пусть наши башмачники занимаются ремеслом, но бизнес веди ты, Энца. Ты знаешь, о чем говоришь. Я-то работала только по дому, так что ничего не понимаю про цифры, счета и банки.

Одно этим утром они решили точно. Они не вернутся в Нью-Йорк первым же поездом. Они завоюют Железный хребет. Луиджи и Паппина отправились с Мэлом, чтобы подписать бумаги на банковскую ссуду для открытия мастерской в Хиббинге. Поселиться они захотели в квартире над мастерской. Чиро и Энца остались осмотреться в Чисхолме.

На второй этаж, где располагались жилые комнаты, вели широкие деревянные ступени, выкрашенные в бордовый цвет. Просторная гостиная

всеми тремя окнами выходила на озеро. Столовая соединялась с кухней, образуя единое пространство. Коридор вел в три спальни и на открытую террасу, примыкавшую к самой большой спальне, с террасы в сад спускалась лестница. Небольшая, но современная ванная комната была выложена белым кафелем. Энце понравилось, что даже в зимнюю хмарь квартира залита светом – в потолке каждой комнаты имелось окошко.

– Ну, что ты решишь? – спросил Чиро. – За аренду три доллара в месяц.

– Скажи мистеру Бутораку, что мы берем этот дом. Ты будешь работать в передней мастерской, а я – шить в задней. Мы отлично устроимся.

Чиро распаковывал ящики в новой мастерской. Он установил раскроечный стол, повесил над ним яркие металлические лампы, достал несколько досок, чтобы соорудить шкафчики для материалов и заготовок, а еще приобрел пилу для раскройки и полировальную машину для подготовки кожи.

Для Энцы он купил зингеровскую швейную машинку и запас ниток, иголок, пуговиц и тесьмы, достаточный для старта собственного дела.

– *Buon giorno!* Похоже, руки у вас растут откуда надо! – сказал на чистом итальянском Эмилио Унчини, входя в лавку. Он облокотился о стол и улыбнулся новому соседу. Эмилио было за сорок, у него была пышная седая шевелюра, маленькие черные усы и обаятельная улыбка. – Для чего эти доски?

– Собираюсь сколотить полки. Я Чиро...

– ... Ладзари. Я уже все о тебе знаю. Наши молитвы были услышаны. Здесь так нужен сапожник!

– А вы чем занимаетесь?

– Я каменщик. Живу на соседней улице. Это я возвел каменную ограду вокруг библиотеки.

– Прекрасно. Расскажите мне о вашем городе. – Чиро поднял доску на раскроечный стол, а Эмилио помог ему положить ее как следует.

– Неплохое местечко. Однако будь начеку. Банк здесь надежный, но избегай третьего окошка и миссис Крипник.

Она рта не закрывает в баре у Тибурци после работы по пятницам, так что если не хочешь, чтобы каждый знал, что у тебя в заначке, то не позволяй ей совать нос в свои депозиты.

– *Va bene*, – рассмеялся Чиро.

Эмилио продолжал:

– Зимы здесь суровые, но весна и лето отплатят за них сполна. Ты

полюбишь прохладный ветерок с озера, когда потеплеет. *Tutti famiglia*^[80]... У нас здесь есть Матури, Констанци, Бонато, Энрико, Сильвестри, Боничелли, Валентини, Онгаро... Да, и еще Фальконе и Сентиери с Сартори... Боюсь кого-то забыть, они этого не простят! Еще у нас здесь австрийцы из Трентино, они такие же итальянцы, как ты и я.

– Я знаю. Провел несколько лет на Малберри-стрит в Маленькой Италии.

– Тогда ты знаешь и остальных из Центральной Европы. У нас тут есть чехи, венгры, румыны, поляки, югославы – сербы и хорваты. Да все. А поначалу были только скандинавы, финны, это их город. Они пришли сюда первыми и ведут себя соответственно. Все еще холодновато встречают приезжих, потому что именно они открыли первый рудник. Но большинство из них – приятные люди, если ты с ними вежлив.

– Я шью ботинки для всех, для финнов тоже, – заверил Чиро.

– Ты уже завел себе друга? – спросила Энца с порога.

Чиро представил Эмилио свою жену.

– Моя супруга Ида будет счастлива показать вам округу, – сказал гость.

– О, с удовольствием. *Grazie*. Чиро, мне надо кое-что купить для квартиры. Я скоро вернусь. – Энца помахала на прощание и вышла.

Чиро использовал полученное от Марко приданое, чтобы выплатить первый взнос за дом номер пять по Вест-Лейк-стрит. А Энца с радостью тратила свои накопления на то, чтобы сделать дом уютным. Ей нравилось, что не нужно просить денег у мужа. Ее независимость привлекала Чиро, а самой Энце давала уверенность в своих силах.

Энца шла по Вест-Лейк-стрит, разглядывая витрины магазинов. Чисхолм был аккуратным и крошечным по сравнению с Нью-Йорком, но если вспомнить Скильпаро, то казался огромным. Странно, что замужество привело ее в городок, размеры которого где-то посередине между альпийской деревней ее детства и столицей мира, в которой прошла ее юность.

Энца остановилась у витрины ювелирной лавки Лейбовица, залюбовавшись жемчугом, разложенным на бархатной подушечке. Затем внимание ее привлекли кольца с прозрачными голубыми аквамаринами и мелкими бриллиантами, стекавшие по бархату платиновые цепочки и широкие эмалевые браслеты. Если в городе продаются такие прекрасные украшения, должна быть и публика, которая их покупает. Это сулит хорошие перспективы ее портновскому бизнесу. Энца миновала «Ночной клуб Валентини», затем – магазин дешевых товаров «Пятицентовик и дайм» и несколько баров – основной бизнес всех шахтерских городов, –

включая шумный «У Тибурци», и в конце концов дошла до универмага Раатама.

Универмагом владела финская пара, прожившая в Чисхолме всю свою жизнь. Это было одно огромное помещение с жестяным потолком, выкрашенным бледно-голубой краской, с чистыми линиями, свойственными скандинавскому дизайну, и светло-кремовыми стенами. Холодный фон только подчеркивал изобилие товаров.

В отличие от шикарных магазинов Нью-Йорка, в которых отделы размещались на нескольких этажах, соединенных эскалаторами, магазин Раатама демонстрировал все товары на одном этаже. Отдел тканей и галантереи, отдел мебели, отдел товаров для дома были разделены легкими льняными занавесками. Стекланные ящики-витрины были наполнены перчатками, кошельками, шляпами и шарфами. Энца бродила по проходам, изучая товары.

– Могу я вам чем-нибудь помочь? – К ней подошла юная голубоглазая красotka явно скандинавского происхождения.

– Я только что вышла замуж, – улыбнулась Энца. – А еще мы с мужем совсем недавно переехали в Чисхолм.

Продавщица сопровождала Энцу, пока та выбирала тюфяк, пружинный матрас, две лампы с керамическими постаментами-чашами желтого цвета, белый лаковый стол с четырьмя стульями, два уютных кресла, обтянутых зеленой шенилью. Энца вспомнила оливково-зеленый и коралловый, основные цвета в интерьере «Милбэнк-хаус», и выбрала те же для своего нового дома, чтобы они напоминали ей о счастливом времени, проведенном с Лаурой.

Энца собиралась потратиться на лучшее, что могла себе позволить. Деньги в ее кошельке были американскими, но стремление покупать вещи, которые прослужат как можно дольше, – чисто итальянским. Начало было положено: они с Лаурой набили целый сундук простынями, покрывалами, скатертями, салфетками, банными и кухонными полотенцами, сшитыми в костюмерном цехе Мет. Другой сундук они заполнили тканями – ярдами шерсти, шелка, хлопка и вельвета, – зная, что все это Энце понадобится. На новом месте у нее сразу будет материал для работы.

В мебельном отделе Энца увидела три разных фонографа и провела пальцами по модели красного дерева с латунными ручками. Подняла крышку и повернула круг затянутой в перчатку рукой.

– Я бы хотела купить еще и этот проигрыватель. Вы можете доставить его на Вест-Лейк-стрит, пять?

– Конечно! – Девушка улыбнулась, зная, что ее родители, владельцы

магазина, будут в восторге от удачной сделки. – Хотите посмотреть записи? – спросила она Энцу. – Они здесь же, в шкафчике, наверху. – Продащица открыла деревянный шкафчик, полный пластинок, расположенных в алфавитном порядке.

Энца просматривала подборку, пока не нашла записи Энрико Карузо. Она обрадовалась, обнаружив, что представленный здесь сборник включал дуэты с Джеральдиной Фаррар и Антонио Скотти. Их лица украшали картонный футляр: профили были нарисованы внутри больших серебряных звезд с их именами, написанными на облаках, парящих под рисунками. Энца купила записи арий из «Травиаты», «Аиды» и «Сельской чести». Она предпочла забрать их сразу, не решившись доверить доставку магазину.

Снова посыпал снег, городок накрыло сверкающей кисеей. Чисхолм словно флиртовал с ней, стараясь понравиться, и ждал, что она его полюбит. Энца перешла улицу и очутилась у здания, которое больше всего заинтриговало ее, когда они ехали по городку в грузовике Мэла. Поднявшись по широким полукруглым ступеням, она вошла в публичную библиотеку Чисхолма – добротное здание из красного кирпича в георгианском стиле, полумесяцем вписанное в угол квартала.

Энца ценила публичные библиотеки. В первый раз она побывала там с Лаурой по указанию синьоры Рамунни, которая снарядила их в нью-йоркскую публичную библиотеку на поиски сведений о тканях для воссоздания исторически точных костюмов. Лаура настояла, чтобы Энца завела библиотечную карточку, и до самого недавнего времени, пока она не получила гражданство, библиотечная карточка была ее удостоверением личности.

Толкнув входную дверь, она вдохнула знакомый запах – книг, кожи и лимонного полироля. Энца вошла в главный зал с уютными альковами-читальнями, витражным окном на дальней стене, за которым белел укутанный снегом сад, длинными столами с низкими лампами и шкафами от пола до потолка, заполненными книгами с темно-зелеными, синими, красными корешками. Энца представила, как проведет здесь немало счастливых часов.

Она подошла к стойке.

– Добрый день! – Энца взглянула на приколотую к груди библиотекаря карточку: – Здравствуйте, миссис Селби.

Полная седая дама в простом будничном платье из саржи и белой шерстяной кофте ручной вязки на Энцу даже не взглянула.

– У меня нет книг на итальянском. В случае нужды я могу заказать что-нибудь в столице штата.

Энца словно перенеслась в Хобокен, где к итальянским иммигрантам относились пренебрежительно. Мол, читать по-английски не умеют – значит, неграмотные.

– Я бы хотела завести библиотечную карточку, – вежливо, но твердо сказала Энца.

Миссис Селби наконец подняла взгляд, оценила элегантную шляпку, шерстяное пальто из хорошей ткани и тонкие перчатки.

– У вас ведь есть карточки, правда? – спросила Энца.

– Разумеется, – фыркнула миссис Селби.

Энца заполнила заявление – библиотекарьша искоса наблюдала за ней. Закончив, Энца промокнула чернила с помощью пресс-папье.

– Боюсь, карточку можно получить только завтра, – с нескрываемым удовольствием сказала миссис Селби.

– Для меня не составит никакого труда зайти еще раз, – ответила Энца. – Знаете, я люблю читать и уже вижу, что у вас здесь много книг, которые помогут мне скоротать длинные зимние вечера. Мы с вами будем видаться часто. – Энца сверкнула самой своей обворожительной улыбкой и, не дожидаясь ответа, развернулась.

На улице она перевела дух. Не все так благостно на новом месте, как ей было почудилось. Но она не позволит этой библиотекарьше унижать ее. Непременно придумает, как взять над ней верх.

Прошло две недели, и Энцу с Чиро пригласили на вечеринку. Кнежовичи жили на другом берегу озера Лонгийр, в старом фермерском доме с красными ситцевыми занавесками на окнах. Хозяйка, Ана, обшила их зубчатой тесьмой. Вся мебель была собственноручно выкрашена ее мужем Петром в сочный темно-красный цвет и покрыта лаком. На деревянный пол по трафарету был нанесен рисунок из черных и белых квадратов. Энца вспомнила, как однажды художник-постановщик придумал так же оформить пол на сцене и как выразительно этот узор смотрелся из бельэтажа.

Энца не могла дождаться, когда напишет Лауре о сербском стиле. Каждая деталь в доме сияла ярким цветом, точно драгоценные камни в витрине у Лейбовица. Энца побывала на множестве шикарных нью-йоркских вечеринок, но ни одна не смогла бы превзойти славян в этих чисто театральных эффектах.

Если католики, чтобы почтить своих святых, идут к утренней мессе, то сербы праздновали весь день и всю ночь, угощая гостей домашней сливовицей и крепкой вишневой наливкой. В стаканы доливали, не ожидая

просьбы.

Гостей было столько, что все не помещались в доме, гулянье выплеснулось в холодную зимнюю ночь. В поле были зажжены костры и сооружен открытый шатер для танцев.

Сербские женщины носили длинные шелковые юбки – рубиново-красные, изумрудно-зеленые, сапфирово-синие – и белые блузки, отделанные кружевом, поверх которых надевали бархатные жилетки в тон, застегнутые на пуговицы, обтянутые золотым шелком. Мужчины предпочитали традиционные шерстяные штаны с высокой талией и вышитые вручную рубашки с развевающимися рукавами. Эта одежда служила той же цели, что и театральные костюмы, – привлекала взгляды и подчеркивала движения.

Длинные столы, ломившиеся от сербских деликатесов, стояли и в шатре, и в доме. Подруги хозяйки следили, чтобы тарелки были наполнены, а их дочери проворно собирали грязную посуду и тут же мыли.

Сербские блюда готовили с душистыми приправами – шалфей, корица, куркума. Праздничный хлеб, «колач», был пышным и вкусным, с хрустящей корочкой и мягкой, воздушной сердцевинкой. С хлебом ели сарму, голубцы из кислой капусты, наполненные ароматной смесью из бекона, лука, риса и сырых яиц. Острые на вкус капустные листья специально засаливались в горшках. Бурек, мясной штрудель с нежной промасленной корочкой, резали на квадраты и подавали с жареной картошкой. Сладкий стол был завален волшебными пирожными с начинкой из фруктов в сливочной глазури с сахарной пудрой. Там были крошечные имбирные пряники, ореховые палочки и засахаренные финики, вымоченные для аромата в крепком кофе. Круглые пончики, называемые «пригарница», посыпанные сахаром с корицей, подавались с пылу с жару, прямо из фритюрницы. Повитица, слоеный пирог из тонко раскатанных пластинок теста с начинкой из грецких орехов, коричневого сахара, сливочного масла, подавался на блюде, нарезанный небольшими ломтиками, с красивым узором на срезе в виде спирали.

Эмилио и Ида Унчини присоединились к Чиро и Энце за столом с десертами. Ида, миниатюрная брюнетка лет сорока, надела в гости бирюзовую юбку в пол и жакет из золотистого бархата. Она, хоть и итальянка, с головой окунулась в водоворот сербского праздника. За то короткое время, что Энца прожила в Чисхолме, Ида успела стать хорошей подружкой – постоянно заглядывала, помогала полировать полы, красить стены, расставлять мебель. Много лет назад Ида сама пережила переезд и понимала, насколько важно сделать дом уютным как можно скорее.

– Хочу попросить Ану научить Энцу печь повитицу, – сказал Чиро, принимаясь за очередной кусок.

– У нее и так полно работы, – возмутилась Ида. – Ей нужно сшить занавески и наладить швейную машинку. Я-то знаю, обещала ей помочь.

– От помощи не откажусь, – сказала Энца.

– Ну и вечеринка сегодня, – заметил Чиро. – Похоже, здесь собрался весь Чисхолм?

– Почти. Но я должна вас предупредить, это еще цветочки. Вот дождитесь Дней Сербии в июле. Все сербы округи приедут сюда попеть, – сказал Эмилио.

– Мой муж обожает этот праздник, потому что устраивают танцевальный конкурс. Среди девушек. Северные красотки выстраиваются рядком и давай стучать каблуками и вращать бедрами.

– Я люблю искусство, Ида, – ухмыльнулся Эмилио.

– Ага, прямо Фред Астер, – отрезала Ида.

– Как давно вы с Эмилио в Чисхолме? – спросила Энца.

– С девятьсот четвертого, – ответила Ида. – В тот год случилась беда на руднике компании Берт-Селлерс в Хиббинге.

Эмилио подхватил:

– Да, хорошо же нас встретил Железный хребет. Сотни людей погибли под землей. Такая трагедия!

Энца взглянула на Чиро, тот смотрел в сторону. Лицо его словно окаменело.

Он попытался взять себя в руки, криво улыбнулся и сказал:

– Эмилио, пойдём покурим?

Эмилио вышел вслед за ним из шатра.

– Мой муж что-то не то брякнул? – переполошилась Ида.

– Отец Чиро погиб в девятьсот четвертом на шахте в Хиббинге.

– Какой ужас. Эмилио ведь не знал.

– Конечно, не знал. Чиро никогда не говорит об этом. Его бедная мать так и не смогла оправиться. У них закончились деньги, помочь было некому, и она отдала сыновей в монастырь.

– Железная руда – это сталь и вдовы, – вздохнула Ида.

Ида показала Энце винные бочонки, стоявшие в дальнем конце шатра так, чтобы к ним было удобно подойти с любой стороны. Энца налила себе стакан сладкого вина. Настроение у нее испортилось. Она не знала, что сказать, что сделать, как утешить Чиро. Любое упоминание об отце вызывало либо подавленное молчание, либо тихую ярость, которая никогда не обращалась на нее, однако Чиро отыгрывался на оборудовании, кожах и

себе.

Знать бы, как исцелить его сердце. Наверное, переезд сюда, в места, где погиб отец Чиро, был не самым лучшим решением.

Иду поглотила компания веселых женщин, и Энца осталась одна. Внезапно заиграла музыка, и в центр шатра буквально вылетели пары. Привстав на цыпочки, Энца поискала Чиро, увидела, как он входит в шатер, и помахала рукой. Он ее не видел. Миловидная блондинка, совсем еще юная, с длинной, до пояса, шелковистой косой, схватила Чиро за руку и потащила к отплясывающим.

– Смотри за своим мужем получше, – посоветовала Ида, снова возникая рядом.

Энца попыталась пробраться к мужу, но люди стояли слишком плотно.

Она наблюдала, как Чиро положил ладонь на талию северной красавицы и та рассмеялась. Перед глазами Энцы вспыхнула давняя картинка: Малберри-стрит, Чиро входит с двумя бутылками шампанского, рядом заливается смехом Феличита. Сейчас у Чиро было то же самое выражение лица – словно нет в мире никаких забот, лишь безграничная радость. Девушка была почти ее ровесницей, но Энца вдруг почувствовала себя старухой. Красотка прошептала что-то Чиро на ухо. У Энцы сжалось сердце. Она снова замахала рукой, привлекая внимание мужа, но Чиро самозабвенно смеялся, а блондинка кружилась вокруг него, приподнимая подол пышной бледно-зеленой бархатной юбки, открывая гладкие икры и тонкие щиколотки. Чиро не сводил с нее глаз.

– Похоже, маленькая дурочка и не подозревает, что он женат, – сказала Ида.

Это замечание вернуло Энцу к реальности.

– У него нет кольца. Его кольцо ношу я. – Энца провернула на пальце перстень с печаткой.

– Тебе пора вмешаться. Он выпил слишком много сливовицы. Иди к нему!

Лаура наверняка сказала бы то же самое.

Но Энца просто не могла двинуться с места. Она смотрела на происходящее, будто это не ее муж отплясывал с другой женщиной, а персонаж какого-то романа, который она однажды читала. Энца изо всех сил старалась вспомнить, чем кончался тот роман, но, хоть убей, не могла.

Подошла с подносом одна из дочерей Кнежовича, и Энца поставила на него пустой стакан. А когда снова посмотрела на танцующих, то Чиро исчез. Она принялась протискиваться сквозь толпу, но та затягивала ее, точно тряпина, и ей не оставалось ничего иного, как покориться и дать

увлечь себя куда-то в сторону. Энца чувствовала, как пылают щеки. Она сказала себе, что Чиро любит ее, что она доверяет мужу, но сердце нещадно ныло. Никогда еще Энца не переживала ничего подобного.

Внезапно ее захлестнул страх. От ощущения беспомощности она едва не заплакала. Неужели все это ошибка? Она оказалась в месте, которое не выбирала, вышла замуж за человека, которого не может найти, и все, что у нее есть, – это мучительные сомнения и боль в груди.

Энца огляделась, отыскивая Иду и Эмилио, но и они исчезли. Сделав глубокий вдох, чтобы успокоиться, она сказала себе, что просто устала, что туман в голове от переутомления, а слезы вызваны дымом от костров.

Выйдя наконец из шатра, Энца не знала, сколько прошло времени. Она зашла в дом, надеясь, что Чиро там. Обошла комнаты. Громкие голоса, музыка, смех оглушили ее. Чиро нигде не было.

Подносы и блюда, до того ломившиеся от яств, убрали. Хозяйка Ана закончила разливать кофе – знак, что вечеринка подходит к завершению. Энца уже собралась спросить Ану, не видела ли та Чиро, но ей не хотелось, чтобы люди решили, будто она ревнивая истеричка.

Снова выйдя на улицу, Энца вспомнила, чему учил отец: если потерялась, не сходи с места – и кто-нибудь тебя найдет. Ей так хотелось, чтобы Чиро ее нашел, поэтому она ждала и ждала, и минуты складывались в вечность. Она стояла на ледяном ветру, у шатра, который постепенно пустел. Вот смолкли и аккордеоны.

Чиро так и не пришел за ней. Ида и Эмилио уже уехали. Новые знакомые, улыбаясь, рассаживались по запряженным лошадьми фургонам. Соседи предлагали подвезти Энцу, но она с притворным весельем отказывалась. Постепенно отчаяние сменилось яростью. Тогда, затянув потуже пояс красного шерстяного пальто, она вытащила из кармана шелковый шарф, повязала на голову, подняла воротник и зашагала на Вест-Лейк-стрит. Одна.

Энца лежала в своей новой кровати, на простыне из сундука с приданым, голова ее покоилась на одной из двух перьевых подушек, которые она привезла из Нью-Йорка. На подушках были наволочки с вышивкой «миссис» и «мистер» – подарок Лауры. В доме пахло краской. Новым было все, включая их брак. Энца смотрела на ту сторону кровати, которую обычно занимал Чиро. Четыре часа утра.

А в мозгу бились слова отца. Что, если Чиро, выросший без родительской заботы, без примера супружеской верности, не знает, что значит быть мужем? И этой ночью он уж точно не знал, что значит быть

хорошим мужем. Что, если его ветренность не осталась в прошлом, что, если его клятвы верности были просто всплеском надежды? Так Энца в тревоге и уснула.

Чиро вернулся незадолго до рассвета. Звякнул колокольчик, и Чиро схватил его рукой. Запер за собой дверь. С трудом поднялся по лестнице – он слишком много пил и мало ел. Голова кружилась, он понятия не имел, который час. Чиро поднялся в спальню. Медленно разделся. Посмотрел на спящую Энцу. Лег и натянул на себя одеяло. Голова его утонула в подушке, пахнувшей лавандой. Белье было мягким, матрас – жестким. Он улыбнулся при мысли о том, как хорошо, что у него есть жена, создавшая для него такой уютный дом, и повернулся на бок, чтобы поцеловать ее. Энца открыла глаза:

- Ты дома.
- Разбудил? – спросил Чиро. – Почему ты ушла?
- Не могла найти тебя.
- Я был в амбаре.
- Что ты там делал? – Голос Энцы дрогнул.
- Играл в карты с неким Орlichem, поляком по фамилии Миленски, стариком Зарайзеком и еще каким-то парнем, которого я не запомнил.
- А девушка?
- Какая девушка?
- С которой ты танцевал.
- Не понимаю, о чем ты. – Но Чиро понимал. Девушка напомнила ему француженку, которую он встретил во время войны. У той была такая же золотистая коса и теплая улыбка.

- Я искала тебя.
 - Прости. Надо было предупредить, что я собираюсь играть в карты.
 - Да, надо было.
 - Я слишком много выпил.
 - Это не оправдание.
 - Но это правда, – сказал Чиро. – Я слишком много выпил, вот и все.
 - Хочешь, чтобы я была с тобой честной?
- Он кивнул.
- Когда Ида упомянула про катастрофу девятьсот четвертого, тебя словно ударили.
 - Я не хочу об этом говорить. – Чиро повернулся на другой бок, к ней спиной. – Какой теперь толк?
 - Если ты примешь то, что случилось с твоим отцом, ты обрешь покой.

– Я уже его обрел.

– Ну а я – нет. Мне нет покоя, когда я вижу, как ты страдаешь. Я думала, что ты уже дома. Но тебя здесь не было, и всю ночь я изводила себя мыслями, где ты, что с тобой. Я боялась, что ты с той красавицей с золотой косой.

– И зачем бы мне это? – тихо спросил он.

– Просто ты на такое способен. Ты уже не раз исчезал из моей жизни, почему бы этому не случиться снова. И теперь я думаю, что я на самом деле о тебе знаю?

– Ты знаешь все. – Он снова повернулся к ней, обнял. – Прости. Я пошел танцевать, не подумав о твоих чувствах. Не понимая, что причиняю тебе боль. Но это был лишь танец. А ты – моя жизнь! – Он нежно поцеловал Энцу, почувствовав, как уголки ее губ дрогнули в улыбке.

– Чиро, это не должно повториться, – твердо сказала она.

– Пожалуйста, не превращайся в жену, которая гоняется за мужем с метлой.

– Я не собираюсь гоняться за тобой с метлой. – Она возвратила ему поцелуй. – Предпочитаю лопату.

Энца повернулась на спину и переплела пальцы с пальцами мужа.

– От сбережений у нас уже мало что осталось.

– Ты славно потрудилась, обставив наш дом. Купи себе шляпку!

– Мне не нужна шляпка. Но тебе кое-что понадобится.

– У меня есть все.

– Тебе нужно обручальное кольцо.

– Энца, я отдал тебе единственное кольцо, которым владел в своей жизни. Видеть на пальце у тебя кольцо моей матери – это так много для меня значит!

– И я ношу его, потому что это значит, что я твоя. А теперь и тебе нужно надеть кольцо, которое расскажет всем, что ты мой. Завтра мы пойдем к Лейбовицу и купим тебе обручальное кольцо. Самое толстое, какое найдем.

Чиро рассмеялся:

– Мне не нужно кольцо, чтобы доказывать, что я твой. Я и так полностью твой, Энца.

– Знаю. Но хочу, чтобы и весь остальной мир это знал.

Энца так чудесно оформила к Рождеству витрину «Итальянской обувной лавки», что в мастерскую потянулись женщины, спрашивая обувь для себя. И разочарованно оглядывали станки, резкий свет ламп и

пирамиды грубых рабочих башмаков. Было ясно, что обувь тут только для мужчин, а им ничего не предложат. Чиро извинялся и обещал, что в один прекрасный день витрины наполнятся модными дамскими туфлями. И отправлял очередную посетительницу к Раатама. Он уже сбился со счета, сколько раз прорекламиривал универмаг и поддержал финский бизнес.

Энца в соседней комнате шила атласное одеяло для ребенка Паппины, как вдруг услышала разговор Чиро с какой-то женщиной. Она аккуратно обрезала нитки, и, когда колокольчик сообщил, что дама удалилась, вышла в обувную мастерскую:

– Почему мы не продаем женскую обувь?

– Потому что я ее не шью, – ответил Чиро, измеряя кусок кожи.

– Не обязательно самому ее шить, – возразила Энца. – Мы можем закупать ее у посредников и продавать с прибылью, как любая другая лавка в городе. Я попрошу Лауру присмотреть в Нью-Йорке подходящих поставщиков. Места у нас достаточно. Можно купить пару стеклянных шкафов и выставить в них туфли.

– У меня нет времени на то, чтобы продавать обувь, – напомнил Чиро.

– А у меня есть. Мы посылаем к Раатама больше клиентов, чем обслуживаем сами. Я этим займусь. Все, что мне надо, так это немного места.

– Ладно, – сказал Чиро. – Но когда я начну шить женскую обувь, ты перестанешь продавать готовую.

– По рукам.

Надев перчатки и лучшую шляпку, Энца села в трамвай и поехала в Хиббинг. Там она вошла в «Секьюрити стейт банк» на Говард-стрит и направилась в отдел ссуд, чтобы повидать Карла Ренна.

– Миссис Ладзари? – Карл, в костюме-тройке и скромном темно-синем галстуке, поднял глаза от бумаг. На длинном носу сидели очки. – Как ваши дела?

Энца улыбнулась. В последний раз она заходила сюда, чтобы поставить под ссудой свою подпись рядом с подписью мужа, а также выступить поручителем займа Луиджи.

– От клиентов нет отбоя, – ответила она, усаживаясь напротив банкира.

– Счастлив это слышать. Чем сегодня могу вам помочь?

– К нам заглядывает много дам. Я хочу открыть торговлю готовой женской обувью. Но мне нужна ссуда, чтобы обустроить все как следует.

– В Чисхолме дамскую обувь продают три магазина.

– Знаю, но я планирую совсем иной ассортимент. У меня есть связи в

Нью-Йорке, и я могу поставлять для дам Железного хребта по-настоящему модную обувь. Если, конечно, вы мне поможете.

– А что думает на этот счет ваш муж?

– У него полно работы, так что он отдал эту затею мне на откуп.

В банк за ссудами приходили женщины, но то были исключительно вдовы. Замужняя дама – такое было в диковинку. Обычно финансовые дела держали в своих руках мужья. Но миссис Ладзари, несомненно, была необычной женщиной.

– Давайте взглянем на вашу предыдущую ссуду.

Мистер Ренна подошел к полке и вынул журнал, в который записывал информацию по текущим ссудам.

– Вот. – Он нашел нужную страницу. – Ваш муж и его партнер открыли счет, зарезервировав на нем солидную сумму. Вы с миссис Латини также поставили свои подписи. Деньги заняты под разумные проценты. Так что, думаю, у нас есть возможность для маневра.

Он вернулся за стол и принялся оформлять бумаги для новой ссуды. Несколько минут спустя он положил перед ней стопку листов, напечатанных секретарем.

– Возьмите это домой. Внимательно изучите. Обсудите с мужем, потому что на документах должна быть и его подпись. А затем дайте мне знать, какая именно сумма вам потребуется.

Энца улыбнулась:

– Я уверена, что смогу добиться успеха!

Ренна попросил Энцу на минутку задержаться. Достал еще одну конторскую книгу и поинтересовался:

– У вашего мужа есть брат?

– Да. Но он в Италии.

– Нет, я имел в виду – здесь. В нашем банке заведена депозитарная ячейка на имя К. А. Ладзари.

– Отца мужа звали Карло Ладзари. Он работал здесь примерно четырнадцать лет назад.

– Хотите, я проверю? – предложил мистер Ренна.

– Благодарю вас.

Ренна ушел проверять информацию о счетах Карло Ладзари. От волнения Энцу слегка подташнивало. Она вспомнила итальянскую пословицу: «Если любишь кого-то по-настоящему, то у тебя болят его раны». Энца не знала, в чем причина – в том, что она так переживает за Чиро, или в тайне, окружавшей исчезновение старшего Ладзари.

Ренна вернулся:

– Ну что ж, счета закрыты. Но есть банковская ячейка.
– Ключа у нас точно нет, – сказала Энца.
– Он хранится здесь. – Ренна порывлся в ящике стола и вынул маленький ключ. – Я могу показать вам сейф.

Энца заколебалась:

– Не следует ли мне подождать мужа?
– У вас есть право подписи на все счета вашего мужа, включая те, что относятся к его бизнесу. Вы уполномочены открыть эту ячейку, если желаете.

Следом за мистером Ренна Энца вошла в тяжелую железную дверь, за которой скрывалась большая комната с мраморным полом. Вдоль стен тянулись ряды стальных сейфов, помеченных номерами. Мистер Ренна извинился и вышел в основное помещение банка.

Энца отправилась на поиски ячейки номер 419. Найдя, вставила ключ. Руки у нее дрожали. Внутри лежал простой белый конверт, слегка пожелтевший от времени. Запечатанный. Ни имени, ни обратного адреса.

Энца вытащила из волос шпильку, осторожно вскрыла конверт и достала какой-то документ.

*Горнодобывающая корпорация Берт-Селлерс
Хиббинг, Миннесота
500 акций компании
Карло А. Ладзари*

Энца сложила бумагу и вернулась к столу мистера Ренна.

– Извините за беспокойство, но не можете ли вы мне объяснить, что это?

Мистер Ренна развернул документ. Его лицо расплылось в широкой улыбке.

– Миссис Ладзари, сегодня для вас счастливый день. Такие акции стоят теперь по доллару за штуку. Это если вы продадите бумаги прямо сегодня. Но вы можете сохранить акции и следить за ростом курса.

– Я не понимаю.

– В нашем банке полно ячеек с невостребованными акционерными свидетельствами. После катастрофы 1904 года компания Берт-Селлерс чуть не разорилась. Они даже не пытались рассчитаться с каждой семьей, но возмещение ущерба все равно требовалось. Тогда компания выпустила акции. Некоторые из погибших не оставили наследников. Другие не оставили сведений, позволявших наследников отыскать. Но у каждого была

ячейка в банке. Как удачно, что мы решили сегодня проверить депозит. Когда ваш муж и мистер Латини приходили за ссудой, мы не сообразили это сделать. Думаю, это и называется судьбой.

Возвращаясь на трамвае в Чисхолм, Энца снова и снова с осторожностью заглядывала в конверт. К Вест-Лейк-стрит она нетерпеливо бежала. Чиро полировал пару рабочих ботинок механическими щетками. Энца выключила машину:

– Чиро, ты не согласишься! Я ходила в банк обсудить мою идею о торговле обувью, и мистер Ренна обнаружил депозитарную ячейку на имя твоего отца. Поскольку у меня есть право подписи, он разрешил мне ее открыть. Смотри! – Она вручила ошарашенному Чиро конверт. – Отец оставил тебе акции. Дорогой, здесь больше пятисот долларов!

Чиро положил сертификат на верстак, встал, включил машину и продолжил полировку. Энца была озадачена, волнение уступило место гневу. Она снова повернула выключатель:

– Что с тобой не так?

– Мне не нужны эти деньги.

– Почему? Они принадлежат твоему отцу. Ты всегда говорил, что хотел бы, чтобы у тебя что-нибудь от него осталось. Эти акции – возмещение ущерба, выплаченное компанией за его смерть.

– Но это уже ничего не изменит, правда же, Энца?

– Ему бы хотелось, чтобы акции достались тебе.

– Купи на эти деньги мебель. Или пошли моему брату как пожертвование для бедных. Эти акции – плата за кровь. Они могли бы изменить нашу жизнь, если бы нашли нас четырнадцать лет назад, когда моей матери пришлось продать все, чтобы выплатить долги. Но сейчас ее нет с нами, мой брат – священник, а мне эти деньги не нужны.

Он указал на полки, заполненные ботинками. У каждой пары был ярлычок, на котором значилось имя клиента и время выполнения заказа.

– Вот мое наследство. Упорный труд. Ты. Мы. А остальное не имеет значения. Это всего лишь деньги. Деньги, которые я не заслужил. Они – напоминание обо всем, что я потерял и никогда не обрету вновь.

Энца молча сложила бумагу и убрала в конверт. К этому вопросу она больше не возвращалась. Просто обналачила акции и открыла в Чисхолме совместный банковский счет. И постаралась забыть.

Вход в квартиру Латини украшали гирлянды еловых ветвей, перевязанные голубыми лентами. Дверь открыл Луиджи:

– *Buon Natale!*

Луиджи обнял сначала Энцу, потом Чиро, забрал у них пакеты и свертки. Паппина украсила праздничный стол свечами и белым фарфором. Запах соуса из сливочного масла с чесноком, томившегося на плите, разливался по всем трем комнатам квартиры. К пустой колыбели в углу были привязаны тонкие белые ленточки. Паппина, на последнем месяце беременности, хлопотала на кухне. Она не могла нарадоваться гостям.

– Что готовишь? – спросил Чиро.

– Улиток с маслом и чесноком.

– А пятицентовик положила?

– Нет еще. Действуй!

Чиро выудил из кармана монетку и бросил в сковороду, где тушились улитки. Через несколько секунд Паппина выловила монетку, по-прежнему сиявшую серебром. Итальянцы не едят улиток, если монета потемнела. Ведь это верный признак, что улитки испортились.

– Отличные!

– Хорошо бы! Умираю с голоду, – объявила Энца, входя в кухню и тут же отбирая у Паппины кастрюлю с пастой.

Следом появился и Луиджи с бокалами вина.

– Сегодня утром Чиро ходил со мной к мессе.

– Да быть не может! – воскликнул Луиджи.

– А мы были в церкви Святого Альфонса, – сказала Паппина.

– Если мы хотим крестить ребенка, должны платить десятину, – объяснил Луиджи.

– Тебя послушать, так все, что церкви нужно, – твои деньги, – заметила Паппина.

– И от денег не откажутся, но предпочитают души, – сказал Чиро.

– Твой брат – священник, а ты такое говоришь! – Энца слегка хлопнула Чиро по щеке. – Знаешь ведь, что тебе там понравилось. Славословия и гимны ты слушал с удовольствием. Верно?

– Ну да. А глядя на статуи, словно возвращался во времена Сан-Никола. Удивительно – то, чем ты занимался в детстве, навсегда с тобой.

– Надеюсь, кое с чем ты все же расстался, – пошутил Луиджи.

– Да, я теперь счастливый муж. Смотрю только на Энцу.

– Умница, – рассмеялась Паппина.

– Я изменился к лучшему, – улыбнулся Чиро.

– Ловим тебя на слове, – сказала Паппина. – Отнесешь блюдо с индейкой на стол? Здесь нужна мужская сила. Я не вынимала из птицы кости.

Чиро поднял блюдо и направился в гостиную. Энца проследила за ним

взглядом. Похоже, с годами ее муж становится только красивее. Она представила, что в старости, когда его каштановые волосы поседеют, он будет для нее даже более привлекательным. Энца замечала, как заглядываются на него другие женщины.

Она прошла вслед за Чиро в столовую. Он поставил блюдо на стол, распрямился и потер поясницу.

– Милый, с тобой все в порядке? – спросила Энца, помассировав ему спину.

– Болезнь башмачника, – заметил Луиджи. – Подложи колоды под раскроечный стол, чтобы повыше было. Всего несколько дюймов спасут шею и плечи. Пока я так не поступил, спина прямо убивала меня, а теперь чувствую себя куда лучше.

– Сделаю, – ответил Чиро. – А эти колоды помогут побыстрее управляться с работой?

– Сомневаюсь, – засмеялся Луиджи.

В утро Рождества Энца пошла к ранней мессе одна. Чиро устал после вчерашних посиделок у Латини, а кроме того, его традиционный ежегодный визит в церковь уже состоялся накануне. Не став будить мужа, она оставила записку, что после мессы задержится.

Она не хотела сообщать Чиро о своем рождественском подарке, пока не была полностью уверена, что он одобрит его.

Энца пешком направилась на кладбище Святого Иосифа, примерно в миле от Чисхолма. Ей нравилось ходить, и во время дальних прогулок она всегда вспоминала, как бродила по горам в Скильпарии. Под ногами хрустел свежий снег, воздух пах сосновой хвоей и дымком, долетавшим с окрестных ферм. Зима в Чисхолме была окрашена в белое и серое, подобно оперению полярной совы или перьям вестников весны – серых соек.

По сторонам дороги высились высокие ели со стволами столь толстыми, что Энца не смогла бы обхватить дерево в одиночку. Лес стоял нетронутый, и это тоже напоминало ей об Альпах. Между Чисхолмом и Хиббингом полно вырубок – там лес стал жертвой прогресса. Наверное, лишь вопрос времени, когда доберутся и до этих деревьев. Но сегодняшним утром все они принадлежали только ей.

Энца открыла створку черных кованых ворот, ведущих на кладбище. На снегу лежали тени голых ветвей. Виднелось лишь несколько статуй – Девы Марии и коленопреклоненных ангелов, а в основном территорию кладбища занимали ряды простых надгробий из полированного мрамора с

затейливой вязью эпитафий. В отличие от кладбища в Скильпарии здесь не было ни мавзолеев с алтарями и цветными фресками, ни позолоченных ворот, ведущих в гранитные склепы.

Священник одолжил ей карту. В центре кладбища, под сенью рощицы по-зимнему голых деревьев, были похоронены погибшие в шахтах. Энца шла мимо надгробий, смахивая перчаткой снег, чтобы прочесть имена. Шубич, Калибабский, Паулуччи, Перкович. Эти люди работали в шахтах Махонинга, в шахте Стивенсона в Штутце, на рудниках Берт-Пул, Берт-Селлерс и Хал. Тела католиков везли из Хиббинга и уже здесь служили заупокойную мессу. Семьям в Европу посылали фотографии, но иногда сообщать о случившемся было некому, потому что шахтеры не оставили никаких сведений о близких. Однако останков Карло Ладзари не нашли. Он погиб при пожаре.

Энца наклонилась и протерла надгробный камень.

КАРЛО ЛАДЗАРИ
1871–1904

Она улыбнулась. Надпись на гладком черном граните была выполнена золотом. Энца перекрестилась.

– Энца! – услышала она голос Чиро. Муж торопился к ней по дорожке, лицо его было встревожено. – Мороз же! Монсеньор Шиффер сказал, где тебя найти.

Чиро увидел на полированном граните имя своего отца.

– Что это? – потрясенно спросил он.

– Это я установила здесь камень. Потратила часть денег от продажи его акций. Мне кажется, так было правильно. – Голос Энцы дрогнул, она боялась реакции мужа. – Прости. Я не хотела расстраивать тебя еще больше, поэтому ничего не сказала. – Энца опустилась на колени рядом с надгробием.

– Зачем надгробие, если тело сгорело?

– Потому что он жил. Потому что он твой отец. Я захоронила здесь ящичек с вашими портретами – твоим и Эдуардо, письмом от меня и локоном твоих волос. Падре освятил все это, и несколько дней назад установили плиту. Я ее еще не видела.

Энца посмотрела на мужа и поняла, что на самом деле очень плохо знает Чиро. Она совершенно не представляла его реакцию.

Чиро опустился на колени рядом с женой и заплакал. Энца склонилась к нему и обвила его руками.

– Я всегда надеялся, что это неправда.

– Ты и должен был надеяться. Я бы тоже надеялась.

– Всю жизнь мне говорили, что я похож на него внешне, что думаю, как он... – Голос Чиро сорвался. – Но я никогда не знал его. Помню какие-то мелочи, но не уверен, мои ли это воспоминания. Я так часто слушал рассказы Эдуардо, что будто видел сам то, о чем он говорил. Ведь можно подумать, что взрослому человеку уже не нужен отец, не нужно держаться за мысли о нем. Знаю, с моей стороны глупо было притворяться, что отец может быть жив, но мне так хотелось, чтобы это оказалось правдой. Я так в этом нуждался...

Энца вытащила из кармана лист кальки и карандаш. Попросив Чиро приложить листок к камню, она принялась заштриховывать каждое углубление в граните. Мало-помалу имя ее свекра и даты его жизни возникли на белой бумаге, как палимпсест, как доказательство, что у Карло Ладзари были настоящие похороны. Она аккуратно сложила кальку и спрятала ее в карман, а затем помогла мужу подняться на ноги.

– Пошли домой, – сказала она.

Они покинули кладбище, закрыли ворота. Возвращаясь на Вест-Лейк-стрит, они прижимались друг к другу, чтобы защититься от пронизывающего зимнего ветра. И если бы случайный прохожий увидел их этим рождественским утром, он не смог бы решить – это муж поддерживает жену или она помогает ему держаться прямо.

Энца беспокоилась, успеет ли добраться в Хиббинг до того, как у Паппины начнутся схватки. Поэтому Луиджи заплатил курьеру вперед, чтобы при первых признаках схваток тот поехал в Чисхолм на трамвае – сообщить Энце, что время пришло.

За две недели, предшествовавшие сроку, в окрестностях Железного хребта не выпало ни снежинки. Хотя январские сугробы никуда не делись, морозы не ослабевали и дороги были скользкими от льда, трамвайные рельсы оставались чистыми. Энца смогла бы добраться до дома Паппины за каких-то полчаса.

Когда появилась Стелла, Энца помогала повитухе. К родам других детей ее не подпускали, но к рождению Стеллы Энца уже превратилась для братьев и сестер во вторую мать. Она купала их, кормила, учила читать. Джакомина была настолько уверена в старшей дочери, что полностью доверяла ей детей, разрешая ходить с ними в горы собирать травы.

Рожая Стеллу, Джакомина не кричала. Энца помнила, что в комнате было темно и тихо. Она испытала настоящее благоговение, когда дитя

выскользнуло из тела матери и упало на руки повитухе, будто букет цветов.

Пока Паппина кричала и корчилась в схватках, Энца держала ее за руку. Но наконец первенец Латини показался на свет и заорал – прекрасный крупный мальчик. В хиббингской больнице были сиделки, так что Паппина могла позволить себе несколько дней отдохнуть, прежде чем вернуться домой, где Энца уже все подготовила.

Энца погрузилась в хорошо знакомую жизнь семьи, где есть новорожденный. Она собрала колыбель, следила за тем, чтобы Луиджи не голодал, стирала, помогала Паппине помыться, поддерживала в доме чистоту. Сварила большую кастрюлю супа на мясном бульоне – с томатами, разными корешками и перловой крупой, чтобы Паппина могла набраться сил. У Энцы кружилась голова при мысли, что однажды Паппина сделает то же самое для нее.

Через пять дней Энца вернулась в Чисхолм. По дороге она с улыбкой смотрела в окно и думала, что ни от чего женщина так не устает, как от ухода за ребенком. Войдя в лавку, она улыбнулась мужу.

Чиро отложил инструмент:

– Как юный Джон Латини?

– Почти десять фунтов, доказательством чему моя больная шея, – рассмеялась Энца.

– Дитя Валентинова дня, – расплылся в улыбке Чиро.

– Тебе нужно посмотреть на него. – Энца направилась к лестнице, но вспомнила, что у нее сообщение. – Луиджи просил тебе передать, что у ребенка маленький нос. Он сказал – ты поймешь.

– *Va bene!* – Чиро расхохотался шутке, понятной лишь двоим.

– Он здоровый мальчик, какой бы нос у него ни был, – заверила мужа Энца.

– Ну, значит, вся эта прорва молока, которую Паппина выпила, того стоит.

– Хорошо бы завести корову, – заметила Энца.

– И куда ты ее денешь? Заднего двора у нас хватит разве что на грядку с томатами.

– Это может быть совсем маленькая корова...

– Неужели ты... – Чиро оглядел Энцу, ища в ней признаки той пышности, что свойственна понесшей женщине. Энца ничуть не изменилась, прекрасная как всегда. Вот разве что поза, рука на животе...

Энца кивнула, подтверждая его догадку.

Дитя медового месяца.

Дитя первой брачной ночи.

Энца зачала своего ребенка где-то между Паоли, штат Пенсильвания, и Крестлайном, штат Огайо, в вагоне поезда «Бродвей Лимитед», направлявшегося в Чикаго.

Чиро вскочил, обнял жену, приподнял в воздух:

– Я не смогу стать еще счастливее!

Сердце Чиро наполняла неопишуемая радость. Он и не представлял, что бывает такое счастье. Мгновение чистого ликования. Ребенок был его сокровенной мечтой. Чиро вспомнил, как когда-то представлял будущую семью, жену и детей, – еще до того, как встретил Энцу, – представлял дом, который построит для них в Вильминоре. Но эти мечты потеряли всякое значение – теперь, когда они воплотились в реальность. Он так сильно любил свою жену и ребенка, уже жившего внутри нее, что чувствовал, как в его душе разгорается прежде неведомый огонь, пламя честолюбия.

3

Билет на поезд

Un Biglietto per il Treno

Лето в Миннесоте оказалось столь же чудесным, что и лето в Итальянских Альпах. Озеро Лонгийр сверкало как сапфир, отражая безоблачное небо цвета марокканского шелка. Горизонт окаймляли вечнозеленые деревья, а заросли пестрели первыми цветами сладкой ежевики. Утром по воде разносились крики гагар, окликавших друг дружку с противоположных берегов.

Энца распахнула все потолочные окна в доме. Последние недели своей беременности она словно вила гнездо. Перемыла каждое окно, отскребла полы и довела до совершенства детскую. Сшила приданое для младенца – из снежно-белой замши и мягкого хлопка. Прошила конверт лентами из белоснежного шелкового поплина, а подкладку для капюшона сделала из атласа. Чиро скотил кроватку и тоже выкрасил ее в белый цвет. Стены он покрасил в полоску, чередуя кремовый с песочным, чтобы создать эффект обоев. Подобный прием Энца переняла у декоратора Метрополитен-опера, Нейла Мацелла.

Этим утром, когда звякнул дверной колокольчик, Чиро поднял взгляд... и с грохотом уронил ножницы.

В дверях стояла Лаура Хири – в темно-синем костюме из крепа, такого же цвета шляпке и белых перчатках, с саквояжем в одной руке и шляпной коробкой в другой.

– Я не собираюсь позволить твоей девушке обзавестись ребенком без моего участия, – широко улыбнулась она.

Чиро обнял ее и крикнул Энце, чтобы та поскорее спускалась вниз. Гостя сняла перчатки и убрала их в сумочку. Пока Чиро бегал за женой наверх, Лаура изучила мастерскую Чиро и сквозь окошко заглянула в швейную мастерскую. Энца неловко спустилась по лестнице, увидела Лауру и аж взвизгнула от радости. Лаура кинулась к ней, и вскоре обе упоенно рыдали. Наконец Лаура отстранилась и оглядела Энцу – зрелую красоту ее поздней беременности.

В лавку было сунулся какой-то покупатель, увидел плачущих женщин и поспешно ретировался.

– Девушки, ваши завывания распугают мне всех клиентов, – строго

сказал Чиро. – Энца, может, покажешь Лауре нашу квартиру?

– Ты, должно быть, очень устала, – сказала Энца, пока они поднимались по лестнице вслед за Чиро, несшим багаж.

– Нет-нет, меня просто распирает от энергии. В поезде я чуть с ума не сошла от безделья. Надеюсь, здесь для меня полно работы.

– Нет уж, отдохни, посиди, вытянув ноги, глядишь, и женушка моя с тебя возьмет пример, – сказал Чиро.

– У нас уже все готово, и я ужасно рада этому, потому что смогу посвятить все время тебе, – сказала Энца, открывая дверь гостевой спальни. – Располагайся как дома, а я сварю кофе.

– Мне тут ужас как нравится! – с энтузиазмом воскликнула Лаура и принялась устраиваться.

Энца вышла, закрыла за собой дверь и замерла, будто во сне. Чиро обнял ее.

– Ты знал? – спросила Энца.

– Да я не смог бы столько дней держать что-то в тайне от тебя!

Энца достала из рукава носовой платок и промокнула глаза.

– Насколько я рада ребенку, настолько же боялась оказаться одна. И я счастлива, что Лаура здесь.

– Ну, я могу остаться навсегда! Мне нравится моя комната! – сказала Лаура, присоединяясь к ним.

– Ладно, надо мне все-таки заняться работой, – сказал Чиро. – Девушки, вы знаете, где меня найти.

– Пойдем, покажу тебе детскую, – предложила Энца.

– Девочки из костюмерного цеха сшили кое-что для малыша. – Лаура скрылась в комнате и тут же появилась с коробкой.

Они с Энцей прошли через хозяйскую спальню в детскую. Энца устроилась в кресле-качалке, а Лаура вручила ей коробку и придвинула себе стул.

Энца развернула атласное одеяльце. Еще в коробке оказались связанные вручную шапочка и варежки из хлопковых ниток, а также черная подушка для кровати в форме ноты с вышитыми словами «От твоих друзей из Метрополитен-опера».

– Как Колин? – спросила Энца.

– Кто-кто?

– Что-то не так?

– Он до сих пор не сделал мне предложение, и я не думаю, что дождусь.

– Почему?

Лаура пожала плечами, явно с трудом удерживая слезы:

– Я в неведении.

– Ты не говорила с ним?

– Очень трудно завести об этом речь. Помнишь, что бывает с девушками, которые ставят ультиматумы? Они так со своими ультиматумами и остаются. Колин замечательно относится ко мне на работе. Думаю, его сыновьям я тоже понравилась. Я старалась. Водила их в парк и в кино. Когда они приходили в Мет, я освобождала место в мастерской и усаживала их делать уроки, если Колин был занят в кассе. Я к ним по-настоящему привязалась.

– Так в чем же дело?

– В его матери. Она не хочет, чтобы ее сын женился на швее из костюмерной.

– Не может быть, – прошептала Энца.

– Еще как может. Я «нищая ирландка». И ты знаешь, откуда это мне известно? Помогала ей на кухне в ее доме на Лонг-Айленд. И, моя тарелки, подслушала разговор.

– Ты рассказала Колину?

– Не могла дождаться. Сообщила ему в машине на обратном пути. Он извинился. Сказал, что у нее характер Эдит Уортон^[81]. Она задирает нос и уже не изменится. Чтобы я не принимала это на свой счет.

– Как же не принимать это на свой счет?! – воскликнула Энца.

– Так ему и сказала. Но я не знаю, что делать. Я люблю его.

– А он любит тебя.

– Но у меня нет родословной. Моя фамилия не Вандербильт и не Форд.

Энца подумала, что трудолюбие, упорство и верность Лауры сделают честь любой родословной. Она собственными руками проложила себе путь через Гудзон и получила место в Метрополитен-опера. А это что-нибудь да значит.

– Форды были ирландскими фермерами, а Вандербильты родом со Стэйтен-Айленда. Они разбогатели потому, что работали как проклятые. Так что просто скажи миссис Чапин, что звезда Хири только восходит и ты, так уж и быть, возьмешь их с собой к высотам.

– Она уже присмотрела для него другую, – тихо сказала Лаура, – и Колин в эти выходные везет ее на регату в Ньюпорт.

– Откуда ты знаешь?

– Он сам сказал мне. И ровно тогда, когда я решила взять отпуск, чтобы помочь тебе. В Нью-Йорке меня ничего больше не держит. Все

кончено.

Перед сном Энца убедилась, что Лаура устроилась в гостевой, вернулась к себе и забралась в кровать. Чтобы Энце было удобно, Чиро обложил ее хорошо взбитыми подушками, как укладывал в траншее мешки с песком.

– Эмилио и Ида предлагают свозить вас с Лаурой на озеро Бемиджи.

– Не уверена, сможет ли хоть что-то вернуть Лауре радость.

– Я не знал, что американцы так же сватают своих детей, как некоторые родители в Италии.

– Еще хуже. С помощью женитьбы ты обязательно должен подняться вверх по лестнице, и никак иначе. Твой партнер должен быть не только богатым, но и образованным. Лаура такая умная, но она даже не окончила школу. А я думаю, это необходимое условие, чтобы выйти за Чапина.

– Я не хочу, чтобы ты так волновалась.

– Ничего не могу поделать. Она моя лучшая подруга. И она несчастна.

– Так попробуй ее развлечь. До рождения малыша еще есть время. Скоро Сербские дни, а еще ты можешь показать ей Канаду, озера... Здесь есть чем заняться. – Чиро поцеловал Энцу на ночь.

Откинувшись на подушки, Энца смотрела в потолок. Лаура старше ее. И уже считает себя старой девой, хотя меньше всех на свете на нее похожа. Конечно, когда малыш появится, она почувствует себя полезной и нужной. Но ведь и загрустит еще сильнее, размышляя о том, что саму ее ждет впереди.

Во время Сербских дней к хребту Месаби^[82] стекались гости со всей северной части Миннесоты, Висконсина и даже из Чикаго. Многие семьи воссоединялись на время этого праздника, специально приберегая летний отпуск к неделе фестиваля. Население Хребта удваивалось, а магазины Вест-Лейк-стрит переживали свои лучшие дни в году. Даже Энца решила внести свою лепту: устроила распродажу детских одежек, одеялец для колыбелек и фланелевых конвертов, которых нашла вдоволь. Лаура, пораженная скоплением народа, поклялась к следующему году вместе с девушками из костюмерной завалить городок отменной продукцией собственного производства.

На берегу озера Лонгийр, под вековыми деревьями, соорудили летнюю эстраду, на которой каждый вечер играл оркестр. Над водой вспыхивали фейерверки, освещая представления, на которых отбирались лучшие номера для танцевального состязания. Оно должно было завершать фестиваль.

Паппина, Луиджи и пятимесячный Джон приезжали каждый день.

В тот вечер Лаура и Энца расстилали на траве одеяло, ожидая Чиро, который отправился за сербскими пирогами и содовой.

– Я начинаю привыкать, – улыбнулась Лаура. – Свежий воздух, озеро, друзья.

– Так оставайся! – воскликнула Паппина.

– Ты знаешь, как трудно удержать за собой комнату в «Милбэнк-хаус»?

– Да, они на вес золота, – кивнула Энца.

– Я никогда не работала и немного об этом жалею. Прямо из материнского дома переселилась в квартиру, которую мы сняли с Луиджи. Расскажите, что я потеряла?

– Если ты готова к тому, что не будешь знать, где получишь следующую зарплату, если ты способна шить себе невероятные туалеты из фабричных остатков и если тебе нравится теплое шампанское из бумажных стаканчиков на премьере в опере, то жизнь работающей девушки для тебя.

– Понятия не имею, на что это похоже, но я люблю слушать ваши рассказы, – ответила Паппина.

– Видимо, девушки всегда любят то, чего у них нет. – Лаура вытянула длинные ноги, разгладила юбку. – Я бы хотела быть миниатюрной брюнеткой, а похожа на нить красной лакрицы. Я была бы не прочь держать на коленях собственного ребенка, но я не замужем – не по доброй воле, но по воле обстоятельств. Так что мы не всегда получаем все, о чем мечтаем. Хорошо бы – хоть что-нибудь.

Энца рассмеялась – как всегда, когда Лаура принималась философствовать. Она старалась не думать, что будет, когда Лаура вернется в Нью-Йорк. Это были замечательные две недели, каникулы скорее для Энцы, чем для Лауры, которая везде сопровождала подругу, предугадывала ее желания и уговаривала отдохнуть.

Чиро поставил на одеяло ящик с холодной содовой, рядом положил пакет с пирогами. Внезапно у Энцы тянущей болью свело низ живота. Она привстала, решив, что это от неудобной позы, но через несколько минут приступ повторился.

– Что с тобой? – встревожилась Лаура.

Грохнули тарелки, вступили духовые, оркестр заиграл патриотический марш.

Лаура подтолкнула Чиро. Он оглянулся, перевел взгляд на Энцу, и лицо его сделалось пепельно-серым.

– Уже? – глупо спросил он.

Энца кивнула. Лаура передала Паппине малыша Джона.

Чиро помог жене встать, и под звуки оркестра они с Лаурой медленно повели Энцу к границе парка, где обратились за помощью к полисмену. К счастью, офицер полиции по фамилии Гросси в свободное от службы время имел привычку играть в покер в «Итальянской обувной лавке» и вызвался самолично доставить роженицу в только что открывшуюся в Чисхолме больницу.

Чиро вошел в палату Энцы и замер. Жена в белой больничной рубашке лежала, прижимая к груди голубой сверток. После того как она стала матерью его первенца, красота Энцы точно обрела глубину. 28 июля 1919 года – эту дату он будет помнить до конца жизни, сколько бы подробностей ни изгладилось из памяти.

В тот день они с Энцей окончательно стали *la famiglia*.

Лаура, тоже находившаяся в палате, улыбнулась и вышла, дружески коснувшись плеча Чиро. Они остались вдвоем. Чиро подошел к кровати, одну руку положил Энце на талию, а другой привлек к себе обоих. От сына пахло свежим тальком и непередаваемым младенческим духом. Он был такой длинный и такой розовый, маленькие пальчики сжимались, будто хотели ухватить воздух.

Энца хотела назвать его Чиро, но у мужа были другие мысли. Он думал, не назвать ли мальчика Карло, в честь своего отца, или Марко, в честь отца Энцы, или Игнацио, в честь Игги, который всегда был добр к нему, или Джованни, в честь Хуана Торреса, который погиб в окопах. Но, представляя всех этих людей, он предложил назвать первенца Антонио – в честь святого, который помогает найти путь тем, кто потерялся в лабиринтах жизни.

Он вспомнил тот вечер, когда впервые встретил Энцу. Сирота, он всегда смутно ощущал свою заброшенность, отдельность, неприкаянность. Внутри точно зияла какая-то сосущая пустота, так было всегда, – Чиро полагал, что и будет всегда. Но Энца все изменила. И вот он отец...

Энца осторожно, точно чашу из тончайшего фарфора, передала Чиро ребенка.

– Антонио, я твой отец. Я никогда тебя не покину, – прошептал он и прижался губами к бархатистой младенческой щечке.

– Он похож на тебя, – сказала Энца. – Представь, в мире вас теперь двое, ты и твоя копия.

Дома их ждала Лаура. Она сварила кастрюлю густого овощного супа с картошкой, который, как она считала, мигом придаст Энце сил. Она вылизала квартиру, так что Энце оставалось лишь кормить ребенка и

отдыхать.

Первую ночь Лаура не спала, следила, как Энца кормит, затем забирала у нее малыша, укладывала и помогала Энце добраться до постели. Рядом с подругой Энца острее ощущала свое счастье. Но однажды утром пришла пора прощаться.

Энца сидела с ребенком на руках и наблюдала, как подруга укладывает вещи.

– Ты уверена, что тебе он не понадобится? – Лаура встряхнула классический темно-синий кардиган.

– Перестань предлагать мне свои вещи, – улыбнулась Энца.

Лаура присела на край постели:

– Ну я же не знаю, когда опять увижу тебя.

– Возвращайся в любое время.

– А может, ты выберешься в Нью-Йорк? – предложила Лаура.

– Когда-нибудь – обязательно. А что ты собираешься делать, когда вернешься?

– Начать все заново. – Глаза Лауры увлажнились, но она решительно вытерла их платком. – Собираюсь оставить свои слезы где-то на полпути отсюда к вокзалу Пенн^[83]. Когда выйду из поезда, уже буду в полном порядке.

В дверях возник Чиро.

– Знаю, знаю, Чиро, пора, иначе опоздаю на поезд. – Лаура встала и защелкнула саквояж.

– Думаю, опоздать тебе придется.

– Почему? Несчастный случай?

– Нет. Просто придется. – Чиро прислонился к косяку.

– Что случилось? – Лаура вытащила билет, словно ожидая найти там ответ.

– Кое-кто желает тебя повидать. Ну-ка, спускайтесь в мастерскую. – Он забрал у Энцы ребенка. – Леди, следуйте за мной.

Лаура пребывала в замешательстве, Энца тоже не знала, что и думать. Переглянувшись, они послушались Чиро. Тот спускался первым, следом Энца, замыкала шествие Лаура.

У верстака стоял Колин Чапин. Элегантный как обычно, разве что костюм выглядел слегка помятым. Лаура застыла на миг, точно ей явился призрак. Затем попятилась к лестнице.

– Куда это ты собралась? – спросил Колин. – Я проделал ради тебя весь этот долгий путь.

Лаура снова замерла.

– Почему?
– Потому что я люблю тебя и хочу на тебе жениться.
– В самом деле?
– Если ты примешь меня, – улыбнулся Колин. – И моих мальчиков.
Они – часть сделки.
– А как насчет твоей матери?
– Я напомнил ей, что ее собственная мать была из Фитцсиммонсов, вкалывавших на стекольной фабрике.
– Так твоя мать тоже ирландская нищета?
– Самая ирландская на свете, – рассмеялся Колин. – Не заставляй меня умолять тебя. Ты выйдешь за меня? Сделка предложена.
Чиро и Энца переглянулись и уставились на Лауру. Та набрала побольше воздуха и ответила:

– По рукам.
Колин рассмеялся, Энца и Чиро присоединились к нему. Только Лаура разрыдалась.
– Ты – это все, чего я хотела.
– Так почему плачешь? – Колин подошел к ней, обнял, поцеловал.
– Потому что никогда не получаю желаемого.
– Ты и сама знаешь, что это не так, – мягко возразил Чиро.
– Точно, знаешь, – подтвердила Энца.

Лаура Мария Хири и Колин Купер Чапин поженились 26 декабря 1919 года в капелле Девы Марии в кафедральном соборе Святого Патрика на Пятой авеню в Нью-Йорке. Колин отметил, что это День подарков^[84], а значит, по приметам, их ждут либо сплошные ссоры, либо райское блаженство. Они выбрали этот день, потому что Мет погасила свои огни на время новогодних праздников, а мальчиков отпустили на каникулы. Уильяму было одиннадцать, а Чарльзу – двенадцать. Все четверо Чапинов отправились в Майами-Бич – благодаря медовому месяцу каникулы у мальчишек растянулись вдвое.

Лаура послала в Миннесоту открытку, на которой было лишь несколько слов, выведенных ее великолепным «палмеровским»^[85] почерком: «В жизни не была счастливее».

Энца поставила манеж в своей мастерской, рядом со швейной машинкой. Они с Чиро не разделяли работу и семейную жизнь – им прекрасно удавалось их совмещать. Ребенку нравилось, посасывая бутылочку, наблюдать за игрой света, пробивавшегося сквозь крону дерева

за окном и ронявшего лепестки теней на старый жестяной потолок. Когда Антонио спал, Энца помогала Чиро. Она полировала кожу и засовывала в ботинок деревянный стержень, чтобы протолкнуть кожу внутрь железного «стакана».

Чиро устраивал перерывы, чего прежде не делал, выходил с Антонио во двор, подбрасывал в воздух, позволял порезвиться на травке. Антонио уже исполнилось два года, и к нему приводили гостей, сверстников. Хотя он был первенцем у Энцы, у нее имелся опыт возни с малышами, вынесенный из детства. Да и вокруг хватало опытных родителей, готовых помочь. Ида Унчини, чьи дети уже выросли, заглядывала запросто, по-соседски. Другая соседка, Линда Албаназе, с готовностью катала Антонио в своей кондитерской тележке.

Мастерская Чиро на Вест-Лейк-стрит постепенно стала местом, где собирались шахтеры. После смены они заглядывали поболтать, перекинуться партией в карты. Чиро угощал их сэндвичами с томатами и моцареллой – сыр он делал самолично, словно вернувшись во времена монастырского детства. Энца дважды в неделю пекла свежий хлеб и следила, чтобы Чиро приглашал друзей в эти дни – угостить свежей выпечкой.

Обеды они готовили поочередно. Днем Чиро стучал Энце в окошко, и они позволяли себе полчаса посидеть на заднем дворе под раскидистым деревом, глядя, как сын играет на расстеленном рядом одеяле.

В один теплый августовский день Энца приготовила любимое блюдо Чиро, яйца-пашот в соусе из свежих томатов, с салатом из одуванчиков. Держа под мышкой стопку свежей почты, она вынесла поднос во двор.

– Эй, Антонио, лови! – Чиро бросил мяч. Антонио поймал на лету. – Большие руки у парня, – заметил Чиро.

– Как и у отца.

– Он очень быстрый.

– Каждый отец думает, что его сын станет великим спортсменом.

– Но такой сын, как Антонио, вовсе не у каждого отца.

Энца передала мужу поднос, и Чиро позвал сына обедать.

Она намазала для Антонио булочку маслом, села на скамейку и начала проглядывать почту:

– Одни счета.

– Энца, не забудь про обед.

Она перебрала конверты.

– Обязательно. Ох, письмо от Лауры.

Энца вынула из волос шпильку, вскрыла конверт.

2 августа 1921 года

Дорогая Энца,

С тяжелым сердцем пишу я тебе о смерти синьора Энрико Карузо. Думая о нем, я всегда сразу вспоминаю тебя. Помнишь, как мы готовили ньокки? А тот случай, когда ты подколола ему подол для подшивки, а он спрыгнул с примерочного табурета, булавки вонзились в голени, и он скакал вокруг, как ребенок? Ты обычно оставляла в его гримерке чашку с лимонной и апельсиновой кожурой, чтобы впитался сигарный дым. Помнишь, как он звал тебя *Uno*, а меня *Due*?^[86] Он говорил: «Вы двое всегда вместе, как один и два». Каким подарком он был для каждой из нас! Мне будет его ужасно не хватать, но я запомню его в тот вечер, когда давали бенефис в пользу солдат Мировой войны. Он стоял на сцене, раскрыв объятия, и впитывал любовь пяти тысяч своих поклонников, будто принимая букет роз.

Мое сердце болит за тебя так, словно он был членом твоей семьи... Прекрасный человек, великий певец и огромная гордость народа Италии.

Лаура

P. S. Синьор умер на родине, как и хотел.

Энца заплакала. Чиро вынул из ее пальцев листок, прочитал и привлек к себе жену:

– Мне так жаль.

Смерть Энрико Карузо стала концом эпохи, которая полностью изменила всю жизнь Энцы. Опера подарила ей замечательных друзей и превратила из бедной швеи-иммигрантки в мастерицу-американку.

Антонио играл у ног Энцы, а она вспоминала великого певца – всякие мелочи, какие только всплывали в памяти. Как он курил сигару – дым вылетал аккуратными колечками, будто отдельные ноты. Его мощные икры и маленькие ступни, и как она пыталась зрительно удлинить его тело, чтобы он казался стройнее. Она вспоминала тот вечер, когда Карузо вложил золотую монету ей в ладонь, – вечер, когда она видела его в последний раз.

Впервые после переезда в Миннесоту Энца затосковала по Нью-Йорку. Конечно, было большим удовольствием работать с Лаурой в опере, общаться с другими девушками, с художниками и декораторами, с музыкантами и певцами. Но теперь у нее была семья, свой дом и новые

друзья, толком даже не представлявшие, чем жила она до замужества.

Энца оплакивала не только Энрико Карузо, но и его Италию. Они столько беседовали на родном языке о тонкостях кухни: как вырастить красные апельсины, как измельчать свежий базилик, ни за что не пользуясь при этом ножом, чтобы выпустить весь аромат до последней капли, и о том, как Джакомина, пока паста кипела в горшке, пела «Panis Angelicus»^[87] от первого до последнего куплета, а затем сливала воду, и паста получалась «аль денте», ровно такая, как надо, *perfetto*^[88].

Голос Карузо – это потеря для всего мира и, конечно же, для Энцы, хотя в первую очередь она вспоминала не о его певческом таланте. Она думала о нем самом. Карузо знал, как жить. Из каждого часа своей жизни он извлекал радость до последней капли. Он изучал людей, но не для того, чтобы судить их, а для того, чтобы выявлять их уникальные черты, находить лучшее, – чтобы возвращать им это лучшее, перевоплощаясь на сцене.

Энца не могла поверить, что Карузо мертв, потому что он был сама жизнь. Он был – дыхание и мощь, звук и чувство. Смех его звучал так громко, что долетал до самого Бога.

Паппина держала на руках свое новое дитя. Это был ее четвертый ребенок, но впервые конверт был розовым. Анжеле Латини было всего две недели от роду, когда Паппина принесла ее в Чисхолмскую мастерскую, чтобы представить семейству Ладзари.

Когда Антонио вбежал в мастерскую, Чиро и Энца ворковали с младенцем.

– Смотри, у тебя новая названная кузина, – сказала Энца. – Малютка Анжела.

– Девочка? – фыркнул Антонио. – Что мы будем делать с девчонкой?

Антонио исполнилось семь, он был долговязым, с густыми темными волосами.

Чиро считал, что сын очень похож на его брата Эдуардо. Со стороны Энцы рослых не было, а мальчик явно вырастет великаном.

– Когда-нибудь ты это узнаешь, сынок, – усмехнулся Чиро.

В лавку вошла Дженни Мадич, ведя за собой дочку, Бетси. Девочка ходила в школу вместе с Антонио и с первых дней стала его подружкой. Бетси тоже была очень высокой для своего возраста. Через плечо у нее были перекинута связанные шнурками белые кожаные ботинки с роликами. Ее черные волосы, голубые глаза и маленький вздернутый нос

вызывали широкую улыбку у каждого встречного.

– Антонио, пошли кататься?

– Можно, мама? – Сын посмотрел на Энцу.

– Да, но только по тротуару, не выезжайте на улицу.

Бетси с Антонио помчались вверх по лестнице.

Дженни Мадич было около сорока. Высокая, гибкая, с голубыми глазами и волосами цвета воронова крыла, сербская красавица, она была матерью трех дочерей – одна краше другой. Ее повитица славилась на весь хребет Месаби. Когда Дженни пекла очередную партию, то всегда приносила один пирог в лавку. Сегодня она пришла с двумя.

– Туфли уже привезли? – спросила Дженни.

– Да, – ответила Энца. – Просто заглядение.

Вытащив из-под прилавка коробку, она вручила ее Дженни. Та открыла крышку и достала несколько пар патентованных кожаных туфель в стиле Мэри Джейн^[89]. Пара, предназначавшаяся для ее старшей дочери, которой исполнилось шестнадцать, была на невысоком тонком каблукке. Остальные – классические, с устойчивым наборным каблуком.

– Точно как вы заказывали. Выглядят прямо как на рекламе в «Журнале для всех»^[90]. Той, что рядом с новым рассказом Эдны Фарбер^[91], на соседней странице.

– Энца, ты что, торгуешь обувью? – спросила Паппина.

– Только по предварительному заказу.

– Энца мне жизнь спасла этими туфлями, – призналась Дженни. – Перед Пасхой мы ездили в столицу штата, но нигде не нашли качественных кожаных туфель для девочек. А они нужны для танцевального конкурса во время Сербских дней.

– Вы ездите в Миннеаполис за обувью? – удивилась Паппина.

– А что еще оставалось? Мы несколько месяцев шили костюмы и не хотим испортить вид дешевой обувью.

– Заранее примериваешься, что может понадобиться маме маленькой девочки? – улыбнулась Энца.

С тех пор как Антонио исполнилось два года, Ладзари пытались завести второго ребенка, но все было тщетно. А у Паппины, похоже, дети следовали один за другим без всяких проблем. И сейчас самую заветную мечту Энцы – родить девочку – осуществила подруга. Энца протянула руки, и Паппина передала ей конверт. Заглянув малышке в лицо, Энца подумала, что той досталось самое правильное имя: это действительно был настоящий ангел.

Антонио и Бетси, топая по ступенькам, спустились в мастерскую и выскочили на улицу. Лишь колокольчик звякнул.

– Будьте осторожны! – крикнула вдогонку Дженни и повернулась к Энце: – Знаешь, о чем я думаю? Ты могла бы с успехом продавать обувь для танцев. Если я помещу объявление в церковном листке нашего православного прихода, то югославские, сербские и румынские девушки выстроятся здесь в очередь.

Энца взглянула на Чиро:

– Милый, а ты что думаешь?

– Делай все, что пожелаешь!

– Дженни, а давай попробуем. Размести рекламу в бюллетене. Я сделаю необходимые заказы. И как тебе такое предложение? Если продам двадцать пять пар обуви, твои девочки получают свои туфли бесплатно.

– Договорились! – Дженни подхватила лоток с пирогами и шагнула к двери. – Я заберу Бетси по пути домой.

Чиро принес из задней комнаты ящик и поставил его на стол.

– Как твоя спина?

– После ванн с эпсомской солью^[92] стало полегче.

– Ты слишком много работаешь. – Энца прижалась к нему сзади.

– Чиро, попробуй компрессы с камфорой. Я делала Луиджи, ему помогает, – предложила Паппина.

– Взгляни правде в глаза! Здесь шахтеров в избытке, и у каждого две ноги. Неудивительно, что у нас с Луиджи болят спины.

Чиро оставил дверь мастерской распахнутой, чтобы впустить летний ветерок. Каждое окно было открыто, раскроечный стол расчистили для игры в покер. Друзья Чиро, шахтеры Орлич и Костич, изучали свои карты. Эмилио Унчини сунул руку в стоявший на столе горшок, достал оттуда бутылку граппы и налил себе пару глотков.

– Я пас, – сказал он.

– Пойди помоги жене считать деньги, – ухмыльнулся Орлич, глядя в карты. Под ногтями у него было черно – он только что отработал смену на шахте Берт-Селлерс. В тонких морщинках на лбу и у глаз тоже осела угольная пыль. Лицо его напоминало рисунок тушью.

– Не, даже не подойду к ней, – ответил Эмилио.

Чиро закрыл дверь, ведущую в глубь дома, но даже сквозь стены мужчины слышали смех и болтовню девиц и мамаш, выстроившихся на лестнице, чтобы забрать свои туфли для танцев. Ида работала секретарем, пока Энца снимала мерки.

Энца многократно превзошла свою первоначальную цель – продать двадцать пять пар обуви. С момента опубликования рекламы в «Православном вестнике» было продано сто семьдесят шесть пар туфель.

В мастерскую заглянула полная женщина в соломенной шляпке. Она вела за руку дочь.

Чиро поднял глаза от карт.

– Я ищу даму, торгующую обувью, – сказала незнакомка. – Вы не очень-то похожи на миссис Ладзари.

Чиро указал на дверь, из-за которой доносился шум. Женщина с дочерью исчезли в прихожей. Когда дверь открылась, Чиро буркнул:

– А вы, мэм, не очень-то похожи на танцовщицу!

Талисман на счастье

Un Ciondolo Portofortuna

Чиро поднимался за сыном на холм – они шли на прием к доктору Грэму.

Антонио скакал вверх, будто газель.

Глядя на сына, Чиро вспоминал те дни, когда они с Эдуардо были мальчишками и Чиро приходилось переходить на бег, чтобы не отстать от старшего брата. Антонио унаследовал приятную южную внешность дяди, его рост и его стремительность.

В свои одиннадцать лет Антонио уже дорос до пяти футов девяти дюймов и не думал останавливаться. Чиро только качал головой и улыбался, глядя, как сын демонстрирует чудеса в любом виде спорта, каким только пробовал заниматься, – в баскетболе, бейсболе, беге на коньках и горных лыжах. Чиро вспоминал свою силу в детстве, но он был тенью Антонио.

– Пойдем, папа, а то опоздаем! – нетерпеливо крикнул сын, уже достигший вершины.

Чиро не понимал, почему так задыхается от подъема. Курил он теперь нечасто – одна сигарета за покером, но годы вдруг начали давать о себе знать. Он был потрясен переменами в себе, какие наблюдал лишь у мужчин старше его лет на двадцать.

– Иди вперед, сынок, я догоню, – сказал Чиро.

Антонио вошел в приемную доктора Грэма и уселся в кресло. Сестра тут же вызвала его.

– Не могли бы вы сказать моему отцу... – начал Антонио.

– Конечно, я сообщу ему, что ты уже у доктора.

Антонио вслед за сестрой прошел в кабинет. Там он встал на весы, и стрелка замерла на ста пятидесяти двух фунтах. Рост оказался чуть больше, чем пять футов и девять дюймов. Потом Антонио по просьбе сестры хлопнул в ладоши.

Чиро, сняв шляпу, наконец вошел в смотровую.

– Доктор выйдет к вам через минуту, – сказала сестра, доставая карту Антонио.

– Папа, во мне уже почти шесть футов!

– Думаю, ты и этот рекорд скоро побьешь, – ответил Чиро. – Будешь таким же высоким, как дядя Эдуардо. В нем шесть футов три дюйма.

– Я хочу быть похожим на вас обоих, – улыбнулся Антонио.

Его сходство с Эдуардо было поразительным. Густые черные волосы, широко распахнутые карие глаза и прямой нос – но это была лишь видимая часть их подобия. Его, как и дядю, отличали самообладание, стремление к честной игре и доброе сердце. На медицинской карте стояла фамилия Ладзари, но Антонио был истинный Монтини, до самых печенок.

Вошел доктор Грэм. Еще не старый, но совсем седой, лишь брови угольно-черные. Тонкие губы неожиданно сложились в удивительно теплую улыбку.

– Итак, Антонио, ты хочешь играть в баскетбол за юношескую команду колледжа?

– Мне сказали, что я достаточно хорошо играю, хотя еще и маловат по возрасту.

– Да уж, ваш тренер умеет определить талант с первого взгляда, – заметил доктор, измеряя Антонио давление.

– Доктор, меня беспокоит, что он растет слишком быстро.

– Ерунда, и тем более – если он хочет сравняться с финнами, – ответил врач.

Скандинавы были известны как «ходячие башни». Высокие, сильные, быстрые, они были великолепными спортсменами. Сыну местного итальянского иммигранта требовалось как следует потрудиться, чтобы стать им достойным соперником.

Доктор ощупал лимфатические железы на шее Антонио, заглянул ему в горло, в уши, осмотрел глаза, пощупал пульс.

– Объявляю тебя абсолютно здоровым.

– Я могу играть?

– Можешь.

Антонио поблагодарил доктора и натянул рубашку.

– Увидимся дома, папа. У меня тренировка. – Он выскочил за дверь.

Чиро встал, держась за поясницу.

– Как ваша спина? – спросил доктор.

– С прошлого раза лучше не стало, – ответил Чиро. – Я делал все, что вы мне велели. Принимал аспирин, лежал на полу, подняв ноги в воздух, принимал ванны с эпсомской солью. Никаких улучшений. Иногда терпимо, но боль всегда со мной.

– Дайте взгляну.

– *Grazie, Dottore*, – поблагодарил Чиро по-итальянски, как он часто

поступал, если к нему проявляли участие.

Доктор велел Чиро снять рубашку. Простучал спину. Когда он коснулся места справа, прямо над почками, Чиро вскрикнул.

– Чиро, сколько вам лет?

– Тридцать пять.

– Вы воевали?

– Да.

– Где?

– В основном в Камбре.

– Пострадали от иприта?

– Незначительно. – Чиро, как мог, выпрямился, расправил плечи. Он столько времени избегал разговоров о войне, и последним местом, где он собирался обсуждать эту тему, был кабинет доктора. – Я видел у людей страшные ожоги от газа. В моем взводе такого не было. Мы умирали более привычным способом. Шальная пуля, колючая проволока.

Доктор Грэм изучил кожу на спине Чиро, посветил на нее синим фонариком. Затем попросил Чиро подышать.

– Чиро, я хочу послать вас в больницу Святой Марии в Рочестере. Там есть специалисты, занимающиеся ветеранами войны. Я позвоню своему другу, который работает в клинике. Он примет вас.

Доктор Грэм вырвал листок из блокнота и написал:

Д-р Ренфро, онколог

Больница Святой Марии, клиника Майо.

В ночь накануне отъезда Чиро в Рочестер Энца не могла заснуть.

Для беспокойства хватало причин. Чиро никогда не жаловался – разве что на недомогание после тяжелой однообразной работы. Но в последнее время ему становилось все хуже. Однажды вечером, с месяц назад, ей пришлось помогать ему выбраться из ванны. В другой раз он проснулся посреди ночи от острой боли в ноге. Энца не считала, что это рано нагрянувшая старость. Чиро нет и сорока. Энца не знала, куда деваться от тревоги, но не хотела будить мужа, поэтому написала письмо доктору.

6 сентября 1930 года

Дорогой доктор Ренфро,

Благодарю Вас за то, что согласились принять моего мужа, Чиро Ладзари. Он вряд ли сообщит Вам много информации, поэтому надеюсь, что мое письмо сможет ответить на Ваши

вопросы. У нас маленький сын и обувная мастерская, иначе я бы тоже поехала к Вам, вместе с мужем. Он жалуется на боли в спине с тех пор, как мы поженились, то есть с 1918 года. За последний год эти боли усилились. Старые средства, такие как компресс с камфорой и ванны с эпсомской солью, больше не дают облегчения. Он обувщик, поэтому часто работает стоя по десять часов в день, и это тоже могло усугубить проблему. Мой муж хороший человек. Возможно, он не задаст Вам какие-то важные вопросы, не спросит обо всех деталях Ваших назначений. Поэтому, пожалуйста, если Вам не трудно, пошлите его домой вместе с подробным списком рекомендаций, и я могу Вас заверить, что они будут должным образом выполнены.

Искренне Ваша, миссис Ладзари.

Город Рочестер, штат Миннесота, был построен на берегу реки буйного и опасного нрава, францисканские монахини отыскиали средства и основали здесь современную больницу. К тому дню, когда Чиро вошел в стерильно белый холл, больница Святой Марии превратилась в лучший медицинский центр на всем Среднем Западе. Величественный комплекс кирпичных зданий, постоянно расширявшийся за счет новых построек, включал современные лаборатории и кабинеты едва ли не лучших в стране врачей. Больница была похожа на настоящий улей.

Увидев монахинь в черно-белых одеяниях, так напоминавших сестер из Сан-Никола, Чиро успокоился. Он даже шутил с монахинями, пока те проводили анализы и прочие болезненные процедуры.

Чиро вручили медицинскую карту, и целый день он перемещался из одного кабинета в другой. Ему сделали рентген, для чего пришлось выпить какую-то краску. Его щупали, его кололи, клали на каталку, выкачивали кровь, просвечивали кости. В теле у него не осталось ни одного уголка, который доктора не осмотрели бы и не обсудили, – по крайней мере, так казалось Чиро.

В завершение его наконец проводили к доктору Ренфро. Когда в комнату вошел молодой человек лет тридцати, Чиро удивился. Он ожидал увидеть кого-то много старше, вроде доктора Грэма.

- Вы молоды, – сказал Чиро.
- Не для этой работы. Чувствуешь каждый год прожитой жизни.
- Почему доктор Грэм прислал меня сюда?

– Участок у вас на спине встревожил его. Вы сами никогда бы не увидели, но ниже лопаток текстура кожи отличается от остальных мест. Только доктор, который знает, что искать, может это определить.

– Что именно, дотторе?

Доктор разложил на столе результаты обследования, включил подсветку экрана и положил на него рентгеновский снимок. Чиро с удивлением разглядывал переплетение серых теней – свои внутренности, не имея ни малейшего представления, что здесь видит доктор.

– Это я? – спросил Чиро.

– Это ваш позвоночник.

На рентгеновском снимке череда позвонков напоминала нить черного жемчуга.

Доктор указал на затемненные области:

– Ваша проблема здесь. – Он обвел черноту на снимке ластиком карандаша. – Это темное пятно – опухоль. Она небольшая, но это рак.

Доктор Ренфро убрал снимок позвоночника и положил следующий. Легкие Чиро на нем были словно черные кожаные мехи, какими он раздувал огонь на монастырской кухне.

– Мистер Ладзари, во время войны вы подверглись действию иприта.

– Но у меня не было ожогов, как у других солдат! – У Чиро перехватило горло.

– Совершенно верно, но этот вид рака очень коварен. У горчичного газа, который вы вдохнули, очень длительный инкубационный период, обычно от десяти до двенадцати лет. Яд постепенно вызывает ожоги на клеточном уровне, меняющие саму природу клеток. Я могу показать вам...

– Нет-нет, спасибо, дотторе, я увидел достаточно.

– У нас есть несколько перспективных методов лечения, – с энтузиазмом начал молодой доктор.

– И сколько времени они мне подарят?

– Трудно сказать, – признался доктор Ренфро.

– Десять лет?

– Нет, нет, не десять.

– Значит, мне осталось очень мало.

– Я этого не сказал. Но прогноз неблагоприятный, мистер Ладзари. Думаю, вам стоит пройти курс лечения.

– Опираясь на все, что вы знаете, после того как сегодня изучили мое тело вдоль и поперек, у меня есть хотя бы несколько месяцев?

– Примерно год, – тихо ответил доктор.

Чиро встал, надел пальто, затем шляпу. Протянул руку доктору:

– Спасибо, дотторе.

– Я пошлю свой отчет доктору Грэму.

Чиро занял свое место в поезде, идущем на север, в Дулут. Глядя в окно, он наблюдал, как равнины Южной Миннесоты в сумерках становятся чернильно-синими. Почему-то – хоть сам Чиро считал это глупым, – если при свете дня он как-то справлялся с плохими новостями, то в надвигавшейся тьме мысли о печальной правде вызывали панику. Поезд шел слишком медленно. Чиро хотелось поскорее попасть домой, к упорядоченной, осмысленной жизни. Он не знал, как сообщить обо всем Энце, и совершенно не представлял, как сказать Антонио.

Будто объявился старый враг, сидевший в засаде. Чиро думал, что давно похоронил в памяти все следы Мировой войны и ужасы, которым был свидетелем. Он чувствовал, что доктор Ренфро мог часами говорить на свою коронную тему, но Чиро не интересовали бесчисленные вариации отравления горчичным газом. Как и на самой войне, единственное, что было важно, – это исход. Оказалось, что война не отпустила его, просто дала краткую передышку. Энца излечила его душу. Но не тело.

Поднявшись по ступеням своего дома, Чиро ослабил узел галстука и вдохнул аромат шалфея и сливочного масла. Из кухни падал свет, Энца что-то негромко напевала. Чиро прислонился к стене, не решаясь войти, зная, что вот-вот разрушит покой жены. Так он стоял несколько минут, не осмеливаясь зайти и посмотреть в глаза Энце и Антонио.

Энца, уловившая шум из передней, выглянула из кухни.

– Чиро!

Она вышла, вытирая руки кухонным полотенцем. В этот миг Энца была красивее, чем даже в день их свадьбы: новое платье, которое она недавно сшила сама, – темно-синее в белый горошек, простого фасона, с длинным рукавом и на застежке спереди, волосы подобраны кверху, открывая разгладившиеся щеки.

– Что сказал доктор? – спросила она.

– У меня рак. Они говорят, что я заработал его на войне, надышавшись горчичным газом. – Сказав правду, Чиро словно лишился остатков сил. Он пошатнулся, ухватился за спинку стоявшего в прихожей стула.

Энца потрясенно молчала. Ужасные новости застали ее врасплох. Целый день она читала «Розарий» с чувством полной уверенности в поддержке – после утверждений доктора Грэма, что беспокоиться совершенно не о чем.

Она обняла мужа. Чиро был весь в поту, кожа холодная, липкая, точно смерть уже дышала совсем рядом.

– Нет, – только и смогла вымолвить Энца и заплакала.

Чиро долго прижимал ее к себе, вдыхал исходящий от ее волос аромат свежего сена, а она прятала лицо у него на груди.

– Где Антонио?

– На баскетбольной тренировке.

– Как думаешь, мы должны ему сказать?

Энца провела Чиро на кухню, налила ему стакан вина, второй – для себя. Как и всегда в критической ситуации, Энца взяла себя в руки первой. Она уже не плакала, полная решимости бороться с бедой. Но в душе у нее бушевали отчаяние, страх и гнев. Она села в кресло, подобрала ноги, обхватила колени.

– Чиро, я думала, мы везучие.

– Мы были везучими. Какое-то время.

– Должен же где-то быть доктор, который тебе поможет! Я позвоню Лауре.

– Нет, милая, доктора в Рочестере – лучшие в мире. К ним едут из Нью-Йорка. Я поговорил с пациентами, пока ждал обследований.

– Ты не можешь так просто сдаться, – сказала Энца.

Все эти боли в спине, долгие годы, – она должна была сообразить, в чем дело. Энца думала, что это всего лишь усталость, следствие многочасовой работы, и все, что ему нужно, – просто отдых. Но они с Чиро так и не собрались устроить себе каникулы. Сначала надо было выплачивать ссуду, потом Антонио пошел в школу, занялся спортом... Они так быстро неслись вперед, что не обращали внимания на знаки. А может, просто не хотели их видеть. Может, Чиро всегда понимал, что обречен, и лишь хотел, чтобы его оставили в покое. И вот рентген, уколы, кровь, боль – все это налетело на них как торнадо. Энца казнила себя за то, что ничего не предпринимала раньше. Почему она не послала мужа к доктору Грину? Может, он сумел бы помочь. Она спрятала лицо в ладонях.

– Ты ничего не смогла бы сделать, – сказал Чиро, прочитав ее мысли. – Ничего.

– Что же мы скажем Антонио? – спросила Энца. – Я поступлю так, как хочешь ты.

– Мы скажем ему все. Я всегда честно отвечал на все его вопросы. Он знает о моих отце и матери, о своем дяде, о монастыре. Он знает, что я увидел перед тем, как меня изгнали из монастыря, и знает, что за этим стояло. И сейчас я не собираюсь пудрить своему мальчику мозги. Если мне предстоит умереть, хочу, чтобы он знал – я думаю о нем и поэтому делюсь с ним всей правдой.

Энца всхлипнула:

– Всей?

– Всей. Абсолютно.

Они услышали, как щелкнул ключ в замке и внизу открылась входная дверь. Энца в отчаянии взглянула на Чиро:

– Ты уверен?

Он не ответил.

Антонио ворвался в гостиную и бросил спортивную сумку, на ходу перечисляя все, что случилось за день.

– Ма, я заработал двенадцать очков и сделал четыре результативные передачи. Тренер сказал, что я войду в первый состав. Правда, здорово? – Антонио вошел в кухню. – Папа, ты дома! – воскликнул он, увидев, что родители сидят бок о бок.

Чиро протянул руки навстречу сыну. Они обнялись.

– Как все прошло в Рочестере?

Антонио подошел к буфету, взял краюху хлеба, намазал маслом и впился в нее зубами. Чиро улыбнулся, вспоминая, как точно так же делал в монастыре Сан-Никола. Он подумал, что именно этого будет ему не хватать. Вот этой картины – как сын ест хлеб.

– Хочешь? – Антонио протянул хлеб отцу.

– Нет, Тони, не хочу.

– Что происходит? – Антонио взглянул на мать.

Она не могла сдерживать слезы. Энцу захлестывала боль – не из-за себя, из-за сына.

– Мама! Папа! Что случилось?

– Помнишь, я рассказывал тебе о войне?

– Ты был во Франции. Девушки там хорошенькие, но до мамы им далеко. – Антонио достал из ледника молоко, налил в высокий стакан.

– И еще я тебе рассказывал об оружии.

Энца отобрала у сына стакан, выдвинула стул и знаком велела Антонио сесть:

– Послушай отца.

– Я слушаю. Он спрашивает меня, какое оружие было во время Мировой войны. Танки, пулеметы, колючая проволока и горчичный газ, который иприт.

– Так вот, меня задело горчичным газом. Поэтому у меня побаливает спина, то проходит, то снова начинается, – объяснил Чиро.

– Ты отлично выглядишь, папа. Доктор Грэм поможет тебе. Он всем помогает. А если не справится, то пошлет тебя к доктору Макфарланду.

– Нет, все гораздо хуже, сынок. Я очень болен. Знаю, сейчас по мне не скажешь, но со временем это станет заметно. Горчичный газ проник в кости, и у меня там начался рак. Я умру от него – это лишь вопрос времени.

Антонио протестующе замотал головой, словно пытаюсь сказать, что это не может быть правдой. Но, взглянув на мать, он понял все. Антонио медленно поднялся и обнял отца. Чиро трясло, Антонио – тоже. Энца обняла обоих. Она хотела что-то сказать, утешить мужа, воодушевить сына, но не находила слов. Они держались друг за друга и плакали. В тот вечер они больше не разговаривали, не включали музыку и даже не ужинали. В доме было так тихо, словно он был необитаем.

Ночью Антонио плакал, зарывшись лицом в подушку. Отец позволил ему посмотреть медицинские бумаги, прочитать диагноз. Он увидел изображение позвоночника и странные круги, рядом с которыми чернилами значились надписи «опухоль» и «метастазы».

Антонио слушал про Мировую войну в школе и вспомнил, что в тесте был вопрос про иприт, который еще называют горчичным газом. Он тогда расспрашивал отца, и Чиро ответил, что газ пах чесноком и аммиаком. В тот раз Антонио не сообразил, что, раз отец был знаком с этим запахом, значит, тоже пострадал от газа. Но теперь он это понял.

Мальчик перевернулся на спину, вытер глаза рукавом пижамы и уставился в потолок. Его самый большой страх воплотился в реальность. Они с матерью останутся одни. Как они справятся без отца?

Антонио ни разу не спорил с Чиро. Одни говорили – это из-за того, что Антонио единственный ребенок, поэтому нет причин для конфликтов. Другие – что Антонио необычайно спокойный мальчик, у него нет стремления ниспровергать авторитеты. Но причина была глубже. Каждый церковный праздник Антонио ходил на кладбище и молился на могиле бабушки. Отец стоял рядом и плакал. И Антонио пообещал себе, что никогда не умножит отцовское горе.

Отец много рассказывал о себе. Антонио все знал о его сиротской жизни в монастыре. Знал, что *цио*^[93] Эдуардо отослали в семинарию, а отца вынудили бежать в Америку, когда тот был немногим старше, чем сам Антонио сейчас. Эти рассказы не только разрывали ему сердце, но и заставляли понять, что последнее, что нужно его отцу, – непослушный сын. Если он с кем и спорил иногда, то с матерью. Энца у них отвечала за дисциплину, предоставив Чиро просто любить сына и баловать его так, как никогда не баловали его самого. Антонио всегда знал, что у него есть дом, где все счастливы. Что же теперь с ними станет?

Спальню Чиро и Энцы заливал серебристый лунный свет, проникавший сквозь окно, легкий ветерок с озера доносил терпкий запах весны. Чиро и Энца любили друг друга, тела их сплелись. Они были как два свитых вместе мотка шелка, которые невозможно отделить друг от друга. Чиро целовал шею жены, зажмурившись, чтобы запомнить мельчайшую подробность.

– Задернуть занавеску? – прошептал он.

Энца знала, что муж думает о старом присловье, которое любили повторять в горах.

– Удача от нас уже отвернулась. Луна ничего не изменит, – ответила она.

– Как ты думаешь, что сейчас чувствует Антонио?

– Он никогда не покажет, насколько испуган. Ему будет легче, если все пойдет как было. Будем, как и прежде, ходить к нему на соревнования и тренировки. Все, что мы можем сделать, – оставаться с ним.

– Мне бы так хотелось, чтобы у него был брат. Эдуардо всегда помогал мне справиться с неприятностями. Жаль, что у Антонио никого нет.

– Он очень дружен с мальчиками Латини.

– Луиджи и Паппина собираются сообщить все старшим сыновьям. Надеюсь, их мальчишки поддержат Антонио. Я не знаю, что ему сказать.

– Я уверена, что ты уже все сказал.

Паппина и Энца расстелили на траве скатерть в сине-белую полоску, прижали по углам корзиной для пикников и детскими туфлями.

Джон Латини и Антонио были ровесниками, скоро им должно было исполниться двенадцать. Два других сына Луиджи, десятилетний Роберт и девятилетний Себастьян, бродили по воде, пуская «блинчики». Украшению семьи, малышке Анжеле, сравнялось четыре. У нее были глянцевые черные волосы, огромные карие глаза и крошечные губки, похожие на лепестки роз. В отличие от буйных братьев она предпочитала тихие игры с куклами.

– Какая же ты счастливица – у тебя есть дочка! – вздохнула Энца.

– Она мой талисман. Хоть есть теперь кому передать мамины рецепты. Научить старым секретам. – Паппина протянула Анжеле персик. Девочка взяла его и предложила кусочек кукле.

Чиро и Луиджи решили пройтись вдоль озера. Они беседовали, склонившись друг к другу, и издали казались двумя прогуливающимися стариками.

Энца нажарила куриных котлет, а Паппина приготовила салат из

помидоров из собственного сада, с лимонным соком и базиликом. В корзинке ждали буханки свежего хрустящего хлеба, вино для взрослых и лимонад для детей. Паппина захватила термос с эспрессо и персиковый коблер^[94].

– Я поговорила с мальчиками. Они обязательно поддержат Тони, – сказала Паппина.

– Антонио будет очень в них нуждаться. Ваши сыновья ему как братья.

– Они всегда будут рядом. А мы не оставим тебя.

– Паппина, я смотрю на него и не верю, что он приговорен. Он хорошо ест, много работает. У него есть небольшие боли, но пока ничего ужасного. Я все еще надеюсь, что в анализах ошибка. Даже ходила поговорить с доктором Грэмом, но тот объяснил мне, что нас ждет. Не думаю, что я сумею пройти через это. – Энца заплакала.

Паппина обняла ее:

– Тогда к тебе и придут на помощь друзья. Я всегда рядом.

– Знаю, Паппина, и ценю это. Я стараюсь не плакать на глазах у Чиро.

– Можешь в любое время прийти поплакать ко мне.

– Я о стольком жалею, – сказала Энца.

– Почему? У вас прекрасная семья.

– У меня нет второго ребенка.

– Ты пыталась. – Паппина взглянула на Анжелу, печалась, что ее подруга лишена радости растить дочь.

– Чиро так хотел, чтобы у нас родился еще один! Это была его мечта. А я просто приняла как данность, что не могу. Знаешь, я не из тех, кто тоскует по невозможному. Вот Чиро это свойственно.

– Запомни одну вещь: дети могут прийти в твою жизнь многими путями, в любой день, до самого конца. Сейчас Антонио единственный ребенок, но когда-нибудь он женится, и, кто знает, может, его дом будет полон ребятни...

Вернулись Луиджи и Чиро.

– Ну, девочки, что вы тут приготовили? – спросил Луиджи. – Я могу съесть быка.

– Лучше тебе обойтись телянчиком, – откликнулась Паппина, наполняя его тарелку.

– Я что, толстый? – Луиджи похлопал себя по животу.

– Третья дырка на твоём ремне уже два года не видела штырька! – сказала Паппина.

Чиро расхохотался.

– И ничего смешного! – Луиджи уселся на скатерть.

– Мы с Луиджи вспоминали старые добрые дни в лавке Дзанетти.
– Синьора умела готовить. – Луиджи с удовольствием принялся за котлету. – Не так хорошо, как ты, Энца, но умела.
– Мы бы хотели снова работать вместе, – объявил Чиро.
Энца и Паппина переглянулись.
– Мне нравится этот городок. Хиббинг слишком разросся. Мальчики любят озеро, а еще они хотят ходить в одну школу с Антонио, – добавил Луиджи.
– Так эта идея детей? – спросила Энца.
– Нет, наша, но мы говорим и от имени детей тоже.
– Ну что ж, для нас с Паппиной нет большей радости, чем стать соседями.
– Это правда, – согласилась подруга.
– Поэтому мы закроем первую «Итальянскую лавку» и сосредоточимся на второй, – сказал Чиро.
Паппина протянула мужу бумажный стаканчик с вином, второй дала Чиро. Энца отсалютовала своим стаканом.
– Один Господь, одна вера, одна лавка! – провозгласила Паппина.

Энца взбила подушку и подложила ее Чиро под спину.
– Ты так обо мне заботишься. – Чиро притянул Энцу к себе.
– Думаешь, я дурочка? – спросила Энца. – Это я про идею объединить мастерские и работать под одной крышей. Я поняла, что ты затеваешь. Пытаешься защитить свое дело. Придумал план, да? Уже ищешь себе замену?
– Приходится. Я же практичный человек.
– Мне есть что сказать по этому поводу. Ты даже не подумал со мной посоветоваться. Значит, Луиджи возьмет на себя лавку, а ты сможешь спокойно умереть, да?
– Но я просто пытаюсь позаботиться о вас! – растерялся Чиро. – Почему ты злишься?
– Потому что ты смирился с судьбой, а мог бы ее изменить! Ты еще не умираешь. Но если решишь, что умираешь, то так и будет.
– Почему ты каждый день твердишь, что я что-то могу изменить?
– Потому что так и есть! А ты просто опускаешь руки! Отказываешься от меня, от сына, от семьи. Я бы никогда от тебя не отказалась. Никогда.
– Я бы хотел, чтобы все было по-другому.
– Если ты зовешь Луиджи, потому что так лучше для дела, – пожалуйста. Но не надо приводить его, чтобы он позаботился обо мне. Мне

это не нужно. Я сама могу о себе позаботиться! Я могу позаботиться о нашем сыне! – Энца всхлипнула.

– Иди сюда, – тихо сказал Чиро.

– Нет уж, ты иди ко мне.

Чиро выбрался из постели и подошел к жене.

– Прости. Я хотел, чтобы ты была в безопасности. Я не хотел тебя обидеть. Конечно же, ты можешь о себе позаботиться. Ты же выжила без меня в Хобокене.

– Что поможет тебе поправиться, Чиро?

– Чудо, – тихо сказал он.

– Мне кажется, я знаю одно.

– Монсеньор Шиффер уже израсходовал целый флакон святой воды из Лурда. Только немец может дать итальянцу французскую святую воду! – пошутил Чиро.

– Нет, я не про чудо в бутылке, я про настоящее. Пожалуйста, возьми наши сбережения и поезжай в Италию. Ты должен увидеть наши края, брата. Друзей. Монастырь. Окунуться в воду реки Во. Она вылечила бы тебя быстрее, чем вода из Лурда.

– Энца, о чем ты говоришь? Мое место здесь, с тобой и Антонио.

– Нет, Чиро, послушай меня. – Она сжала его руку. – Помнишь ягоды позднего лета? Помнишь, как можжевельник осенью пускает молодые побеги, они тянутся к небу, наливаются силами, бархатные на ощупь, помнишь? Если что-то и может вылечить тебя, так это место, откуда ты родом, и люди, которые любят тебя. Твой друг Зигги...

– Игги, – поправил Чиро.

– Неужели ты не хочешь увидеть его?

– Он научил меня курить.

– Ты должен поблагодарить его, – сухо усмехнулась Энца. – А монахини...

– Мои монахини! – рассмеялся Чиро. – Интересно, кто из них еще остался в Сан-Никола...

– Ты должен поехать туда и вернуть себе дом. Горы принадлежат тебе не меньше, чем любому другому. Этот испорченный человек, священник, изгнал тебя, и ты так и не вернулся. Это неправильно.

– Неужели моя чудесная жена наконец ополчилась на Римскую церковь?

– Нет. Но плохой священник есть плохой священник.

– Я часто мечтал о том, чтобы построить дом в наших горах, – вроде того, который ты помогла построить своей семье. Я хотел сад.

- А я там была, в твоей мечте?
- Всегда. Просто я этого тогда не знал. Не знал, что женщина, которую я буду любить всю жизнь, – это ты.
- Если ты любишь меня, дай горам тебя исцелить.

Через пару дней после этого разговора все четверо собрались и договорились объединить свой бизнес. Латини собирались летом переехать в Чисхолм и арендовать дом на Уиллоу-стрит. Мужчины провели инвентаризацию и решили расширить ассортимент – помимо рабочих башмаков шить еще и теплые ботинки на меху для снегоступов.

Энца теперь брала одежду на подгонку в универмагах Блумкваста и Раатама, а Паппина помогала в мастерской и лавке. Энца стала торговать женской обувью круглый год – и не только по предварительным заказам.

Чиро и Энца часто спорили, обсуждая идею поездки Чиро в Италию. Энца отнесла жестянку с деньгами из кухни на комод в спальне, а Чиро вернул коробку на место. Тогда она отнесла жестянку в мастерскую и со стуком поставила на верстак, но Чиро отодвинул жестянку в сторону. Когда Энца перед завтраком оставила коробку на кухонном столе, Чиро ее проигнорировал.

Чиро сказал Энце, что никогда не поедет домой, но в последний день августа пришло письмо от Эдуардо.

*Мой дорогой брат,
Сегодня утром я отслужил мессу за твое здоровье.
После долгих поисков наши молитвы были услышаны.
Я нашел нашу мать. Она в полной безопасности, но, боюсь,
она сломлена долгими годами, проведенными в монастыре, и
находится в ужасном состоянии. Она бы хотела повидать тебя
– так же, как и я. Вероятно, можно организовать твой приезд?*

С любовью, Э.

Сначала Чиро не сказал Энце про письмо. Просто носил его в кармане и перечитывал украдкой, будто там была строчка, которая помогла бы ему изменить решение. Он испытал огромное облегчение, узнав, что мать жива, но, как только это чувство утихло, как утихают набегающие на берег озера Лонгийр волны, вернулась боль и его сердце наполнилось еще более глубоким и острым сожалением. Он хотел бы затаить на Катерину гнев, отказаться от нее, как когда-то отказалась от него она. Но в его сердце гнева

не было ни капли. Он любил Катерину и хотел снова увидеть ее. Он нуждался в матери больше, чем когда-либо.

И наконец Чиро согласился отправиться домой, в Италию. Перед смертью он хотел снова увидеть семью.

Когда он сообщил Энце, что принял решение, она пылко обняла его.

– Помнишь акции Берт-Селлерс? Ты не хотел взять из них ни цента. Но я сберегла деньги. Путь домой оплатит твой отец.

Чиро мужественно встречал любые новости, касавшиеся его здоровья. Но мысль, что его отец, который умер таким молодым и не смог обеспечить своих близких, фактически оплатит воссоединение жены и сыновей, была почти невыносимой.

– Ты тогда сказал мне, чтобы я потратила эти деньги на шляпки, но я, к счастью, к ним равнодушна.

В полдень Энца стояла на почте и диктовала телеграмму для Лауры Х. Чапин, Парк-авеню, 256, Нью-Йорк.

Забронировали билет в оба конца в Италию для Чиро. Подробности письмом. Привезу его в Нью-Йорк, чтобы проводить. Мы можем остановиться у тебя?

Поезд «Миннеаполис – Нью-Йорк» мчался сквозь ночь. Ладзари сидели в салоне поезда. Энца читала «Шейха» Эдит Халл^[95], Чиро курил сигарету и наблюдал, как глаза жены перебегают со строчки на строчку.

Паппина и Луиджи взяли Антонио к себе до возвращения Энцы домой. Душа ее была спокойна – Энца знала, что сын будет счастлив с друзьями, которые стали для него почти что братьями.

Энца, не отрывая глаз от страницы, поплотнее запахнула синюю шерстяную шаль. Чиро нравилось наблюдать за Энцей, когда та читала. Казалось, что она полностью поглощена книгой, а внешний мир перестает для нее существовать.

– Ты на меня глазеешь, – сказала Энца, не поднимая взгляд.

– Скажи, когда ты читаешь, ты представляешь Рудольфа Валентино?

– Нет.

– Джона Гилберта?^[96]

– Нет.

– А тогда кого?

Энца отложила книгу:

– Если тебе так необходимо знать, то, читая про красивого мужчину, я представляю тебя.

– Тогда почему бы тебе не бросить читать и не отправиться со мной в купе?

Чиро тихо закрыл дверь и присоединился к Энце на полке. Благоговение их первой брачной ночи давно ушло, оно было вытеснено близостью, пришедшей с годами. Они знали друг о друге все, и каждая раскрытая за это время тайна только приближала их друг к другу.

Целуя жену, Чиро вспомнил, как они ехали из Нью-Йорка на поезде сразу после свадьбы, и это воспоминание на какое-то мгновение вернуло спокойствие его душе – впервые с тех пор, как он покинул больницу. Но тут же напомнила о себе тупая боль в желудке, а вместе с ней пришло чувство обреченности. Но Чиро решительно отодвинул и боль, и обреченность, он целовал жену и любил ее, как много лет назад.

Колин Чапин встретил Чиро и Энцу на платформе Центрального вокзала. Его волосы совсем поседели, костюмы он носил теперь с Сэвил-роу^[97], но улыбка была открытой, как всегда. Он весь был словно высечен из цельного белого камня. Колин стал генеральным директором Метрополитен-опера и занимался ангажементом солистов и прибыльными совместными проектами с оперными компаниями по всему миру. Колин и Лаура были на вершине нью-йоркского общества, но Энца не догадалась бы об этом, когда бросилась обнимать Чапина на вокзале. Для нее он по-прежнему был простым бухгалтером, как при первой встрече.

Колин взял их сумки и отвел гостей к своему автомобилю, роскошному, сделанному на заказ «паккарду», темно-синему с бордовым. Автомобиль свернул на Пятую авеню, затем – на Семьдесят девятую улицу, и Энца увидела Лауру, которая ждала их на ступеньках величественного жилого дома. Колин подкатил к подъезду, Энца выскочила из машины и бросилась к лучшей подруге.

– Осень в Нью-Йорке, – сказала Лаура.

– Наше любимое время года! – Энца внимательно рассматривала Лауру – бархатный плащ открывал такой внушительный животик, что ребенок, казалось, должен был родиться в этот же вечер.

– Ты в ожидании! – Энца снова кинулась обнимать Лауру. – Уже совсем скоро!

– Да. Энца, прости меня, я хотела тебе сказать. Но беременность была очень тяжелой. На прошлой неделе стало немного лучше, но мы все время на чеку. Доктор говорил, что у меня никогда не будет детей, – однако вот! Это стало потрясением для Колина, для меня, для доктора, для всех. Но все подтвердилось, и мы в совершенном восторге.

– У меня сын в колледже, а скоро будет младенец в колыбели. Мы не знаем, восхищаться или... плакать, – пошутил Колин.

Лаура была на пике своей красоты, контраст между бледной кожей и рыжими волосами сейчас был особенно эффектным. Очаровательный профиль приобрел аристократическое изящество, острые углы, свойственные ей в юности, исчезли.

– Тебе нужно побольше лежать, отдыхать... – сказала Энца.

– Как я могу лежать? Ко мне же приехала лучшая подруга!

Лаура обняла Чиро.

– Хорошо, хорошо, пойдете наверх, – поторопил их Колин.

Чиро хотел было помочь Колину с багажом, но сумки забрал швейцар. Обернувшись, Чиро увидел, как другой служитель отгоняет «паккард» Чапина на стоянку. Чиро покачал головой. Далековато же уехали они от Чисхолма.

Двери лифта открылись прямо в холл пентхауса.

Лаура оформила его в нежно-зеленых и желтых тонах, следуя правилу, которое всегда провозглашала мисс де Курси: жилище надо красить в те цвета, которые тебе к лицу.

Просторные комнаты были обставлены полированной чипендейловской мебелью, декорированы обюссонскими коврами, хрустальными бра, люстрами матового стекла и живописью с пасторальными мотивами – сельские поля Ирландии, ярость Северного моря, швыряющего утлую лодчонку в белую пену, – а также миниатюрами, каждая из которых изображала одинокий цветок – маргаритку, гортензию, гардению.

– Да, далеко отсюда до Хобокена, – сказала Энца.

Колин и Чиро вышли на открытую террасу.

– Мамочка, марш в кровать, – крикнул оттуда Колин.

– Уже иду! – откликнулась Лаура. Она показала Энце гостевую спальню, веселую комнату с кроватью под ситцевым балдахином, а потом позвала: – Пойдем со мной!

Энца последовала за Лаурой в хозяйскую спальню, оформленную в прохладных голубых тонах, с кроватью под атласным покрывалом. По шпалерам ручной работы, словно живые, вились растения.

Лаура сбросила свой бархатный плащ, оставшись в ночной рубашке, и забралась в постель.

– Когда у тебя срок? – Энца взбила подушки.

– В любую минуту.

– А где детская?

– Я еще ее не обставила.

Энца присела на край кровати:

– Из суеверия?

Лаура вздохнула:

– Доктор беспокоится. А уж я как боюсь!

– Перед появлением Антонио у меня тоже были ужасные

предчувствия. Уверена, с ребенком все будет в порядке.

– Думаешь?

– В своей жизни я усвоила один важный урок, и хочу поделиться им с тобой. Не думай о худшем, пока оно не случилось. Это убережет тебя от кучи лишнего беспокойства.

Колин принес поднос с чаем.

– Девочки, перекусите, но потом нашей мамочке нужно поспать.

– Он такой властный, – улыбнулась Энца, когда Колин вышел. – Ну что, какие сплетни? Ты сказала, что у тебя их полно.

– Вито Блазек ушел из Мет и работает в мюзик-холле «Радио Сити». Разводится в третий раз.

– Не может быть!

Лаура мрачно кивнула:

– Три стадии романтической любви рекламного агента: жениться на танцовщице, развестись с ней, жениться на дочери продюсера, развестись с ней, жениться на совсем юной танцовщице и, опомнившись, сразу же развестись и с ней.

– Это ужасно. – Энца отпила чаю.

– Хочешь знать, как он выглядит?

– Во всех подробностях.

– Великолепно.

Энца рассмеялась.

– Но он не Чиро Ладзари. Знаешь, Энца, в лотерее по розыгрышу красивых мужчин ты вытянула счастливый билет. Мужчина, за которого ты вышла, один на миллион. Да ты сама это знаешь.

– И я готовлюсь потерять его, Лаура.

– Он хорошо выглядит, – с надеждой ответила та.

– Я молюсь за него. Продолжаю надеяться, что все это ошибка. Но когда говорю так Чиро, он смотрит на меня как на сумасшедшую. Он принял правду. Чиро ведь никогда не был верующим человеком, но у него есть внутренняя сила, которая не уступит самой глубокой вере.

– Возможно, путешествие его вылечит.

– Именно это я ему и сказала. И собираюсь сказать примерно то же тебе. Твой ребенок в полном порядке. Верь в это, и все будет хорошо.

Колина разбудил ранний звонок, и он умчался в Мет. Доставили декорации для новой постановки «Богемы». После завтрака Чиро ушел на прогулку; он собирался пройтись через Центральный парк, но обнаружил, что шагает по Пятой авеню к югу, по направлению к Маленькой Италии.

Чиро подумал, не сесть ли на трамвай, но чувствовал себя хорошо и решил посмотреть, как за двенадцать лет изменился город.

В Нижнем Манхэттене Бродвей расширялся. Тротуары были забиты лотками зеленщиков, тележками цветочниц, газетными ларьками. Дойдя до Гранд-стрит и свернув в Маленькую Италию, он вспоминал каждое здание и дивился – если Верхний Манхэттен изменился сильно, то ставшие родными места остались ровно такими же.

Он легко нашел дом номер тридцать шесть по Малберри-стрит. «Обувная лавка Дзанетти» исчезла, как и итальянский флаг. Помещение пустовало, в витрине висело объявление: «Сдается в аренду». Чуть отступив, Чиро внимательно осмотрел место, где начиналась его трудовая жизнь в Америке. Потом заглянул в окно. Те же выщербленные полы и жестяные потолки. Он даже увидел место, где стояла его койка. Ширма исчезла. Дверь, ведущая в садик, была распахнута, старый вяз, который он так любил, срубили. Дерево, дарившее ему утешение и надежду, исчезло, и, осознав это, Чиро покинул прошлое и вернулся в настоящее. Он воспринял отсутствие дерева как знамение и с тяжелым сердцем побрел обратно к Чапинам.

Лаура дремала. Энца ожидала возвращения Чиро.

– У меня есть для тебя сюрприз, – сказала она. – Ты не устал?

– Нисколько, – ответил он.

Энца взяла шляпу, пальто и перчатки и вытолкала Чиро за дверь.

Долгими ночами, когда Чиро не мог уснуть, Энца рассказывала ему истории о временах работы в Мет. Сам он был там только дважды. В первый раз – совсем мальчиком, второй – когда встретил Энцу, уходя на войну. Оба вечера жили в его памяти. Для Чиро не было большего восторга, чем наблюдать, как богачи и сливки общества благоговейно внимают Великому Карузо, простому итальянскому мальчишке, достигшему такого успеха.

Когда они поднимались по лестнице в главное фойе Метрополитен-опера, Энца держала Чиро за руку. Даже спустя годы она в малейших деталях помнила, во что они с Лаурой были одеты в тот день, когда пришли на собеседование. Она помнила, что ела тогда на завтрак и что ощущала, когда они ступили под своды театра.

Сегодня она поднималась по тем же ступеням со своим мужем. И когда они вошли в темное здание театра, она вдохнула запах дорогих духов, грима, лимонного масла и свежих лилий – в точности как в самый первый раз. Она провела мужа по проходу между кресел, на сцену, где в глубине, на кирпичках задника, мерцали призрачные огни. К стене были прислонены

рулоны новых декораций.

Чиро повернулся, окинул взглядом ряды красных бархатных сидений и поднял взгляд к галерке. Энца отвела его к самой середине сцены. Сейчас он стоял ровно в той точке, где пел Великий Карузо в ночь перед отплытием Чиро из Нью-Хейвена. Он закрыл глаза и представил эти проводы.

Энца повела его за кулисы и вниз по лестнице, в костюмерный цех, где кипела работа. Пока они шли по залу, никто не обратил на них внимания. Энца остановилась, чтобы показать мужу памятные для нее места. Примерочную, где Джеральдина Фаррар в первый раз надела сшитый Энцей наряд, гладильные доски, у которых они с Лаурой часто сплетничали по ночам, и, наконец, свою швейную машинку, черный блестящий «Зингер» с серебристым колесом и золотыми узорами. Юная швея строчила за швейной машинкой номер семнадцать в третьем ряду. Ей, похоже, было не больше двадцати. Глядя на нее, Энца снова почувствовала себя молодой. На этом табурете она увидела себя. Подняв взгляд на Чиро, она уверилась, что и он видит точно то же.

После того как они несколько дней бродили по старым местам и даже выпили кофе с пирогом в «Автомате», Чиро сложил вещи и приготовился отплыть в Италию. Его чемодан стоял у входной двери. Чиро спал, но Энца не могла сомкнуть глаз. Она словно чувствовала, как тикают часы, а каждую секунду, потраченную на сон, она могла бы провести с Чиро.

Если бы она могла просто отсрочить худшее, то наслаждалась бы этими мгновениями, ведь Чиро чувствовал себя настолько хорошо, что смог прогуляться до Маленькой Италии и обратно, радоваться еде, курить сигареты. Она не могла представить, как это будет – когда он не сможет делать то, что ему хочется. Именно поэтому путешествие в Италию нельзя было откладывать. Энца верила, что оно изменит судьбу Чиро, как когда-то ее уже изменил отъезд в Америку. Если поездка и не могла сохранить ему жизнь, то она могла укрепить его дух.

Иногда Энца пыталась представить себе мир без Чиро, но ничего не получалось. Колодец боли был слишком глубок.

В дверь настойчиво постучали. Чиро резко открыл глаза. Энца встала, чтобы отворить дверь.

В спальню вошел Колин:

– У Лауры схватки.

– Звони доктору, – спокойно велела Энца. – Пусть приедет.

– Ей нужно в больницу! – Колин был в панике.

– Нет, вызови его сюда.

Энца осталась с подругой, терпеливо и нежно помогая ей справляться со схватками, облегчая уговорами и советами боль. Вскоре прибыли доктор и акушерка. Даже не оглядевшись, они принялись оборудовать в спальне родильную палату. Доктор попросил Энцу подождать снаружи, но Лаура крикнула, чтобы та осталась. Энца села рядом с Лаурой и взяла ее за руку, как когда-то собственную мать в ту ночь, когда родилась Стелла. Энца словно окунулась в прошлое, по лицу ее ползли слезы.

Вскоре тело Лауры раскрылось и сын скользнул в руки доктора. Тот умело перерезал пуповину, акушерка приняла у него ребенка, обмыла и запеленала.

– У тебя сын, Лаура! Сын! – радостно воскликнула Энца.

Она услышала, как акушерка что-то говорит доктору. Она вынесла ребенка из комнаты, и Лаура закричала, чтобы ей немедленно вернули сына. К ней подошел доктор:

– Мы забираем ребенка в больницу.

– Что с моим сыном? – вскрикнула Лаура.

– Они должны забрать его, Лаура! – Это был Колин. – У него трудности с дыханием.

– Поезжай с ними!

Энца увидела, что Чиро стоит в прихожей.

– Чиро, ты отправляйся с ним, а я останусь с Лаурой.

Лаура приникла к Энце и зарыдала, но вскоре, истощенная родами, затихла и уснула. Энца привела в порядок комнату, сменила постельное белье, обтерела Лауру мокрым полотенцем, переодела и укрыла одеялом. Погасила верхний свет, оставив ночник, придвинула кресло и села у кровати. Держа подругу за руку, она читала молитву за молитвой. Но скоро обнаружила, что стоит на коленях, моля Бога изменить судьбу того, кого она любила. И моля, чтобы утро принесло хорошие вести.

Генри Хири Чапина поместили в кувез в больнице Ленокс-Хилл сразу же, как Колин привез его туда. Сквозь тонкую кисею Колин мог касаться розовых пальчиков сына и гладить его по щеке.

Генри был достаточно крупным младенцем, он весил шесть фунтов, но в легких скопилась жидкость. Доктор откачал ее, и легкие ребенка ожили, вскоре они уже работали в полную силу. Колину казалось, что малыш поправляется с каждым часом.

На рассвете доктор осмотрел ребенка и сказал, что худшее позади. Они лишь поддержат малыша несколько дней, чтобы убедиться, что он

достаточно окреп. Чиро остался с ребенком, а Колин помчался к жене. Больница была совсем близко от дома, но он остановился у поста дежурной сестры, чтобы позвонить. Энца разбудила Лауру, чтобы сообщить хорошую новость. Снова были слезы, но теперь от радости. Энца убрала четки в карман жакета, еще раз убедившись в истинности своей веры.

Корабль отплывал из порта Нижнего Манхэттена в тот же день, ближе к вечеру.

Чиро думал, не отложить ли путешествие, но маленький Генри поправлялся, и он чувствовал, что должен ехать.

Всю ночь Чиро наблюдал за малышом, смотрел, как сестры и сиделки заботятся о младенце, лежащем в своей крошечной, хорошо освещенной палатке из кисеи. Глядел, как Колин, вновь молодой отец, беспокоится о сыне, и думал, что жизнь не может быть такой несправедливой.

В середине дня Чиро и Энца стояли на Пятой авеню и прощались.

– Спи хорошенько на корабле. Дыши свежим воздухом и ешь как следует. Пообещай мне, что будешь есть! – умоляла Энца.

– А еще курить и пить виски, – засмеялся Чиро.

– Можешь делать что угодно, но не смей танцевать с красотками!

– Но они такие забавные, – поддразнил он, обняв ее еще крепче.

– Пожалуйста, запомни каждую мелочь в доме моих родителей. Навести могилу Стеллы и поцелуй от меня голубого ангела. Сделаешь?

– Конечно.

– И посмотришь на Пиццо Камино? Я забыла его и хочу, чтобы ты увидел его за меня.

– Я буду в Скильпарิโอ твоими ушами, глазами и твоим сердцем. Позаботься о Лауре, ты нужна ей. Помоги ей подготовить детскую и ухаживать за ребенком. И не беспокойся. Ты же знаешь, что наши горы – истинное чудо.

Почти все путешествие Чиро провел в шезлонге на палубе второго класса. Слыша гудки встречных кораблей, он вспоминал, как кидал уголь в чреве парохода «Вирджиния». Вспоминал, как встретил Луиджи и как после недели в кочегарке кожа оставалась серой от угольной пыли, сколько бы он ее ни тер.

И вот теперь он гораздо старше и путешествует как вполне состоятельный человек. Да, он плыл не в первом классе, где пассажиров всячески баловали, но каюта была удобной, а иллюминатор заметно выше ватерлинии. Укладываясь спать в первый вечер, Чиро улыбался про себя: еще ни разу не плавал он через океан выше ватерлинии.

Каждое мгновение путешествия пробуждало в нем воспоминания. Когда корабль причалил в Неаполе и Чиро услышал родную речь, то, к собственному удивлению, заплакал. В поезде, следующем на север, он никак не мог насытиться компанией соотечественников – впитывал каждую подробность и вспоминал, что такое быть итальянцем.

На самом деле он теперь не был ни итальянцем, ни американцем. Он был умирающим, отправившимся в последний путь, чтобы склеить то, что разбилось, исцелить раны, которые не способны вылечить никакие лекарства.

Чиро заранее решил, что последний участок Пассо Персолана пройдет пешком. Багаж он отправил на повозке, велел доставить в монастырь, где монахини приготовили для него гостевую комнату.

Застегнув пальто, Чиро начал подниматься в гору, ко въезду в Вильминоре. Достигнув вершины, он взглянул вниз, в ущелье, где листья затаившегося лета опали, обнажив переплетение седых ветвей. Отсюда ветви выглядели клубком детских каракулей, угольно-черным гнездом пересекающихся загогулин, накорябанных ребенком, который учится писать.

Чиро вспомнил девочек, за которыми ухаживал и которых звал побродить по горам. Какой великолепный предлог для того, чтобы подержаться за руки, предлагало место, где дорога внезапно сужалась. Он вспомнил день, когда Игги вез их с Эдуардо вниз, – говорили они мало, но Игги разрешил ему выкурить сигарету. Когда Чиро отослали из монастыря, ему было пятнадцать. Одно прегрешение против священника Римской церкви изменило ход всей его жизни.

Дойдя до промоин, заполненных землей цвета корицы, он подумал об Энце и о жизни, которую они могли бы прожить в этих горах вместе.

Может, здесь у нее было бы больше детей и она бы не вела отчаянную борьбу за выживание, сказавшуюся на ее здоровье. И может, он построил бы дом на холме, как рисовалось в детских мечтах.

С тех пор как Чиро в последний раз стоял на главной площади Вильминоре, минуло двадцать лет.

Осмотрев колоннаду, он понял, что она совсем не изменилась. Некоторые лавки на площади перешли от отца к сыну, но в целом городок был точно таким же, как в день, когда он его покинул. Вокруг церкви и дома священника сгруппировались беленые домики, а через дорогу врос в землю монастырь. Иерархия осталась прежней. Чиро почувствовал себя дома.

Он забарабанил в дверь монастыря, потянул цепь звонка. Наконец дверь отворилась и сестра Тереза нежно взяла лицо Чиро в ладони. За

двадцать лет и она нисколько не изменилась – только мелкие морщины паутинкой расползлись вокруг глаз, выдавая возраст.

– Чиро Ладзари! – воскликнула она. – Мой мальчик! – И бросилась его обнимать.

– Я теперь старик. Мне тридцать шесть, – сказал он. – Видите шрамы от станка? Башмачник.

– Молодец! Энца мне писала. Говорит, если я буду ждать от тебя письма, то точно прожду до Судного дня.

– Да, такая у меня жена.

– Ты счастливый человек. – Она спрятала руки в рукавах своего одеяния.

По правде говоря, Чиро был не очень-то счастлив.

Сестра Тереза повела его в монастырь.

– Приготовите мне пастину?

– Конечно! Но, знаешь, теперь я работаю в конторе. Кухарит у нас сестра Бернарда. Она из Фоджи, здесь всего пару лет. Отлично готовит помидоры. И гораздо лучше меня печет хлеб.

– Нет, ваш хлеб был великолепен!

– Мне хорошо удавались запеченный крем и тапиока, но кексы вечно выходили каменные.

В вестибюле монастыря собрались монахини. Юные лица послушниц были незнакомыми, но среди девушек были и сестры постарше – те, что в дни его детства только-только поступили сюда. Матерью-настоятельницей стала теперь сестра Анна-Изабель, сестра Тереза – ее первой помощницей.

Сестра Доменика умерла вскоре после того, как Чиро уехал, а сестра Эрколина – недавно. Черно-белые остались неизменными – стайка чудаковатых тетушек, забавных, начитанных, обладающих острым умом. Они выживали, подобно ему, с помощью юмора или упрямства. Но все эти женщины искренне веровали.

Оглядываясь назад, Чиро в полной мере мог оценить их доброту и сделанный ими выбор. Мальчиком он поражался, как это женщина выбирает монашеское одеяние, отказывается от огромного мира, раскинувшегося за стенами монастыря, от мужа, детей, от своей семьи. Но они создавали семью внутри монастырских стен. Просто в детстве он этого не понимал.

– Чао, мать Анна-Изабель, – сказал Чиро, поклонившись. – Большое спасибо за Ремо и Карлу Дзанетти.

– Они рассказывали о тебе удивительные истории. Ты работал на них, не жалея сил.

– Я должен был отплатить вам сполна.

Сестра Тереза повела Чиро по длинному коридору, через сад, в кухню. Чиро помнил каждую доску в полу, каждый завиток резьбы ореховых дверей. Сад уже был укутан к зиме мешковиной, виноград собран. Увидев распахнутую дверь кухни, подпертую тем же старым котлом, он рассмеялся.

– Знаю. Мы здесь почти не изменились. И не должны были.

Сестра Тереза, надев фартук, встала за кухонный стол. Чиро выдвинул табурет и сел. Она достала из корзины с хлебом багет, намазала кусок свежим маслом и протянула ему. Вместо стакана молока поставила стакан вина.

– Расскажи, почему ты здесь.

– Моя жена не сообщила в письме?

– Просто написала, что тебе нужно приехать домой. Почему сейчас?

– Я умираю. – Его голос дрогнул. – Знаю, у вас тут, в монастыре, это обычно хорошая новость – потому что у монахинь есть ключи от вечной жизни. Но для меня, скептика, эта новость – худшая из возможных. Я пытаюсь притворяться, что этот миг никогда не наступит, и таким образом выигрываю время, но часы тикают, я вспоминаю правду и впадаю в панику. Я не молюсь, сестра, а паникую.

Выражение лица сестры Терезы изменилось.

– Чиро, я надеялась, что из всех людей, которых я знала и о которых молилась, всех-всех, именно у тебя будет долгая жизнь. Ты заслуживал ее. И ты всегда понимал, как быть счастливым, поэтому ты бы не растратил долгую жизнь впустую. Ты бы использовал время мудро. – И затем, как хорошая монахиня, она завернула эту печальную новость в свою веру, как в теплое одеяло. Сестра попыталась убедить Чиро, что ему уготована вечная жизнь. Она хотела, чтобы он верил, потому что надеялась – вера одолеет болезнь. – Ты должен молиться.

– Нет, сестра. – Чиро слабо улыбнулся. – Я плохой католик.

– Но хороший человек, а это важнее.

– Надеюсь, священник вас не услышит.

Она улыбнулась:

– Не волнуйся. У нас теперь отец д'Алессандро из Калабрии. Он почти глухой.

– Что случилось с доном Грегорио?

– Уехал на Сицилию.

– А не на Эльбу? Его не отправили в ссылку, как Наполеона?

– Он теперь секретарь настоятеля кафедрального собора при местном

епископе.

– Хитрость далеко его завела.

– Согласна. – Сестра налила себе воды. – Хочешь знать, что случилось с Кончеттой Матроччи?

Чиро улыбнулся:

– Это история со счастливым концом?

– Кончетта вышла замуж за Антонио Баратту. Он теперь доктор. Живут в Бергамо, у них четверо сыновей.

Отведя взгляд, Чиро подумал, насколько изменилась жизнь всех, кого он знал, – и его собственная. Даже Кончетта Матроччи нашла способ исправить судьбу. Эта мысль вызвала у него улыбку.

– Кончетта Матроччи все еще заставляет тебя улыбаться. – Сестра рассмеялась.

– Не то чтобы очень, сестра. Для меня сейчас важно другое. Я волнуюсь перед встречей с братом. А еще больше – перед встречей с матерью. И хочу навестить семью своей жены – обещал Энце добраться до Скильпарио. Сильно ли изменились горы?

– Совсем не изменились. Пойдем со мной, – сказала сестра. – Хочу показать тебе, как я исполняю свои обещания.

Чиро вслед за сестрой Терезой обогнул кухню и оказался на монастырском кладбище.

Он остановился у маленького надгробия, находившегося у самых ворот.

– Бедный Спруццо, – сказал Чиро. – Скитался, как сирота, пока не встретил такого же сироту.

– Нет, вовсе не бедный. Он прожил счастливую жизнь. Ел получше священника. Я давала ему отборные куски мяса.

– Святой Франциск бы одобрил, – улыбнулся Чиро.

Когда здешнему священнику выделили автомобиль, старую повозку передали в распоряжение монастыря. Лошадь для нее пожертвовал местный фермер. Запрягая лошадь, Чиро думал о жене, которая куда лучше управлялась бы со сбруей и поводьями.

Взобравшись на сиденье, Чиро направил лошадь вверх по Пассо, в Скильпарио. Он вспоминал, как в первый раз поцеловал Энцу, когда они были детьми. Чиро рассматривал каждую маргаритку, каждый утес, каждую речушку, будто то были драгоценные камни в бархатной шкатулке, которую мог открыть только он. Как бы он хотел, чтобы Энца сидела сейчас рядом с ним.

После нескольких дней в открытом море и путешествия поездом из Неаполя поездка в деревенской повозке была как чудо. У этого способа передвижения имелся свой особенный ритм, а лошадь вполне могла сойти за дружескую компанию. С ней Чиро чувствовал себя менее одиноким.

Энца рассказала Чиро, где стоит новый дом, что он выкрашен в желтый цвет.

Чиро проехал по главной улице мимо места, где впервые поцеловал Энцу. На Виа Скалина он узнал старый дом Раванелли и конюшню, где в вечер похорон Стеллы Энца запрягала лошадь, чтобы отвезти его назад в монастырь. Деревянные ставни на окнах конюшни были закрыты.

Чиро медленно ехал вверх, склон становился все круче. На Виа Май он заметил прислонившийся к горе желтый дом, похожий на книгу в кожаной обложке. И его словно окатило узнаванием: это же тот самый дом из его детских фантазий, дом, который он надеялся построить для женщины своей мечты. Какая ирония судьбы – дом, который Энца построила для своей семьи, оказался тем самым, что занимал его детское воображение! В точности тот, вплоть до мельчайших деталей! Чиро улыбался – он уже представлял, как расскажет об этом Энце и опишет во всех подробностях, какое чудесное гнездо помогла она соорудить.

Огражденный плитняком сад, по-зимнему голый, напоминал заброшенное пепелище, оставшееся от сожженного дотла леса. По каменной дорожке Чиро прошел к входной двери. Постучать он не успел – дверь распахнулась, и вся семья Энцы высыпала ему навстречу.

Мать Энцы, Джакомина, расплелась. Волосы ее поседел, но она все так же заплетала их в длинные косы. Чиро разглядел в ее лице тонкие черты Энцы, и манера говорить и двигаться тоже была знакомой.

Джакомина обняла зятя:

– Чиро, добро пожаловать домой!

– Энца просила передать вам поцелуй. У нее все в порядке. Она сейчас в Нью-Йорке, помогает Лауре Хири с новорожденным.

Марко выглядел куда здоровее и крепче, чем помнилось Чиро, – ему возвращение в родные горы точно пошло на пользу. Чиро обнял тестя:

– Энца посылает и вам свою любовь, папа.

Джакомина представляла каждого из детей, а Чиро старательно запоминал новости, которыми должен будет поделиться с женой. Мальчики по-прежнему занимались извозом, только теперь у них автомобиль вместо лошади. И дело их процветает.

Элиане было уже почти тридцать пять, и она ожидала четвертого ребенка. Ее старшему, Марко, было одиннадцать, Пьетро – девять и Сандро

– пять. Муж, как она объяснила, работает в Бергамо на водопроводной станции и очень жалел, что не смог приехать.

Витторио женился на местной девушке, Арабелле Ардуини, кузине того самого землевладельца.

Младшей, Альме, исполнилось двадцать семь, и она надеялась поступить в университет, хотела стать художником – у нее были способности к изящным искусствам. Она нарисовала на каменной ограде сада великолепную фреску, изображающую подсолнухи.

Альма попросила Чиро:

– Пожалуйста, скажите моей сестре, что я благодарна за все, что она для нас сделала. Благодаря ей я могу поступить в университет.

Дверь распахнулась, и в дом вошел Баттиста – долговязый, смуглый, мускулистый. Ему уже сравнялось тридцать шесть, однако он до сих пор не женился и не выказывал ни малейшего желания это сделать. Выражение его лица было угрюмым. Чиро отметил, что с его приходом в воздухе повисло напряжение. Тем не менее Чиро обнял его и назвал *fratello*^[98].

Элиана, жившая теперь ниже по склону, провела Чиро по дому. Он был не очень велик, но в самый раз для семьи – пять спален, чердак, кухня и гостиная. Пять окон, протянувшихся по фасаду, отлично освещали помещение. Чиро вспомнил окна в доме его фантазий – там тоже в каждое лился голубой свет итальянского полудня.

Витторио и Марко показали Чиро коптильню из плитняка, пристроенную прямо к склону холма. Еще на участке был крытый источник: в крошечном домике холодная, свежая вода горных родников стекала по двум желобам в окаймленный камнями бассейн.

Джакомина сварила обед, какой могла бы приготовить и Энца: суп, ньокки, блюдо с зеленью, а на десерт – эспрессо и домашний пирог.

Элиана налила зятю кофе.

– Альма, ты бы могла нарисовать для меня дом? Думаю, Энца порадует, увидев его хотя бы на бумаге.

– С удовольствием. Сколько ты пробудешь здесь?

– Неделю.

– Ох, ты ехал сюда столько же, сколько собираешься гостить.

– Тяжело мне вдали от Энцы и Антонио.

– Понимаю, – сказала Джакомина.

– Уверена, она объяснила вам все про мое здоровье.

Джакомина и Марко кивнули.

– Антонио замечательный мальчик. Вы его полюбите.

– Мы уже его любим, – сказал Витторио. – Он же наш племянник!

– Он спортсмен. Но еще и очень умен. Надеюсь, вы когда-нибудь сможете навестить Антонио и Энцу в Миннесоте.

Чиро не хотел омрачать радостный визит печальными разговорами. Он рассказывал забавные истории о жизни Энцы, описывал Нью-Йорк и быт на Малберри-стрит. Он говорил о Мировой войне и своем решении отправиться в Миннесоту. Он много рассказывал об Антонио и о том, каким замечательным человеком тот растет. А Раванелли делились с ним фотографиями и случаями из детства Энцы. После ужина семейство решило прогуляться. Они направились на кладбище, где Чиро, как и просила жена, встал на колени и поцеловал голубого ангела на могиле Стеллы. Солнце клонилось к горизонту, и небо сделалось точно такого оттенка, как в тот вечер, когда он впервые поцеловал Энцу – после того, как вырыл могилу.

С тех пор утекло много лет, но Чиро казалось, что это произошло только вчера. Он думал о том, как важно в этой жизни не удерживать, а отпускать. Вечернее небо, кладбище, воспоминания о прошлом, мысли о людях, которые были этому прошлому свидетелями и до сих пор жили здесь... Он чувствовал, что обретает гармонию, в которой так нуждался всю свою жизнь. Гармонию, какую дает только семья.

Когда Чиро вечером запрягал лошадь, чтобы вернуться в Вильминоре, Элиана подошла и протянула ему маленькую книжечку в кожаном переплете:

– Она принадлежала Энце. Отвезешь ей?

– Конечно.

На обратной дороге в Вильминоре Чиро затосковал по жене. Все завершалось там, где когда-то началось. Он оценил насмешку судьбы.

Сестра Тереза постелила ему в гостевой комнате, находившейся рядом с часовней. Проходя мимо часовни, Чиро сквозь стекло увидел коленопреклоненных монахинь, но останавливаться не стал. Он разделся, сел на кровать и открыл книгу, принадлежавшую Энце.

Чиро листал дневник, и юная его жена оживала перед глазами. Энца рисовала наброски платьев, писала глупые стихи и пыталась изобразить членов своей семьи. Переворачивая страницы, Чиро улыбался сквозь слезы.

Увидев на одной из страниц заголовок «Стелла», он остановился.

<i>Стелла</i>

Моя сестра умерла, и сегодня были похороны. Я так молилась, чтобы Господь ее спас. Он не слышал. Я обещала Богу, что, если Он сохранит ее, я не буду просить Его о собственных детях. Я была согласна отказаться от того, чтобы самой стать матерью, только бы удержать ее здесь. Но Он не слышал. Я боюсь, что папа умрет от разбитого сердца. Мама сильная, а он – нет. Сегодня я встретила мальчика по имени Чиро. Он вырыл могилу Стеллы. Я его не боялась, хотя он высокий и в два раза крупнее меня. Я о нем печалилась. У него нет отца, а мать его покинула. Когда-нибудь я спрошу у сестер из Сан-Никола, почему мать оставила его там.

И вот что я могу о нем сказать. У него зеленовато-голубые глаза. Слишком тесная обувь, а штаны, наоборот, ему велики. Но я никогда не видела мальчика красивее. Не знаю, почему Господь послал его в горы, но надеюсь, в этом была определенная цель.

Он не очень-то верит в Бога. Кажется, будто ему никто не нужен. Но я думаю, что если он поразмыслит об этом, то обязательно поймет, что ему нужна я.

Моя Стелла покинула меня, и я никогда ее не забуду, потому что я знаю, как бывает, когда кто-то умирает. Сначала приходят слезы, потом – горе, и, наконец, воспоминания становятся туманом и исчезают. Но Стелла не исчезнет. Не исчезнет для меня. Никогда.

Чиро закрыл блокнот и положил его на тумбочку. В спине словно зияла дыра. Иногда боль усиливалась, а потом, без всякого предупреждения, уходила и наступала передышка. И в те минуты, когда боли не было, Чиро верил, что исцеление возможно.

Чиро поднял руку, чтобы перекреститься, – он не делал этого уже многие годы. Ни во время войны, ни когда родился сын. Энца часто чертила большим пальцем крест на лбу малыша, Чиро же – никогда. Он не осенил себя крестным знаменем, когда расстался с Энцей, пускаясь в дальний путь. Вывать к Богу в минуты отчаяния казалось ему лицемерным. Но сегодня он сотворил этот знак не для того, чтобы Господь исполнил его желание, проявил милосердие, спас его... Он перекрестился в знак благодарности.

Энца полюбила его в ту минуту, как увидела, а он этого не знал. Он думал, что сумел завоевать ее на Кармин-стрит, когда она выходила за

другого. Считал, что общение с первыми красавицами каким-то образом придало ему такую любовную притягательность, что он смог бы заполучить самую красивую из всех, как только ее выберет. Чиро думал, что он завоевал сердце жены. Теперь же он знал, что ее сердце всегда принадлежало ему – только руку протяни.

И не удивительно, что Энце было так больно оттого, что он не пытался ее отыскать. Не удивительно, что она ни разу не пришла к нему после того, как однажды рассказала о своих чувствах. Она не хотела ограничивать его выбор. Энца всегда хотела лишь одного: чтобы ему было хорошо, и у нее всегда получалось. В том числе и сейчас, когда она отправила Чиро в эту поездку. Теперь он верил, что если хоть что-то способно его исцелить, то только эти горы. И, повернувшись на другой бок, он вдруг осознал, что не почувствовал привычной уже боли. Энца всегда все знала лучше него.

Голубая камея

Un Cammeo Blu

В дверь кельи постучали. Чиро сел, нашарил карманные часы. Невероятно, проспал девять часов, ни разу не проснувшись от боли. Так сладко он не спал с того дня, как побывал в больнице.

– Да?

– Игги это.

Чиро спрыгнул с кровати и распахнул дверь. Двадцать один год спустя Игнацио Фарино стоял перед ним в той же самой шляпе.

– Неужели это та же шляпа?

Игги пожал плечами:

– Она мне все еще годится.

Чиро обнял его.

– Осторожно. Мои кости теперь как хлебные палочки, – сказал Игги. – Не заметишь, как переломишь.

– Хорошо выглядишь, Игги.

– А ты тощий совсем.

– Знаю. – Чиро натянул брюки и рубашку и сунул ноги в башмаки. – Пока не глотнул горчичного газа, выглядел лучше. Но ем как лошадь. Пойдем пошарим в буфете, не найдется ли чего-нибудь на завтрак.

Чиро пошел вслед за Игги по коридору. Пусть колени у него и гнулись плохо, Игги для своих восьмидесяти передвигался весьма бодро.

– Можешь поверить, что я все еще жив? – сказал Игги. – Я почти такой же старый, как колокол на Сан-Никола.

– Ну таким старым ты точно не выглядишь.

– И все еще захаживаю к жене! – Игги шевельнул бровями.

– Игги, я только что приехал, и первое, что ты мне говоришь, – что все еще кувыркаешься со своей женой.

– Да, я еще не совсем иссох, – ухмыльнулся Игги. – Но она ж не возражает.

– Ну, если так, то ладно.

– Вот и я о том же. Главная радость супружества. Он у меня еще твердый, как торроне^[99]. Сам не верю, а так и есть. А как там твоя женушка?

– Она у меня самая чудесная, Игги.

– Вот и славно.

В монастырской кухне Игги по-хозяйски уселся за стол и закурил. Юная монахиня принялась готовить для них завтрак. Первым делом налила каждому по чашке кофе. Чиро долил в чашки сливок, а Игги положил в свою три ложки сахара. Монахиня поставила на стол тарелки с хлебом, маслом и джемом, стеклянную миску с яйцами вкрутую, нарезала сыр. Убедившись, что ничего не забыла, монахиня удалилась по своим монастырским делам.

– Дон Грегорио... – Игги кашлянул, пряча улыбку.

– Знаю. Сбежал на Сицилию.

– Я сказал ему несколько слов, после того как ты уехал.

– И что именно?

– «Однажды вы ответите перед Богом за то, что сделали».

– Думаешь, ответит?

– Не-а. Наверное, за него молится каждый священник в Риме. У них это заведено, сам знаешь. Они делают гадости, раскаиваются, находят какую-нибудь *ninelle*^[100], которая за них помолится, и начинают все сызнова. Жулье! – Игги передал сигарету Чиро, и тот сделал затяжку. – Но парень, который сейчас вместо него, набожный.

– Дон...

– Дон Работяга. Вечно торчит в саду на коленях и молится без продыху. Я у него в комнате был, так там тоже никакого непотребства. Думаю, он ничего себе. Наконец-то нам праведника прислали. Не думал, что такие еще бывают.

Чиро рассмеялся.

– Игги, а я вот не молюсь.

– Ты должен получить все до последней косточки! – Игги помахал сигаретой.

– Что ты имеешь в виду?

– Будь честным. Проси у Бога именно то, чего хочешь. Забудь про всех остальных бедолаг – их участь не твоя проблема. Кто умирает с голоду, найдет себе пищу. У кого разбито сердце, найдет себе женщину. Мучает жажда? Прыгни в озеро. Позаботься о себе. Молись о том, что тебе нужно, и смотри, не подвернется ли оно тебе.

– Игги, ты скучал по мне?

– Переживал за тебя. И за Эдуардо.

– А письма мои получил?

– За двадцать лет – три штуки. Не густо, – улыбнулся Игги.

- Да, не густо. Но ты ведь знаешь, что я вспоминал тебя.
- Да, знаю, знаю. Чувствовал.

Чиро расхаживал по площади в ожидании Эдуардо с матерью. Он мерил шагами колоннаду, сопротивляясь жгучему желанию броситься по дороге навстречу экипажу. То и дело поглядывая на часы, он словно надеялся заставить время идти быстрее. Вот Энца хотела бы остановить время, а он его подгоняет.

Наконец черный экипаж въехал на площадь и направился к монастырю. Чиро, в этот момент находившийся у дальнего конца колоннады, бегом кинулся за ним.

Когда экипаж остановился, Чиро распахнул блестящую черную дверцу. Двадцать шесть лет минуло с тех пор, как он видел свою мать в последний раз. Она была вся в голубом, как и в день своего отъезда. Вот только волосы стали совершенно седыми, но остались такими же густыми и пышными. И лицо осталось таким же красивым. Тонкий нос, полные губы – все как ему помнилось. Годы приглушили краски, но не изменили форму. Длинные изящные пальцы, грациозная походка, стройная фигура – все осталось прежним. Но руки тряслись, и во всем облике словно затаилась тревога, прежде ей не свойственная.

– Мама, – сказал Чиро.

– Чиро, помоги матери. – Она улыбнулась, когда Чиро подал ей руку и помог спуститься по ступенькам экипажа на булыжную мостовую.

Он обнял ее и долго стоял, уткнувшись лицом ей в шею. Она все так же пахла фрезией. Чиро все вдыхал и вдыхал этот запах.

Из кабриолета выбрался Эдуардо, в простой тускло-коричневой рясе францисканца. Чиро не сдержал радостного крика:

– Брат!

Эдуардо заключил Чиро в объятия.

– Давайте пройдем внутрь.

Сестры приготовили комнату для Катерины и еще одну – для Чиро и Эдуардо. Сестра Тереза проводила их в библиотеку, принесла поднос с кофе и булочками. Ладзари поблагодарили ее, а она встретилась с Чиро взглядом, прежде чем уйти и закрыть за собой дверь.

Катерина села в кресло, Чиро и Эдуардо опустились подле нее на колени.

Она беззвучно заплакала – будто летний невесомый дождь полил. Катерина не желала, чтобы сыновья видели ее печальной. Как бы она хотела стать хорошей матерью, развеять страдания сыновей, залечить их

раны. Катерина вовсе не была глупой, она и рада была бы подарить детям и утешение, и нежность, но знала, что просто не способна на это.

Она по очереди поцеловала обоих сыновей, встала и отошла к окну. Чиро и Эдуардо переглянулись. Эдуардо предупредил брата, что поведение матери может быть странным, и Чиро понимал, что после стольких лет глубокой депрессии она уже не в силах вынырнуть из своих переживаний, даже ради сыновей.

Катерина прошла мимо книжных шкафов, читая надписи на корешках.

– Некоторые из этих книг напечатаны в нашей лавке, – сказала она. – Узнаю шрифт и переплеты. У Монтини всегда был свой стиль.

– Мама, налить тебе кофе? – спросил Эдуардо.

– *Grazie*, – ответила она.

Эдуардо взглянул на Чиро – тот рассматривал мать будто произведение искусства.

– Мама, Чиро приехал из самой Америки повидать нас.

Чиро видел, что хотя мать и перенесла душевную болезнь, но во многом осталась такой, какой он ее запомнил. И для себя он решил, что важны только те ее черты, какими он восхищался, а те, что стали результатом болезни, – нет, поэтому он не будет замечать ее беспомощность, страх, нервозность.

– Мама, у меня для тебя кое-что есть. – Чиро достал из кармана лист кальки, на которую Энца перенесла надпись с могильного камня. – Моя жена Энца позаботилась о достойном надгробии для папы. Он погиб во время катастрофы на руднике Берт-Селлерс в девятьсот четвертом году. Но на его могиле есть теперь камень.

Чиро показал рисунок. Какое-то время Катерина внимательно его разглядывала.

– Это чудесно. Спасибо вам. – Она порывисто обняла Чиро.

– Мама, когда он умер, компания выпустила акции, чтобы возместить близким ущерб. Мы обналичили бумаги и положили деньги в банк. Вот, – он протянул ей конверт, – остаток. Из этой суммы я оплатил свой билет.

Катерина отстранила конверт, даже не заглянув внутрь.

– Сохрани это для моего внука. И поцелуй его от меня.

– Мама, разве тебе не нужны деньги?

– Ты в точности как твой отец. Он бы отдал последнюю лиру нуждающемуся.

– Чиро, оставь эти деньги для своей семьи, – сказал Эдуардо. – Мама сейчас обеспечена всем необходимым.

- Мама, расскажи, как ты жила все это время.
- Да, мама, расскажи Чиро, где ты жила, – поддержал его Эдуардо.
- Я работала в монастыре в Монтикьяри-Фонтанелле на озере Гарда.

Как же близко она находилась от них! Живя в Сан-Никола, он легко мог бы запрячь повозку и съездить на озеро Гарда. А ему казалось, что мать утеряна безвозвратно, что дороги к ней не найти.

– Я была слишком больна, чтобы вернуться к вам, мальчики. А когда почувствовала себя лучше, ты, Чиро, был уже в Америке, а Эдуардо принял сан. Сестры мало мне о вас рассказывали, они боялись, что я попытаюсь сбежать из больницы. Они говорили, чтобы я представляла вас здоровыми, счастливыми, под опекой добрых монахинь. Так я и справлялась. Я молилась о даровании здоровья и сил, чтобы мы смогли однажды снова быть вместе.

– Мама, ты никогда больше не будешь одна. Я поселю тебя рядом со мной, и мы будем видеться очень часто, – пообещал Эдуардо.

Катерина села на диван, попросила сыновей сесть рядом, взяла их за руки.

– У нас с Эдуардо впереди много лет, которые мы проведем вместе. А у тебя, Чиро, я прошу прощения. Мы потеряли целую жизнь. И это моя вина. Повсюду я вижу сильных женщин, у некоторых по шесть, семь детей, и я поражаюсь им. Я же оказалась слабой. Но я знала, что в монастыре сестры станут учить вас, разовьют ваши таланты, как сделала бы я сама, найдись у меня силы. Однако после смерти вашего отца я не смогла справиться с болью. Вокруг были лишь холод и мрак, я не видела выхода.

В тот вечер братья Ладзари и их мать ели на ужин касуэлу, тушеную свинину с луком, капустой, сельдереем и морковью в густом бульоне, подававшуюся со свежим хлебом. Чиро показал матери фотографии Антонио и Энцы. Рассказал о подруге жены, Лауре, которая работала в Метрополитен-опера, и о том, что они с Энцей близки как сестры. О малыше Генри он тоже рассказал.

Но когда мать спросила Чиро о его собственном здоровье, у него не хватило духу сообщить, что умирает. Пусть уж это сделает брат, священник. Чиро хотел, чтобы этот вечер для его матери стал вечером чистого счастья.

Чиро лег на кровати, Эдуардо, как в детстве, устроился рядом на полу. И неважно, что они были уже не мальчиками, а зрелыми мужчинами. Близость, служившая им утешением, никуда не исчезла.

- Эдуардо, что думаешь о маме?

– Если она осознает, что сделала, то просто этого не выдержит.
– Но она кажется такой разумной!
– Она такая и есть. Так она пытается доказать нам, что сильная.
– Мама даже не заплакала, когда смотрела на рисунок с папиного надгробия.

– Она все еще на него сердится.
– Это мы должны на нее сердиться.
– Чиро, какой теперь в этом толк?
– Я тосковал по ней.
– Я тоже. Повзрослев, мы могли бы найти ее, но судьба распорядилась иначе, тебя отослали из страны, а я поступил в семинарию. Пойми, ее сердце словно оледенело. Чиро, она нуждается в любви. Как и все мы.

Чиро кивнул. Теперь он понимал мать. Видимость, маска – вот что всегда помогало ей держаться. Внешне она разумная и сильная женщина, но что внутри...

В соседней келье Катерина расчесывала волосы. По лицу ее текли больше не сдерживаемые слезы – она оплакивала потерянное за минувшие долгие годы. Она и вправду верила, что чужие люди вырастят сыновей лучше нее. Думала, что Церковь может все, а бедная вдова без связей – ничего. Расчесав волосы – сто размеренных движений, – Катерина спрятала щетку в саквояж. Этой ночью она не спала, не читала. Она мерила шагами келью в ожидании утра, которое непременно вразумит ее, что сказать мальчикам, которых она бросила. Катерина надеялась, что слова придут к ней, что она сумеет объяснить, почему оставила их в монастыре.

Чиро взбил подушку, ноги укрыл одеялом. Он лежал на боку, как в юности, когда они с братом вели полночные беседы.

– Ты сказал ей обо мне?
– Ты должен сделать это сам.
– Эдуардо, ты можешь поверить в мой диагноз? От этой войны одно зло, с ней не связано ничего хорошего.
– Не говори так. Ты проявлял храбрость и стойкость.
– Ну да, будь храбрым и стойким или сдохни. И потом, я застал лишь конец войны. Она, по сути, уже завершилась. У нас были еда, пулеметы, пушки, форма, танки – а у них не было ничего. Мы навалились на немцев, как пресс для выделки кожи. И ради чего? Я не знаю, ради чего я воевал. Себе я говорю, что ради сына.

– Никто не знает, что Господь уготовил для нас.
– В том-то и проблема, брат. Он обо мне вообще не думает. – Чиро не позволил брату возразить, продолжил: – Эдуардо, ты хороший человек.

Какую бы шляпу ты ни надел, черную биретту^[101] священника или шерстяную шапку фермера, в моих глазах ты лучше всех. Для меня важно не во что ты веришь, а кем ты являешься. Я всегда тобой восхищался. Ты порядочный, ты сильный, и это человеческие черты, к вере они не имеют отношения. Но не пытайся меня убедить, будто Бог знает о моем существовании.

Эдуардо спорить не стал. С улыбкой он поднял руки в жесте, каким священники обычно благословляют паству.

– Расскажи мне о сыне.

– Он лучший на свете. Настоящий сын своей матери. Очень разумный. Женщины его точно не погубят.

– А что со спортом?

– Блестящие успехи. Он словно танцует. Но при этом так спокоен, даже в пылу борьбы. Тренеры хвалят. И знаешь, он всегда полон достоинства, даже в игре.

– А Энца? Расскажи о моей сестре, как она?

– Знаешь, зачем Энца хотела, чтобы я поехал в Италию? Она думала – когда придет час тьмы, я увижу наши можжевельники, астры и водопады. Но, закрывая глаза, я всегда вижу ее лицо.

– Ты любишь ее по-настоящему.

– Не знаю, почему она меня любит, но это так.

– Чего ты боишься, Чиро?

– Сейчас?

– Сейчас, через несколько месяцев...

– Когда придет смерть, – добавил Чиро буднично.

– Когда наступит миг твоей смерти.

– Ну, я боюсь, что не захочу уходить. Доктора намекнули, что меня ждут мучительные боли. Но Энца научилась управляться со шприцем, так что она мне поможет справиться. С болью я разберусь. Но что сказать Богу, если не хочешь умирать? Если я хочу вырастить сына, любить жену и дожить до старости?

– Мне так жаль, Чиро. Я бы сделал это за тебя, если бы мог.

– Знаю. – Чиро смахнул слезу. Он никогда не сомневался, что брат мог бы умереть за него.

– Зато ты увидишь лицо Господа раньше меня.

– Ага. Знаю, насколько сильно ты хотел бы меня опередить.

Эдуардо рассмеялся:

– Нет на свете справедливости.

– И то правда.

– Что я могу для тебя сделать?

– Надеюсь, когда-нибудь ты покажешь моему сыну наши горы. Хочу, чтобы он узнал эти дороги, бродил по этим тропам, владел этими склонами, как когда-то мы. И надеюсь, ты поможешь ему обрести Бога, пусть его отец этого и не смог.

– Ты знаешь Его, – сказал Эдуардо. – Ты знаешь Его, потому что ты Его часть. И всегда был. Даже когда изо всех сил пытался быть плохим, ты был хорошим. Ты сотворен из Божественного света. Я стал священником не потому, что во мне есть этот свет, а потому, что видел его в тебе.

– И почему я не Папа? – спросил Чиро.

Они смеялись, и смеялись, и смеялись, заражая смехом друг друга, совсем как в детстве, когда верили, что, пока они вместе, им все нипочем.

Катерина слушала, как за стеной хохочут ее мальчики. И смех этот обволакивал ее так и не зажившее сердце.

Чиро проснулся затемно и долго смотрел на спящего брата.

Потом оделся и прошел на монастырскую кухню. Катерина была уже там, полностью одетая. Она налила Чиро кофе.

– Доброе утро, мама. – Чиро поцеловал ее в щеку.

– Как спал?

– Как старый монастырский кот, – ответил Чиро. – Здесь так мирно!

– До чего же хорошо быть вместе! Ты славный человек, Чиро. Я знаю, что говорю. И я восхищаюсь, каким ты стал.

Они помолчали.

– Расскажи мне об Энце. – Катерина поставила перед Чиро хлеб и масло.

– Она красивая и сильная. Темные волосы, смуглая, как все девушки из Скильпарิโอ. И очень честная.

– Она любит красивые вещи?

– Она сама создает красоту. Она редкая мастерица, шьет и из шерсти, и из шелка. И она хорошая мать... – Голос Чиро затих.

– Я бы хотела, чтобы у Энцы было что-нибудь от меня. Когда умер ваш папа, я постепенно распродала все. Себе оставила лишь одну вещь, память о матери. Думала, что если у одного из моих сыновей родится дочь, то передам эту вещь ей. И по-моему, у меня есть дочь – твоя Энца. – Катерина достала из кармана бархатную коробочку и протянула ее Чиро.

Он открыл коробочку. Внутри лежала голубая камешка, которую он помнил с детства, мать ее никогда не снимала.

– Она понравится Энце, мама.

– Если бы я могла подарить ей наши горы, я бы так и поступила. Но у меня есть лишь это украшение.

Энца ждала в гавани Нижнего Манхэттена, когда причалит пароход «Саратога». Смотрела, как по трапу спускаются пассажиры. Вот показался Чиро, красивый, высокий. Энца замахала руками.

Чиро протолкался сквозь толпу и стиснул Энцу в объятиях. Они долго-долго целовались. По дороге к машине Колина Энца рассказала про малыша Генри, какой он милый, и что она покрасила детскую, сшила приданое и развлекала Лауру.

В машине уже Чиро рассказывал – о родителях, о новом доме в Скильпарио, о том, что он солнечно-желтого цвета и стоит высоко на горе, ну точно бриллиант в короне. Рассказал об Эдуардо и матери, а потом достал из кармана бархатную коробочку.

– От моей мамы, – сказал Чиро. – Она просила передать это женщине, которую я люблю.

Окно в небо

Un Lucernario

Всю зиму 1930-го Чиро продолжал работать, вот только тяжести теперь он не поднимал, предоставив это Луиджи. Каждый день после обеда Чиро непременно спал. Работал он только сидя, стоять ему было трудно.

Луиджи старался занять Чиро веселой болтовней, рассмешить, изображал капризных покупателей и чудаковатого продавца. Он также следил, чтобы приятели Чиро по четвергам, как повелось с незапамятных времен, собирались сыграть в карты. Энца выставляла граппу и пепельницы, а после игры угощала мужчин кофе с пирогом. Но с каждым днем Чиро становилось хуже, и это замечали все, включая его самого.

День святого Патрика всегда считался в Чисхолме большим праздником, потому что с ним в эти северные края приходила весна. Бары на Вест-Лейк-стрит готовили специальные предложения, и места у стоек были заняты все до единого – шахтеры, от православных до лютеран, праздновали День святого Патрика независимо от того, к какой конфессии они принадлежали.

В праздничную ночь шум на улице стоял такой, что Энце пришлось задернуть портьеры на окнах и плотнее закрыть дверь спальни. Встав на табурет, она захлопнула потолочное окошко, глядевшее в небо.

– Чиро, ты замерз, – сказала она, укрывая его еще одним одеялом.

День ото дня муж терял в весе.

– *Grazie*, – ответил он. – Что бы я делал без тебя?

Энца легла рядом с ним.

– Ты бы женился на Майской Королеве. Как там ее звали?

– Я не помню.

– Филомена? Что-то вроде этого.

– Я уже сказал, что не помню, – поддразнил Чиро.

– Феличита! Вот как. Сицилийская красotka. Она бы заставила тебя покупать ей бриллианты. Нет-нет, ей бы и этого было недостаточно. Она велела бы тебе самому добывать их, а когда ты бы принес ей самый крупный камень на свете, она еле взглянула бы на него и сказала: «Я хотела скалу, Чиро! Скалу!»

– А ты могла бы выйти замуж за Вито Блазека.

– И стала бы всего лишь его первой женой. С тех пор он женился еще трижды.

– Правда?

– Лаура с ним приятельствует. Так что, видишь, ты уберег меня от жизни, полной блеска и утонченности. Я сбежала с башмачником.

– Мне тебя так жаль, – ответил Чиро.

– Не смей меня жалеть. – Энца поцеловала его. – Это то, о чем я мечтала.

Лишь ощутив дыхание смерти, Чиро понял, что выбрал Энцу прежде всего за ее силу. Она не нуждалась в его поддержке, он был ей нужен сам по себе. В этой жизни Энца смогла бы выстоять и в одиночку, но в сердце у нее жила потребность посвятить себя семье и любимому человеку.

Ему объявили, что они с Энцей никогда не узнают, каково это – прожить в любви до глубокой старости, но и то, что они ухватили, было уже немало. Так что не стоит вымаливать еще чуточку времени. У них было счастье. Вот только сын...

Чиро не мог смириться с тем, его сыну суждено пережить то, что случилось с ним самим. Исчезновение отца. Он искал отца в каждом мужчине, с которым сталкивался. Игги в монастыре, Ремо в обувной лавке, Хуан Торрес во время войны – каждый дал ему, что мог, но ни один из них, сколько ни старался, не мог заменить настоящего отца.

Приближаясь к смерти, Чиро осознал, что истинное благородство – это редкость, крупица золота в горе шлака.

В войну люди лгали, малодушничили, предавали. И теперь Чиро собирается оставить, бросить своего сына, – что это, как не предательство? Нет ему за это прощения.

– Спасибо, Энца, что так заботишься обо мне.

– Да, ты кошмарный пациент.

Чиро рассмеялся:

– Знаю. Посиди со мной. Я хочу просто на тебя посмотреть.

Энца села рядом с Чиро. Легла. Он взял ее за руки. Она закрыла глаза, впитывая прикосновение. Энца любила руки мужа, такие сильные и красивые. Несмотря на грубую работу, Чиро сохранил длинные, изящные пальцы художника. Но он и был художником. Его руки творили. Энца любила смотреть, как он замеряет кожу, замшу и шелк, кроит, сшивает детали, полирует готовый ботинок. Часами могла наблюдать, как он работает. Словно и не покидала театр: та же магия.

– Мне будет не хватать твоих рук, Чиро. А чего будет не хватать тебе?

Чиро знал, чего ему будет не хватать больше всего, но жене говорить

не хотел. Сказать – значит согласиться, что жизнь его вот-вот завершится. И все же он ответил:

– Я люблю, когда получается ровный шов на куске хорошей кожи. Люблю шить обувь. Люблю полировать пару ботинок, которые только что починил, покрывать их лимонным воском, чтобы они пахли свежестью. Мне будет не хватать занятий любовью с тобой. Мне будет не хватать нашего сына, потому что он напоминает мне о тебе.

– Мне бы хотелось, чтобы ты помолился, Чиро.

– Я не могу.

– Пожалуйста.

– В Камбре я часто беседовал с товарищем, которого очень уважал. Его звали Хуан Торрес, у него была жена и три дочери. Родом из Пуэрто-Рико. Он часто рассказывал про одну из своей дочерей. Ее звали Маргаритой. Всякие смешные истории.

– Ты говорил о нем, дорогой. Но ни разу не рассказал, как он умер.

– Однажды ночью мы вот так болтали, и вдруг вдали начало грохотать. Это были танки. И Хуан встал, чтобы посмотреть. Мы настолько увлеклись беседой, что попросту забыли, где находимся, забыли, что мы в окопе и вокруг война. И в этот миг его подстрелили. После войны, по дороге в Рим, я написал Маргарите и рассказал, что самые последние слова отца были о ней. Я не могу молиться Богу, прося о своем спасении, когда другие такой роскоши не имели.

– Папа! – В дверях стоял Антонио. Он посмотрел на отца, на мать, в глазах застыл вопрос.

Чиро похлопал по одеялу:

– Здесь и для тебя хватит места.

Антонио сбросил обувь и улегся рядом с отцом. Энца перегнулась через хрупкое тело Чиро и взяла сына за руку. Чиро накрыл их ладони своей.

Счастливая доля единственного ребенка: неважно, сколько ему лет, в кровати родителей всегда найдется для него место.

– Антонио, будь добр к своей матери.

– Буду.

– Мой брат всегда поможет тебе, если в этом будет необходимость. Напиши ему.

– Напишу, папа.

– Я горжусь тобой.

– Знаю.

– Не могу поверить, что из всех ангелов небесных Бог решил послать

мне именно тебя. Я счастливейший человек.

Антонио поуютнее прижался к отцу, как делал, когда был маленьким. Уткнулся лицом ему в шею.

Энца встала и вышла на кухню. Достала из кастрюли простерилизованный шприц, наполнила морфином и вернулась в спальню.

Антонио всхлипывал, прижавшись к отцу, а Чиро успокаивающе гладил его по спине.

– Милый, мне нужно сделать папе укол, – сказала Энца.

Антонио сел и отвернулся, не выпуская отцовской руки. За последние недели Антонио возненавидел иглы.

Энца осторожно протерла участок кожи на некогда мускулистой руке мужа и ввела обезболивающее. Когда лекарство подействовало, лицо Чиро расслабилось, обрело безмятежное выражение. Энца снова легла рядом с мужем, ласково взъерошила густые волосы Чиро, уже тронутые на висках сединой.

– Я так много всего не сделал, – прошептал Чиро.

– Ты все делал правильно, любимый, – сказала Энца.

– Так и не научился шить женскую обувь. – Он попытался улыбнуться.

– А я так и не научилась танцевать.

– Ну это не слишком страшно.

Чиро пережил эту ночь. Энца вводила ему морфин, глотая слезы. Заученные действия – вскипятить шприц, наполнить жидкостью, проверить, пройти в спальню – давали ей силы в последние дни Чиро. Она жила, чтобы облегчить ему боль.

Антонио провел ночь в кресле подле кровати отца. Энца заснуть не сумела. Да и не пыталась.

В эту ночь она оплакала все, чего у нее никогда не было. Она так мечтала, чтобы у них родились еще дети... Глядя на умирающего мужа, она думала о том, что в мире должно было остаться больше его копий.

Когда встало солнце, она вымыла мужа, подрезала ему волосы и ногти, осторожно побрила. Помассировала ноги с лавандовым маслом, лицо увлажнила прохладной марлей. Затем снова легла рядом и слушала, как слабеет его сердце с каждым ударом.

Антонио проснулся, встрепенулся в кресле:

– Мама?

– Иди сюда, – позвала она сына.

Антонио забрался на кровать. Положил руку отцу на грудь, прижался лицом к его щеке и заплакал. Энца, положив одну ладонь на лицо сына, другую – на лицо Чиро, прошептала мужу в ухо:

– Жди меня.

Это были последние слова, которые услышал Чиро Ладзари.

18 марта 1932 года

Дорогой дон Эдуардо,

Это письмо – самое трудное за всю мою жизнь. Ваш возлюбленный брат Чиро умер у меня на руках сегодня в пять часов две минуты утра. Монсеньор Шиффер совершил елеопомазание и последние обряды. Антонио был с нами, когда его отец ушел. Эдуардо, мое сердце переполнено чувствами, я вспоминаю все истории, которые Чиро мне о Вас рассказывал. Надеюсь, Вы знаете, как он Вас уважал. Когда в любой ситуации требовался пример благочестия и порядочности, он всегда обращал взгляд в Вашу сторону.

Мне очень жаль, что на похоронах Вас не будет. Крыльцо нашего дома завалено цветами. Мне пришлось расчистить дорожку, чтобы можно было пройти. Ветераны повесили на нашем доме флаг. Когда стало известно, что он ушел, на улице заиграли трубы и барабаны.

Ваш брат сделал меня счастливейшей женщиной на свете. Я любила его с пятнадцати лет, и годы не уменьшили глубину моего чувства. Я не могу представить жизнь без него, поэтому нижайше прошу помолиться за меня, как и я буду молиться за Вас и Вашу мать. Пожалуйста, донесите до нее эту ужасную новость и пошлите ей мои глубочайшие соболезнования.

Ваша невестка, Энца.

Пара коньков

Un Paio di Pattini da Ghiaccio

Энца стояла около Чисхолмского катка, натягивая перчатки. Она наблюдала, как Антонио скользит по внешней дорожке катка с такой стремительностью, будто вот-вот взлетит. Темный частокол леса обрамлял озерцо льда, залитое ярким светом прожекторов. Будто луна легла на землю среди северных лесов. Воздух пах жареными каштанами и печеной картошкой.

Казалось, этим вечером каждый подросток в Чисхолме встал на коньки. Дети вращались под «Кружится музыка» Томми Дорси, вальсировали под «Эти глупости» Бенни Гудмена, выстраивались в цепочку, змеившуюся по кругу под «Луну над Майами» Эдди Дачина.

Энца купила жареный сладкий картофель у девочки, собиравшей деньги на школьный оркестр. Развернув фольгу, она начала есть, не отрывая глаз от сына.

Антонио исполнилось семнадцать, он был первым в своем классе. Но и в спорте успехи у него были ничуть не хуже. Коньки, как и лыжи, были словно продолжением его тела. А успехи в баскетболе сделали его настоящей знаменитостью Железного хребта и позволяли надеяться на университетскую стипендию.

Энце был сорок один. Она знала – Чиро гордился бы сыном. Со смерти мужа прошло пять лет, но ей казалось, будто все случилось вчера. После тяжелой внутренней борьбы ей пришлось отказаться от обещания, которое она дала мужу – отвезти Антонио в Италию, в их родные Альпы, растить его там, среди близких людей. Она так и собиралась поступить, но после смерти Чиро мир изменился в считанные месяцы. В Италии прошла череда политических потрясений, и было бы неблагоразумно перевозить туда сына из благополучной Америки. Последующие события в Италии показали, что она поступила верно, оставшись в Миннесоте. Предпочтя Америку.

Энца была верна городу, который выбрал для них Чиро, дела у нее шли совсем неплохо. Она по-прежнему сотрудничала с универсамами, но теперь еще и придумывала свадебные наряды, модные пальто и платья для Чисхолмских дам. Но не пренебрегала и обычными занавесками, мебельными чехлами и приданым для новорожденных. Клиенты,

завороженные ее мастерством, возвращались снова и снова.

Луиджи занимался обувной мастерской в одиночку. «Итальянская обувная лавка» теперь полностью лежала на плечах Латини, многое взяла на себя Паппина, охотно помогали и сыновья. А десятилетняя Анжела была для Энцы настоящей отрадой. Но когда Энца поднималась к себе и закрывала дверь спальни, на нее тотчас наваливались одиночество и чувство потери. Боль, затихавшая днем, ночами пробуждалась, и для Энцы это было в порядке вещей, ведь от вдовства нет лекарства.

Антонио, пролетавший мимо, помахал матери. Энца наблюдала, как Бетси Мадич, которой тоже исполнилось семнадцать, в короткой красной бархатной юбке, белых вязаных колготках и белом свитере, со смехом ухватила Антонио за руку. Энца улыбнулась, вспомнив, как эта парочка гоняла на роликах по Вест-Лейк-стрит.

Антонио был влюблен в Бетси, тут и гадать не надо. Стройная красавица, унаследовавшая от матери темные волосы и голубые глаза, собиралась поступить в медицинскую школу при университете Миннесоты, за который Антонио надеялся играть в баскетбол. Энца иногда заводила с Антонио беседы о девушках, разговоры эти получались у нее плохо. В такие минуты она особенно остро чувствовала отсутствие Чиро – как чувствуют ампутированную конечность. Иногда на нее даже накатывала обида – как он посмел бросить сына на ее попечение. Годы шли, и с каждым из них Энца лишь все сильнее нуждалась в Чиро.

К ней подкатили Антонио с Бетси.

– Мам, можно мне после катка пойти к Бетси?

– Мама испекла повитицу, – добавила Бетси.

– А ты не собираешься помочь мистеру Унчини залить каток?

– Собираюсь. Но потом хочу пойти к Мадичам.

– Ладно. Ключ у тебя с собой?

– Да, ма.

– Только очень поздно не задерживайся, *va bene*?

– *Va bene*, мама. – Антонио подмигнул матери.

Ближе к вечеру мистер Унчини по прозвищу Унч поставил «Доброй ночи, Ирэн» и закрыл каток. Подростки расселись по машинам, чтобы ехать домой или в «Пиццу Чоппи», которая недавно открылась на Мэйн-стрит.

– Антонио, почистишь лед перед заливкой? – попросил мистер Унчини.

Антонио вытащил из подсобки при катке проволочную метлу и принялся нарезать круги, счищая осколки и ледяную стружку. Когда он

выровнял поверхность, мистер Унчини раскрутил пожарный шланг. Антонио переобулся в ботинки и помог мистеру Унчини открыть тугой кран. Пока вода покрывала каток, Антонио болтал со старым другом отца.

– Как дела в школе?

– Отлично, если не считать математику. Не удалось получить высший балл. – Антонио удрученно вздохнул.

– У вас с Бетси, похоже, все серьезно.

– Вы что, говорили с моей мамой?

– Антонио, у меня есть глаза!

– Я хочу на ней жениться.

– Точно серьезно.

– Ну не прямо сейчас, конечно. После колледжа.

– Хороший план. За четыре года многое может измениться. Это целая жизнь.

– Вот и мама так же говорит.

– Знаешь, твой отец незадолго до смерти навестил меня. И теперь, когда ты собрался в колледж, думаю, я должен тебе кое-что сказать. Он попросил меня присматривать за тобой.

– Да, Унч, вы всегда так и делали.

– Я надеюсь, это не слишком бросалось в глаза.

– Вы плакали, когда я пел «Panis Angelicus» в церкви Святого Иосифа. Это очень бросалось в глаза.

– Я только хотел, чтобы ты знал, что я старался заменить тебе отца. Конечно, это невозможно, но я обещал ему быть рядом с тобой.

– Каким ты его помнишь, Унч? Мама плачет, когда я ее об этом спрашиваю. Я хорошо его помню, но совершенно не представляю, каким бы он был сейчас, что бы сказал.

– Чиро был порядочным человеком. Но любил повеселиться. Он был честолобив, но не до крайности. Я любил его, потому что он был истинным итальянцем.

– Что такое истинный итальянец?

– Он любит свою семью и любит красоту. Итальянцу в жизни важны только эти две вещи, потому что в самом конце лишь они укрепят твой дух. Семья соберется вокруг и поддержит тебя, а красота вознесет тебя на небеса. Твой отец был предан твоей матери. А ботинки он шил, как я жарю омлет. Бывало, болтаешь с ним, а он измеряет, чертит, прикалывает выкройку к куску кожи – и вот уже сшивает, полирует, наводит лоск, оглянуться не успеешь, ботинки готовы. Словно это легче легкого. Но это был тяжелый труд.

Мистер Унчини повернул кран, перекрывая воду. Антонио смотрел на голубой лед. Вода заполнила каждую выбоину и уже успела схватиться. Морозный воздух был недвижим, и, когда вода перестала шуметь, воцарилась полная тишина.

Антонио представил, как отец обходил всех своих друзей с просьбой заменить его, когда он умрет. Сердце его сжалось от тоски. Сморгнув слезы, он принялся закрывать ворота катка.

– Ты что, плачешь? – испуганно спросил мистер Унчини.

– Просто холодно очень, – ответил Антонио.

– Антонио, в тебе уже шесть футов три дюйма, – сказал доктор Грэм, записывая измерения. – Весишь ты двести пятнадцать фунтов, и все это одни мускулы. – Доктор хохотнул. – Уже решил, куда пойдешь учиться после школы?

– Университет Миннесоты предлагает мне четырехлетнюю стипендию.

– Еще бы не предлагали!

– Но я собираюсь в Нотр-Дам^[102].

– Молодец!

– Хочу играть на профессиональном уровне.

В кабинете доктора Грэма зазвонил телефон.

– Уже иду. – Он повесил трубку. – Антонио, пожалуйста, беги к матери. Скажи, что Паппина Латини в больнице.

Антонио пулей преодолел милю, отделявшую больницу от дома. Через считанные минуты он уже распахивал дверь, зовя мать. Когда они поднялись на холм, Луиджи и его дети сидели в приемном покое. Перепуганные, они жались друг к дружке.

Анжела плакала.

– Что случилось, Луиджи?

– Ее больше нет, Энца. Ее больше нет. Возникли осложнения с ребенком, врачи пытались спасти их и не смогли. Паппина не справилась... и наш сын тоже умер.

Паппина была всего на год или два моложе Энцы, и ее очередная беременность стала сюрпризом. Она и не думала, что сможет зачать еще раз. Но все Латини были на седьмом небе от счастья. Энцу, всегда мечтавшую о брате или сестре для Антонио, до глубины души трогало то, как Паппина вовлекала ее в каждую свою беременность. Паппина не хвасталась, она просто делилась счастьем с Энцей, и ту неизменно заражала ее спокойная радость.

Покинув госпиталь и убедившись, что Луиджи сможет справиться с печальными формальностями, Энца повела детей к себе на Вест-Лейк-стрит. Как могла, она пыталась утешить осиротевших подростков.

«Дети приходят к нам разными путями», – вспомнилось ей вдруг любимое присловье Паппины, и Энца поежилась.

Дома она погрузилась в привычные хлопоты. Надо было накормить детей. Антонио позвал их к себе в комнату, изо всех сил стараясь отвлечь от горя. После ужина Энца привела в порядок школьную форму, проследила за тем, чтобы они вымылись, и уложила всех в одной комнате. Это было самое меньшее, что она могла для них сделать. Дети Латини всегда звали ее Ценца, соединив «Циа», тетя, и «Энца». Под крышей этого дома они провели, наверное, не меньше ночей, чем под крышей собственного.

Все по очереди почитали вслух Писание. Энца знала, что подруга в этот день гордилась бы своими детьми.

Похороны Паппины состоялись четырьмя днями позже, после мессы, собравшей в церкви едва ли не весь городок. В итальянской общине Паппину обожали за добрый нрав, радушие и отличную стряпню. Луиджи от горя едва стоял на ногах. Потерять сразу и жену, и будущего ребенка – жизнь его в одночасье изменилась необратимо.

Мало-помалу Энца возвращала детей к привычному распорядку. Спустя две недели она повела их домой, показала мальчикам, как стирать, как приготовить что-то немудреное на скорую руку.

Анжела, глядя на Энцу, захопотала по дому, как обычно делала мать. С уборкой она уже как-то справлялась, но приготовить обед или испечь хлеб десятилетняя девочка, конечно, не могла. И Энца стала приходить к Латини готовить. Она устроила так, что у нее дома дети обедали только по выходным, следила за тем, чтобы по воскресеньям они непременно посещали церковь.

Однажды осенним утром Энца спустилась в мастерскую и занялась шитьем на своей половине. Вскоре пришел и Луиджи, поздоровался и принялся чинить обувь. Все в то утро шло как заведено. Но Энцу одолевало какое-то странное предчувствие. В обувной мастерской вдруг все стихло, а вскоре в дверях возник Луиджи. Прошел в комнату, сел рядом с Энцей.

– Я собираюсь вернуться в Италию.

– Луиджи, слишком мало времени прошло, чтобы принимать такие решения.

– Нет, для меня это единственный выход. Хочу начать все заново. Вернуться к началу.

– Ты не сможешь убежать от того, что случилось. И у тебя четверо

детей!

– Мальчиков заберу с собой.

– А как же Анжела?

– Надеюсь, что ты примешь ее. Я не знаю, как растить девочку. – Луиджи заплакал. – Ей нужна мать.

Энца откинулась в кресле. Она понимала Луиджи. Еще пара лет – и Анжела вступит в переходный возраст, а когда девушка превращается в женщину, ей нужна мать. В этом Луиджи прав.

Антонио весной уедет в Нотр-Дам, с головой погрузится в новую жизнь. Энца останется одна, а если еще и Луиджи с детьми здесь не будет... Придется сдать мастерскую в аренду.

– Хорошо, оставляй мне Анжелу. Я о ней позабочусь.

– *Grazie*, Энца. *Grazie*.

– Папина сделала бы для меня то же самое.

Энца подготовила для Анжелы гостевую комнату. Выкрасила стены в коралловый цвет, сшила белое покрывало из мягкой ткани, соорудила из обрезков ситца оригинальный абажур для прикроватной лампы. На туалетный столик поставила фотографии матери, отца и братьев девочки. Прекрасно зная, каково жить в чужом доме, Энца поклялась, что у Анжелы не будет недостатка в любви и заботе. И ничего хоть отдаленно похожего на ее собственную жизнь в доме семейства Буффа.

Энца сходила в школу, чтобы убедиться, что учителя знают о проблемах, обрушившихся на ребенка. Большую часть времени Анжела проводила в своей комнате, но этого следовало ожидать. Десятилетняя девочка, жившая в большой и шумной семье, внезапно оказалась в тишине пустого дома Ладзари. К счастью, дом этот был ей хорошо знаком, она с младенчества бывала в мастерской. С домом Энцы у нее было связано немало счастливых воспоминаний. Заглядывая в комнату девочки, Энца неизменно обнаруживала, что Анжела либо читает, либо просто смотрит куда-то вдаль. Сердце ее разрывалось от этой картины. Энца пыталась представить, что чувствует девочка. Сама она, по крайней мере, знала, что ее мама жива, и всегда могла написать ей. Анжеле такая роскошь была недоступна.

Как-то воскресным днем Энца готовила пасту, как вдруг услышала пение. Она улыбнулась, порадовавшись, что Анжела достаточно освоилась, чтобы без разрешения включить фонограф.

Запись продолжала играть, и вдруг Энца поняла, что после вступления, прозвучавшего а капелла, оркестр так и не подхватил мелодию. В тишине

дома звучал лишь один голос. Энца бросила месить тесто, вытерла руки кухонным полотенцем и пошла на звук. У комнаты Анжелы она остановилась. Анжела пела. Подобного пения Энца не слышала с тех времен, когда замирала от голоса Джеральдины Фаррар. Анжела не скользила к ноте, она просто брала ее и держала. Этот хрустальный тембр был природным, Божественным даром. Энца закрыла глаза, следуя за звуками. Анжела обладала уникальным, неповторимым голосом. Энца стояла подле двери, пока пение не стихло, а потом на цыпочках вернулась на кухню.

Энца в самом нарядном пальто, новых перчатках и лучшей своей шляпке направлялась вверх по Вест-Лейк-стрит. У нее была назначена встреча с Робин Гомонофф, единственной в Чисхолме учительницей музыки. Мисс Гомонофф преподавала пение и игру на фортепьяно.

Дверь открыла сама мисс Гомонофф – строгая, чопорная дама с седыми волосами. Она пригласила Энцу присесть в гостиной возле кабинетного «Стейнвея». Это был единственный сияющий предмет в тусклом интерьере маленького домика.

– Я бы хотела поговорить с вами об Анжеле Латини, – заговорила Энца, в душе опасаясь, что эта величественная дама сейчас поднимет ее на смех.

Но мисс Гомонофф не удивилась:

– Я знаю Анжелу Латини. И думаю, у девочки есть талант. Если она будет серьезно заниматься, работать как следует, из нее может выйти профессиональная певица.

– Мне кажется, она поет как Джеральдина Фаррар.

– Вы учились оперному пению?

– В молодости я работала в Метрополитен-опера.

– Вы пели?

– Шила. Но я люблю музыку и думаю, что занятия пойдут Анжеле на пользу. К своим юным годам она уже немало вынесла, и мне кажется, что пение пробудит в ней вкус к жизни.

– Ну что ж, давайте не будем терять времени. – И Робин Гомонофф протянула Энце руку.

– Сколько вы берете за урок?

– С вас – ни цента. Через несколько месяцев, миссис Ладзари, Анжела сама начнет меня учить – так она хороша.

Энца встряхнула сковородку, на которой потрескивали зерна попкорна,

плотно закрыла крышку и выждала, пока взрывы не затихли.

– Скорее, Ценца! Антонио в стартовой пятерке!

Энца высыпала попкорн в миску, и они с Анжелой, как и каждую субботу с начала баскетбольного сезона «Нотр-Дам», уселись у радиоприемника. «Нотр-Дам» играл в Саут-Бенде с «Армией».

Анжела и Энца слушали, как Антонио зарабатывает очки для своей команды. Они смеялись, когда комментатор коверкал его фамилию. Анжела каждый раз его поправляла.

– Знаю, он меня не слышит, – сказала Анжела со смехом. – Но мне бы хотелось, чтобы слышал.

Когда Антонио в 1940-м закончил с отличием Нотр-Дам, Веда Пониквар, редактор «Чисхолмской свободной прессы», опубликовала про него статью с фотографией. Заголовок гласил: «Сын своего отца».

Как только Антонио, получив диплом, приехал в Чисхолм, его ждала повестка из призывной комиссии. Его вместе с матерью просили прибыть в Хиббинг. Анжела не сумела скрыть потрясения. А у Энцы сердце словно придавило неимоверной тяжестью. Она знала, что сына отправят в Европу, где разгоралась война. Ее преследовали страшные рассказы Чиро. Энца не могла избавиться от чувства, что история повторяется. С Антонио она своими страхами не делилась, но легче от этого не было.

– Мы позвали вас сюда, потому что вы в особенной ситуации. – Полковник Роберт Вукад взглянул на Энцу, затем на Антонио. Встреча происходила в маленьком призывном пункте на центральной улице Хиббинга. – Я знаю, что ваш отец сражался на Первой мировой. Вы единственный сын в семье, и ваша мать – вдова. Мы не обязаны посылать вас в район боевых действий. Фактически мы даже можем освободить вас от призыва. Правительственная политика состоит в том, чтобы не разлучать такие семьи.

– Я хочу отправиться на войну, сэр. Хочу служить своей стране. И не хочу сидеть на скамейке запасных.

– Ваша мать может с вами не согласиться. Миссис Ладзари?

Энца хотела бы сказать офицеру, что предпочла бы получить для сына освобождение. Как и любая мать на ее месте. Она уже потеряла мужа, и мысль о новой потере была невыносима. Энца взглянула на Антонио: он пребывал в той спокойной уверенности, из какой и рождается смелость. И она тихо проговорила:

– Сэр, мой сын пойдет служить, как любой другой молодой человек. Не нужно давать ему освобождение только ради меня. Для меня как для

матери куда важнее, что он хочет защитить свою страну.

– Спасибо, мама.

В трамвае до Чисхолма они обменялись лишь парой слов и домой тоже шли в молчании. С тяжелым сердцем Энца открыла дверь своего дома. Антонио прошел в прихожую, где разливался аромат соуса из томленых помидоров и базилика.

– Анжела? – позвала Энца.

– Я приготовила ужин, поднимайтесь! – прокричала та сверху.

Стол был застелен белой скатертью, зажженные свечи освещали лучший фарфор Энцы. На кухне была и Бетси, подруга Антонио, только что окончившая школу медсестер. Повязав поверх форменной одежды фартук, она размешивала салат. Анжела, которой недавно исполнилось четырнадцать, суежилась у плиты в линялых джинсах и джемпере Антонио. Волосы она замотала полотенцем.

– Простите. Не успела переодеться. И не хотела закапать томатным соусом праздничную блузку.

Бетси одной рукой приобняла Анжелу:

– Я сказала ей, что она хороша как есть.

Антонио поцеловал Бетси:

– Как и ты.

В этот вечер они устроили скромный пир: *spaghetti pomodoro*, салат из свежих овощей и шоколадный торт. Они вспоминали забавные истории про каток, баскетбол в средней школе и тот вечер, когда Бетси упала во время танцевальных соревнований на Сербских днях. Энца наблюдала за сыном, впитывая взглядом, запоминая каждую его черточку и мечтая, чтобы этот вечер никогда не кончался. Она молилась, чтобы ему очень, очень, очень повезло и чтобы в один прекрасный день он вернулся домой.

Летом Антонио отплыл из Нью-Хейвена с военными моряками. Накануне он позвонил домой. Энца за последние месяцы стремительно поседела. Тревога не оставляла ее ни на минуту.

В последующие месяцы она жила от одного письма Антонио до другого; разворачивала их сразу же, как только доставала из почтового ящика. Заколкой вскрывала конверт и принималась читать. Перечитав не меньше дюжины раз, Энца убирала письмо в карман, где и носила, пока не приходило следующее. Последнее письмо лишь усилило ее тревогу. Антонио писал об отце, чего никогда раньше не делал.

15 февраля 1943 года

Милая моя мама,

Не могу тебе точно сообщить, где я нахожусь, но каждое утро я вижу вокруг лишь голубой простор. Трудно поверить, что за этой красотой, в самой ее глубине, может скрываться коварный и проворный враг.

Я много думаю о папе. Мне ужасно тебя не хватает, и мне очень не нравится, что ты в Чисхолме одна. Мама, когда я вернусь домой, давай поедem в твои горы. Я хочу увидеть луга Скильпарио и монастырь, в котором папа рос. Он хотел, чтобы мы туда съездили, и нам непременно нужно это сделать. Пожалуйста, не плачь по ночам. Я в безопасности, в хорошем полку, с отличными парнями. Несколько человек из университета Миннесоты, остальные из Техаса и Миссисипи, а один парень из Висконсина, мы зовем его Виски. Он рассказывает длиннющие истории об этом своем Висконсине. Мы даже иногда начинаем умолять его замолчать, говорим, что с нас хватит, но чаще слушаем, пусть себе болтает. Он у нас вместо радио. Люблю тебя, мама, мое сердце принадлежит тебе, и я скоро буду дома.

Антонио

Энца отложила работу – аккуратно свернув пальто из универмага Блумквиста, которое подгоняла.

Почтовый ящик она проверяла каждое утро. Если письма не было, она надевала пальто и долго-долго шла пешком по улицам до почтового отделения. Там она просматривала ежедневно обновляемые списки погибших. Она не единственная завела такую привычку. Каждая мать в Чисхолме, чьи сын или дочь воевали, делала то же самое. Хотя порой они и притворялись, будто пришли по какой-то почтовой надобности, но все знали правду друг о друге.

Весной 1944-го в Чисхолм, штат Миннесота, приехала Лаура Хири Чапин. Ее Генри учился в закрытой школе, и Лаура могла сопровождать Колина в поездках по стране. Он теперь продюсировал выездные постановки Метрополитен-опера.

Как только Анжелу приняли в Джульярдскую школу^[103], Энца позвонила подруге, которая как раз собиралась в Чикаго на премьеру «Травиаты». Лаура сказала, что с удовольствием сделает крюк и заедет в Чисхолм, а потом самолично доставит Анжелу в Нью-Йорк. «Ведь на что

иначе лучшие друзья?» – повторила она свою давнишнюю присказку.

Лаура изменилась мало, все такая же высокая, гибкая и уверенная. Разве что рыжие волосы чуточку потемнели. Она была сама элегантность – от костюма от Мейнбохера^[104] до стильных французских саквояжей с итальянской отделкой.

– Хотела бы я, чтобы тебя сейчас видела мать Колина. Наверняка сказала бы, что ты родилась в замке.

– Куда уж там. Подумала бы – эта особа надела белые перчатки, тогда как к этому костюму нужны голубые.

– Вырос Чисхолм со времени твоего последнего приезда?

– Ну, это уж точно не Хобокен.

Они рассмеялись. Это было их любимое присловье. Если им что-то нравилось, они с облегчением повторяли: «Это тебе не Хобокен!»

– Напомню тебе, что в этот город некогда примчался некий Колин, чтобы сделать мне предложение, – продолжила Лаура. – Так что для меня он всегда будет особенным.

Энца улыбнулась и вспомнила то самое место на Кармин-стрит перед церковью Девы Марии Помпейской, где она стояла на тротуаре, когда за нею пришел Чиро. Забавно, как женщины навсегда запоминают, где они были в тот момент, когда их выбрали.

– Мисс Гомонофф написала в Джульярдскую школу очень впечатляющее письмо. Она верит, что твоя крестница – редчайшее сопрано.

– Мы возили ее в Близнецы, и профессора в университете Миннесоты согласились с этим мнением. Лаура, она бы никогда не смогла поехать в Нью-Йорк, если бы не ты.

– Генри уехал в школу, и мне одиноко. Ты делаешь мне подарок.

– Ах, Лаура, иногда она такая застенчивая! Анжеле очень не хватает матери, и я не могу ее утешить. Вспоминаю свою тоску по дому, как мне не хватало моей семьи. Ее отец и братья в Италии, она за них боится.

– Анжеле нужно сосредоточиться на работе. Мы с тобой все преодолели, потому что никогда не сидели без дела, у нас была цель. Она может жить у меня, до школы можно дойти пешком, она прямо за парком. Колин хорошо знаком с деканом Джульярда. У нас она будет чувствовать себя как дома.

– Не слишком ли просто? – обеспокоенно спросила Энца.

– А я и не говорю, что в Нью-Йорке она будет полеживать на диване и в потолок плевать. Ей придется вкалывать как проклятой, но почему бы нам не обеспечить ей теплый, надежный дом, в котором она так нуждается? Разве не то же самое сделала для нас мисс де Курси в «Милбэнк-хаус»?

Сколько раз мы задерживали оплату, и она всегда давала нам отсрочку, чтобы мы вымыли несколько лишних тарелок и заработали на комнату. Я не стану баловать Анжелу, но подбодрю ее – и она сможет учиться. Буду ее Эммой Фогарти. Помогу ей со связями, как Эмма помогла нам.

Говоря откровенно, Энца доверила бы Лауре свою жизнь и жизнь каждого, кого любила.

– Что случилось бы со мной, если бы мы с тобой не встретились?

– Мне почему-то кажется, что у тебя было бы все в порядке. А вот я бы сейчас жила в люксе Бельвю^[105] и ела банановое пюре.

Энца и Лаура сидели на берегу озера Лонгийр, цедя вино из картонных стаканчиков и заедая его фигами и сыром, которые Энца захватила с собой, завернув в накрахмаленное полотенце.

– В такие моменты мне особенно не хватает Чиро. Знаешь, когда жизнь постепенно замирает, а ты вдова, тишина несет не успокоение, а боль.

– Я всегда вспоминаю тебя, когда хочу выкинуть Колина в окно.

– Наслаждайся его обществом!

– А ты приезжай и живи у нас!

– Мне в самом деле не хватает Нью-Йорка. Жаль, что я так долго его избегала. Но сейчас я жду Антонио, а уж потом приму решение. И уж точно выберусь к вам в гости, надолго.

– У меня припасена для тебя спальня. Будем ходить в оперу хоть каждый вечер. У Колина своя ложа.

– «Бриллиантовая подкова»...

– Ты можешь себе представить? Вспомни первый раз, когда мы туда зашли! А теперь я восседаю там и еще жалуюсь, если не видно сцену – левый край, если смотреть с моего места. А когда-то мы полы драили! Но все же покончили с грязной работой. Потому что ты была настоящим художником и шила лучше любой машинки. Все сложилось так, как и положено складываться в опере.

– Я по-прежнему слушаю записи Карузо.

– Ты готовила для Карузо. А я мыла тарелки! Помню, как он ненавидел сырые помидоры. – Лаура хлопнула в ладоши. – Мы жили во времена, когда Карузо выступал в Мет!

– Интересно, что бы он сказал, увидев мою седую голову.

– Он бы сказал: «Винченца, пусть у тебя седые волосы, но я всегда буду старше тебя».

– Знаешь, когда я беру ручку, то всегда вспоминаю тебя. Ты научила

меня читать и писать по-английски. Господи, какая же ты была терпеливая, ни разу на меня не зарычала.

– А ты была ужасно способной! Я думала, ты вот-вот сама начнешь учить меня грамматике.

– Пожалуй, это самый щедрый дар, какой я получила в жизни. У тебя талант помогать людям именно в том, в чем они более всего нуждаются.

– Все, что тебе было нужно, как и любой девушке, – верная подруга. Кто-то, с кем можно поговорить, с кем все делить пополам, с кем начать действовать. И ты тоже стала для меня такой подругой.

– И надеюсь, такой и останусь.

– Пока существуют телефоны, – рассмеялась Лаура.

Анжела Латини вышла с урока композиции и направилась выпить кофе. Устроившись в «Автомате» у окна, она открыла блокнот. Длинные темные волосы девушки были перехвачены сзади шелковым шарфом. Она подоткнула под себя длинную юбку и застегнула джемпер. Анжела ждала подругу, аккомпаниаторшу из класса вокальной техники. Вскоре худощавая и стильная Фрэнсис Шапиро появилась в дверях.

– Ты сегодня была великолепна! – объявила она Анжеле, сходяв за пирожными. – Лучше, чем когда-либо.

– Спасибо. Выложились по полной. Мне нужно письмо от профессора Типтона, чтобы поехать на стажировку в Ла Скала.

– Ты уже рассказала своей тете?

– Когда она поймет, что я не вернусь в Миннесоту, это станет для нее серьезным ударом.

– Тем более, чем раньше ты ей скажешь, тем лучше.

– Я хочу увидеть отца и братьев.

Анжела все еще не могла спокойно думать о Паппине. Порой она размышляла, а сможет ли она всегда двигаться только вперед, и не раз случались минуты, когда ее одолевали сомнения. Талант Анжелы был врожденным, природным, она ценила его как данность, но не считала, что обязана его развивать. Она любила петь, но с радостью обменяла бы талант на возвращение матери. Ценца вложила всю себя, чтобы сделать девочку счастливой, и в результате Анжела выросла с острым пониманием, что счастье есть цель жизни и все должны быть счастливы.

– Так когда ты ей скажешь?

– Когда ее сын вернется домой.

– У нее есть сын? И он не женат? – Фрэнсис аж приподнялась на стуле.

– У него с детства есть подружка. Он такой красивый! И старше меня.

- Мне нравятся парни постарше.
 - По-моему, тебе нравятся абсолютно все! И постарше, и помладше.
 - Если только они евреи.
 - Тут не повезло – он-то католик.
 - Я не прочь изменить правилам, в отличие от моих родителей. Это даже забавно! – Фрэнсис рассмеялась. – И где он?
 - Где-то в Тихом океане, воюет.
- Лицо Фрэнсис омрачилось. Многие знакомые мальчишки, ее соседи по Бруклину, ушли воевать. И немало из них сейчас тоже оказались где-то в южной части Тихого океана.
- Ох, Анжела... – тихо сказала Фрэнсис.
 - Не продолжай. Я знаю. Он будет счастливецом, если вернется домой.
 - Но ты не можешь посвятить жизнь тому, чтобы делать счастливыми других, включая твою названую тетюшку. Тебе нужно воссоединиться с семьей.
 - Знаю. – Анжела отпила кофе. – Но сначала я должна решить, что такое семья.
 - А может, ты поступишь так, как каждый Шапиро, Розенштейн или Померанц поступает с начала времен? Просто создашь семью сама.

Лаура зажгла свечи в подсвечниках от Тиффани на каминной доске в гостиной своего пентхауса на Парк-авеню, оформленной в нежно-зеленых и бежевых тонах. Внизу, будто маленькие факелы, мерцали городские огни, лишь оазис Центрального парка тонул в темноте. За годы, которые Чапины прожили в этой квартире, огни умножились. Ближайшие районы Манхэттена словно раздулись: больше людей, лучше бизнес и все больше билетов продавалось в Метрополитен-опера.

Анжела, в шифоновом платье-рубашке, с распущенными длинными волосами, спускавшимися до талии, сидела перед туалетным столиком в комнате для гостей, где она жила с тех пор, как поступила в Джульярдскую школу.

Расчесав волосы, она подалась вперед и нанесла на губы бледно-розовую помаду. Анжела ослепляла настоящей южноитальянской красотой: карие глаза, волны черных локонов, хрупкость и плавность будто высеченного из мрамора тела.

В комнату заглянула Лаура, подошла к девушке и положила перед ней браслет.

Та, поблагодарив, надела его.

– Он прямо заиграл. Оставь его себе!

Глядя на отражение Анжелы, Лаура думала, что этой девушке свойственна та же естественная элегантность, какой Энца Раванелли отличалась от прочих, даже живя в трущобах Хобокена. Анжела была грациозна, она прекрасно говорила – открыто и мягко. Всегда готовая откликнуться на просьбу о помощи, но в нужных ситуациях упрямая и дерзкая. Ее вторая мать хорошо воспитала ее.

Анжела оказалась для Лауры настоящей усладой, во всех отношениях. Особенно теперь, когда Генри поступил в колледж. Тишина в доме уступила место музыке: Анжела репетировала за фортепьяно, распевала гаммы и отдельные фразы, оттачивая голос.

Взяв на себя роль Энцы, Лаура ходила к Анжеле в школу на репетиции и концерты, беседовала с профессорами, чтобы убедиться, что девочке уделяют нужное внимание.

Колин пристроил Анжелу в театр кассиршей, и у нее была возможность проходить на представления и за кулисы, поэтому она узнала во всех подробностях, что значит быть оперным певцом, каких усилий это стоит.

Лаура показала Анжеле мир, который девушка никогда бы не узнала, оставаясь в Миннесоте. Она брала Анжелу в походы по магазинам и на вечеринки для работников Мет, выводила в свет, чтобы девушка завела нужные знакомства, необходимые для будущего успеха.

Раздался звонок в дверь.

– Анжела, откроешь? – крикнула Лаура.

– Да, тетя Лаура, – отозвалась та.

Бросив последний взгляд в зеркало, пригладив волосы и поправив на груди кулон – жемчужину в виде капли, Анжела открыла дверь и увидела на пороге человека в военной форме. Миг – и она узнала Антонио. Сердце забило быстрее. Смуглый, сильный, в белоснежной форме моряка – он смотрелся сногшибательно.

– Я ищу миссис Чапин, – сказал Антонио, с интересом глядя на поразительно красивую девушку.

– Антонио! Не узнаешь?

Он удивленно прищурился:

– Анжела?

– Кто же еще?! – Она смело обняла его.

– И что с тобой случилось?

– Я выросла и поступила в Джульярд. А потом научилась брать высокие ноты.

– И это только начало изменений в твоей жизни! – Лаура уже спешила

встретить Антонио.

– Тетя Лаура! – Антонио обнял ее.

– Добро пожаловать в Нью-Йорк, мой мальчик!

– Вы же не сказали маме, правда? – спросил Антонио.

– Сама могила! Но ты непременно должен позвонить ей. Прямо сейчас.

Энца бродила по дому, проверяя, все ли потолочные окна закрыты. Над городом бушевала гроза. Сверкавшие молнии заливали Чисхолм зловещим зеленоватым светом.

Энца поплотнее запахнула халат. Весь день у нее было скверное предчувствие, она была почти уверена, что Антонио попал в беду. Чем больше она пыталась отвлечься, тем сильнее становилось ее беспокойство. Она согрела молоко, налила в чашку, добавила бренди и положила кусочек масла. Коротко помолившись за мать, научившую ее готовить этот напиток, Энца отнесла чашку в спальню.

Сидя на кровати, она маленькими глотками пила молоко, и лицо ее освещали всполохи молний. Затем поставила чашку на тумбочку и погасила лампу.

Энце снилась семья. Во сне ей был пятьдесят один год – как раз столько ей недавно исполнилось, – но братья и сестры были маленькими. Во сне была и Стелла, а еще мама и папа.

Джакомина вошла в дом на Виа Скалина с букетом из белых маргариток и розовых астр, которые она собрала на горных склонах. Целый ворох прекрасных цветов.

– Мы встретимся снова, моя Энца, – сказала мать.

– Мама, куда ты собралась?

– У меня теперь есть дом, и я должна идти туда.

– Но ты не можешь бросить меня, мама!

– Храни эти цветы и помни обо мне!

Зазвонил телефон. Энца резко села в кровати, держась за сердце. Все ее существо переполнял острый страх.

– Энца? Это Элиана. Мама умерла этим утром.

И снова Энца бродила по дому, страстно желая оказаться в Скильпарии, кляня себя за то, что так и не осмелилась пересечь океан, отвезти Антонио в Италию, как обещала Чиро. А теперь сердце терзала новая боль, и Энца ничего не могла с этим поделать. Известие о смерти матери буквально оглушило ее, ей чудилось, что она даже дышать не может.

Снова телефонный звонок. Энца сорвала трубку.

– Мама?

– Антонио! – Только голос сына мог утешить Энцу, и это утешение ей было даровано.

– Что-то случилось, мама?

– Милый, твоя нонна^[106] Раванелли умерла.

– Мне так жаль!

– Она любила тебя, Антонио.

– Я в Нью-Йорке, мама. Я дома. В Штатах. Целый и невредимый.

У Энцы ослабели ноги. Она осела на стул.

– Когда я тебя увижу?

– Мама, я никогда не был в Нью-Йорке. Тетя Лаура и Анжела хотят показать мне город.

– Ладно, ладно, скажи, пусть в оперу тебя сводят.

– Обязательно! Мама, что тебе привезти?

– Только себя.

– Это легко, мама.

– Сообщи мне, когда определишься со своими планами. Мне позвонить Бетси?

– Ох, мама, я не писал тебе. У нее роман с доктором в Миннеаполисе.

– Сочувствую, милый.

– Нет-нет, мама, все в порядке. Я совсем не переживаю из-за этого. Хочу вернуться домой и увидеть свою самую любимую девушку!

Энца плакала, сама того не замечая. Звонок от сына обратил один из печальнейших дней в ее жизни в счастливейший.

Энца прошла на кухню, расчистила стол и принялась месить тесто для пасты. Ей просто хотелось дать работу рукам и уж потом засесть за телефон и обзвонить всех-всех, от Иды и Эмилио Унчини до Веды Пониквар и монсеньора Шиффера. Так приятно было ощущать под пальцами шелковистость муки, податливую упругость теста. Она наслаждалась этими ощущениями как никогда прежде.

Она включила радио, перепачкав мукой приемник. И едва не вскрикнула от восторга, когда из радио полилась «Mattinata» в исполнении Карузо. Еще один знак. Все хорошее было сейчас для нее знаком. Война закончилась, Антонио вернулся, живой.

Если бы только Чиро разделил с ней переживания этого дня. Он бы точно знал, что делать с печалью и как отпраздновать радость. Если бы только...

Энца энергично взялась приводить в порядок дом. Открыла окна, впуская весенний ветер, сменила постельное белье, отскребла полы, обработала комнатные цветы, протерла все фотографии, а затем еще раз отдраила каждую комнату. В середине дня она теперь неизменно вывешивала на дверях обувной лавки табличку «Вернусь через час», и весь Чисхолм знал, чем этот час занята Энца. Она носилась по магазинам на Вест-Лейк-стрит, покупая необходимое для любимых блюд сына, а вечером допоздна трудилась на кухне, выпекая анисовое печенье, раскатывая свежие полоски лингвини^[107], замешивая тесто для хлеба. Антонио мог появиться в любую минуту. И наверняка тощий-претощий. Хорошо, что Лаура с Анжелой оставили его на несколько дней, так у нее будет время подготовиться как следует к его приезду.

– Мама!

И вот спустя четыре бесконечных года Антонио обнял мать. Она целовала сына снова и снова, не в состоянии поверить в то, что он здесь, живой, здоровый.

– Мама, я женился, – сообщил Антонио, когда она наконец отпустила его.

– Что? – Энца зажала рот ладонью. Воображение мигом нарисовало азиатскую красотку, которую Антонио встретил на каком-нибудь райском острове и прихватил с собой, точно сувенир на память. – Но где? Когда?

– В Нью-Йорке.

– И... и где она? – Счастья как не бывало, Энцу снедала новая тревога.

– Уже в доме, наверху.

– Что ж, буду рада с ней познакомиться.

На такое Энца уж никак не рассчитывала. Кто эта девушка? Вдруг Антонио женился на ком-то вроде женской версии Вито Блазека? Что, если этот спонтанный поступок – лишь следствие эйфории от возвращения домой? Энце вспомнился Чиро, как он несся с причала в «Милбэнк-хаус», а потом – к церкви, чтобы успеть до того, как она выйдет замуж за другого.

Это все война. Она лишает мужчин рассудка.

– Мама, ты ее знаешь. – Антонио с улыбкой смотрел на перепуганную мать. И позвал: – Дорогая!

По лестнице спускалась Анжела Латини, в шерстяном костюме цвета барвинка и такой же шляпке, – нью-йоркская дебютантка, снизошедшая до Железного хребта.

– Ценца! – Анжела обняла женщину, которая заполнила в ее душе пустоту столь глубокую, что это казалось невозможным. Энца стала ей матерью, подругой, а теперь и свекровью.

- Но как же...
- Встретившись в квартире тети Лауры, мы лишь посмотрели друг на друга... – начал объяснять Антонио.
- ... И поняли, насколько похожи, – подхватила Анжела. – Мы провели вместе в городе длинную неделю и беспрерывно разговаривали.
- И решили преподнести тебе сюрприз, удивить тебя!
- Господи, еще как удивили! Но... но я счастлива!
- Ценца, я боялась, что ты не очень-то обрадуешься.
- Почему?
- Потому что ни одна девушка для Антонио не будет достаточно хороша.
- Только не ты! – Энца порывисто обняла Анжелу.
- Анжела вдруг расплакалась.
- Я буду хорошей женой. Я всему научилась у тебя.
- Нет-нет, ко мне ты пришла уже всему наученной. Паппина была бы лучшей матерью для любой девочки.
- Теперь признаюсь, я любила Антонио с самых ранних лет. И молилась, чтобы в один прекрасный день он вернулся ко мне, и я была бы уже взрослой, а он не успел бы влюбиться в кого-то еще. Я молилась, чтобы он дождался меня. Знаю, как это звучит... Будто я ненормальная.
- Что ты, совсем нет. Детские мечты – самые правильные.
- Немного успокоившись, Энца села писать Луиджи. В Италии он женился повторно и, судя по всему, пребывал в мире и покое. Письмо должно обрадовать Луиджи. Энца сообщала, что Антонио и Анжела проведут медовый месяц в Италии, и пусть Луиджи непременно расскажет Антонио историю о том, как Чиро стал его партнером.
- Энца улыбалась, размышляя, что ее сын вдруг стал частью большой семьи Латини, представляя, как он поднимается по Пассо Персолана, как впервые видит Вильминоре и Скильпарิโอ – места, где началась история Энцы и Чиро. Она напишет Эдуардо и Катерине, уж они-то узнают Антонио с первого взгляда, Чиро не устал повторять, что сын – вылитый Монтини.
- Ценца, ты хотела меня видеть? – Анжела, в халате, стояла в дверях спальни. Подняв взгляд, Энца на миг увидела лицо Паппины, какой запомнила ее по первой встрече на Малберри-стрит.
- Да-да, милая, посиди со мной.
- Анжела села на край кровати.
- Я не могла бы радоваться за тебя сильнее.

– Знаю. – Анжела приникла к Энце.

– Я хочу тебе кое-что дать.

На жемчужной нити висела изысканная голубая камея.

– Потрясающая!

– Она принадлежала матери моего мужа. Катерина была любимой дочерью в обеспеченной семье, но они потеряли все еще до того, как она вышла замуж. Однако она сохранила эту драгоценность, несмотря на все лишения. Вот семья, в которую ты вступаешь, Анжела. Они сильные, стойкие и держатся до последнего. Носи эту камею и думай о них. – Энца застегнула замочек на шее невестки.

– Я буду думать о тебе, надевая его, – ответила Анжела.

– О чем вы, девочки, толкуете? – В дверях стоял Антонио.

Энца похлопала по одеялу рядом с собой. Сын сел, глядя, как жена любит себя своим отражением.

– Ценца... то есть мама... подарила мне камею. Она принадлежала твоей бабушке.

– Уж не знаю, прекрасна она сама по себе или оттого, что у тебя на шее, – ответил Антонио.

Анжела поцеловала свекровь.

– Я буду беречь ее, – пообещала она. Коснувшись щеки Антонио, Анжела вышла из комнаты.

– Ты никогда не сможешь себе представить, что для меня значит видеть тебя таким счастливым, – сказала Энца.

– Я хочу, чтобы ты тоже была счастлива, мама.

– У меня уже была своя доля счастья, – улыбнулась Энца.

– Я обещал папе, что когда-нибудь отвезу тебя в ваши горы. Мы с Анжелой собираемся в путешествие по Италии. Она хочет повидать свою семью, а потом мы поедem на север, я наконец встречусь со своими родными. У меня столько двоюродных братьев и сестер!

– Ты поедешь вместо меня.

– Мама, теперь есть лекарства. Во время войны страдающие от морской болезни пили таблетки. Все изменилось, мама.

Энца представила, как встретится с отцом, братьями и сестрами, как увидит Пассо Персолана, Эндинское озеро, каменный мост через реку Во там, где со скал низвергается водопад. Но в первый миг она подумала вовсе не об этом, она вспомнила запах. Бодрящий альпийский ветер, напоенный ароматами фрезии и можжевельника весной, пахнущий снегом поздней осенью. Вот чего ей не хватало больше всего – воздуха Альп. И воспоминания о нем скрасят ее последние дни.

– Пожалуйста, мама! Ты поедешь с нами?

– Да, милый. Я поеду с вами.

Антонио поцеловал мать, пожелал спокойной ночи и ушел.

Энца сидела в кресле с открытой книгой, но мысли не давали вчитаться в чужие слова. Она вспоминала прошлое, пытаясь отыскать смысл в ключевых поворотах своей судьбы. Вспоминала, как всегда подспудно чувствовала, что надо ценить каждую минуту с Чиро, что она почему-то никогда не думала, что у них впереди вечность, как случается с большинством влюбленных. Даже в тот первый их вечер, когда везла его в монастырь. А в последующие годы, когда их разнесло в разные стороны, если она видела что-то, напоминавшее о Чиро, то непременно делала мысленную зарубку – рассказать ему об увиденном, хотя ничто не указывало на то, что их пути снова пересекутся. Когда же они поженились и родился Антонио, время понеслось совсем стремительно, ну точно минуты овертайма в баскетбольных матчах сына. Чиро умер совсем еще молодым человеком, и она была так молода. Но после не встретила ни одного мужчины, вслед которому захотелось бы оглянуться. И пусть ей нравилось мечтать, что однажды она вернется в родные края, в глубине сердца она всегда сомневалась, сумеет ли подняться в горы без человека, который был, да так и остался ее единственной любовью. И вот она отправится в путь с сыном и его юной женой, и впереди ждет так много всего, о чем она непременно захочет рассказать Чиро, – ведь и эта разлука когда-нибудь закончится.

За полночь, когда Антонио и Анжела крепко спали, Энца заварила себе чаю, отнесла чашку в спальню. Открыв окно, чтобы впустить ночную свежесть, она встала посреди комнаты и внимательно огляделась. Здесь она плакала, когда решила, что Чиро увлекся той хорошенькой девчонкой с танцев. Забавно, но время тогда словно остановилось, а когда они были счастливы, то вечно летело стремглав.

Энца сделала то, чего не решалась сделать уже долгие годы. Выдвинула ящик комода, принадлежавший Чиро, тот самый, который у нее не хватило духу освободить даже через годы после смерти мужа. Но теперь она ощущала покой. Антонио дома, в безопасности, женился на чудесной девушке. Энца знала, что Чиро гордился бы ею. Она вдохнула аромат лимона и кедра, пропитавший обложку молитвенника Чиро и его кожаный ремень. Развязала кисет. Сладкий аромат табачных листьев еще не выветрился. Перед глазами всплыло лицо Чиро, как он улыбался ей, щурясь сквозь дым.

Энца подержала в руках туго свернутый кожаный ремень. Потом

достала маленький футляр из телячьей кожи, в котором хранилось его свидетельство о почетной отставке. Наконец, взяла в руки молитвенник, который Эдуардо дал Чиро при расставании. Энца несла его в день свадьбы, ей запомнилась его неожиданная тяжесть. Перебрала фотокарточки. Вот Латини и Ладзари на озере Лонгийр, дети совсем еще маленькие. Какая же здесь молодая Паппина и как счастливо улыбается Луиджи, держа на руках крошечную Анжелу!

Энца отложила в сторону фотографию с ее собственной свадьбы, чтобы подарить детям. Она взглянула на свое строгое лицо на снимке и удивилась – отчего бы это? Это же счастливейший момент ее жизни. Будто она чувствовала грядущую беду. Потом перевела взгляд на Чиро. И как это она ухитрилась выйти замуж за столь красивого мужчину? Даже на черно-белом фото, пожелтевшем от времени, видно было, как он хорош. Густые волнистые волосы, прямой нос, полные губы, так замечательно подходившие к ее губам.

До чего же ей недостает его поцелуев.

Энца собралась закрыть ящик, как вдруг заметила, как что-то сверкнуло в углу, в маленькой коробке, где Чиро держал запасные железячки для своих инструментов. Энца достала коробку и высыпала содержимое на покрывало. Костяная подпорка для воротничка, какие-то непонятные шутовины и... золотая монета. Энца поднесла ее к ночнику. Та самая монета, что подарил ей Энрико Карузо. Когда Антонио был маленьким, она давала сыну ее подержать, а в трудные времена подумывала, не продать ли. Но Энце нужна была память о том, откуда она пришла, о людях, которых знала, и она сохранила монету, как Катерина – голубую камею. Энца положила монету на тумбочку рядом с фотографией. Антонио понравится такой свадебный подарок.

Она повернула на пальце кольцо Чиро, которое никогда не снимала. Вспомнила слова Чиро.

В этом мире остерегайся того, что означает все или ничего.

Любовь.

Золото.

Так или иначе, Чиро подарил Энце и то и другое, но любовь всегда была для нее всем.

Письмо от Адри

Эта история началась со стопки виниловых пластинок высотой в три фута, старых черных дисков, на которых Энрико Карузо поет величайшие оперные арии. Моя бабушка Лючия собрала все записи Карузо и проигрывала их снова и снова. Преданность Великому голосу она пронесла через всю свою жизнь. Я знала: чтобы написать этот роман, я тоже должна влюбиться в Карузо, потому что с его пения и началась история любви моих бабушки и дедушки.

Их никогда не оставляло ощущение чуда. Путешествие на поезде через всю страну, билет на стоячее место в опере, чтобы послушать Карузо, пощелкивание шпульки первой электрической машинки «Зингер» – все было новым для них. И я хотела, чтобы вы ощутили восторг, который они испытывали каждый раз, когда Америка дарила им что-то ранее невиданное.

Все было новым – автомобили, телефоны, самолеты, электричество, даже спортивная одежда, – и во всех этих изобретениях был заложен разрушительный потенциал. Никто не смог бы предсказать, к чему приведут эти новшества, ясно было только, что изменения неизбежны.

Мои дедушка и бабушка верили, что все возможно, если они будут усердно трудиться, – нужна только капелька удачи. Мы до сих пор ощущаем эхо этих дерзаний, этой энергии, которая помогала людям показывать все, на что они способны, невзирая на жертвы. Этот драйв все еще живет в нас. Смелость моих предков вдохновляет меня и сегодня. И они были не одиноки. Вокруг были миллионы таких, как они.

Представьте мое воодушевление как писателя, когда мне показали миграционные карты бабушки и дедушки, которые заполнялись на пароходе, – там значилось, что *они умеют читать и писать*. Для рубежа двадцатого столетия это было немало. Образование значилось первым в списке их ценностей – даже выше собственно выживания.

Я все думаю, могли ли они вообразить, что мир письменной речи, мир книг донесет до потомков дух их истории. Надеюсь, однажды я увижу их и смогу узнать это наверняка.

Исполнилась моя величайшая мечта. Для меня огромной честью было представить в художественной форме историю жизни моего дедушки, башмачника, и его истинной любви, моей бабушки, швеи, которая всегда гордилась тем, что она – *жена башмачника*.

Адриана Триджиани
Нью-Йорк
2012

notes

Примечания

Приморский городок на Средиземном море недалеко от Генуи. – *Здесь и далее примеч. перев.*

В итальянском с буквы «С» начинаются имена Катерина и Чиро.

Крошечная паста в форме трубочек, используется для заправки супов и приготовления запеканок.

4

Паста в виде звездочек.

Итальянские картофельные клецки.

Розарий – традиционные католические четки из чередующихся бусин разного размера, а также молитва, читаемая в особой последовательности по этим четкам. Молитва «Розария» представляет собой чередование «Отче наш», «Радуйся, Мария» и «Слава», на латыни соответственно «Pater noster», «Ave Maria» и «Gloria».

Названия этих гор можно перевести с итальянского как пик Трубы, Звездный Рог и пик Трех Синьор.

Бедняжка (*ит.*).

9

Регион, центром которого является Венеция.

Жесткий белый воротничок с подшитой к нему манишкой, который носят католические или протестантские священники.

О Жертва искупления,
Врата небес открывшая,
Теснят нас силы вражие,
Дай помощь нам и мужество.

Молитва, текст которой приписывают Франциску Ассизскому. Часть литургии, молитва перед принятием Святых Даров (*лат.*).

Во веки веков (*лат.*).

Прогулка (*ит.*).

Господь с вами, – формула прощания и благословения (*лат.*).

И с духом твоим (*лат.*). (Аналог в церковнославянском – «И духове твоему».)

Идите с миром (*лат.*).

Freddo – холод, caldo – тепло (*um.*).

Весна (*ит.*).

Приключенческий роман баронессы Эммы Орци (1865–1947), изданный в 1905 году, о британском шпионе-аристократе и роялисте на территории Франции во время «Белого террора».

Пойдем (*ит.*).

Красавица (*ит.*).

Французский десерт, запеченный заварной крем, то же самое, что крем-карамель.

Семья вечна (*ит.*).

Ну ладно, хорошо (*ит.*).

Дрозд (*ut.*).

Какая красивая (*ит.*).

Здесь: скорей, скорей, скорей (*ит.*).

Кондитерская (ит.).

Традиционная молитвенная практика, заключающаяся в чтении определенных молитв в течение девяти дней подряд.

Поторапливайся! (*ит.*)

Не брызгайся! (*ит.*)

Мәр (*um.*).

Старинный веселый и энергичный танец крестьян Северной Италии; название происходит от названия города Бергамо.

Брызгун (*ит.*).

Часть облачения священника, шелковая лента с вышитыми на концах крестами, спускающаяся до колен.

Добрый вечер (*ит.*).

Слава Богу (*ит.*).

Молитва перед едой: «Благослови, Господи Боже, нас и эти дары, которые по благодати Твоей вкушать будем, и даруй, чтобы все люди имели хлеб насущный. Просим Тебя через Христа, Господа нашего. Аминь» (лат.).

Долина Скальве.

Страшная (*ит.*).

Начнем (*ит.*).

Работа (*um.*).

Но-но! (*um.*)

Печенье в виде шариков из теста, политых глазурью с соком цитрусовых. В состав теста также входит лимонный сок, мука, молоко, яйца, растительное масло и разрыхлитель.

Безумец (*ut.*).

Прекрасная фигура (*ит.*).

Шлаффборд – игра с передвижением деревянных кружочков по размеченной доске.

Фриттата – итальянский омлет с начинкой.

Подарок (*ut.*).

Энрико Карузо (1873–1921), великий итальянский тенор, выступал в Метрополитен-опера с 1903 по 1921 год.

Канноли – сицилийский десерт, пирожное в виде хрустящей трубочки с начинкой из взбитого творога, рикотты или маскарпоне и апельсиновой цедры.

Кавателли – вид пасты из манной муки с добавлением картофеля, в форме клецок, иногда с ложбинкой посередине.

«Mattinata» («Утренняя серенада») – популярная песня композитора Руджеро Леонкавалло (1857–1919), написанная в 1904-м специально для Энрико Карузо.

Джелато – мороженое с фруктами; настоящее джелато изготавливается до сих пор исключительно вручную, отличается от классического мороженого плотностью и тем, что медленнее тает. Гранита – фруктовый лед с сахаром.

Восхитительно (*ut.*).

Город во Франции, около которого происходили крупные сражения Первой мировой, в частности, впервые в массовом количестве применялись танки.

YMCA, от англ. Young Men's Christian Association – Молодежная христианская ассоциация.

Проститутка! Ведьма! Чокнутая! Грязная сука! (*ит.*)

С Рождеством! (*ит.*)

«Со мною ты – и солнца мне не надо» – дуэт Тоски и Каварадосси из оперы Пуччини «Тоска».

Антонио Скотти (1866–1936) – итальянский баритон, выступал в ведущих театрах мира, в Америке – с 1899 года.

Джеральдина Фаррар (1882–1967) – американская оперная певица, сопрано, поразительная красавица, карьеру на сцене завершила в 1922 году.

Моллюск на сицилийском диалекте, произносится «скунджеель».

Ванная (*ит.*).

Карузо был достаточно высок для того времени – 177 см.

Сливочное масло (*ит.*).

Трудно (*ит.*).

Айоли – традиционный итальянский соус, напоминающий майонез, из чеснока, оливкового масла и других ингредиентов. Иногда включает горчицу. Горчичный газ, или иприт, может пахнуть чесноком, луком или горчицей.

Опера Пьетро Масканьи (1863–1945).

Цукетто – круглая шапочка кардинала.

Уличный бейсбол.

Поздравляю! (*ит.*)

Железный хребет – область в штате Миннесота, богатая месторождениями железной руды, добывавшейся в основном открытым способом. Делится на три хребта: Месаби, Вермилльон и Куюна.

Девушка (*ит.*).

Миссал – богослужebная книга, содержащая последования мессы с сопутствующими текстами.

Деликатность (*ut.*).

Имеется в виду известный мастер витражных окон и витражных потолков в стиле модерн, дизайнер и художник Луис Комфорт Тиффани (1848–1933). В «пальмовом дворике» нью-йоркского отеля «Плаза» действительно есть прекраснейший витражный плафон от Тиффани во весь потолок. Вы и сегодня можете под ним позавтракать.

Компания-оператор железных дорог.

Города-близнецы – Миннеаполис, крупнейший город штата Миннесота, и примыкающий к нему Сент-Пол, столица штата.

Все семьи (*ит.*).

Эдит Уортон (1862–1937) – американская писательница и дизайнер, военная журналистка, общественная деятельница.

Один из районов Железного хребта; Месаби – индейское название местности.

Сокращение от «Пенсильвания».

Праздник второго дня Рождества.

Имеется в виду эталонный почерк, как в прописях. В английских школах того времени учили чистописанию «палмеровским методом», изобретенным в XIX веке. Остином Норманом Палмером (1860–1927).

Uno – один, due – два (*ит.*).

«Ангельский хлеб» (*лат.*) – часть гимна «*Sacris solemniis*», написанного Фомой Аквинским, и часто исполняющаяся отдельно.

Безукоризненный (*ит.*).

Популярная модель туфель с ремешком на подъеме и чаще всего с закругленным носком, названа в честь героини комиксов. В описываемый период была исключительно обувью для девочек.

Everybody's Magazine – иллюстрированный американский журнал, издававшийся с 1899 по 1929 год.

Эдна Фарбер (1885–1968) – популярная американская писательница, сценарист и драматург.

Эпсом – город в Англии, славящийся минеральной водой. Из нее впервые выделили минерал эпсомит, использовавшийся в лечебных целях.

Дядя (*ит.*).

Традиционный американский пирог, в котором слой фруктов покрыт слоем пышного сдобного дрожжевого теста.

Эдит Мод Халл (1880–1947) – британская писательница, ее роман «Шейх» стал бестселлером в 1921 году и тогда же был экранизирован, с Рудольфом Валентино в главной роли.

Джон Гилберт (1897–1936) – популярный актер немого кино, настоящее имя Джон Сесил Прингл.

Улица в Лондоне, где сосредоточены лучшие магазины и ателье мужской моды.

Братишка (*ит.*).

Сладость вроде жесткой нуги или козинаков.

От имени «Нинель», так в Италии называют простушек.

Четырехугольная шапочка с помпоном посередине, традиционный головной убор католических священнослужителей, отличается цветом в зависимости от сана.

Католический университет Нотр-Дам в городе Саут-Бенд, Индиана, славящийся своими спортивными традициями.

Высшее учебное заведение в Нью-Йорке, дающее музыкальное образование.

Mainbocher, настоящее имя Мейн Руссо Бохер (1891–1976) – создатель американский высокой моды.

Старейшая публичная больница в Нью-Йорке, в данном случае используется как синоним дома престарелых.

Бабушка (*ит.*).

Паста наподобие спагетти, только плоская.